

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

М О В А

НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС З МОВОЗНАВСТВА

Часопис засновано в 1993 році

№ 24

2015

О д е с а
«АСТРОПРИНТ»
2015

З а с н о в н и к: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова.

У збірнику представлено дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, болгарської, кримськотатарської, англійської, німецької, китайської, казахської, узбецької та ін.

Адресовано широкому колу філологів: науковцям, методистам, викладачам, студентам.

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Євгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Ievgenii N. Stepanov

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Тетяна Юрійвна КОВАЛЕВСЬКА
Татьяна Юрьевна Ковалевская
Tetiana Yu. Kovalevska

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeveva

Редакційна колегія:

д-р філол. наук В. І. Аннушкін (Росія), д-р філол. наук А. Валіпур (Іран), д-р філол. наук М. Георгієва (Болгарія), д-р філол. наук М. Д. Голєв (Росія), канд. філол. наук Л. М. Голубенко (Україна), канд. філол. наук В. В. Горбань (Україна), д-р філол. наук Г. Н. Гочев (Болгарія), д-р філол. наук Д. Дзевановська (Польща), д-р філол. наук А. К. Каїржанов (Казахстан), д-р філол. наук В. О. Колесник (Україна), д-р філол. наук Н. В. Кондратенко (Україна), д-р філол. наук І. П. Лисакова (Росія), канд. філол. наук Мен Ся (Китай), д-р філол. наук Н. Б. Мечковська (Білорусь), д-р філол. наук І. Б. Морозова (Україна), канд. філол. наук О. О. Пожарицька (Україна), д-р філол. наук С. О. Севіль (Франція), канд. філол. наук Л. Ф. Фоміна (Україна), д-р філол. наук Г. Хенчель (Німеччина)

Редакционная колегия:

В. И. Аннушкин (Россия), А. Валипур (Иран), М. Георгиева (Болгария), Н. Д. Голєв (Россия), Л. Н. Голубенко (Украина), В. В. Горбань (Украина), Г. Н. Гочев (Болгария), Д. Дзевановская (Польша), А. К. Каиржанов (Казахстан), В. А. Колесник (Украина), Н. В. Кондратенко (Украина), И. П. Лысакова (Россия), Мэн Ся (Китай), Н. Б. Мечковская (Беларусь), И. Б. Морозова (Украина), Е. А. Пожарицкая (Украина), С. О. Севиль (Франция), Л. Ф. Фомина (Украина), Г. Хенчель (Германия)

The editorial board:

Vladimir Annushkin (Russia), Alireza Valipur (Iran), Margarita Georgieva (Bulgaria), Nikolai Golev (Russia), Lidiya Golubenko (Ukraine), Victoriya Gorban' (Ukraine), Gocho Gochev (Bulgaria), Dorota Dziejwanowska (Poland), Abai Kairzhanov (Kazakhstan), Valentyna Kolesnyk (Ukraine), Natalya Kondratenko (Ukraine), Irina Lysakova (Russia), Meng Xia (China), Nina Mechkovskaya (Belorussia), Iryna Morozova (Ukraine), Olena Pozharytska (Ukraine), Svetlana Seville (France), Lyudmyla Fomina (Ukraine), Gerd Hentschel (Germany)

Рецензенти:

Н. І. Андрейчук, д-р філол. наук, проф. Львівського національного ун-ту ім. І. Франка;

Т. П. Вільчинська, д-р філол. наук, проф. Тернопільського національного педагогічного ун-ту ім. В. Гнатюка;

Л. П. Іванова, д-р філол. наук, проф. Національного педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова;

Джеваль Кайя, д-р філол. наук, проф. Ардаганського ун-ту (Туреччина);

С. В. Форманова, д-р філол. наук, проф. ДЗ «Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К. Д. Ушинського»

ЗМІСТ

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА МЕДІАЛІНГВІСТИКИ

Дячук О. В. Константивні мовленнєві акти в англомовній соціальній рекламі	5
Козяревич-Зозуля Л. В. Фасцинативна іманентність політичного флірту : вербальний і невербальний аспекти	9
Быкова И. А., Нотина Е. А. Эквивалентность в когнитивном пространстве перевода	13
Матузкова Е. П. Конституенты дискурса английской коллективной идентичности	18
Савченко А. В. Виртуальное пространство фантастического произведения	23
Самойлова С. П. К вопросу о технике факторного анализа	27
Селиванова Е. А. Текстово-дискурсивные категории кроссворда как жанра энигматики	30
Шалёв А. С. Энергетические характеристики речи радиобесед на морскую тематику (на материале украинского и английского языков)	39
Abramova Ie. U. The English compliment: communicative strategies and tactics	43
Derik I. M. Discourse interpretation in contemporary linguistic paradigm	49

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ ТА ГРАМАТИКИ

Дихтяр Н. Д. Інноваційні суфіксальні субстантивні деривати на позначення людини в поетичному ідіомовленні Михайла Стрельбицького	53
Козак Т. Б., Тупікова Т. В. Міфологічні, етимологічні та семантичні основи бінарної опозиції кольоропозначень 'чорний' / 'білий'	59
Мойсєєнко Н. Г. Семантична співвіднесеність і особливості функціонування лексем <i>some</i> і <i>any</i> в сучасній англійській мові	64
Сізова Л. В. Показники категорії означеності та неозначеності у сучасній англійській мові та їх відповідники у російській мові	67
Сорока Т. В. Кількісна та якісна характеристика сем аксіономенів у сучасній англійській мові	71
Столяр М. Ю. Лексична синонімія в українському молодіжному сленгу (на матеріалі сучасного художнього дискурсу)	77
Стоянова А. О. Особливості синтаксису в текстах українських народних загадок	83
Безпалова Е. В. Семантико-синтаксические особенности структурных частей английской альтернативной проповеди	88
Гринько О. С. Интегрированность вербализованных концептов-архетипов <i>air</i> и <i>earth</i> : этимологический аспект	93
Мурадян И. В. Особенности антропонимного пространства романа В. В. Набокова «Защита Лужина» ..	98
Скоробогатова Е. А. Грамматический маркер аллюзии (на материале циклов Ахматовой «Северные элегии» и Быкова «Новые баллады»)	102
Сыздыкбаев Н. А. О некоторых трудностях перевода романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» на казахский и узбекский языки	107
Шумарина Т. Ф., Чулочникова А. С. Эмоционально-экспрессивная лексика антропоцентрической направленности в русских говорах Одесщины: социолингвистический аспект	115

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА МЕТОДИКИ ЇЇ ВИКЛАДАННЯ

Авдонина М. Ю., Валеева Н. Г., Жабо Н. И., Никитин С. А. Преимущества информационных компьютерных технологий на занятиях по формированию социокультурной компетенции в курсе РКИ	121
Ковтун Т. В. Контроль знаний, умений и навыков по русскому языку как иностранному (падежный концентр): предложный падеж	127
Мэн Ся. Формирование синонимической компетенции при подготовке будущих переводчиков с китайского языка на русский	132
Рустемов О. Д. Актуальные вопросы лингвокультурного анализа судебных книг Крымского Ханства XVII–XVIII вв.	136
Степанов Е. Н. Научные идеи и подвижническая деятельность В. И. Григоровича в развитии Одесской филологической школы	146
Цзя Юннин. Основные проблемы изучения русских глаголов движения в китайской аудитории	154

CONTENTS

ISSUES OF COMMUNICATIVE AND MEDIA LINGUISTICS

Diachuk E. V. Constatives speech acts in English-speaking social advertising	5
Koziarevych-Zozulia L. V. Fascinative immanence of political flirt: verbal and nonverbal aspects	9
Bykova I. A., Notina E. A. Equivalence in a cognitive space of translation	13
Matuzkova O. P. The constituents of English collective identity discourse	18
Savchenko O. V. Virtual space of fantasy and sci-fi	23
Samoilova S. P. Revisiting the problem of factor analysis technique	27
Selivanova O. O. Textual and discursive categories of crossword as an enigmatic genre	30
Shalyov A. S. Energy characteristics of radio talk show speech on maritime topics (based on the material of Ukrainian and British programmes)	39
Abramova Ie. U. The English compliment : communicative strategies and tactics	43
Derik I. M. Discourse interpretation in contemporary linguistic paradigm	49

ISSUES OF LEXICOLOGY AND GRAMMATICS

Dykhtiar N. D. Innovative suffix substantive derivatives that denote persons in the poetic style of Michael Strelbitskiy	53
Kozak T. B., Tupikova T. V. The emergence of the words denoting colour : double nature of the notions black — white	59
Moiseienko N. G. Semantic reference and functional characteristics of lexemes some and any in Modern English language	64
Sizova L. V. The definiteness and indefiniteness category markers in the English language and their correspondencies in the Russian language	67
Soroka T. V. Quantitative and qualitative characteristics of axionomen semes in Modern English	71
Stolyar M. Yu. Lexical synonyms in youth slang in the structure of modern fictional discourse	77
Stoyanova A. O. Syntactic structure peculiarities of Ukrainian folk riddles	83
Bezpalova K. V. The semantic-syntactic peculiarities of the English alternative sermon structural components	88
Gryn'ko O. S. Integration of the verbalized archetypal concepts air and earth : etymological aspect	93
Muradyan I. V. Characteristic features of the anthroponymical space in the novel «Luzhin defence» («Zashchita Luzhina») by V. V. Nabokov	98
Skorobogatova O. O. Grammar marker of allusion (based on the cycles of poems «Northern elegies» by Akhmatova and «New ballad» by Bykov)	102
Syzdykbaev N. A. Some translation difficulties of Ch. Aitmatov's novel «When the mountains fall (The Eternal bride)» in Kazakh and Uzbek languages	107
Shumarina T. F., Chulochnikova A. S. Emotional and expressive anthropocentric vocabulary of the Odessa region dialect: sociolinguistic aspect	115

ISSUES OF HISTORY OF LANGUAGE AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Avdonina M. Yu., Valeeva N. G., Zhabo N. I., Nikitin S. A. Advantages of informative computer technologies for forming socio-cultural competence in the course of Russian as a foreign language	121
Kovtun T. V. Academic performance and skills rating in teaching Russian as a foreign language (case concentrum): Prepositional case	127
Meng Xia The formation of the synonymic competence in training translators from Chinese into Russian	132
Rustemov O. D. Current issues of lingual and cultural analysis of judicial Crimean Khanate books of XVII—XVIII c.c.	136
Stepanov Ie. N. Viktor Grigorovich: scholarly ideas and selfless input into the development of Odessa philological school	146
Jia Yong ning The main problems of studying Russian verbs of motion in a Chinese audience	154

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА МЕДІАЛІНГВІСТИКИ

УДК 811.111'42:316.77:659(73-41)

ДЯЧУК Олена Валентинівна,

здобувач кафедри германської і фіно-угорської філології Київського національного лінгвістичного університету; вул. Велика Васильківська, 73, м. Київ, 03150, Україна; e-mail: elenadiachuk@ukr.net; тел.: +38 067 9849908

КОНСТАТИВНІ МОВЛЕННЄВІ АКТИ В АНГЛОМОВНІЙ СОЦІАЛЬНІЙ РЕКЛАМІ

Анотація. Метою цієї роботи є детальне вивчення використання констативів у дискурсі соціальної реклами. Установлено, що використання мовленнєвих актів у дискурсі соціальної реклами США зумовлено його прагматичними цілями, що полягають, зокрема, в інформуванні широкого загалу про соціально значущі проблеми американського суспільства, активізації дій його представників по боротьбі з ними та їх попередженню. Характерною рисою мовленнєво-актової організації вказаного типу дискурсу є те, що в ньому застосовуються прямі мовленнєві акти: констативи, директиви, менасиви, квеситиви. Констативні мовленнєві акти, що широко використовуються в дискурсі соціальної реклами США, є дієвими засобами створення феномену «масової обізнаності», інформування про соціально значущі проблеми американського суспільства, їх гостроту та розповсюдженість. Результати дослідження можуть доповнити теорію мовленнєвих актів та основні положення прагмалінгвістики.

Ключові слова: мовленнєві акти, констативи, дискурс соціальної реклами, лексема, денотативна ситуація, «масова обізнаність».

Реклама — складний комунікативний феномен, який може досліджуватись у різних вимірах. У лінгвосеміотичному вимірі реклама розглядається як креолізований текст, досліджується специфіка взаємодії різних типів вербальних і невербальних знаків (О. Рибаківа); у лінгвостилістичному, що зосереджує увагу на питаннях стилістичного аналізу текстів реклами (М. О. Кириленко); у сучасній теорії мовної комунікації більшість дослідників розглядають рекламу як особливий вид дискурсу (Т. В. Гулак, О. Є. Ткачук-Мірошниченко, О. В. Нагорна, Л. В. Печеннікова); у лінгвопрагматичному вимірі вивчаються питання впливу реклами на масову свідомість (Т. Лівшиц) тощо. Останній (лінгвопрагматичний підхід) до аналізу соціальної реклами передбачає розгляд мовних одиниць і структур тексту реклами в залежності від функцій, які вони виконують у рекламній мовленнєвій комунікації, з урахуванням характеристик адресанта, адресата і контексту, в якому вони використовуються [2].

Празький функціоналізм в особі Р. Якобсона висунув вимогу «аналізувати всі властивості мови ... під кутом зору задач, для виконання яких ці властивості призначені» [3, с. 13]. Однак, як звертає увагу І. Кобозева, у знаменитій моделі комунікативного акту Р. Якобсона компонент мети відсутній [3, с. 13]. Він набуває особливого значення і глибоко аналізується в теорії мовленнєвих актів, першими розробниками якої були Дж. Остін і Дж. Серль. Використання мови і мета цього використання стають основними складниками цієї теорії. Мовленнєвий акт виступає як локутивний акт стосовно мовних засобів які в ньому використовуються; стосовно мети та умов його здійснення — як ілокутивний акт.

Оскільки автори намагаються зробити тексти соціальної реклами США якомога більш зрозумілими, примітними, такими, що гарно запам'ятовуються та приваблюють увагу масового адресата, в них використовуються здебільшого прямі мовленнєві акти: констативи, директиви, менасиви, квеситиви. Згідно результатів нашого дослідження, промісиви та перформативи не є типовими для дискурсу соціальної реклами США, зорієнтованого на вирішення соціально значущих проблем, досягнення соціальних цілей, гуманізацію та гармонізацію американського суспільства, зверненого до його представників і безособового. Використання експліцитних (лексичних, граматичних і т. ін.) маркерів іллокуції мовленнєвих актів у вказаному типі дискурсу дозволяє формулювати однозначні висловлення та сприяє здійсненню успішної комунікативної взаємодії між її дистанційно та темпорально віддаленими учасниками. Від способу організації та подачі інформації в текстах соціальної реклами США залежить її дієвість, ефективність її сприйняття та сила впливу на представників американського суспільства. Метою цієї статті є

детальний аналіз використання констативів у соціальній рекламі США. Це визначає актуальність статті.

На наше переконання, комунікативно-інтенціональний зміст констативів, що використовуються в дискурсі соціальної реклами США, полягає у твердженні, повідомленні, унаочненні, констатуванні фактів, пов'язаних із проблемами, що існують в американському суспільстві. Констативи покликані довести до уваги американців інформацію про подібні проблеми та їх наслідки з метою їх подальшого усунення та вирішення. Констативні мовленнєві акти, застосовані в текстах соціальної реклами США, відіграють першорядну роль у формуванні так званої «масової обізнаності» (*mass awareness*) [11, с. 16] про подібні проблеми у країні, акцентуванні уваги пересічних громадян на них. З метою привернення уваги до їх змісту та здійснення впливу на адресата автори дискурсу соціальної реклами США використовують негативно-оцінні, образні одиниці, терміни, одиниці на позначення кількісних даних. Про це свідчать приклади:

(1) *Drugs may cause inevitable brain damages* [7].

(2) *DRUGS DOESN'T ONLY HURT THOSE WHO USE THEM. ABUSE, VIOLENCE, TRAFFIC ACCIDENTS, INJURY AT WORK, CRIMES* [8].

Констативні мовленнєві акти, застосовані у наведених прикладах дискурсу соціальної реклами США, спрямовані на викриття наслідків вживання наркотиків, донесення до широкого загалу інформації про їх руйнівний вплив не тільки на здоров'я, життя та діяльність людини, яка вживає їх, але й на всіх інших громадян суспільства. Оцінна лексика, що використовується у констативах, слугує засобом іменування подібного руйнівного впливу (*inevitable brain damages; HURT, ABUSE, VIOLENCE, TRAFFIC ACCIDENTS, INJURY AT WORK, CRIMES*). Пропозиції констативів вказують на те, що вони належать до різних типів: 1) із модальним негативно-оцінним предикатом (*Drugs may cause ... damages*), що вказує на потенційний ризик вживання наркотиків; 2) із оцінною денотативною ситуацією, що викликає негативну реакцію адресата на наркотики та наслідки їх вживання (*DRUGS... HURT...VIOLENCE... CRIMES*).

Проаналізуємо інші приклади:

(3) *DRINKING DURING PREGNANCY CAN TAKE YEARS TO AFFECT YOUR BABY* [6].

(4) *Alcohol consumption leads to deviant behaviour and misguided actions* [4].

Використання констативів у прикладах дозволяє авторам текстів соціальної реклами привернути увагу американців до проблеми алкоголізму та пияцтва. Ілюстративна мета вказаних мовленнєвих актів полягає в констатуванні наслідків зловживання алкоголем, актуалізованих пропозицією, що містить предикат із модальним дієсловом *CAN* (*CAN TAKE YEARS TO AFFECT YOUR BABY*), який вказує на потенційний ризик вживання алкоголю при вагітності; та пропозицією з предикативною конструкцією, де використовуються одиниці безпосередньої номінації особливостей поведінки та дій алкоголіка (*leads to deviant behaviour and misguided actions* — прикл. 4). Унаочненню подібних дій та їх наслідків сприяє і візуальна складова вказаних прикладів соціальної реклами, на одному з яких зображено фото сп'янілої та сплячої дорослої людини, народженої від жінки, що вживала алкоголь під час вагітності, а на іншому — пияка, що б'ється на вулиці.

Звертаємося до аналізу прикладів, де використовується декілька констативних мовленнєвих актів одночасно:

(5) *EXCESSIVE CONSUMPTION OF BEER AFFECTS FEMININITY. IT LEADS TO AN INCREASE IN FACIAL HAIR AND BODY ODOR BECAUSE OF AN INCREASE IN MALE HORMONES* [9].

(6) *EXCESSIVE CONSUMPTION OF BEER AFFECTS MASCULINITY. IT LEADS TO BELLY GROWTH, ENLARGED LACTEAL GLANDS AND DECREASED POTENCY* [10].

Застосування двох констативів у межах одного рекламного повідомлення спрямовано не тільки на інформування масового адресата про шкідливість надмірного вживання пива для жінок (*EXCESSIVE CONSUMPTION OF BEER AFFECTS FEMININITY* — прикл. 5) і чоловіків (*EXCESSIVE CONSUMPTION OF BEER AFFECTS MASCULINITY* — прикл. 6), але і вплив та роз'яснення цих наслідків. Подібне роз'яснення здійснюється за допомогою констативних мовленнєвих актів із медичними термінами та одиницями на позначення негативних змін зовнішності та фізіології людини, спричинених надмірним використанням пива (*IT LEADS TO AN INCREASE IN FACIAL HAIR AND BODY ODOR BECAUSE OF AN INCREASE IN MALE HORMONES* — прикл. 5; *IT LEADS TO BELLY GROWTH, ENLARGED LACTEAL GLANDS AND DECREASED POTENCY* — прикл. 6). Впливовості кожного із рекламних повідомлень сприяє не тільки поєднання двох констативів, але і невербальна (візуальна) їх складова: фотографії жінки та чоловіка, які набувають ознак протилежної статі.

Для визначення іншої соціальної проблеми, що існує в американському суспільстві, автори дискурсу соціальної реклами країни також звертаються до використання констативних мовленнєвих актів, а саме:

(7) *OBESITY LEADS TO HEART DISEASE, ASTHMA, TYPE 2 DIABETES AND RELATED COMPLICATIONS*.

(8) *Every fifth child is overweight.*

Реалізація іллокутивної мети констативів, застосованих у наведених прикладах, сприяє інформуванню американців про проблему ожиріння та її наслідки. Пропозиція першого констативного акту містить предикативну конструкцію з медичними термінами на позначення хвороб, які провокує ожиріння (*LEADS TO HEART DISEASE, ASTHMA, TYPE 2 DIABETES AND RELATED COMPLICATIONS* — прикл. 7). Застосування підмета із числівником у пропозиції другого констативного акту (*Every fifth child is overweight* — прикл. 8) підкреслює, на нашу думку, гострий характер проблеми, від якої починає страждати ще з дитинства велика кількість американців.

Аналіз фактичного матеріалу дозволяє встановити, що одиниці на позначення кількісних даних та цифрові дані вживаються саме в констативних мовленнєвих актах, використаних у дискурсі соціальної реклами США. Це підвищує їх інформативність і впливовість, зокрема:

(9) *8/10 SEXUALLY ABUSED CHILDREN ARE BETRAYED BY SOMEONE THEY TRUST* [5].

(10) *Over 50 % of all suicides are committed by senior citizens* [12].

Іллокутивна мета констативів указаних прикладів полягає у висвітленні тих проблеми, що існують у дітей та людей похилого віку США. Цифрові дані (*8/10 SEXUALLY ABUSED CHILDREN* ... — прикл. 10; *Over 50 % of all suicides* — прикл. 11), використані у вказаних мовленнєвих актах, не тільки сприяють їх інформативності та впливовості, але й підкреслюють гострий характер подібних проблем в американському суспільстві.

Отже, застосування констативних мовленнєвих актів у дискурсі соціальної реклами США пояснюється, насамперед, іллокутивною метою цих одиниць, спрямованою на повідомлення, інформування громадян американського суспільства про проблеми, що існують у ньому. Констативні мовленнєві акти є дієвими засобами формування феномену «масової обізнаності» про подібні проблеми, їх гостроту та високу поширеність.

Література

1. Антонченко Т. М. Основні тенденції аксіологічних змін у семантичній структурі американізму : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Тетяна Миколаївна Антонченко. — К., 2000. — 229 с.
2. Клименко О. О. Соціальна реклама як особливий жанр рекламного дискурсу / О. О. Клименко // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Серія «Філологічні науки. Мовознавство». — Луцьк : ВНУ ім. Лесі Українки, 2011. — Вип. 5. — С. 55–59.
3. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. — Вып. XVII. — С. 7–21.
4. *Alcohol Consumption* [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.psacentral.org/assets/search/thumbnail/print/page17>
5. *Child Sex Abuse* [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://digitalsynopsis.com/inspiration/60-public-service-announcements-social-issue-ads/4>
6. *Drinking During Pregnancy* [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <https://www.psacentral.org/assets/search/thumbnail/print/sortby/assettitle/desc24>
7. *Drug Awareness* [Електронний ресурс]. — Режим доступу до ресурсу: http://www.drugfreeamerica.org/psa_2
8. *Drug Awareness* [Електронний ресурс]. — Режим доступу до ресурсу: http://www.drugfreeamerica.org/psa_6
9. *Excessive Consumption of Beer Affects Femininity* [Електронний ресурс]. — Режим доступу до ресурсу: <http://theweek.com/articles/463387/chicagos-ads-1>
10. *Excessive Consumption of Beer Affects Masculinity* [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://theweek.com/articles/463387/chicagos-psa-2>
11. *Ries R. Public Communication Campaigns* / R. Ries. — N. Y. : Academic Press, 2002. — 294 p.
12. *Stop Suicides* [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <https://www.psacentral.org/assets/search/thumbnail/print/sortby/assetTitle/desc22>.

References

1. Antonchenko T. M. Osnovni tendencii aksiologichnyh zmin u semantichnij strukturi amerykanizmiv : dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / T. M. Antonchenko. — K., 2000. — 229 s.
2. Klymenko O. O. Social'na reklama jak osoblyvyj zhanr reklamnogo dyskursu / O. O. Klymenko // Naukovyj visnyk Volyns'kogo nacional'nogo universytetu im. Lesi Ukrai'ny. Serija Filologichni nauky. Movoznavstvo. — Luc'k : VNU im. Lesi Ukrai'ny, 2011. — Vyp. 5. — S. 55–59.
3. Kobozeva I. M. «Teorija rechevykh aktov» kak odin iz variantov teorii rechevoj dejatel'nosti / I. M. Kobozeva // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. — M. : Progress, 1986. — Vyp. XVII. — S. 7–21.
4. *Alcohol Consumption* [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.psacentral.org/assets/search/thumbnail/print/page17>
5. *Child Sex Abuse* [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://digitalsynopsis.com/inspiration/60-public-service-announcements-social-issue-ads/4>

6. *Drinking During Pregnancy* [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.psacentral.org/assets/search/thumbnail/print/sortby/assettitle/desc24>
7. *Drug Awareness* [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.drugfreeamerica.org/psa_2
8. *Drug Awareness* [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.drugfreeamerica.org/psa_6
9. *Excessive Consumption of Beer Affects Femininity* [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://theweek.com/articles/463387/chicagos-ads-1>
10. *Excessive Consumption of Beer Affects Masculinity* [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://theweek.com/articles/463387/chicagos-psa-2>
11. *Ries R. Public Communication Campaigns* / R. Ries. — N. Y. : Academic Press, 2002. — 294 p.
12. *Stop Suicides* [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.psacentral.org/assets/search/thumbnail/print/sortby/assetTitle/desc22>.

ДЯЧУК Елена Валентиновна,

соискатель кафедры германской и финно-угорской филологии Киевского национального лингвистического университета; ул. Большая Васильковская, 73, г. Киев, 03150, Украина; e-mail: elenadiachuk@ukr.net; тел.: +38 067 9849908

КОНСТАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Целью данной работы является подробное изучение использования констативов в дискурсе социальной рекламы. Установлено, что использование речевых актов в дискурсе социальной рекламы США обусловлено его прагматическими целями, которые заключаются, в частности, в информировании широкой общественности о социально значимых проблемах американского общества, активизации действий его представителей по борьбе с ними и их предупреждению. Характерной чертой рече-актовой организации указанного типа дискурса является то, что в нём применяются прямые речевые акты: констативы, директивы, менасивы, квеситивы. Констативные речевые акты, широко используемые в дискурсе социальной рекламы США, являются действенными средствами создания феномена «массовой осведомлённости», информирования о социально значимых проблемах американского общества, их остроте и распространённости. Результаты исследования могут дополнить теорию речевых актов и основные положения прагмалингвистики.

Ключевые слова: речевые акты, констативы, дискурс социальной рекламы, лексема, денотативная ситуация, «массовая осведомлённость».

Elena V. DIACHUK,

applicant of the department of Germanic and Finno-Ugrian Philology, Kiev National Linguistic University, 73 Velyka Vasylkivska str., Kiev, 03150, Ukraine; e-mail: elenadiachuk@ukr.net; тел.: +38 067 9849908

CONSTATIVES SPEECH ACTS IN ENGLISH-SPEAKING SOCIAL ADVERTISING

Summary. The purpose of this work is detailed study of the usage of constatives in the discourse of public service announcement. The usage of speech acts in the discourse of public service announcement in the USA is determined by its pragmatic objectives, which consist in informing public about socially significant problems of American society, encouraging its representatives to fight and prevent them. A characteristic feature of speech act organization of the specified type of discourse is the usage of direct speech acts as constatives, directives, menasives, questives. Constative speech acts, widely used in the discourse of social advertising in the United States, are powerful tools for creating the phenomenon of «mass awareness», awareness of socially significant problems of American society, their severity and prevalence. The finding of the study can complement the theory of speech acts and general provisions of pragmalinguistics.

Key words: speech acts, constatives, the discourse of social advertising, the lexical, the denotative situation, «mass awareness».

Статтю отримано 29.10.2015 р.

УДК 811.111'23'42:316.772.2:32:392.4

КОЗЯРЕВИЧ-ЗОЗУЛЯ Ліана Василівна,кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов і перекладу Київського національного лінгвістичного університету; вул. Велика Васильківська, 73, м. Київ, 03150, Україна;
e-mail: lianakoziarevich@ukr.net; тел.: +38 067 7701325**ФАСЦИНАТИВНА ІМАНЕНТНІСТЬ ПОЛІТИЧНОГО ФЛІРТУ:
ВЕРБАЛЬНИЙ І НЕВЕРБАЛЬНИЙ АСПЕКТИ**

Анотація. Предметом цієї статті є розгляд реалізації конверсаційного принципу фасцинації у політичному флірті. Мета роботи — представити фасцинацію як невід’ємний складник політичного флірту. В основі вивчення фасцинації в політичному дискурсі використано метод дискурс-аналізу, конверсаційного аналізу. За результатами дослідження, прагматична характеристика фасцинації в політичному дискурсі виявляється в особливому типі маніпуляції — політичному флірті. Дискурсивна ілюкція фасцинації спрямована на зваблювання масового адресата, управління його враженням і думками, на розташування до себе та своєї політичної сили. Ключовий висновок: конверсаційний принцип фасцинації в політичному флірті полягає в тому, щоб інші відчували свою важливість і те, що вони подобаються. Результати дослідження можуть бути застосовані в галузі політичної лінгвістики, сучасної дискурсології.

Ключові слова: фасцинація, конверсаційний принцип, політичний флірт, фасцинативна особистість.

Постановка проблеми. Фасцинація (від англ. *fascination* — зачаровування) — це зваба у масовому масштабі. Флірт можна вважати одним із особливо витончених інструментів маніпуляції в політичному дискурсі, бо він дає змогу людині, що до нього вдається, завоювати довіру потрібної особи чи спільноти й переконати їх у вчиненні потрібних їй дій. Саме тому флірт широко застосовують у політиці; адже від позитивного особистісного іміджу політика, його вміння переконати аудиторію, вселити впевненість у правильності провідної думки, заручитися прихильністю та довірою значною мірою залежить професійний успіх громадського та політичного діяча.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідження інструментального флірту, здійснене В. Бо, дає йому підставу стверджувати, що флірт є дієвим інструментом політичної комунікації, широко застосовуваним у виробничому процесі, хоча зовні це й скидається на просте загравання [1, с. 35]. Найбільш успішні менеджери з продажів нерідко вдаються до флірту з клієнтами, утримуючи при цьому потрібну дистанцію, ставлячи чіткі цілі й не припускаючи навіть натяку на особисту зацікавленість. Інструментальний флірт дозволяє успішно вирішувати практичні завдання. В атмосфері флірту люди набувають більшої привабливості, стають ближчими один до одного, між ними легше виникає взаємодовіра. Це відбувається тому, що під час флірту вони почувають себе комфортно та мимоволі розкривають свої уподобання, прагнення, власну потаємну сутність. Спілкування стає більш легким і неформальним. Завдяки цьому у, здавалося б, цілком раціональній сфері рішення часто приймаються під впливом емоційного фактора. Отже, флірту притаманний комплекс функцій: регулятивна — націлена на психічний стан людей, сферу їх стосунків, прояв інтелектуальних здібностей; та емоційна, що співвідноситься із зоною емоційного досвіду особистості. Таким чином, предметом флірту є комунікація, а метою — поліпшення міжособистісних стосунків; його можна вважати мовленнєвим жанром, але із застереженням, що проявляється він у непрямій формі.

За спостереженнями В. Бо, політики, які були обрані на повторний термін упродовж останніх двадцяти років, як правило, активно фліртували з виборцями, що й забезпечило успіх [1, с. 37]. До функціонального боку комунікації флірт додає емоційний складник, і це сприяє створенню тіснішого зв'язку з адресатом. Офіційна особа завдяки флірту розкриває свої людські якості, а значить — запам'ятовується. Говорячи так про функціональний флірт, В. Бо розуміє його як форму взаємодії, легкої комунікації з іншими людьми, як дієву силу, в основу якої покладена людська слабкість. На його думку, людям подобається, коли їх «елегантно зваблюють». Саме тому «фліртанічний стиль» комунікації може бути застосованим у будь-якій комунікативній ситуації. Це й визначає доцільність введення в науковий обіг поняття «політичний флірт» [1, с. 45].

Постановка завдання і виклад основного матеріалу. Конверсаційний принцип фасцинації «*make others feel important and liked*» (зробіть так, щоб інші відчували себе важливими і такими, що подобаються) має місце й у політичній комунікації. Розглянувши фрагменти політичних дискурсів, ми припускаємо, що нерідко цей принцип порушується. Його постулати: привабливості, довіри, широкого інтересу та поваги, прихильності не дотримуються, що пояснюється маніпулятивним характером політичного дискурсу. Розроблені Робертом Гріном 48 законів влади свідчать про їхню суперечливість. Так, закон недовіри, приховування своїх намірів,

недосказаності, атаки, завойовування уваги будь-якою ціною, отримання вигоди за рахунок інших, нещирої гри: намагайся, щоб ті, хто на вершині влади, комфортно себе почували; у намаганні догодити їм чи справити враження не заходь далеко, демонструючи свої таланти, тому що ризикуєш досягти протилежного — вселити в них страх і невпевненість (закон 1): *Always make those above you feel comfortably superior. In your desire to please or impress them, do not go too far in displaying your talents or you might accomplish the opposite — inspire fear and insecurity. Make your masters appear more brilliant than they are and you will attain the heights of power*; не довіряй друзям безмежно, навчись використовувати ворога (закон 2): *Be wary of friends—they will betray you more quickly, for they are easily aroused to envy. They also become spoiled and tyrannical. But hire a former enemy and he will be more loyal than a friend, because he has more to prove. In fact, you have more to fear from friends than from enemies. If you have no enemies, find a way to make them*; завжди говори менше, ніж видається необхідним. Чим більше ви говорите, тим вища ймовірність, що скажете нісенітницю (закон 4): *When you are trying to impress people with words, the more you say, the more common you appear, and the less in control. Even if you are saying something banal, it will seem original if you make it vague, open-ended, and sphinxlike. Powerful people impress and intimidate by saying less. The more you say, the more likely you are to say something foolish*; багато залежить від репутації — бережи її ціною життя (закон 5): *Reputation is the cornerstone of power. Through reputation alone you can intimidate and win; once you slip, however, you are vulnerable, and will be attacked on all sides. Make your reputation unassailable. Always be alert to potential attacks and thwart them before they happen. Meanwhile, learn to destroy your enemies by opening holes in their own reputations. Then stand aside and let public opinion hang them*; досягай перемоги діями, а не доказами (закон 9): *Any momentary triumph you think gained through argument is really a Pyrrhic victory: The resentment and ill will you stir up is stronger and lasts longer than any momentary change of opinion. It is much more powerful to get others to agree with you through your actions, without saying a word. Demonstrate, do not explicate*; не заходь далі поставленої мети. Перемагаючи, знай, коли зупинитись (закон 47): *The moment of victory is often the moment of greatest peril. In the heat of victory, arrogance and overconfidence can push you past the goal you had aimed for, and by going too far, you make more enemies than you defeat. Do not allow success to go to your head. There is no substitute for strategy and careful planning. Set a goal, and when you reach it, stop. ma in. [6, с. 7–10].*

На противагу цим законам, дотримання принципу фасцинації забезпечує існування партнерської взаємодії з такими ознаками: безумовне очікування прихильної поведінки, порозуміння, діалог, існування довіри. Принцип фасцинації в політичній комунікації, що враховує потреби кожного члена суспільства, дає нову якість — синергію. Промови політичних лідерів приводять слухачів у гіпнотичний стан: люди стають розслабленими, піддаються навіюванню через повтор ключових ідей, твердження у підсиленні розуміння потреб суспільства, збільшення невербальних реакцій симпатії (посмішки, поглядів, жестів, міміки тощо), варіювання дистанції.

Головне завдання політика — здобути прихильність майбутніх виборців і «спокусити» їх віддати за нього голоси [5, с. 70]. Саме в такому контексті в зарубіжних засобах масової інформації «*The Times*», «*Daily Mirror*», «*Washington Post*» та інших вживають вислів «*public seduction*» (публічне зваблення, спокушання, намовляння). Крім того, у медіа-дискурсі поняття «флірт» також залучають для опису характеру поведінки політичних лідерів під час зустрічей на міжнародному рівні. Отже, функціональний флірт відіграє важливу роль у політичному дискурсі і потребує подальшого вивчення.

Політичні лідери вдаються до особливої мови: рішучі заяви в комбінації з призивними поглядами, які нагадують команди гіпнотизерів про близькість цінностей, психологічну єдність — все це проникає у підсвідомість, діє як гіпноз. Слова, проникаючи у свідомість, вступають у конфлікт із судженнями, тому політики вдаються до поступового навіювання. А для цього вони проникають в уяву людини, її глибинні бажання. Механізм дії фасцинації полягає в готовності людей слухати завжди про те, що затребувано: про задоволення потреб, щасливе та багате життя, здоров'я тощо. Поступово ці речі ототожнюються з промовцем, бо саме він запустив такий процес думок.

Вербальні та невербальні засоби мовлення політичного лідера можуть підсилювати або послаблювати взаємодію. Тому інтерпретувати ці сигнали потрібно не ізольовано, а в єдності, до того ж із урахуванням контексту. Характерно, що здебільшого люди надають перевагу інформації, яку одержують через невербальну поведінку. Вербальні засоби у комплексі з ретельно дібраними невербальними у мовленні політичного лідера можуть використовуватися не лише як інструмент формування та вираження думок, а і для їх приховування або свідомого нав'язування. Використовуючи вербальні мовні засоби, політик має на меті не лише інформування аудиторії про певні проблеми суспільного життя, а й здобуття прихильності слухачів, переконання їх стати на певну позицію, підтримати його [4, с. 70]. Тож із самого початку виступу політик встановлює контакт з аудиторією [5, с. 103]. Наприклад, Б. Обама з метою реалізації стратегії управління

враженнями й думками використовує декілька фасцинативних тактик, зокрема: відкритості й довіри, небайдужості, а також загадковості, красномовності і театральності.

Щоб промова політика зустріла розуміння та підтримку аудиторії, йому передусім належить подбати про справжню довіру, здобути пошану, а потім утримувати таку атмосферу протягом усього виступу. Оскільки це завдання не завжди можна вирішити за рахунок тактики раціонального переконування, що ґрунтується на логічних аргументах і доказах, доводиться залучати стратегії мовленнєвого впливу на емоційну сферу реципієнта з арсеналом специфічних політичних фасцинативів.

Політичний лідер має навчитися управляти джерелами різного виду інформації. Він мусить нарощувати довкола себе різноманітні контексти, якими можуть виступати сім'я, хобі, минуле, ті чи інші пристрасті. Створюється можливість для так званого «подовження» різноманітних комунікативних ланцюжків. Наявність цієї стереоскопічності дозволяє породжувати тексти для різної аудиторії: один тип аудиторії цікавить сам лідер, інший — його дружина, третій — її сукня. Інформація повинна постійно надходити всіма каналами. Звідси витікає необхідність постійного породження повідомлень не тільки у вербальній сфері, що є нормою для лідера, а й у сфері подій (подіям люди вірять більше, ніж словам) і візуальній сфері (побаченому власними очима також довіряють більше).

Люди ідентифікують себе з президентом так само, як вони це роблять з будь-якою іншою суспільно значущою фігурою. Потенційні президенти оцінюються у відповідності з ідеалом, який є комбінацією героя. Реагування відбувається на імідж, а не на людину, оскільки 99 % виборців не мають контакту із самою людиною. Лідер символізує також Батька нації; його дружина, відповідно, претендує на роль Матері нації. Тому політик має грати роль такого лідера, якого потребує публіка. Водночас лідер повинен «відштовхуватись» від тих характеристик, які населення сприймає як позитивні для лідера. Політичний лідер легше сприймається в тих типах ролей, яких очікує від нього населення. Можливо, він навіть не має характеристик, необхідних для лідерського іміджу. Проте масова свідомість, яка існує в умовах неухваленості й розірваності сприйняття, все одно доповнить його образ необхідними характеристиками. Масова свідомість полегшує своє оперування з цим образом, доводячи його до прийнятної моделі. Імідж зберігається в пам'яті як джерело натхнення, голос політичного лідера бажають слухати як представника нації.

Для феномену фасцинації в політичному дискурсі важливі певні вербальні та невербальні засоби, які відображають спроможність володіти ситуацією, привернути увагу, розташувати до себе, бажання надати підтримку іншим людям. Щоб зафасцинувати, потрібно зацікавити. Фасцинативні особистості намагаються володіти високою емоційною привабливістю, вміють управляти увагою [5, с. 58]. Один з найголовніших принципів фасцинації — говорити зі слухачами про них самих. Це допомагає постійно утримувати їхню увагу. Мистецтво переконувати передбачає діалог, у якому присутній зворотній зв'язок, реакція.

Висновки. Отже, фасцинація є одним із способів максимізації здатності аудиторії слухати, привернути увагу, розташувати до себе, викликати симпатію. Фасцинативні лідери — харизматичні особистості, які примушують натовпи захоплюватися у себе, а потім ведуть за собою. Харизматичні політичні лідери володіють певними привабливими рисами й експлуатують їх. Їхні обличчя сповнені енергії та пристрасті. Для того, щоб реалізувати стратегію прихильності до себе та своєї політичної сили, харизматичні політичні лідери користуються кількома фасцинативними тактиками, зокрема: відкритості і довіри, небайдужості, деякими іншими. Електорат під дією фасцинативних тактик стає емоційно залежним, визнаючи наявність у харизматичної особистості особливих рис, які надають їй лідерське право управляти людьми. Природний шарм та інтуїтивне використання різних фасцинативних прийомів здатні викликати прихильність і позитивне емоційне ставлення до себе з боку співрозмовників і електорату. За допомогою слів і невербальних засобів фасцинативні політики надихають, хвилюють, викликають емоції.

Література

1. Бо В. Флірт — Sex — Коммуникация / В. Бо. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 233 с.
2. Гармаш Е. Н. Флирт как коммуникативное событие и речевые жанры [Электронный ресурс] / Е. Н. Гармаш // Лингвистика. — 2010. — № 3 (21). — Ч. II. — 10 с. — URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ling/2010_3_2/1.pdf
3. Дьяконова І. Л. Гендерні ознаки вербальної поведінки в комунікативній ситуації флірту / І. Л. Дьяконова, А. Д. Белова // Лингвистика XXI століття : нові дослідження і перспективи. — К. : ЛОГОС, 2007. — С. 38–55.
4. Политическая имиджелогия : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / ред. А. А. Деркач и др. — М. : Аспект Пресс, 2006. — 400 с.
5. Потёмкина О. Ф. Имидж политического лидера / О. Ф. Потёмкина — М. : Наука, 2006. — 98 с.
6. Greene R. The 48 Laws of Power / Robert Greene. — New York, 2000. — 452 p.

References

1. Bo V. Flirt-Seks- Kommunikacija / V. Bo. — Rostov n/D: Feniks, 2009. — 233 с.
2. Garmash E. N. Flirt kak komunikativnoje sobytie i rechevyje zhanry [Elektronij resurs] / E. N. Garmash // Lingvistika. — 2010. — № 3 (21). — Ч. II. — 10 с. — URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ling/2010_3_2/1.pdf
3. Diakonova I. L. Genderni oznaky verbalnoi povedinky v komunikativnij sytuaciji flirtu / I. L. Diakonova, A. D. Belova // Lingvistika XXI stolittia : novi doslidzhennia i perspektivy. — K. : Logos, 2007. — С. 38–55.
4. *Politicheskaja imidgelogija*: ucheb. posobie dla stud. vys. ucheb. zaved / red. A. A. Derkach I dr. — M. : Aspect Press, 2006. — 400 с.
5. *Potemkina O. F. Imidg politicheskogo lidera* / O. F. Potemkina — M. : Nauka, 2006. — 98 s.
6. *Greene R. The 48 Laws of Power* / Robert Greene. — New York, 2000. — 452 p.

КОЗЯРЕВИЧ-ЗОЗУЛЯ Лиана Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода Киевского национального лингвистического университета; ул. Большая Васильковская, 73, г. Киев, 03150, Украина; e-mail: lianakoziarevich@ukr.net; +38 067 7701325

ФАСЦИНАТИВНАЯ ИММАНЕНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФЛИРТА: ВЕРБАЛЬНЫЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Предметом статьи является рассмотрение реализации конверсационного принципа фасцинации в политическом флирте. Цель работы состоит в том, чтобы доказать, что фасцинация является неотъемлемой составляющей политического флирта. В основу изучения фасцинации в политическом дискурсе использовались методы дискурсе-анализа, конверсационного анализа. В соответствии с результатами исследования, прагматическая характеристика фасцинации в политическом дискурсе на примере дискурсивной практики имеет место в особом типе манипуляции — политическом флирте. Дискурсивная иллюция фасцинации направлена на соблазн массового адресата, управление впечатлением и мнением, на расположение к себе и своей политической силе. Ключевой вывод: конверсационный принцип фасцинации в политическом флирте состоит в том, чтобы те, на кого направлен флирт, почувствовали то, что они важны для собеседника и нравятся ему. Результаты исследования могут быть использованы в сфере политической лингвистики, современной дискурсологии.

Ключевые слова: фасцинация, конверсационный принцип, политический флирт, фасцинативная личность.

Liana V. KOZIAREVYCH-ZOZULIA,

PhD (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor of Kyiv National Linguistic University; Velyka Vasylkivska Str, 73, Kyiv, 03150, Ukraine; e-mail: lianakoziarevich@ukr.net; phone: +38 067 7701325

FASCINATIVE IMMANENCE OF POLITICAL FLIRT: VERBAL AND NONVERBAL ASPECTS

Summary. The subject of the given article is the realization of the conversational principle of fascination in political flirt. The purpose of the article is to prove that fascination is an integral part in political flirt. To investigate fascination in the political discourse there were used methods of discourse and conversational analysis. According to the results of the research, the pragmatic characteristic of fascination in political flirt is found in a special type of manipulation — political flirt. The discursive illocution of fascination is directed at seducing the mass addressee, manipulating the public impact and opinion, winning them over and making them like the represented political force. The key conclusion consists in the following: the conversational principle of fascination in political flirt is aimed at making others feel important and liked. These results can be used in the sphere of political linguistics and modern discourse studies.

Key words: fascination, conversational principle, political flirt, fascinative personality.

Статтю отримано 15.10.2015 р.

УДК [811.161.1+811.134.2]’23’25’37

БЫКОВА Ирина Александровна,

кандидат филологических наук, профессор, зам. зав. кафедрой иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов; ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия; e-mail: kia1byk@yandex.ru;

НОТИНА Елена Александровна,

кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов; ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия; e-mail : lena.notina@yandex.ru

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Переориентация науки на антропоцентрическую, функциональную парадигму в исследованиях изменяет не только подход к переводу *per se*, но и расширяет спектр проблем, связанных с изучением этого многогранного и объективно сложного феномена в условиях поликультурного пространства сквозь призму явлений когниции. **Предмет** исследования — категория эквивалентности в свете современной когнитивной парадигмы, а также реализация этой категории с учётом когнитивных аспектов стратегии перевода с привлечением данных семиотики, прагматики, семантики, психологии в рамках междисциплинарного подхода к переводу. **Цель** статьи — описать функционирование безэквивалентных лексических единиц в когнитивном пространстве перевода на примере русско-испанской комбинации языков. Как **результат** исследования предложены стратегии передачи смысла подобных единиц средствами другого языка в целях адекватного декодирования смысла опосредованного дискурса в целях обеспечения эффективности межъязыковой межкультурной коммуникации. Выявлена и продемонстрирована двуплановая специфика испанского языка, которая находит наглядное проявление в безэквивалентных и фоновых лексических единицах как знаках сложившейся в конкретных культурно-исторических и социально-экономических условиях ситуации. Используются **методы** семантического и сопоставительного анализа. **Практическое применение:** результаты могут быть использованы в переводоведении, педагогической и переводческой практике, в исследованиях функционирования языка в опосредованном дискурсе.

Ключевые слова: перевод, эквивалентность, смысл, межкультурная коммуникация, когниция, дискурс.

Переориентация науки на антропоцентрическую, функциональную парадигму в исследованиях изменяет не только подход к переводу *per se*, но и расширяет спектр проблем, связанных с изучением этого многогранного и объективно сложного феномена в условиях поликультурного пространства сквозь призму явлений когниции. Пересмотр по некоторым позициям ранее сложившихся представлений о языке и его связях с другими областями знания проявляется в наметившихся тенденциях современной науки к поиску когнитивных моделей в качестве образцов для интерпретации в рамках когнитивной лингвистики, новых идей и экспериментальных данных в области искусственного интеллекта, психолингвистики, компьютерной лингвистики, культурологии и т. д.

Взгляды на когнитивные аспекты стратегии перевода до сих пор находятся в стадии формирования и требуют учёта данных семиотики, прагматики, семантики, психологии и др. Трудности в изучении указанных аспектов перевода обусловлены как современным состоянием исследований в смежных областях знания, так и наличием в них разногласий по целому ряду проблем. Вместе с тем, «именно когнитивный подход с его обращением к структурам знания и конвенциональным способам их объективации» [3, с. 10], иными словами, лексической объективации определённым знаком в конкретной коммуникативной ситуации представляет значительный интерес для теории перевода и компаративистики в целом, где перевод используется в качестве метода сопоставления. Научный интерес к процессу перевода, механизму понимания и порождения речи, среди прочего, обусловлен спецификой его осуществления в условиях двуязычной опосредованной коммуникации с позиций социокультурных и прагматических факторов, эффективности речевого акта, лингвистических и экстралингвистических знаний коммуникантов (адресанта и адресата) в целях адекватной передачи в другом языке и культуре своеобразия социально-коммуникативного опыта соответствующей лингвосоциокультурной общности.

Некоторые учёные считают, что в процессе перевода с исходного языка (L1) на язык перевода (L2) текст должен быть «перемещён» из одного когнитивного пространства в другое [7, р. 424]. «Когнитивные основания категоризации мира, наличие связи между структурированностью определённого отрезка действительности, его ментальной организацией и языковым выражением в условиях перевода становятся ключевыми в обеспечении эквивалентности, адекватного декодирования смысла дискурса и, соответственно, его адекватной передачи средствами

другого языка, иными словами, всего, что связано с центральными понятиями и категориями перевода как науки» [1, с. 80–81].

Инвариантность восприятия культурных предметов и национально-культурных пространств относится к сфере традиционной проблематики науки о переводе в силу того, что изучение перевода, глубинных механизмов этого целостного процесса не может быть полным без учёта культурологических, социологических, антропологических, психологических и иных аспектов этой деятельности. По утверждению А. Д. Швейцера, проблема передачи в переводе различного рода реалий и безэквивалентной лексики имеет непосредственное отношение к установке на иноязычного получателя и «тесно соприкасается с presupposicionem, одной из важнейших категорий прагматики. Самое непосредственное отношение к проблеме реалий имеет тот класс presupposiciones, который... относят к прагматическим презумпциям, касающимся знаний и убеждений говорящих» [6, с. 155].

В переводе инвариантность семантической субструктуры не способна обеспечить смысловую инвариантность текста, а смысловая инвариантность не обязательно предполагает семантическую. Отдельные элементы текста оригинала, которые, на первый взгляд, имеют точные соответствия в языке перевода (ПЯ), могут передаваться более отдалёнными по значению формами. Из этого следует, что «дифференциал в знаниях и экстралингвистическом опыте языковых коллективов исходного языка и языка перевода, концептуальная информация, существующая в сознании коммуникантов в ее вербальном и невербальном воплощении, становятся определяющими для понимания смысла дискурса и, соответственно, его адекватной передачи средствами другого языка, иначе — эффективности акта перевода» [1, с. 80].

Фоновые знания, на основе которых формируется имплицитный смысл оригинала, принадлежат когнитивному уровню сознания. В результате происходит установление определённого соотношения между воспринимаемым и предшествующими текстами с последующим формированием presupposiciones вертикального контекста в сознании получателя. Сходство окружающей действительности (и, как результат, сходство описываемых ситуаций в исходном (ИТ) и переводном (ПТ) текстах) порождает близость концептуальных систем разноязычных коммуникантов. Это обуславливает привлечение сходных presupposiciones и приводит при адекватном переводе к совпадающим смысловым выводам из содержания высказывания. «В процессе перевода происходит сопоставление концептуальных картин мира первичного отправителя информации (автора) и первичного получателя информации — переводчика. Для достижения эффективной коммуникации необходимо, чтобы степень совпадения концептуальных систем отправителя информации и переводчика была как можно более высокой» [4, с. 25].

Принято считать, что когнитивные пространства национально детерминированы и национально маркированы. Сопоставление испанских и русских лексикологических фактов позволяет выявить и продемонстрировать двуплановую национальную специфику испанского языка, которая наглядно проявляется в безэквивалентных (БЭЛ) и фоновых лексических единицах (ФЛ) как знаках конкретной сложившейся в данных культурно-исторических и социально-экономических условиях ситуации [2, с. 35] (ср.: «дедовщина», «гласность», «закрома Родины», «Кукурыныксы» (рус.); «*novatadas militares*», «*economía golfa*», «*época de pelotazo*» (Esp.); «*tomajé*» (Chil.); «*gusano*» = «*contrarrevolucionario*» (Cub.), «*gusano*» = «*grosero*» (Col.), etc.). Данные ЛЕ, как правило, являются носителями национально-культурной (в широком смысле) информации, характеризуются обширным и качественно сложным лексическим фоном, а также межвариантной и межнациональной прагматической маркированностью, которая накладывает ограничения на выбор и употребление в зависимости от типа коммуникативно-прагматической ситуации, коммуникативно-прагматических норм испанского языка и его национальных вариантов в оппозиции к русскому языку. При этом «не меньшее значение в языковом самовыражении народа имеет отбор языковых элементов в речи, в процессе организации высказывания. Этот отбор показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей» [5, с. 402].

Национально-культурная специфика напрямую коррелирует с понятием эквивалентности в переводе, в силу того, что национально маркированные компоненты смысла, содержащиеся в лексических единицах, оказывают влияние на концептуальное моделирование информации и активизируют в процессе мыслительной деятельности коммуникантов определённое видение ситуации объективной действительности. Так, перевод испанской ЛЕ *tertulia* русским словом «вечеринка» вызывает возражения в виду того, что данные лексические единицы именуют совершенно различные понятия, относящиеся к традициям испанской и русской лингвокультурных общностей. При этом в пиренейском варианте испанского языка концепт «*tertulia*» выражает национально-культурную специфику языкового сознания испанского народа.

Лексикографические источники испанского языка (словари М. Молинер, Х. Касапеса, Larousse и др.) приводят следующие значения слова *tertulia*: 1) *pasillo en la parte más alta de los teatros antiguos*; 2) *reunión de personas que se juntan habitualmente, con frecuencia en un café, para conversar y también, a veces, para jugar a juegos de sobremesa (círculo, club,*

velada, reunión; contertuliano, contertulio, miembro); 3) lugar destinado en los cafés a las mesas de billar y a juegos de cartas, etc.

Двуязычные словари (Кальво [1982, с. 1733], под ред. Нарумова [1988, с. 737]) и др. на ЛЕ «*tertulia*» дают такие значения, как: «компания; кружок; вечеринка; галёрка (в театре); часть кафе для игры в карты, бильярд и т. д. Амер. кресло в партере, сорт дивана». Ни одно из них не соответствует номинации данного явления в культурной жизни Испании. Так, в русском языке ЛЕ «компания» обозначает «общество, группу лиц, проводящих вместе время»: *После завтрака всей компанией уехали в дом отдыха* [9, т. 2, с. 84]. Слово «кружок» имеет следующие значения: 1) «Группа лиц, проводящих вместе время, имеющих особенно тесные связи, дружеский кружок»: *В маленьких кружках, которые собирали вокруг себя вельможи, можно было понять направление высокой политики России и ее союзников*.

2) «Организация лиц, объединившихся для совместной деятельности, совместных занятий». (Марксистские кружки. Драматический кружок) [9, т. 2, с. 138]. Лексическая единица «вечеринка» имеет следующее значение: «вечернее домашнее собрание для развлечения»: *Лаврецы много выезжали, принимали и давали прелестнейшие музыкальные и танцевальные вечеринки* [9, т. 1, с. 159].

Приведём набор элементарных семантических компонентов ЛЕ «*tertulia*»: — «*reunión (de personas)*»;

- «*con frecuencia (juntarse habitualmente)*»;
- «*en un café (juntarse, reunirse)*»;
- «*a veces (a veces jugar a juegos de sobremesa)*».

В вышеупомянутых двуязычных словарях передаётся первый семантический компонент ЛЕ «*tertulia*» — «собрание лиц» — «*reunión de personas*» и её третье значение в словаре русского языка «часть кафе для игры в карты, бильярд» — «*lugar destinado en los cafés a las mesas de billar*».

В слове «вечеринка» можно выделить следующий набор смысловых признаков: — «домашнее собрание»;

- «собрание для развлечения (музыкальные и танцевальные вечеринки).

В русском языке в наборе смысловых сем этой ЛЕ отсутствуют такие СК, как «*reunirse con frecuencia, habitualmente*»; «*para conversar*»; «*juntarse en un café*», которые имеются у испанской ЛЕ «*tertulia*».

Дифференциальными у двух ЛЕ будут следующие семы:

- «*café*» — «дома»;
- «*reunirse para conversar*» — «собрание для развлечения (музыка, танцы)»;
- «*juntarse con frecuencia, habitualmente*» — «непостоянный, спорадический характер».

При передаче испанской безэквивалентной ЛЕ «*tertulia*» русским словом «вечеринка» происходит конкретизация значения испанского слова при потере национального колорита и подавление дифференциальных семантических компонентов (СК), составляющих фокус всего значения данной ЛЕ в ИЯ. Фоны слов также не совпадают. ЛЕ «вечеринка» ограничена в употреблении такими параметрами, как возраст (молодёжь) и тональность, в то время как «*tertulia*» не имеет такого ограничения. Такие же соображения относятся к лексической единице «компания». Слово «кружок» соответствует ЛЕ «*tertulia*» в большей степени, но в значении, в котором оно употреблялось в прошлом веке.

Таким образом, прагматическая информация, заключённая в интенционале, импликационале и эмоционале данной безэквивалентной ЛЕ испанского языка, не позволяет передавать её ни одним из вышеперечисленных словарных соответствий на русский язык. Прагматически маркированными СК в данном случае выступают «пресуппозиция этноса» — Испания, национальный колорит, культурная традиция «*juntarse habitualmente en un café*», «род занятий» «*reunirse para conversar y, a veces, jugar a juegos de sobremesa*». Пример: «*Creo que podríamos haber aprendido muchísimo de las tertulias de la Generación del 98, de la labor de esta generación, por lo menos de sus componentes más eminentes. Son escritores extraordinarios. Valle-Inclán, Azorín, Baroja, Unamuno... Es gente de gran talla. Después, siendo ya autor más conocido, hablé bastantes veces en las tertulias con Benavente, allí me ví con otros escritores que pervivían... En aquella época la mayoría de los muchachos de entonces, aunque escribiéramos o pintáramos o hiciéramos cosas culturales, mirábamos con mucho respeto a don Ramón del Valle-Inclán o a don Miguel de Unamuno, no nos atrevíamos a hablar con ellos*». (Cambio 16, 9 de diciembre de 2001, 63).

Как видно из приведённого примера, речь идёт не о «вечеринках» и не о «компаниях». Достаточно проблематичным представляется также вариант передачи испанской безэквивалентной ЛЕ словом «кружок», т. к. у русскоязычного адресата возникает ассоциация со школьными кружками или обязательными мероприятиями по общественной линии. Дифференциал в ассоциациях у партнёров по коммуникации не позволяет вести речь о совместимой имплицативности ситуаций, обозначаемых этими ЛЕ как в ИЯ, так и ПЯ. В когнитивном пространстве опосредованного дискурса на русском языке происходит изменение культурно-когнитивных

пресуппозиций общения. ЛЕ ИЯ теряет свой «шлейф» ассоциаций в силу того, что должна быть инкорпорирована в когнитивную систему иной (русскоязычной) социально-культурной общности, в которой у её контекстуальных соответствий на ПЯ отсутствуют стереотипные ассоциации, традиционно связываемые с денотатом в ИЯ. В результате представление конкретной информации в соответствии с поставленными целями и задачами общения, а также ценностно-ориентируемыми установками адресанта текста оригинала в условиях установления формальной эквивалентности может исказить прагматический эффект в ПЯ и сделать перевод неадекватным.

В целях компенсации потерь при переводе данной безэквивалентной ЛЕ на русский язык переводчик должен осуществить ряд приёмов и трансформаций для достижения совместимой имплицативности и идиоматичности текстов на ИЯ и на ПЯ. Вместе с тем, исходя из того, что ЛЕ «*tertulia*» обозначает культурный концепт испанской жизни, её перевод зависит от условий конкретной речевой ситуации. Введение в текст на ПЯ данной ЛЕ путём транслитерации должно сопровождаться созданием когнитивного пространства, обеспечивающего её адекватную интерпретацию русскоязычным адресатом. Например: *Думаю, что мы могли бы многому научиться на «тертулиях Поколения 98 года», литературных собраниях писателей того времени.*

Транслитерированные безэквивалентные ЛЕ, как правило, обладают высокой степенью прагматической маркированности, объединяя воедино всё то, что скрывается под пластами лингвистических и экстралингвистических особенностей этих единиц. В целях обеспечения эффективности общения представляется оптимальным осуществлять их передачу на основе приёмов конкретизации и смыслового развития. Следует, на наш взгляд, вводить в текст на ПЯ транслитерированную безэквивалентную ЛЕ ИЯ, а в скобках давать её соответствие по смыслу на ПЯ, например: «тертулия (собрание); «тертулия (совместные обсуждения); «тертулия (литературный диспут)» и под.

Таким образом, в ближайшей перспективе, междисциплинарный подход к центральным понятиям и категориям перевода, эквивалентности, его терминологическому аппарату, будет осуществляться, на наш взгляд, на основе дальнейшей систематизации и расширения уже существующих представлений. Кроме того, исследоваться будут также те аспекты функционирования системы языка в опосредованном дискурсе, которые связаны с углублённым анализом и проникновением в структуры хранения концептуальной информации в памяти пользователя языка в контексте представления знаний языковой личности с позиций эффективности межъязыковой межкультурной коммуникации.

Л и т е р а т у р а

1. Быкова И. А. Межкультурная коммуникация : сопоставительное исследование когнитивно-культурных факторов перевода / И. А. Быкова // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — М. : Изд-во РУДН, 2013. — № 2. — С. 79–85.
2. Быкова И. А. Коммуникативно-прагматический анализ безэквивалентной и фоновой лексики испанского языка (на материале газетно-публицистических текстов) : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.20 / И. А. Быкова. — М., 1997. — 180 с.
3. Кубрякова Е. С. Слово в дискурсе / Е. С. Кубрякова // Текст и дискурс : Сб. науч. тр. Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. — Рязань, 2002. — С. 7–10.
4. Нотина Е. А. Фоновые знания переводчика в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований / Е. А. Нотина // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. — М., 2004. — № 1. — С. 21–31.
5. Нотина Е. А. Специфика взаимодействия концептуальных систем коммуникантов в условиях опосредованной межъязыковой / межкультурной коммуникации / Е. А. Нотина // Университетское переводоведение : Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения». — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — Вып. 10. — С. 399–404.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / [отв. ред. В. Н. Ярцева] / А. Д. Швейцер. — М. : КД ЛИБРОКОМ, 2009. — 216 с.
7. García A. L. Lingüística aplicada a la traducción / Ángel López García, Montserrat Veyrat Rigat // Onomázein 26. — 2012. — # 2. — S. 421–426.
8. Испанско-русский словарь современного употребления / [ред. А. В. Садиков, Б. П. Нарумов]. — М. : Рус. яз., 1996. — 748 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / [АН СССР; ред. А. П. Евгеньева]. — М. : Русский язык, 1981–1984.
10. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. / Julio Casares. — Barcelona : Gili, S. A., 1966.
11. Larousse. Diccionario manual de la lengua española. — LAROUSSE PLANETA, S. A., 1994.
12. Moline M. Diccionario de uso del Español. / Maria Moline. — Madrid : Gregos, 1986. — Т. 1. — 1446 p.; — Т. 2. — 1585 p.

References

1. Bykova I. A. Mez kul'turnaja komunikacija : sopostavitel'noe issledovanie kognitivno-kul'turnykh faktorov perevoda / I. A. Bykova // Vestnik RUDN. Ser. Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavaniya. — M. : Izd-vo RUDN, 2013. — # 2. — S. 79–85.
2. Bykova I. A. Kommunikativno-pragmaticheskij analiz bezekvivalentnoj i fonovoj leksiki ispanskogo jazyka (na materiale gazetno-publicisticheskikh tekstov): dis. ... kand. filol. n. : 10.02.20 / I. A. Bykova. — M., 1997. — 180 s.
3. Kubriakova E. S. Slovo v diskurse / E. S. Kubriakova // Tekst i diskurs : Sb. nauch. tr. Riaz. gos. ped. un-t im. S. A. Esenina. — Riazan', 2002. — S. 7–10.
4. Notina E. A. Fonovye znanija perevodchika v aspekte kognitivno-diskursivnoj paradigmy lingvisticheskikh issledovanij / E. A. Notina // Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya : jazyki i special'nost'. — M., 2004. — # 1. — S. 21–31.
5. Notina E. A. Specifika vzaimodejstvija konceptual'nyh sistem kommunikatorov v uslovijah oposredovannoj mezh'jazykovoj / mezhkul'turnoj komunikacii / E. A. Notina // Universitetskoe perevodovedenie : Materialy X mezhdunar. nauch. konf. po perevodovedeniju «Fedorovskie chtenija». — SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. — S. 399–404.
6. Shvejcer A. D. Teorija perevoda : status, problemy, aspekty / [otv. red. V. N. Jarceva] / A. D. Shvejcer. — M. : KD LIBROKOM, 2009. — 216 s.
7. García A. L. Lingüística aplicada a la traducción / Ángel López García, Montserrat Veyrat Rigat // Onomázein 26. — 2012. — # 2. — S. 421–426.
8. Ispansko-russkij slovar' sovremennogo upotreblenija / [red. A. V. Sadikov, B. P. Narumov]. — M. : Rus. jaz., 1996. — 748 s.
9. Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / [AN SSSR; red. A. P. Evgen'eva. — M. : Rus. jaz., 1981–1984.
10. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. / Julio Casares. — Barcelona : Gili, S. A., 1966.
11. Larousse. Diccionario manual de la lengua española. — LAROUSSE PLANETA, SA., 1994.
12. Moline M. Diccionario de uso del Español. / Maria Moline. — Madrid : Gregos, 1986. — T. 1. — 1446 p.; — T. 2. — 1585 p.

БИКОВА Ирина Александрівна,

кандидат філологічних наук, професор, заст. зав. кафедри іноземних мов Аграрно-технологічного інституту Російського університету дружби народів; вул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Росія; e-mail: kialbyk@yandex.ru;

НОТИНА Олена Александрівна,

кандидат філологічних наук, професор, зав. кафедри іноземних мов Аграрно-технологічного інституту Російського університету дружби народів; вул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Росія; e-mail: lena.notina@yandex.ru

ЕКВІВАЛЕНТНІСТЬ У КОГНІТИВНОМУ ПРОСТОРІ ПЕРЕКЛАДУ

Анотація. Переорієнтація науки на антропоцентричну, функціональну парадигму в дослідженнях змінює не лише підхід до перекладу per se, а й розширює спектр проблем, пов'язаних з вивченням цього багатогранного й об'єктивно складного феномену в умовах полікультурного простору крізь призму явищ когніції. **Предмет** дослідження — категорія еквівалентності у світлі сучасної когнітивної парадигми, а також реалізація цієї категорії з урахуванням когнітивних аспектів стратегії перекладу із залученням даних семіотики, прагматики, семантики, психології в рамках міждисциплінарного підходу до перекладу. **Мета** статті — описати функціонування безеквівалентних лексичних одиниць у когнітивному просторі перекладу на прикладі російсько-іспанської комбінації мов. Як **результат** дослідження запропоновано стратегії передачі змісту подібних одиниць засобами іншої мови для адекватного декодування смислу опосередкованого дискурсу з метою забезпечення ефективності міжмовної міжкультурної комунікації. Виявлено та продемонстровано двупланову специфіку іспанської мови. Ця специфіка проявляється в безеквівалентних і фонових лексичних одиницях як знаках, утворених у конкретних культурно-історичних і соціально-економічних умовах. Використано **методи** семантичного та порівняльного аналізу. **Практичне застосування:** результати функціонування мови в опосередкованому дискурсі.

Ключові слова: переклад, еквівалентність, смисл, міжкультурна комунікація, когніція, дискурс.

Irina A. BYKOVA,

Ph.D. in Philological Sciences, Professor, Vice Head of Department of Foreign Languages of the Agrarian-technological institute of Peoples Friendship University of Russia; 6, Miklucho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia; e-mail: kia1byk@yandex.ru;

Elena A. NOTINA,

Ph.D. in Philological Sciences, Professor, Head of Department of Foreign Languages of the Agrarian-technological institute of Peoples Friendship University of Russia; 6, Miklucho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia; lena.notina@yandex.ru

EQUIVALENCE IN A COGNITIVE SPACE OF TRANSLATION

Summary. In the field of translation theory, owing to the new functional paradigm with its antropocentrism in the investigations, not only the approaches to the translation *per se* have changed, but also the scope of issues concerned with researches of this multidimensional and multifaceted phenomenon within the multicultural spaces through the prism of cognition has expanded. **Subject.** The cognitive aspects of translation and cognitive aspects of strategies in translation continue to give rise to new debates and, at this point, there is an inevitable necessity to apply the interdisciplinary approach within the framework of semiotics, pragmatics, semantics, sociolinguistics, etc. in the research of the central categories of translation theory, such as equivalence, in the light of modern cognitive paradigm. Since it is widely accepted that cognitive spaces are marked by cultural-specific differences, a comparative analysis of Spanish and Russian lexicological data can reveal and demonstrate two-dimensional national specificity of Spanish language which is manifested in non-equivalent and background lexical units and which imposes international and intervariant pragmatic restrictions on their choice and use in different types of communicative and pragmatic situations in accordance with communicative and pragmatic norms of the Spanish language and its variants. **The objective** of this article is to consider the functioning of non-equivalent lexical units in the cognitive space of translation, making a special reference to the Spanish-Russian language combination. **Results.** This article suggests strategies of conveying the precise meaning of these units at the moment of transferring and adequately restoring the sense as a fundamental condition of efficient communication. **Methods** of semantic and comparative analysis are used in this study. **The practical value** of the research is to use the results for fundamental studies within the field of translation theory and translation teaching.

Key words: translation; equivalence; sense; cross-language communication; cognition; discourse.

Статтю отримано 2.11.2015 р.

УДК 811.111'373'42:159.91.001.361(043.3)

МАТУЗКОВА Елена Прокопьевна,

доктор филологических наук, доцент, зав. кафедры теории и практики перевода Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: olenamatuszkova@yahoo.com; тел.: +38 050 3164940

КОНСТИТУЕНТЫ ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивно-дискурсивной сущности английской коллективной идентичности. Подобный подход позволяет рассмотреть особенности конструирования этого многогранного феномена в современной англоязычной документальной прозе. В статье описываются базисные понятия межпарадигмального когнитивно-дискурсивного лингвистического подхода к изучению идентичности, обосновываются принципы структурирования основных единиц документального дискурса английской коллективной идентичности. Предлагаются термины: идентификатор, идентема (дискурсивные микрофрагменты), идентифицирующее высказывание (дискурсивный фрагмент) и идентифицирующий контекст (дискурсивный макрофрагмент).

Ключевые слова: английская коллективная идентичность, дискурс идентичности, идентичность, когнитивно-дискурсивный подход.

Актуальность темы статьи определяется эволюцией языкознания, появлением в его парадигме новых *междисциплинарных* направлений, в том числе формированием целостной теории идентичности, методологические принципы которой в украинской лингвистике только начинают разрабатываться. Интерес современной украинской германистики к изучению проблем взаимодействия языка, культуры, сознания и идентичности, важная роль коллективной этнокультурной идентичности в современной жизнедеятельности общества также объясняют актуальность

выбора темы исследуемой темы. В данной статье представлены результаты изучения дискурсивной сущности английской коллективной идентичности. Наш подход позволяет рассмотреть особенности конструирования этого многогранного феномена в современном англоязычном документальном дискурсе.

Доминирование в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной и активизация синергетической парадигм диктуют новые исследовательские подходы к языку и его текстово-дискурсивным реализациям. Анализ дискурса, знаковым посредником которого является текст, представляется продуктивным методом для исследования идентичности как концептуальной структуры, несущей значимую культурно-ценностную информацию.

Проблема выделения единицы дискурса английской коллективной идентичности неразрывно связана со сложной и не решённой в современном языкознании проблемой определения единицы дискурса вообще. Структурирование единиц дискурса как его элементарных конститuentов определяется методологическим подходом к толкованию самого дискурса. В репрезентативном стиле мышления как «философско-методологическом основании научных исследований дискурса» [3, с. 115] в рамках формального направления предлагается иерархия единиц дискурса, соотносимых с фонетико-просодическими и лексико-грамматическими единицами языка. В русле функционального направления на базе таксономии системно-структурного языкознания разрабатывается таксономия единиц дискурса: предикативная единица — речевой акт; предложение — высказывание; сложное синтаксическое целое — диалогическое единство; текст — дискурс. Чаще всего статус единицы дискурса приписывается высказыванию (Н. Арутюнова; Э. Бенвенист; А. Леонтьев; А. Clark; D. Schiffrin и др.), речевому акту (Дж. Серль; И. Сусов; И. Шевченко; J. Austin и др.), а также интеракциональному, коммуникативному или дискурсивному актам (Т. ванн Дейк; М. Макаров; W. Edmonson; Н. Неппе и др.).

Однако с позиций деятельностного направления анализа дискурса описанные выше единицы не являются безоговорочно приемлемыми, поскольку не отражают конститутивных особенностей дискурса и поэтому не способны раскрыть его природу [3, с. 98–99]. В деятельностном подходе к анализу дискурса *определение формально-структурных границ вообще не является принципиальным*. Единица дискурса может равняться любому предикативному фрагменту дискурса (предельными случаями будут высказывание, которое формально равняется предложению и текст (серия текстов). Отметим, что выделение единицы дискурса на деятельностных основаниях всё ещё находится на начальном этапе. К решению этой проблематики приближается предлагаемое Е. Морозовой понятие дискурсема [4] и предлагаемое А. Мартынюк понятие дискурсивного контекста [2].

Понятие *дискурсема*, введённое для анализа НЕПРАВДЫ как когнитивно-коммуникативного феномена, определяется как фрагмент дискурса, который содержит неправдивое высказывание: ядро дискурсема — и метаязыковое наложение: экспликативную часть, — где освещаются ситуативные факторы, которые субъект рефлексии считает релевантными для интерпретации ситуации [4, с. 13].

Понятие *дискурсивного контекста* используется для анализа концептов и определяется как фрагмент дискурса, который включает языковые способы эксплицитной или имплицитной актуализации концепта и вовлекает продуцента и интерпретатора речи, которые определяют понятийное и аксиологическое содержание концепта [3, с. 99].

Сложной описываемая проблема предстаёт и при анализе идентичности как когнитивно-дискурсивного конструкта. Единицей дискурса индивидуальной идентичности, где дискурс представлен спонтанными речевыми текстами, предлагается считать дискурсивное событие (Н. Герман, М. Макаров), дискурсивные практики (М. Школова) и акт идентичности / идентификационный акт (R. Hudson).

Дискурсивное событие определяется как совокупность коммуникативно значимых, прагматически связанных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели [1, с. 201]. *Дискурсивная практика* трактуется как принятый типичный сценарий выражения определенного значения в данном сообществе в условиях данной социокультурной среды, следствие наиболее типичного выбора тех или иных стратегий в данном социокультурном контексте [5]. *Идентификационный акт* предлагается рассматривать как речевой акт, лингвистический сигнал социальной идентичности, соотносящий говорящих с многомерным социальным миром [6].

В пространстве исследуемого нами документального дискурса английской коллективной идентичности с его моносубъектностью, категориальностью, нарративностью, где объектом идентификации выступает не индивидуальная языковая идентичность, а коллективная идентичность (не «говорящая», а «озвученная», «языковлённая» множеством говорящих сознаний), для её анализа можно прежде всего выделить некоторый фрагмент дискурса. Это смысловой блок с развёртывающейся, разветвляющейся (дискурсивной) структурой, который включает языковые способы актуализации английской коллективной идентичности как ментального конструкта. Подобные дискурсивные отрезки, длина которых может многократно варьироваться, можно

определить как *макрофрагменты* документального дискурса английской коллективной идентичности, своеобразные *дискурсивные идентифицирующие контексты*. Для нашего исследования, базирующегося на материале документальной литературы, именно это структурное измерение из описанных выше двух базовых единиц дискурса (в рамках деятельностного подхода) представляется наиболее близким и продуктивным. Дискурсема, в отличие от дискурсивного контекста, более эффективна для анализа когнитивно-коммуникативных феноменов полисубъектной, диалогической, речевой ситуативной деятельности с привлечением ситуативных фильтров.

Дискурсивные макрофрагменты документального дискурса английской коллективной идентичности довольно разнообразны и множественны по всем параметрам, что значительно усложняет, во-первых, формальное выделение их границ и, во-вторых, их систематизацию. По нашим наблюдениям, типология таких макрофрагментов во многом определяется характером их ядерных компонентов — смысловых блоков, *дискурсивных идентифицирующих высказываний*, с помощью которых вербализуются суждения о различных аспектах английской коллективной идентичности. Такие *дискурсивные фрагменты* зачастую служат граничными маркерами макрофрагментов: они либо «открывают», либо «закрывают», либо «обрамляют» их. Дискурсивные идентифицирующие высказывания в сжатом виде несут основную информацию о содержании английской коллективной идентичности, раскрываемую, иллюстрируемую и интерпретируемую в дискурсивном макрофрагменте. Последний может включать как одно, так и несколько подобных высказываний (в примерах выделяем их жирным шрифтом):

In private, among people we know very well the English are quite capable of warmth, openness, intimacy and the full gamut of human emotions associated with friendship and family ties. Some of us are more warm and open than others, but that is a matter of individual differences in personality, and has little or nothing to do with national character [8, с. 392].

Итак, сущностное наполнение английской коллективной идентичности материализуется в дискурсивных макрофрагментах, включающих дискурсивные фрагменты — идентифицирующие высказывания. Последние, в свою очередь, также можно структурировать на более дробные *дискурсивные микрофрагменты*. Первый такой дискурсивный микрофрагмент включает лингвистические «сигналы» гиперконцепта **АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ** (ЛГК АИ) — имена концептов. Их называем *идентемами* (*English identity, Identity of England, the English, England, etc*) и рассматриваем как дискурсивные микрофрагменты, сигналы дискурса идентичности. Они вводят и «развёртывают» следующий микрофрагмент, содержащий сущностные концептуальные признаки гиперконцепта **АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**, отражающие, в свою очередь, характеристики английской коллективной идентичности как феномена. Приведём примеры дискурсивных идентифицирующих высказываний с идентемами:

The English are known for their peculiar people, be they fictional, as in the work of Dickens or Trollope, or real, as in the House of Lords [9, с. 169].

The English traditionally admire 'pluck' over skill [11, с. 20].

Идентемы также могут быть выражены дискурсивными вариативами номинативного поля ЛГК АИ, например: *English identity — English national identity, English ethnic identity; England — our* либо *their nation/land/country; The English — we, they* и т. п. Выделяем также квантитативные идентемы, дополненные словами *many, a lot of* (*many English people, a lot of English values, etc*) и типологизирующие, относящие большинство сообщества или феноменов английской жизни к указанному признаку благодаря словам и выражениям *most, all, most part of, the most characteristic feature, typical(ly), etc* (*most English people, English of all classes and ages, the most characteristic feature of England, etc*):

Most peculiarities of English behavior are traceable to this unfortunate affliction — social disease [8, с. 402].

Как уже отмечалось, в идентифицирующих дискурсивных высказываниях, кроме идентем — дискурсивных микрофрагментов, содержащих языковые сигналы, номинанты ЛГК АИ, выделяется ещё одна составляющая. Это — дискурсивный микрофрагмент, в котором вербализуются сущностные концептуальные признаки описываемого гиперконцепта, «маркеры» английской идентичности. Такой ключевой, по нашему мнению, дискурсивный микрофрагмент можно обозначить как *идентификатор*.

Дискурсивный идентификатор может быть объективирован словом, словосочетанием, фразой, предложением, идентифицирующим:

— один характерный признак (однопорядковая идентификация):

The English have the opportunity to indulge their phenomenal capacity for quiet moaning [10, с. 128];

— несколько синонимичных (синонимичная идентификация):

English people really are more reserved, repressed and restrained than Americans. They really do say 'Sorry', all the time, even when it is not their fault, such as when they trip and fall down, or when someone knocks into them in the street [9, с. 5];

— несколько разных (разнопорядковая идентификация):

The English really do admire those who demonstrate steadfastness, self-control and humour in a tight situation, and themselves aspire to such behavior, though they may not always achieve it [11, с. 30].

В целом, ещё раз отметим, что как дискурсивные макрофрагменты, так и дискурсивные фрагменты «бесконечно» разнообразны по своим структурным характеристикам. Это значительно затрудняет их классификацию. Среди них можно выделить *простые и развёрнутые* единицы. Первые малочисленны в документальном дискурсе и представлены номинативными, адъективными, адвербиальными и глагольными прототипными дискурсивными идентифицирующими высказываниями:

As aristos go, the English are probably a better bet than any other lot [12, с. 22]; *England is a nation of dedicated tea-drinkers* [11, с.205] (номинативные).

The English are, of course, class-obsessed and intensely nosy [10, с. 154]; *Englishness is only perceptible if considered from above, as if from a visiting spaceship* [11, с. 2] (адъективные).

It sometimes occurs to me that the English have more heritage than is good for them. In a country where there is so astonishingly much of everything, it is easy to look on it as a kind of inexhaustible resource [7, с. 103] (глагольное и адвербиальное).

The English persist in the belief that they owe their singularity and tranquility to the arm of the sea that separates their island from the continent [10, 301]; *The English might believe in truth and fair play, but they never make a song and dance about it* [11, с. 13] (глагольные).

Таким образом, размытость, неопределённость подобных развёрнутых фрагментов затрудняет их классификацию и моделирование. Тем не менее, мы убеждены, что описание и анализ подобных конститuentов дискурса английской коллективной идентичности представляет значительный интерес для лингвистической теории идентичности и, безусловно, они должны стать предметом специальных практических исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Герман Н. Ф. Изучение феномена лингвокультурной идентичности языковой личности / Н. Ф. Герман // Актуальные проблемы коммуникации и культуры : Междунар сб. науч. трудов. — М. — Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2007. — Вып. 6. Ч. II. — С. 265–270.
2. Мартынюк А. П. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта celebrity / знаменитость, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе) / А. П. Мартынюк // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2010. — № 1. — С. 93–100.
3. Мартынюк А. П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А. П. Мартынюк. — Харків : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. — 194 с.
4. Морозова О. І. Діяльнісний стиль мислення у лінгвістичних дослідженнях / О. І. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2008. — № 811. — С. 41–45.
5. Школовая М. С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — теория языка / М. С. Школовая. — Тверь, 2005. — 150 с.
6. Hudson R. A. Sociolinguistics / R. A. Hudson. — Cambridge University Press. — 1996. — 279 p.
7. Bryson B. Notes from a Small Island / B. Bryson. — London : Black Swan, 1996. — 352 p.
8. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. — London : Hedder, 2005. — 424 p.
9. Lyall S. The Anglo-Files : A Field Guide to the British / S. Lyall. — New York, London : W. W. Norton and Company Inc., 2008. — 289 p.
10. Paxman J. The English : a Portrait of People / J. Paxman. — London : Penguin Books, 1999. — 308 p.
11. Quick A. 102 English Things to Do / A. Quick. — Old Street Publishing Ltd, 2013. — 226 p.
12. Smith G. The English Companion : An idiosyncratic A to Z of England and Englishness / G. Smith. — Old House Books, 2006. — 283 p.

References

1. German N. F. Izuchenie fenomena lingvokul'turnoj identichnosti jazykovoj lichnosti / N. F. German // Aktual'nye problemy kommunikacii i kul'tury : Mezhdunar. sb. nauch. trudov. — M. — Piatigorsk: Izd-vo Piatigorskogo gos. lingv. un-ta, 2007. — S. 265–270.
2. Martyniuk A. P. Opyt modusnogo modelirovaniia koncepta (na primere koncepta celebrity / zname-nitost', aktualizirovannogo v anglojazychnom gazetnom diskurse) / A. P. Martyniuk // Kogniciia, kommunikaciia, diskurs. — 2010. — № 1. — S. 93–100.
3. Martyniuk A. P. Slovnnyk osnovnykh terminiv kohnityvno-dyskursyvnoi lnhvistyky / A. P. Martyniuk. — Kharkiv : Vyd-vo KhNU im. V. N. Karazina, 2012. — 194 s.
4. Morozova O. I. Djalnisnyj styl' myslennia u lnhvistychnykh doslidzhenniakh / O. I. Morozova // Visnyk Kharkivs'koho nacional'noho univ. im. V. N. Karazina. — 2008. — № 811. — S. 41–45.
5. Shkolovaja M. S. Lingvisticheskie i semioticheskie aspekty konstruirovaniia identichnosti v elektron-noj kommunikacii : dis. ... kand. filol. Nauk : 10.02.19 — teoriia jazyka / M. S. Shkolovaja. — Tver', 2005. — 150 s.

6. *Hudson R. A.* Sociolinguistics / R. A. Hudson. — Cambridge University Press. — 1996. — 279 p.
7. *Bryson B.* Notes from a Small Island / B. Bryson. — London : Black Swan, 1996. — 352 p.
8. *Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. — London: Hedder, 2005. — 424 p.
9. *Lyll S.* The Anglo-Files : A Field Guide to the British / S. Lyall. — New York, London : W. W. Norton and Company Inc., 2008. — 289 p.
10. *Paxman J.* The English: a Portrait of People / J. Paxman. — London : Penguin Books, 1999. — 308 p.
11. *Quick A.* 102 English Things to Do / A. Quick. — Old Street Publishing Ltd, 2013. — 226 p.
12. *Smith G.* The English Companion : An idiosyncratic A to Z of England and Englishness / G. Smith. — Old House Books, 2006. — 283 p.

МАТУЗКОВА Олена Прокопівна,

доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри теорії та практики перекладу факультету романо-германської філології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: olenamatuzkova@yahoo.com; тел.: +38 050 3164940

КОНСТИТУЕНТИ ДИСКУРСУ АНГЛІЙСЬКОЇ КОЛЕКТИВНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ

Анотація. Статтю присвячено вивченню когнітивно-дискурсивної сутності англійської колективної ідентичності. Подібний підхід дає змогу розглянути особливості конструювання цього багатогранного феномену в сучасній англомовній документальній прозі. У статті описано базові поняття міжпарадигмального когнітивно-дискурсивного лінгвістичного підходу до вивчення ідентичності, запропоновано авторське розуміння терміна «дискурс ідентичності» та його типологію, обґрунтовано засади структурування одиниць документального дискурсу англійської колективної ідентичності. Запропоновано терміни: ідентифікатор, ідентема (дискурсивні мікрофрагменти), ідентифікаційне висловлення (дискурсивний фрагмент) та ідентифікаційний контекст (дискурсивний макрофрагмент).

Ключові слова: англійська колективна ідентичність, дискурс ідентичності, ідентичність, когнітивно-дискурсивний підхід.

Olena P. MATUZKOVA,

Doctor of Humanities in Philology, associate-professor, Head of Translation Department, Romance-Germanic Faculty, Odessa I. Mechnikov National University, 24/26 Frantsuzky Blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: olenamatuzkova@yahoo.com; mob.: +38 050 3164940

THE CONSTITUENTS OF ENGLISH COLLECTIVE IDENTITY DISCOURSE

Summary. The article researches into cognitive-discursive character of English collective identity. In doing so it describes fundamental notions of interparadigmatic cognitive-discursive linguistic approach to identity studies, suggests author's understanding of the term «discourse of identity», its typology and structural units (discursive microfragments, discursive fragments and discursive macrofragments). Identity is viewed as a regulatory discourse to which we are attached through processes of identification or emotional investment by various discursive constructions that change their meanings according to time, place and usage. This theoretical basis enables to build up research methodology of collective identity as a cognitive-discursive result of society reflection, to construct linguocultural hyperconcept ENGLISH IDENTITY as a model for cognitive-discursive description of any ethnic-cultural collective identity and to typify the discourse of English identity in which this hyperconcept is verbalized.

Key words: cognitive-discursive approach, discourse of identity, English collective identity, identity.

Статтю отримано 22.10.2015 р.

УДК 808.1:[811.161.1+821.161.1]-344:004.946

САВЧЕНКО Александра Валериевна,аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина; e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru;
тел.: +38 (0482) 499906; моб.: +38 063 8471536

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФАНТАСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. В данной статье представлен анализ понятия «виртуальное пространство» в контексте фантастической литературы. Цель статьи — исследование соотношения понятий реального и ирреального, художественного и фантастического в тексте. Анализ различных точек зрения исследователей, затрагивавших этот вопрос, позволил заметить, что критическим понятием для определения степени фантастического в тексте является соответствие «законам природы», поскольку фантастическим признаётся то, чего не только не существует в объективной реальности, но и не может существовать. Результаты исследования свидетельствуют о существовании взаимосвязи фантастического текста с реальным миром, что проявляется в реализации ряда понятий в объективном мире при наличии необходимых для этого условий. Ключевым в фантастике является понятие «виртуальное пространство», которое представляет собой совокупность неких лингвистических средств, являющихся рабочим кодом произведения и служащим для введения реципиента в дискурс субъективной реальности автора.

Ключевые слова: виртуальное пространство, фантастика, художественный реализм, текст, ирреальное.

Данное исследование посвящено анализу соотношения понятий реального и ирреального, художественного и фантастического в контексте виртуального пространства в литературе.

В последние годы в Украине и за рубежом особенно возросла популярность фантастики как жанра. Одной из ярких особенностей этого жанра является погружение читателя в несуществующую «виртуальную» сферу, где автор создаёт альтернативное пространство по предлагаемым им законам мироздания.

Имеются разные определения понятия «фантастика». Наиболее оптимальной нам представляется в некоторой степени наивная, однако весьма точная дефиниция: «Фантастика есть изображение фактов и событий, не существовавших в реальной действительности» [8, с. 21]. А что же собой представляет «реальная действительность»? Ведь граница между реальным и нереальным условна и подвижна. К реальному миру нельзя относиться, как к чему-то очевидно и необходимо данному: представления о реальности задаются культурой, эпохой, властью, опытом отдельного индивидуума, конкретной ситуацией. Слишком многое зависит от того, какую модель реальности избрать и какую процедуру установления истины считать уместной в данном случае. Именно поэтому для нас так важно определить понятия реального и ирреального в контексте создаваемого фантастикой пространства. В данном контексте понятие «ирреального» в фантастике является более определённым, поскольку сам жанр заведомо предполагает некоторое допущение, которое он признаёт и от которого отталкивается, что сразу же ставит некие границы в произведении для реального.

Существование фантастики обусловлено определёнными потребностями человека. Какой бы смысл мы ни вкладывали в распространённое понятие «бегство от реальности», фантастическая литература обслуживает этот важный аспект человеческого существования. Истории известны случаи, когда в фантастических произведениях были выражены мысли и идеи, нашедшие впоследствии своё воплощение в реальности. Ещё более широко представлены случаи, когда подобные произведения оставляли свой вклад в языке, обогащая его новой лексикой.

Определение *фантастического как отклоняющегося от реальности* делает понятие фантастики логически близким с понятием психопатологии. Однако определяя фантастику как отклонение от условно заданной реальности, мы сталкиваемся с вопросом о том, кто должен задавать реальность: автор или читатель фантастического произведения? Идеальной была бы ситуация, в которой читатель (реципиент) фантастики обладает сходными с автором критериями отличия вымысла от действительности. В этом случае фантаст и читатель фантастического произведения находятся как бы в сговоре относительно того, какие из воображаемых образов считать фантастическими, а какие — возможными [7, с. 18]. Чтобы определить основные понятия, которыми мы планируем оперировать в данном исследовании, следует учитывать, что есть объективная и субъективная реальность в философии. «В философии под реальностью понимается всё существующее в действительности. Различают объективную и субъективную реальность. Объективная реальность — это то, что существует вне сознания человека: пространство,

время, движение; субъективную реальность можно определить как явление сознания, ощущения, восприятия человеком чего-либо и всё то, что с этим связано» [6, с. 259].

В этом контексте нас, в первую очередь, должен интересовать вопрос о пространстве реального и виртуального. Чтобы понять сущность виртуального пространства фантастического произведения, необходимо рассмотреть механизм становления этого пространства. Основным «инструментом» в его создании является воображение автора произведения. «Воображение — это психический процесс создания новых образов на основе ранее воспринятых. Воображение представляет собой отражение реальной действительности в новых непривычных сочетаниях и связях. Оно занимает промежуточное положение между восприятием и мышлением, мышлением и памятью. Воображение свойственно только человеку. Оно позволяет ему выйти за пределы реального мира во времени и пространстве, даёт возможность ещё до начала работы представить себе готовый результат труда. Почти вся человеческая материальная и духовная культура является продуктом воображения и творчества людей» — такое определение дано в учебном пособии «Психология и педагогика» [3, с. 61]. Мы не случайно приводим это определение полностью. Так или иначе, новые образы конструируются на основе старых, уже существующих. Создаваемое автором виртуальное пространство состоит из неких фрагментов объективной реальности, субъективно воспринятых им и своеобразно поданных. В этом смысле фантастика является «переработкой действительности» [8, с. 122]. Фантастика одновременно является и «воплощением воображаемого в литературе или искусстве» [7, с. 45]. Такое определение не разграничивает не являющихся тождественными понятий художественного и фантастического. А вот понятие «художественного реализма» эти понятия разграничивает. Читатель любого художественного произведения по умолчанию понимает, что имеет место некое допущение: действующие лица в произведении совершают поступки, которых в реальности не было, да и сами персонажи нередко являются вымышленными. Однако допущения эти возможны только в частном, а общее, глобальное описание реальности художественного произведения более или менее соотносится с реалиями действительности. Более того, нередко именно степень соответствия этим реалиям определяет художественную ценность текста, показывая степень мастерства автора. Фантастика же нарушает главные закономерности мира, причудливо видоизменяя их, давая, однако, читателю осознать то, что описанного не только не существует, но в рамках реалий объективного мира в определённый момент времени быть и не может.

Всё сказанное выше наталкивает на мысль о том, что при рассуждении о художественном реализме необходимо вводить представления об управляющих бытием закономерностях. Отдельные события, порождённые художественным вымыслом, не имеют места в реальности, но не противоречат закономерностям бытия — и эта идея заложена в самой сути художественного произведения. Поскольку фантастическое в равной степени возникает в ситуации, при которой не учитываются законы физики, математики, биологии, географии, астрономии и описываются события, не соответствующие исторической правде, есть основания заявлять, что при определении фантастического можно вообще обойтись без категории «закономерности».

Многие авторы считают, что фантастическое — это то, что противоречит законам природы, а значит сверхъестественное. Так, Е. Тамарченко пишет, что «фантастическое начинается на границе законов природы, и фантастика существует постольку, поскольку она выходит за эти границы и не покрывается логической мотивацией и объяснением» [4, с. 132]. Однако понятие «законы природы» — понятие сравнительно позднее. Даже естественные науки имеют дело, прежде всего, с феноменами, в которых они только пытаются выявить закономерности, но далеко не всегда им это удаётся. Феномен, противоречащий известным науке законам, не считался бы фантастическим, если бы о нём было точно известно, что он существует, и тем более, если бы он встречался достаточно часто [7, с. 58].

Таким образом, для конструирования фантастического не обязательно знать о закономерностях — достаточно отличать встречающиеся типы событий от ещё невиданных. Вымышленные реалистические факты не существуют в объективной реальности, но они относятся к реальным категориям, т. е. становятся в ряд реально существующих аналогичных фактов. В свою очередь, «фантастические» факты относятся к заведомо несуществующим категориям, и автору произведения необходимо ознакомить реципиента с дискурсом произведения, что происходит при помощи разнообразных языковых средств. Так мы приходим к выводу о том, что «граница между художественным реализмом и фантастикой пролегает примерно там, где лежит граница между единичными фактами и объединяющими их общими категориями» [7, с. 65].

Фантастикой, в свою очередь, называют изображение фактов, которые определённой культуре не только не свойственны, но не существуют и даже не могут существовать. Это ёмко определил Дж. Толкиен: «Фантастика имеет дело с образами того, чего не только «на самом деле нет», но и вообще нельзя обнаружить в нашем мире, во всяком случае, считается, что нельзя» [5, с. 275].

Ю. Кагарлицкий в книге «Что такое фантастика?» пишет: «То или иное произведение остаётся в пределах фантастики лишь до тех пор, пока средства убедительности — сколь бы

реалистичны они ни были сами по себе — служат именно фантастике. Там, где этот принцип нарушен, фантастическое допущение немедленно обнаруживает всю свою шаткость. Он отделяется от реалистического по самой сути своей произведения, становится простой литературной условностью. В подобного рода вещах фантастика ничего не определяет. Когда автору нужен просто литературный приём, становится безразлично, откуда этот приём заимствован» [1, с. 115]. Это подводит нас к мысли о том, насколько хрупко понятие закономерности и реалистичности в фантастическом мире и как легко пошатнуть его рамки.

Возвращаясь к вопросу о соответствии законов виртуального пространства «законам природы», необходимо вспомнить, что, несмотря на необъяснимость волшебных превращений законами современной физики, на невозможность межзвёздных полётов из-за несовершенства современной техники, всё перечисленное оставляет некий простор для воплощения ирреального в жизнь. Наука не стоит на месте, постоянно изменяясь и дополняясь многими фактами. Тут необходимо вспомнить о том, что истории известны случаи, когда авторам произведений, как правило, творящим в жанре научной фантастики, удавалось предугадывать, предвидеть открытия, необходимость в которых видел талантливый писатель, но природу которых не мог описать. Такие примеры выстраивают виртуальный «мостик» между объективной реальностью и описываемым субъективным пространством фантастического.

В связи с этим можно говорить о том, что виртуальное пространство фантастического не существует изолированно, само по себе, а связано с объективной реальностью. Такая связь работает в двух направлениях. С одной стороны, создание виртуального пространства как такового основывается на человеческом воображении, оперирующем частными элементами реальности, прошедшими сквозь призму субъективного восприятия, с другой же — часть такого виртуального пространства имеет при определённых условиях некоторый шанс реального воплощения. Это снова приводит к мысли о том, что связь фантастического и реального не так иллюзорна, как это может показаться при первом столкновении с этим вопросом.

Следовательно, отношение между литературным текстом и фантастическим воображением ничем не отличается от подобного отношения в рамках художественного реализма. И реалистическое, и фантастическое произведения создают у читателя наглядную картину некой реальности. Разница между фантастикой и реализмом заключена в идейно-содержательной сфере, в способе изображения объективной реальности. При этом фантастика требует некоторого зазора, способного разграничить её с действительностью. Именно этой цели служит создание виртуального пространства. Текст фантастического произведения представляет собою реализацию авторского кода, который представляет собой определённую совокупность языковых средств. Этот код призван запустить машину фантазии. Текст содержит систему стимулов, направляющих воображение в определённых направлениях, однако целостный фантастический мир, если только вообще можно говорить о его существовании, содержится отнюдь не в тексте. Е. М. Неелов, сопоставляя народную и современную литературную сказку, отмечает, что обе они пересоздают действительность и «это приводит к появлению новой сказочной реальности» [2, с. 21]. Одна из попыток изучить данное явление и будет составлять предмет нашего дальнейшего исследования.

Л и т е р а т у р а

1. Кагарлицкий Ю. И. Реализм и фантастика / Ю. И. Кагарлицкий // Вопросы литературы. — 1971. — № 1. — С. 101–115.
2. Неелов Е. М. Сказка, фантастика, современность / Е. М. Неелов. — Петрозаводск : Карелия, 1987. — 128 с.
3. Позина М. Б. Психология и педагогика : учеб. пособие / науч. ред. И. Ф. Неволлин. — М. : Университет Натальи Нестеровой, 2001. — 97 с.
4. Тамарченко Е. Уроки фантастики / Е. Тамарченко // В мире фантастики : сб. статей и очерков о фантастике : [сост. А. Кузнецов] — М. : Молодая гвардия, 1989. — С. 130–151.
5. Толкиен Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Дж. Р. Р. Толкиен. Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки. — М. : РИФ, 1991. — 301 с.
6. *Философский энциклопедический словарь* / [гл. ред. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н. и др.]. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 836 с.
7. Фрумкин К. Г. Философия и психология фантастики / К. Г. Фрумкин. — М. : УРСС, 2004. — 240 с.
8. Чернышёва Т. А. Природа фантастики / Т. А. Чернышева. — М. : Издательство Иркутского университета, 1989. — 336 с.

References

1. *Kagarlickij Ju. I.* Realizm i fantastika / Ju. I. Kagarlickij // *Voprosy literatury*. — 1971. — № 1. — S. 101–115.
2. *Neelov E. M.* Skazka, fantastika, sovremennost' / E. M. Neelov. — Petrozavodsk : Karelija, 1987. — 128 s.
3. *Pozina M. B.* Psihologija i pedagogika : ucheb. posobie / Nauch. red. I. F. Nevolin. — M. : Universitet Natal'i Nesterovoj, 2001. — 97 s.
4. *Tamarchenko E.* Uroki fantastiki / E. Tamarchenko // *V mire fantastiki : sb. statej i ocherkov o fantastike* : [sost. A. Kuznecov]. — M. : Molodaja gvardija, 1989. — S. 130–151.
5. *Tolkien J. R. R.* O volshebnyh skazkah // J. R. R. Tolkien. List raboty Melkina i drugie volshebnye skazki. — M. : RIF, 1991. — 301 s.
6. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* / [gl. red. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N. i dr.] — M. : Sovetskaja enciklopedija, 1983. — 836 s.
7. *Frumkin K. G.* Filosofija i psihologija fantastiki / K. G. Frumkin. — M. : URSS, 2004. — 240 s.
8. *Chernysheva T. A.* Priroda fantastiki / T. A. Chernysheva — M. : Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1989. — 336 s.

САВЧЕНКО Олександра Валеріївна,

аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна; e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru;
тел.: +38 (0482) 499906; моб.: +38 063 8471536

ВІРТУАЛЬНИЙ ПРОСТІР ФАНТАСТИЧНОГО ТВОРУ

Анотація. У цій статті представлено аналіз поняття «віртуальний простір» у контексті фантастичної літератури. Мета статті — дослідження співвідношення понять реального й ірреального, художнього та фантастичного в тексті. Шляхом аналізу різних точок зору дослідників, що порушували це питання, виявлено, що критичним поняттям для визначення міри фантастичного в тексті є відповідність «законам природи», оскільки фантастичним визнається те, чого не лише не існує в об'єктивній реальності, але й не може існувати. Вказано також на те, що існує взаємозв'язок фантастичного тексту з реальним світом. Цей зв'язок проявляється в реалізації ряду понять в об'єктивному світі за наявності необхідних для цього умов. Ключовим у цій категорії є поняття «віртуальний простір», яке є сукупністю деяких мовних засобів, що є авторським кодом твору, який служить для введення реципієнта в дискурс суб'єктивної реальності автора.

Ключові слова: віртуальний простір, фантастика, художній реалізм, текст, ірреальне в літературі.

Oleksandra V. SAVCHENKO,

post-graduate student of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzkij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru;
tel.: +38 (0482) 499906; mob.: +38 063 8471536

VIRTUAL SPACE OF FANTASY AND SCI-FI

Summary. This article presents an analysis of the concept of «virtual space» in the context of fantastic literature (science fiction and fantasy). The purpose of the article is to study the correlation between the notions of real and unreal, fiction and fantasy in the texts. After analyzing different viewpoints of the researchers who tackled the outlined problem we have come to the conclusion that the critical concept for determining the degree of fantastic in the text is its correspondence to the «laws of nature», because not only something that does not really exist in the objective reality, but also something that cannot exist there at all is regarded as fantastic. The author also points out that there is some intercommunication between a fantasy or sci-fi text and the real world, which is manifested in introducing a number of notions into the objective world in case there crop up the necessary conditions. The key concept here is that of «virtual space», which presupposes a number of linguistic means. Those make up the author's working code of the text and serves for bringing the recipient into the discourse of the subjective reality of the author.

Key words: virtual space, fantasy, sci-fi, artistic realism, text, unreal in literature.

Статтю отримано 5.11.2015 р.

УДК 81'23'371

САМОЙЛОВА Светлана Петровна,кандидат филологических наук, доцент-исследователь Российского университета дружбы народов;
ул. Миклухо-Маклая, 9, г. Москва, 117198, Россия; e-mail: swyti@mail.ru; тел.: +7 (495) 3720430

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *Цель* статьи — применение триангуляционного подхода, объединяющего данные лингвистики, психолингвистики, психосемантики, психологии и социологии. *Объект* анализа — языковое сознание респондентов-носителей языка. *Предмет* исследования — ценностный пласт общеупотребительной речи в языковом сознании индивида, овнешненный языковыми знаками с аффективно окрашенным содержанием. *Результатом* исследования стало генерирование модели семантического пространства отражения базовых ценностей в общественном обыденном сознании респондентов. Определена глубинная система категоризации по критерию количественных показателей коннотативных значений. Описана применённая техника факторного анализа, *методика* семантического дифференциала Ч. Осгуда. Проведён эксперимент. Отдельные результаты дополнены интерпретацией. *Практическое применение* результатов исследования возможно в решении вопроса реконструкции категориальной структуры обыденного сознания, с интеграцией индивидуальной системы значений.

Ключевые слова: триангуляция, семантическое пространство, матрица, факторный анализ, языковой знак, языковое сознание, психосемантика.

В экспериментальной работе представлен триангуляционный подход, который объединил основную методику, стратегию и алгоритм исследования, а также приведены полученные результаты в таких областях знаний как психолингвистика, лингвистика, психология и социология. Триангуляционный ход базируется на несводимости разных описаний исследуемого объекта [5, с. 1354]. Впервые в методологии психологического исследования данный термин был использован Д. Т. Кемпбеллом [7, с. 81–105], интересно также отметить, что метод триангуляции (очевидно без его научного обоснования) успешно использовался и ранее: наиболее ярким примером такого применения является «Священное писание» христиан, донесенное четырьмя независимыми (по преданию) авторами: Матфеем, Марком, Иоанном и Лукой [4, с. 39]. Заимствуя описательные структуры понятийных схем обозначенных дисциплин и понятия, которые используются в нашей работе при описании функционирования базовых ценностей на двух уровнях языкового сознания — официального общественного и общественного обыденного, следует сказать, что они не неизменны. Окружающий нас мир есть нечто существующее, независимое и определенное, однако не подлежащее описанию без некоторой относительности. То есть отражение в нашем сознании существующей действительности позволяет моделировать описываемую реальность и анализировать не абсолютные, а относительные значения. В качестве фрагмента исследования приводится описательная модель семантического пространства отражения базовых ценностей россиян.

Нами был выбран постперестроечный период и возрастной разброс, равный одному поколению и сгенерирована модель семантического пространства отражения базовых ценностей в общественном обыденном сознании респондентов. Моделировалась не сама реальность, а ее знаковое описание или представление о реальности исследователем, при этом представления исследователя о реальности и механизмы его возникновения не рефлексировались. Вероятностный баланс консервативности и изменчивости мог служить одной из характеристик образа мира и трансформации чувственных образов сознания в значения и личностные смыслы.

На решение обозначенной проблемы было направлено наше исследование, в котором анализировался ценностный пласт обыденного языкового сознания респондентов, представленного овнешненными языковыми знаками с аффективно окрашенным содержанием. Был проведён психосемантический эксперимент в группе россиян 35–56 лет, целью которого являлось определение места анализируемых базовых ценностей в семантическом пространстве общественного обыденного языкового сознания, категоризация понятий базовых ценностей и их отношение к знаковым овнешнителям.

В основу анализа общественного обыденного сознания была положена методика семантического дифференциала, которая заимствована из концепции Ч. Осгуда [10, с. 651]. Методом семантического дифференциала определяется глубинная система категоризации, которая проявляется в коннотативных значениях. Под коннотативным значением Ч. Осгудом [11] понимаются состояния, которые следуют за восприятием слова — раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами [6; 1; 4, с. 39]. Эти значения проявляются в форме аффективно-чувственных тонов. В нашем случае речь идёт о таких представлениях, которые не

являются отражением актуального эмоционального или социально-психологического состояния людей и с трудом поддаются быстрому изменению, так как сформировались главным образом на основе устоявшихся стереотипов, мифов.

Процедура психосемантического исследования заключалась в следующем: респондентам предлагалось оценить предложенный набор объектов на основе заданных качеств по градуированной шкале. Методом семантического дифференциала измеряемые объекты оценивались по ряду биполярных градуированных (семибалльных) шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов [3, с. 99]. Для описания языкового сознания индивида, его имплицитной модели в экспериментальной части нашей работы, была произведена реконструкция категориальной структуры обыденного сознания, в которую были помещены индивидуальные системы значений.

Значения в сознании каждого отдельного индивида «записаны» как правила их порождения. Для выяснения подобной записи были проведены исследования с применением анализа метода главных компонент эмпирической матрицы, построенной на основе статистического анализа ответов респондентов. Проанализированы значения 37-ми понятийных компонент в 15-мерном пространстве базовых ценностей. Для удобства обработки полученной информации были выделены 3 главные оси, являющиеся линейной комбинацией базовых ценностей. Приведены проекции всех понятийных компонент на главные оси и выделены сильные корреляции между группами понятийных компонент и их проекциями на главные оси базовых ценностей [2, с. 38–41]. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. Факторный анализ широко применялся в науках о поведении [8, с. 37], но также и в других областях, например, в химии [9, с. 54] как средство отыскивания минимального количества независимых параметров, позволяющих с достаточной точностью описать структуру экспериментальных данных. Исследуемые величины представляются векторами в пространстве параметров (вектор есть направленный отрезок определённой длины, проведённый из начала координат), которое является n -мерным Евклидовым пространством, и первая задача анализа заключается в выборе такой системы координат, в которой углы между векторами тем меньше, чем больше степень сходства или подобия векторов. С точки зрения факторного анализа, переменным соответствуют в семантическом дифференциале шкалы прилагательных, относительно которых оцениваются значения (опосредованные процессы, возникающие при сопоставлении шкалы с понятием или шкалы со шкалой). Цель факторного анализа — свести количество этих измерений к минимуму. Для применения факторного анализа необходимо вычислить все связи между шкалами, например, в виде корреляционной матрицы, показывающей корреляцию каждой шкалы с каждой другой шкалой из данного набора. В результате обработки данных были выделены три фактора-категории, которые обозначены, исходя из входящих в них шкал, следующим образом:

1. **Оценка** (тёмный — светлый, неприятный — приятный, безобразный — красивый, опасный — безопасный и т. д.).

2. **Упорядоченность** (изменчивый — устойчивый, таинственный — обычный, хаотичный — упорядоченный и т. д.).

3. **Активность + Сила** (неподвижный — движущийся, медленный — быстрый, пассивный — активный и т. д.; лёгкий — тяжёлый, мягкий — твёрдый, простой — сложный, маленький — большой и т. д.).

Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

Оценка: 26,1 %, Упорядоченность: 15,2 %, Активность + Сила: 12,1 %.

При геометрическом представлении семантического пространства категории факторов выступают координатными осями некоего пространства, а коннотативные значения ценностей заданы как координатные точки семантического пространства.

По критерию **Оценка** наиболее позитивно (светлый, приятный, красивый, безопасный) респонденты относятся к таким ценностям, как *любовь, удовольствие, процветание, свобода, успех, творчество, комфорт*, (т. е. их средняя оценка превышает 0,5 по шкале). Несколько меньше, но достаточно положительную оценку имеют ценности: *стабильность, родина, образование, эффективность, прогресс, религиозность, развитие* (от 0,2 до 0,5). Можно сказать, что нейтрально воспринимаются: *труд, безопасность, богатство, эффективность, демократия, законность* (от 0,1 до 0,2).

Таким образом, в результате методологического анализа была предпринята попытка сведения разнообразных исследовательских методик для анализа языкового образа базовых ценностей респондентов.

Практической целью проведённого эксперимента был анализ глубинных оценок и отношений к выделенным языковым образам базовых ценностей. Результатами эксперимента и их интерпретацией, можно приблизиться к вопросу о глубинных познавательных структурах и о доступности их для сравнения с доходящим до организма сигналом, хотя, объяснение любого явления требует пристального изучения контекста, в котором это явление происходит, и внутренней природы самого явления в идеальных условиях.

Литература

1. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику : исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В. Ф. Петренко. — М. : Изд-во МГУ, 1983. — 177 с.
2. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. — М. : Изд-во МГУ, 1988. — 295 с.
3. Самойлова С. П. Отражение образа в обыденном языковом сознании россиян / С. П. Самойлова // Уральский научный вестник / ОРЛАДЫН ҒЫЛЫМ ЖАРШЫСЫ. — Уралск, 2012. — № 7 (43). — С. 38–41.
4. Самойлова С. П. Языковой образ базовых ценностей россиян : монография / С. П. Самойлова. — М. : Р. Валент, 2012. — 152 с.
5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — 4-е изд. — М. : Сов. энциклопедия, 1986. — 1354 с.
6. Шмелёв А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику : теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелёв. — М. : Изд-во МГУ, 1983. — 158 с.
7. Campbell D. T. Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix / D. T. Campbell, D. W. Fiske // Psychological Bulletin 56. — 1959. — № 2. — P. 81–105.
8. Henrysson S. Applicability of factor analysis in the behavioral sciences : A methodological study / S. Henrysson. — Stockholm : Amqvist and Wiksell, 1957.
9. Higman B. Applied group-theoretic and matrix methods / B. Higman. — Oxford, 1955.
10. Osgood Ch. The Cross-Cultural generality of Visual-Verbal Synesthetic Tendencies / Ch. E. Osgood // Semantic differential Technique. A sourcebook. — Chicago : S. G. Sicler & Ch. E. Osgood, 1969.
11. Osgood Ch. The measurement of meaning / Ch. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. — Urbana, 1957. — 520 p.

References

1. Petrenko V. F. Vvedenie v eksperimental'nuju psichosemantiku : issledovanie form reprezentacii v obydennom soznanii / V. F. Petrenko. — M. : Izd-vo MGU, 1983. — 177 s.
2. Petrenko V. F. Psihosemantika soznaniya / V. F. Petrenko. — M. : Izd-vo MGU, 1988. — 295 s.
3. Samojlova S. P. Otrazhenie obraza v obydennom jazykovom soznanii rossijan / S. P. Samojlova // Ural'skij nauchnyj vestnik. — Ural'sk, 2012. — № 7 (43). — S. 38–41.
4. Samojlova S. P. Jazykovo obraz bazovyh cennostej rossijan : monografija / S. P. Samojlova. — M. : R. Valent, 2012. — 152 s.
5. Sovetskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. M. Prohorov. — 4-e izd. — M. : Sov. enciklopedija, 1986. — 1354 s.
6. Shmeliov A. G. Vvedenie v eksperimental'nuju psichosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i psichodiagnosticheskie vozmozhnosti / A. G. Shmeliov. — M. : Izd-vo MGU, 1983. — 158 s.
7. Campell D. T. Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix / D. T. Campell, D. W. Fiske // Psychological Bulletin 56. — 1959. — № 2. — P. 81–105.
8. Henrysson S. Applicability of factor analysis in the behavioral sciences : A methodological study / S. Henrysson. — Stockholm : Amqvist and Wiksell, 1957.
9. Higman B. Applied group-theoretic and matrix methods / B. Higman. — Oxford, 1955.
10. Osgood Ch. The Cross-Cultural generality of Visual-Verbal Synesthetic Tendencies / Ch. E. Osgood // Semantic differential Technique. A sourcebook. — Chicago : S. G. Sicler & Ch. E. Osgood, 1969.
11. Osgood Ch. The measurement of meaning / Ch. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. — Urbana, 1957. — 520 p.

САМОЙЛОВА Світлана Петрівна,

кандидат філологічних наук, доцент-дослідник Російського університету дружби народів;
вул. Миклухо-Маклая, 9, м. Москва, 117198, Росія; e-mail: swyti@mail.ru; phone: +7 (495) 3720430

ДО ПИТАННЯ ПРО ТЕХНІКУ ФАКТОРНОГО АНАЛІЗУ

Анотація. *Мета* статті — застосування триангуляційного підходу, що поєднує дані лінгвістики, психолінгвістики, психосемантики, психології та соціології. *Об'єкт* аналізу — мовна свідомість респондентів-носіїв мови. *Предмет* дослідження — ціннісний шар загальноновживаного мовлення в мовній свідомості індивіда, зовні позначений мовними знаками з афективно забарвленим змістом. *Результатом* дослідження стало генерування моделі семантичного простору відображення базових цінностей у громадській буденній свідомості респондентів. Визначено глибинну систему категоризації за критерієм кількісних показників конотативних значень. Описано застосовану техніку факторного аналізу, *методику* семантичного диференціала Ч. Осгуда. Проведено експеримент. Окремі результати доповнено інтерпретаціями. *Практичне застосування* результатів дослідження можливе у вирішенні питання реконструкції категоріальної структури буденної свідомості з інтеграцією індивідуальної системи значень.

Ключові слова: триангуляція, семантичний простір, матриця, факторний аналіз, мовний знак, мовна свідомість, психосемантика.

Svetlana P. SAMOILOVA,

Ph.D, Associate Researcher of Peoples' Friendship University of Russia; 9 Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russia; e-mail: swyti@mail.ru; phone: +7 (495) 3720430

REVISITING THE PROBLEM OF FACTOR ANALYSIS TECHNIQUE

Summary. The article is an excerpt of a study based on the triangulation approach, which combines the data of linguistics, psycholinguistics, psycho-semantics, psychology and sociology. The study analyzed the formation of values of everyday language consciousness of the respondents which are manifested by language signs with affectively coloured contents. There was generated a model of the core values semantic space reflection in the respondents' public everyday consciousness. The article describes the technique of factor analysis, which aims to bring all the quantitative measurements to a minimum and the Charles Osgood method of semantic differential which helped to determine the deep categorization system in terms of the quantitative criterion of the connotative meaning. For the purpose of describing the linguistic consciousness of the individual, his implicit model was outlined in the experimental part of our work as a reconstruction of the categorical structure of everyday consciousness, with individual systems of values, obtained from the individual results of the data analysis, complemented by their interpretation, as well as by the practical purpose of the experiment.

Key words: triangulation, semantic space, matrix, factor analysis, linguistic sign, lingual consciousness, psychosemantics.

Статтю отримано 22.09.2015 р.

УДК 811.161.1'42:398.6:7.08

СЕЛИВАНОВА Елена Александровна,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, бульвар Шевченко, 81, г. Черкассы, 18031, Украина; e-mail: oselivanova@ukr.net; тел.: +38 (0472) 322023

ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНЫЕ КАТЕГОРИИ КРОССВОРДА КАК ЖАНРА ЭНИГМАТИКИ

Аннотация. Цель статьи — охарактеризовать систему текстово-дискурсивных категорий кроссворда как жанра энигматики. **Объектом** исследования послужили журнальные тексты русских кроссвордов, а **предметом** — их текстово-дискурсивная категориальная система. **Материал** избран из 70 сборников русских кроссвордов (около 3 тыс. текстов). Базовым **методом** исследования стал контекстуально-интерпретационный анализ. **Область применения исследования** — преподавание дискурсологии и теории текста в высшей школе и практическое использование рекомендаций для составителей кроссвордов. **Выводы и результаты исследования.** Как дискурс кроссворд обладает такими чертами: контекстуальностью, личностностью, процессуальностью, телеологичностью, замкнутостью структуры при условии открытости текстовой информации. Специфика кроссворда как жанра заключается в его дискурсивной целостности — приведении в соответствие авторского замысла с выполнением заданий адресатом; в гипертекстовой, мегатекстовой и графической связности; в широкой информативности, порождаемой сознанием автора кроссворда, фиксируемой в заданиях и апеллирующей к сознанию адресата, его компетенции и интерпретанте; в особой антропоцентричности, реализуемой на рубеже двух сознаний неактуальным адресантом, программой адресованности гипотетическому адресату и реальным адресатом. Жанр кроссворда предполагает интерактивность, обусловленную интенциями интеллектуального тренинга, развлечения, игры, познания новой информации и ориентацией на разгадываемость. Кроссворд погружён в мир интертекста и реализует интерсемиотические связи в универсуме культуры. Референциальность заданий кроссворда реальная и виртуальная, обусловленная воображением человека, парадоксальностью его мышления, мифологичностью, аллегоричностью и даже абсурдностью восприятия мира. Диффузный континуум данного жанра обеспечивается свободным развитием дискурса и ориентацией на графическую связность текста.

Ключевые слова: энигматика, дискурс, кроссворд, текстово-дискурсивная категория, жанровая модель.

Постановка проблемы. Дискурсивная парадигма современной лингвистики предполагает исследование различных дискурсивных практик, жанров дискурсов, их категориальной организации и специфики. Одним из наименее исследованных является жанр кроссворда, включенный в жанровую систему энигматического дискурса.

Энигматический дискурс представляет собой коммуникативное событие, знаковым посредником которого служит энигматический текст, обладающий мощным интерактивным потенциалом,

так как его полная знаковая репрезентация возможна при непосредственном участии адресата, выполняющего стратегическую программу адресанта. Данная программа направлена на поиск ответов на вопросы и задания, поставленные в тексте; ее конечными целями служат интеллектуальный тренинг, развлечение, поиск и познание новой информации; игра, основанная на смекалке, сообразительности, знаниях в различных сферах, чувстве юмора.

Кроссворд мы рассматриваем в широком смысле, относя к данному жанру его разнообразные конфигурации (сканворды, чайнворды, или циклосканворды, кроссчайнворды и под.). Кроссворд в живой коммуникации — это дискурс, посредником которого служит текст, имеющий природу гипертекста, определённую степень зашифрованности, ориентированный на разгадываемость и предназначенный, как правило, для интеллектуального тренинга и развлечения. Кроссворд обладает специфическими канонами жанра.

Данный жанр стал популярным в XX веке, хотя его возникновение относят к XIX веку. По некоторым данным, первый кроссворд был опубликован в США в журнале «Святой Николай» в 1875 году. На русском языке первый кроссворд был составлен В. В. Набоковым, хотя и был опубликован в Германии, в приложении «Наш мир» Берлинской газеты «Руль» в февральском номере 1925 года, а в 1929 году первый в России кроссворд был напечатан в журнале «Огонёк». В русском варианте кроссворд иногда называли крестословицей, калькируя английский эквивалент. Классический традиционный кроссворд обычно включает симметрично расположенную пустую сетку клеток и отдельный список заданий с указанием чисел сетки по горизонтали и вертикали. Иную конфигурацию с тем же принципом разгадывания имеют сканворды, циклосканворды, кроссчайнворды и проч.

Анализ последних исследований. Кроссворд, в отличие от иного энигматического жанра — загадки, практически оказался вне сферы внимания лингвистов. Интерес к данному дискурсу появился в последнее десятилетие в связи с его культурологической составляющей. Пионерскими в этой области можно считать исследования социолингвистических особенностей кроссворда украинской лингвистики И. В. Абрамец [1], русских языковедов В. В. Красных [9], И. В. Захаренко [7], описавших отражение в кроссвордах русской когнитивной базы и русского культурного пространства, а также диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук Е. А. Денисовой [6], посвящённую структуре и функциям энигматического текста на материале русских загадок и кроссвордов. На концепцию данной диссертации опирается диссертация русской лингвистики М. В. Волковой [4], исследовавшей загадки и кроссворды на материале немецкого языка в семантическом и прагматическом аспектах. Арабские кроссворды стали объектом анализа О. Б. Спрысы. Однако вне зависимости от языка, в котором функционирует данный жанр, не обоснована жанровая и категориальная природа кроссворда, когнитивный механизм разгадывания и его вербальные ключи. Как всякий текст и дискурс кроссворд базируется на системе категорий, имеющей свою специфику.

Цель статьи — охарактеризовать систему текстово-дискурсивных категорий кроссворда как жанра энигматики. **Объектом** исследования служат журнальные тексты русских кроссвордов, а **предметом** — их текстово-дискурсивная категориальная система.

Материалом послужили русские кроссворды в 70 сборниках (около 3 тыс. текстов). Базовым **методом** исследования стал контекстуально-интерпретационный анализ.

Изложение материала исследования.

Как дискурс кроссворд обладает рядом черт:

— контекстуальности, заключающейся в общих для его составителей и адресатов фондах знаний, языковом коде, интериоризованной действительности и культуре;

— личности, состоящей во взаимодействии двух сознаний: неактуального адресанта, задающего программу интерпретации, и его адресата, воспринимающего данную программу и разгадывающего кроссворд;

— процессуальности как синергетической динамичности дискурса, устраняющей хаос непонятного и загадочного с помощью определенных параметров самоорганизации и обуславливающей переход к упорядочению — разгадыванию кроссворда и приобретению адресатом новых знаний;

— телеологичности, представляющей целевые установки адресанта — ориентацию на компетенцию, развлечение, создание юмористического колорита, погружение в игру и т. п., — и цели адресатов: стремление к новому знанию, проверку своих интеллектуальных способностей, развлечение, игру.

— замкнутости структуры дискурса при условии открытости текстовой информации для любого адресата. Замкнутость структуры дискурса кроссворда заключена в обособленной вербально-когнитивной деятельности каждого из адресатов в процессе его разгадывания. Тем самым, каждый разгадывающий формирует свое дискурсивное пространство и создает отдельную коммуникативную ситуацию взаимодействия двух сознаний. Такое взаимодействие реализует базовый принцип дискурса — разноплановую диалогичность с текстом, с автором-функцией,

запечатленным в тексте, с его программой адресованности, с собственной компетенцией, с культурой и интериоризованным бытием.

Открытость дискурсивной суперсистемы кроссворда также синергетически обусловлена взаимодействием с другими системами в процессе его продуцирования и разгадывания адресатом. Такими системами являются социум, культура, коллективное этносознание, интериоризованное бытие и глобальная информационная система цивилизации.

Жанровая модель кроссворда заключена в специфике реализации его текстово-дискурсивных категорий как инвариантных признаков, отображающих наиболее существенные закономерности организации текста и его функционирования в дискурсе.

Мы рассматриваем категориальную систему кроссворда как дискурсивного жанра исходя из разработанной нами в монографии «Основы лингвистической теории текста и коммуникации» системы текстово-дискурсивных категорий целостности, связности, дискретности, информативности, антропоцентричности, интертекстуальности и интерсемиотичности, интерактивности, референциальности и континуума [12, с. 191—239].

Категория **целостности** предусматривает интеграцию всех составляющих дискурса на основе коммуникативного взаимодействия адресата с текстом, продуцируемым неактуальным адресантом-составителем кроссворда и воспринимаемым как один континуальный объект. Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн подчеркивали: «Кодирующий отталкивается от континуальности текста с целью его расчленения, а декодирующий, наоборот, воспринимает отдельные компоненты текста и стремится представить его как нерасчлененное континуальное целое» [11, с. 14]. Целостность базируется на системности текста, который выполняет «функцию организации каждого отдельного акта коммуникации в виде закономерно организованной системы» [15, с. 43]. Целостность опосредует и связь внутренней текстовой системности с внешними компонентами в составе дискурса. Е. В. Сидоров подчеркивал, что «для реализации социальной функции текста необходимо, чтобы коммуникативные деятельности партнеров общения были приведены в некое закономерное взаимное соответствие. Иначе мы будем иметь не взаимодействие, а хаотическое столкновение деятельностей. Отсюда vyplывает определенная функция текста, заключающаяся в организации каждого отдельного акта речевой коммуникации в виде закономерно организованной системы» [15, с. 43]. Такая целостность кроссворда реализуется в процессе приведения его адресатом в соответствие с замыслом адресанта, т. е. его полного разгадывания.

Дискретность как текстово-дискурсивная категория проявляется в раздельности фаз порождения текста и его рецепции, однако расстояние между этими фазами для кроссворда не так велико, ибо кроссворд обычно апеллирует в том числе к реалиям современной адресатам действительности. Для текста кроссворда дискретность воспринимается как его членение на отдельные задания, перечень которых может подаваться отдельно под номерами по горизонтали и вертикали или слева и вверху для определенных типов кроссвордов, или задания могут быть встроенными в сетку клеток сканвордов.

Целостность и членимость текста кроссворда существует на фоне специфической для данного жанра категории **связности**. Связность кроссвордов уникальна и выходит за пределы ее традиционной классификации. Поскольку кроссворды обычно являются составными частями журнальных сборников, их расположение может отображать **мегатекстовую** связность, исходя из термина «мегатекст», введенного И. М. Колегаевой. Мегатекст рассматривается исследовательницей применительно к научному тексту как вспомогательный текст, включающий предисловие, оглавление, аннотацию, резюме, сноски, эпиграф, посвящение, список литературы, приложение [8, с. 74]. Включенность одиночных кроссвордов в журналы или газеты репрезентирует иной тип связности — гипертекстовый, а сборники кроссвордов обычно имеют некую интегрирующую составляющую, к примеру, общие заглавия или тематически однородные заглавия на каждой странице. Так, название сборника *«Кроссворды для всех»* повторяется на каждой странице журнала. Направленность кроссвордов на развлечение и интеллектуальный тренинг может быть отражена в их заглавиях: *«Разминка для ума»*, *«Кросс-окрошка»*; *«С миру по букве»*, *«Чем проще, тем лучше»*, *«Приятно и весело»*, *«Приятно и легко»*; *«Разгадаем запросто»*; *«Не дай мозгам засохнуть!»*, *«Интересно и легко»*, *«Смеяться полезно!»*, *«Скоротаем вечерок»*, *«Разгадаем запросто»*, *«Интересное занятие»*, *«Шевели извилинами»*, *«Отгадка рядом»*, *«Восемь крупиц знания в увлекательном сканворде»*; *«Два шага до разгадки»*; *«Свяжем пару слов»*; *«Отдохни и разгадай»*; *«Никаких проблем»*; *«Перейдем от слов к делу»*; *«Щёлкай как орешки!»*; *«Реши для души!»*; *«Проще простого»*; *«Это нам по силам»*; *«Каждому слову — своё место»*; *«Решайте на здоровье!»*; *«Буква за букву»* и проч.

Приведенные заглавия содержат обращения к адресату в форме глаголов повелительного наклонения, в том числе совместного действия, что сближает цели коммуникантов, настраивая их на кооперативный результат. Заглавия реализуют стратегии адресанта посредством тактик позитивной (психологической, сенсорной, утилитарной) оценки интеллектуальной деятельности

адресата (приятно, легко, интересно, полезно, на здоровье, для души), метафоризации (разминка, крошка, щелкай), заверении в простоте заданий (запросто, никаких проблем, проще простого, по силам).

Некоторые заголовки направлены на создание юмористического колорита, обеспеченного, к примеру, элементами абсурда («Все задачки с какаду решаю на ходу» (неуместное слово *какаду* служит лишь показателем количества букв (их шесть) в каждом слове чайнворда)), неуместным вводом фразеологизма в речевой акт директива — требования разгадать кроссворд («Закон что дышло — впиши, чтоб вышло»), неожиданным соединением знаков двух предметных сфер («Все на выборы! (подходящих букв)»).

Нередки также обращения к читателям сборника кроссвордов: *Дорогие читатели! В нашем новом журнале мы собрали великолепное ассорти из самых разных кроссвордов, хитроумных головоломок, занимательных числовых задач и искромётного юмора. Здесь всё по уму, здесь каждый найдёт что-то для себя!* Такие мегатекстовые компоненты направлены на привлечение адресатов к интеракции, создание атмосферы заинтересованности каждого. Кроме того, ориентацию читателей на развлечение, интеллектуальный тренинг, познание нового нередко дополняет реклама различных товаров и услуг, сопровождаемая стимулированием призами: *Уважаемые читатели! Разгадывая кроссворды, сканворды и всевозможные головоломки в нашем журнале, вы расширяете кругозор и тренируете память. А еще это приятное развлечение в свободное время. Мы придумали, как еще разнообразить ваш досуг! Хотите узнавать о новой продукции ведущих брендов, бесплатно получать новинки на тестирование и одними из первых оценить их качество? Любите делиться своими впечатлениями с окружающими? Тогда ждем вас на нашем сайте. Регистрируйтесь на сайте и принимайте участие в наших акциях, задавайте вопросы и делитесь советами. Самых активных участников обсуждений ждут гарантированные призы!*

Интерактивный потенциал мегатекстовой связности может проявляться в заданности сквозной тематики заглавий к страницам с кроссвордами, зачастую никак не связанной с тематикой самих заданий. Обычно такая тактика издателей журнала служит для привлечения внимания читателей, создания у них хорошего настроения. Например, обращение к читателям в одном из сборников кроссвордов таково: *Дорогие друзья! Как известно, нам песня строит и жить помогает. А знаете ли вы, что песня еще незаменимый помощник в разгадывании сканвордов!? Попробуйте сами, решая сканворды, напевать хорошо знакомую мелодию. А мы вам поможем: на страницах журнала вы найдете строки из любимых песен. Разгадывайте сканворды и пойте на здоровье! И помните, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет!* И далее на каждой странице подается строчка из известной песни. Иногда обращение к читателям служит объяснением цели составителей сборников кроссвордов: *Строки из любимых песен создадут настроение, а может и подскажут нужное слово. Отдыхайте, развлекайтесь! Решайте припеваючи!*

Заглавия к кроссвордам могут носить юмористический характер, заданный: антипословицами, не связанными с тематикой заданий (*Верным ракурсом идете товарищи; У вас товар, у нас скупее; Как варан на новые ворота*); каламбуром («*Иди отсюда!*» или «*Идиот, сюда!*»; *Сажайте астры, коли есть кадастры; Накупила бы астр на целый пиастр; Не пора ли отправиться на ралли?*); игрой слов с интертекстовыми или интерсемиотическими аллюзиями (*Любят итальянки слушать плач тальянки; Жюкей не играет в хоккей; В такую рань такая брань!? Тела давно минувших дней; Демарш Мендельсона; Жил-был славный царь Дадон, хорошо хоть не долдон; Какой портрет, какой массаж!*); паронимами (*Повсюду турникеты, турников-то нету!; Кому обоняние заменяет обаяние?*), парадоксальными выражениями, основанными на фонетической схожести частей слов в устойчивых словосочетаниях (*Капитан первого бумеранга; Алиготе и 40 разбойников, Что нам приготовил массовик-сотейник?; Атос, Портос и ... Арарат*). Нередко комический эффект в таких слоганах создан посредством абсурдного содержания: «*Есть идея!*» — сказала Медея; *Съем минтай и в шалаше, если рядом атташе; Приезжая в Санта-фе, надевайте галифе; Уронил ресницу, собирайся в Ниццу*. Высказывания в заголовках могут отражать социальные приоритеты народа: *Для нас голкипер поважней, чем спикер*. Иногда данные выражения могут непосредственно содержать призыв к действию, тем самым демонстрируя топикальную связность: *Не пора ли, собрат, нам кроссворд собрать!; Поищем доку решить sudoku*.

Заглавие странички кроссворда может быть связано лишь с одним из его заданий, что демонстрирует одностороннюю тематическую (топикальную) связность в данных энигматических текстах. К примеру, в сканворде с названием «*В мире животных*» дано лишь два задания по этой тематике: *Дамба бобра* и *Серый заяц* (кроме того, помещена фотография известного зоолога и ведущего телепрограмм о животных С. Дроздова с заданием отгадать его фамилию).

Мегатекстом можно считать и список решений кроссвордов, помещенный в конце сборника, к которому читатель может обратиться в случае незнания ответа какого-либо задания или проверить себя.

Иногда на странице с кроссвордом помещаются рубрики анекдотов или интересных фактов, тематически никак не связанных с заданиями. Их также можно считать компонентами мега-текста, имеющими целью привлечь внимание, заинтересовать и развлечь читателей, а иногда и отвлечь их в случае затруднений при решении ряда заданий.

Текст кроссворда содержит различные по тематике задания и нередко является креолизированным, демонстрируя тем самым **гипертекстовый** (в терминах литературоведения — ризоматический) тип связности, основанный на целостности представления различных по тематике заданий и их решения в любой последовательности.

Гипертекстом называют особый метод построения информационных систем, обеспечивающий прямой доступ к информации на основе логической связи между её блоками; а также систему представления текстовой и мультимедийной информации в виде сети связанных между собой текстовых и других файлов, использующую нелинейный, ассоциативно-фрагментарный и сетевой принципы репрезентации информации (узлы (nodes) гипертекста соединены с помощью гиперссылок (hiperlinks), выбор которых дает возможность пользователю «путешествовать» информацией, выбирать и упорядочивать ее по собственному желанию). А. Н. Баранов отмечает, что феномен гипертекста можно обговаривать с различных позиций. С одной стороны, это особый способ представления, организации текста, с другой — новый вид текста, противопоставленный по многим признакам обычному тексту, сформированному в гуттенберговской традиции книгопечатания. И, в конце концов, это новый способ, инструмент и новая технология понимания текста [2, с. 31—32].

Текст кроссворда не имеет линейного развертывания, характеризуется дисперсной структурой, неоднородностью подачи информации, содержит возможность освоения новой информации (в случае незнания ответа на вопрос, его может подсказать графическое наполнение и структурная организация кроссворда), актуализирует множество самых разных информационных массивов в сознании адресата, решение кроссворда возможно в любом направлении и последовательности. Кроме того, ряд кроссвордов содержит гипертекстовые вставки в виде информации о загадываемом ответе, что позволяет адресату пополнить багаж знаний. К примеру, вставка «Мифы и легенды» непосредственно апеллирует к адресату: *Помните сказки о страшном многоголовом змее? Некоторые ученые полагают, что этот образ возник еще в XII веке, когда татаро-монгольские войска пришли на Русь, имея позаимствованное у китайцев огневое оружие, изрыгающее пламя. А прозвище у нашего змея было ... (Горыныч).*

Расширение знаний возможно и при наличии в конце кроссворда ключевого слова и примечания к нему в виде нового, неизвестного адресату второго значения отгаданного слова. Например, ключевое слово *туника* из 55 вопроса *Что римляне носили под тогой?* обозначает также индейское племя в США, владеющее курортом-казино, за счёт которого обеспечивает себе доход.

Тематические кроссворды базируются на **топикальной** связности, однако, представляя одну тему, задания не имеют друг с другом причинно-следственной или иной иерархической связи и также характеризуются гипертекстовой организацией. К примеру, кроссворды, посвящённые сказкам, песням, актёрам кино, географии, ботанике и т. п.

Важнейшим типом связности текста кроссворда служит не задействованная в других текстовых жанрах **графическая** связность, так как пересечение слов, имеющих друг с другом общие клетки и буквы, — главный принцип структурирования кроссворда. Графический способ связности является существенной подсказкой для решения кроссворда, особенно в случаях вариативности ответа, широты задания и энциклопедической информативности вопроса. Данный тип связности служит главным условием целостности текста кроссворда.

Текстовая категория **информативности** в жанре кроссворда также специфична. В лингвистике текста информативность рассматривается преимущественно в ракурсе информации, заложенной в сообщении [5, с. 24; 17, с. 14]. Однако смысл текста и способ его формирования невозможно отделить от сознания коммуникантов, потому информативность создается не только на основе вербального и имплицитного плана текста, но и вытекает из их взаимодействия с сознанием адресанта и адресата. Причем тезаурусы коммуникантов диалогически взаимодействуют с информационным массивом текста, семиотического универсума культуры и используют собственную или коллективно осознанную интериоризацию бытия как знания действительности и социума [12, с. 208—209]. Не случайно Ю. М. Лотман отмечал два типа увеличения информации: ее получение извне и возрастание информации в сознании адресата на основе раздражителя — информации извне [10, с. 18—19].

Таким образом, информативность кроссворда заложена как в самом тексте заданий неактуальным адресантом, так и создаётся в процессе взаимодействия языкового материала текста с сознанием адресата, разгадывающего кроссворд и подключающего к его решению самую разную информацию. Информативность кроссворда подготавливает его завершение как дискурса, когда адресат полностью заполняет клетки, удовлетворяя условиям графической связности.

Информативность данного жанра связана с категорией **антропоцентричности**, представленной в тексте программой адресованности определённым кругу гипотетических адресатов, заложённой адресантом. В дискурсе антропоцентричности реализуется в двух категориях: адресантности и адресатности. Адресантность представлена реальным адресантом-автором, автором-функцией, т. е. трансформацией в тексте мировоззренческих позиций, ценностных ориентаций, культурных приоритетов и оценок реального автора, и интерпретируемой реальным адресатом-читателем фигурой адресанта.

Автор кроссвордов неактуален и сам принадлежит к их любителям, обычно это современник адресата, принадлежащий одному этносу, погруженный в тот же социум и культуру, что находит отражение в выраженной в заданиях кроссвордов функции автора. Программа адресованности данного жанра, служащая звеном связи между антропоцентрами, ориентирована на круг реальных адресатов, их фонд знаний и языковой код, культуру и бытие, в которые они погружены. Данная программа, как правило, воплощает стремление к гармонизации сознаний коммуникантов, то есть содействует решению поставленных в тексте задач реальными адресатами. Адресатность в данном дискурсе представлена гипотетическим адресатом, программа адресованности к которому заложена в тексте заданий, и реальным адресатом. Учет автором адресата вынуждает первого заботиться об организации текста, использовании определенных метатекстовых показателей — инструкций адресату, как распределить внимание, чтобы информация была воспринята оптимальным образом [18, с. 168—202]. И. М. Колегаева рассматривает ещё одну ипостась адресатности — фигуру адресата, являющуюся следствием взаимодействия гипотетической модели с сознанием конкретного реципиента. От меры соответствия гипотетического адресата с его фигурой зависит, по мнению исследовательницы, коммуникативный эффект, гармонизация сознания реципиента и содержания текста [8, с. 19—20].

Антропоцентричность обеспечивает реализацию категории **интерактивности** в данном жанре, представленную субъектно-объектно-субъектным взаимодействием адресанта и адресата на основе знакового континуума текста, интенций, стратегий и тактик его программы адресованности. Маркерами интерактивности кроссвордов служат прямые обращения к адресату в пределах одного текста (*Попробуйте подобрать слова-ответы на заданные определения*), метатекстовые обращения к читателям сборника (*Уважаемые читатели! «1000 сканвордов» — это самый интересный и разнообразный сборник интеллектуальных головоломок от лучших авторов!*), вставки фотографий и картинок, декорирование странички с кроссвордом; вставные рубрики анекдотов, рекламы, интересных фактов, рецептов блюд и проч. в рамках журнала.

Средствами интерактивности являются:

1) лексика позитивной оценки с экспрессивным компонентом, прилагательные превосходной степени сравнения (*60 отборных сканвордов; Кроссворды лучшие из лучших; 100 страниц оригинальных кроссвордов; В нашем новом журнале мы собрали великолепное ассорти из самых разных кроссвордов, хитроумных головоломок и искрометного юмора; Мы надеемся, что решение этого кроссворда не только принесет вам пользу, но и доставит большое удовольствие; Самый толстый суперсборник кроссвордов; Сборник лучших кроссвордов издательского дома «Бурда»; Спецвыпуск. Всё самое лучшее*);

2) метафорическая лексика (*«1000 сканвордов» — море удовольствия и океан развлечений; Яркий танец интеллекта! Созвездие развлечений*);

3) стилистически маркированная лексика сленга, ориентирующая текст на молодежную аудиторию или направленная на психологическое и языковое «раскрепощение» читателя (*50 улётных сканвордов от мэтров загадочного жанра! Кроссворды — просто супер!; Супербум кроссвордов; Развлекайся на все сто! Увлекает как ни крути!*);

4) существительные или местоимения с предлогом *для*, обозначающие наиболее широкий и разнообразный круг адресатов (*Здесь все по уму, здесь каждый найдёт что-то для себя; Кроссворды для всех; Классические кроссворды для самых консервативных читателей!; А для самых маленьких наших читателей мы приготовили детские странички: сканвордики с любимыми героями сказок и мультфильмов; Филворды и плетенки, антикроссворды и «дуали» для тех, кто любит разнообразие во всём*);

5) прямые обращения к адресатам (*Дорогие читатели! Уважаемые читатели! Дорогие друзья!*);

6) глаголы повелительного наклонения со значением пожелания или вопроса (*Развлекайся! Улыбнись! Давайте отдохнем вместе! Последовательно вычеркните в сетке кроссворда зашифрованные слова; Определите, в какую из сеток нужно вписать ответ*);

7) этикетные устойчивые клише-пожелания (*Приятного вам отдыха! Хорошего настроения! С любовью! Желаем удачи!*);

8) предикативы с модальным значением (*Вам необходимо догадаться, куда вписывать ответы к определениям и изображениям; Нужно заполнить клетки так, чтобы ...; Необходимо составить слова*);

9) слова с количественным значением множества и разнообразия (*Многообразие* sudoku для любителей головоломок; *Множество* ребусов и головоломок; *Филворды* и плетенки, антикроссворды и дуэли для тех, кто любит *разнообразие* во всём);

10) сравнения (*Обдуманное слово дороже жемчуга*) и т. п.

Интерактивной стратегией составителей кроссвордов служит связывание процесса разгадывания с отдыхом, что более приятно для читателей, чем упоминание об интеллектуальном напряжении или сложной работе. Под девизом «Пока решаем — отдыхаем» размещены многие кроссворды в сборниках. Примечательным является обращение к читателям, представляющее собой рассуждение о лете как времени отдыха, в котором ощущается суггестивная тактика якорения — психологического пускового механизма каузации, характеризующегося тенденцией любого элемента опыта вызывать в памяти весь опыт и имеет рефлекторную и ассоциативную природу. Якорение возникает на фоне повторения, обуславливающего фиксацию в долговременной памяти неких раздражителей, вызывающих эмоциональную реакцию. Так, лето настойчиво связывают с отдыхом, вызывая у адресатов реакцию расслабления, нежелания работать посредством активации ряда устойчивых ощущений: *Наверное, для всех нас лето является самым желанным временем отдыха. Действительно, очень сложно думать только о работе, когда жара наполняет каждый квадратный миллиметр нашего рабочего места, летняя истома овладевает нашим телом, а надежды на спасительный прохладный ветерок совсем мало. К тому же и важные дела, как кажется, идут в ногу с летним биологическим ритмом и «стараятся» сами собой перенестись на более позднее время, дав нам возможность восстановить свои силы.* В данном фрагменте составители текста словно гипнотизируют читателей, завораживая их неприятными ощущениями летней жары. При этом используются интерактивные тактики объединения лиц авторов и читателей под знаком местоимения *мы*, использования вводных слов ирреальной модальности, стилистического приема градации. Далее следует вопрос и ответ на него, приводящий читателя к возможности отдохнуть дома за интересным и несложным занятием — разгадыванием кроссвордов: *Как это сделать эффективнее? Наверное, у каждого из нас на этот вопрос есть свой ответ: одни отправятся в увлекательное путешествие, некоторым достаточно нескольких дней, проведенных на природе с друзьями, а многие умеют организовать свой досуг, не покидая домашних стен. Ведь главное — это вовсе не поиск приключений в заморских краях, а хороший отдых, позволяющий набраться необходимой энергии и позитивных эмоций. Так давайте же отдохнем вместе! С любовью, ваше «Созвездие развлечений».* Во фрагменте обращения к читателям дублируются тактики предшествующего фрагмента, а также используются новые: вопроса, альтернативного ответа, выделения главного, причинно-следственной связи между отдыхом, позитивной энергией и эмоциями; призыва к совместному отдыху, внимания и любви к читателям.

Интерактивность со стороны адресата выражена в его реакция на задания. Кроме того, адресату нередко представляется «слово» в конце кроссворда в виде рубрики: *У меня получилось слово ...* Адресат может заполнить пустые клетки данной рубрики исходя из букв разгаданного кроссворда и, отправив это слово в отдельно расположенной анкете, претендовать на получение приза.

Интерактивность выражена в интенциональности текста (ориентации на интеллектуальное развлечение, тренинг, познание нового, игру; проверку чувства юмора, смекалки, любознательности, знания языка и, безусловно, на разгадываемость), в стратегиях и тактиках программы адресованности, представленных в заданиях кроссворда и ориентированных на общий языковой код, фонд знаний, механизмы ассоциирования и различные виды компетенции читателей.

Поскольку задания кроссвордов касаются различных областей знаний, чрезвычайно продуктивной для данного жанра становится направленность на интертекст и другие знаковые продукты культуры. Текстово-дискурсивная категория **интертекстуальности** и шире — **интерсемиотичности** представлена соблюдением канонов жанра кроссворда, а также определенными разновидностями заданий, апеллирующих к фразеологическому (паремиологическому) дискурсу, устному народному творчеству, литературе, видам искусства (живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, танцу, игре, кинематографии, народным промыслам и ремеслам и т. п.). Дискурсивная природа интертекстуальности и интерсемиотичности заключается в апелляции автора посредством текста к компетенции адресатов, их способности опознать и декодировать интертекст на этой основе ответить на поставленные вопросы.

Обращение заданий кроссвордов к реальной действительности, её событиям, фактам, персоналиям реализуется в категории **референциальности**. Однако составители кроссвордов приносят в задания собственные субъективные оценки, мнения, своё восприятие мира и нередко создают виртуальную, превращённую референцию, базирующуюся на метафорическом переносе, аллегории, мифе, фантазмагории, парадоксе или абсурде, например: *утюжный поцелуй (ожог)*, *зерно с нереста (икра)*; *титированный кувшин (графин)*; *царь-артерия (аорта)*. Референция любого текста дискурсивна, так как, по словам М. М. Бахтина, события жизни текста всегда развиваются на рубеже двух сознаний (авторского и читательского) [3, с. 285].

Гипертекстовая организация кроссвордов обуславливает специфичность текстово-дискурсивной категории **континуума**, представляющего развитие дискурса и движение событий в тексте во времени и пространстве. Континуум дискурса кроссворда можно охарактеризовать как диффузный, обусловленный произвольным выбором адресатом времени, способа и направления разгадывания. Кроссворд можно разгадывать, начав с любого задания текста, обычно дальнейшая работа с заданиями предусматривает сосредоточение на ближайшем окружении заполняемых клеток, так как такой способ может подсказать правильный выбор ответов сложных заданий и заданий, могущих иметь варианты решений.

Выводы и перспективы. Подводя итоги рассмотрению проблемы категориальной организации кроссвордов, мы установили специфику данного жанра, проявляющуюся в его дискурсивной целостности — приведении в соответствие авторского замысла с выполнением заданий адресатом; в гипертекстовой, мегатекстовой и графической связности; в широкой информативности, порождаемой сознанием автора кроссворда, фиксируемой в заданиях и апеллирующей к сознанию адресата, его компетенции и интерпретанте; в особой антропоцентричности, реализуемой на рубеже двух сознаний неактуальным адресантом, программой адресованности гипотетическому адресату и реальным адресатом. Жанр кроссворда предполагает интерактивность, обусловленную интенциями интеллектуального тренинга, развлечения, игры, познания новой информации и ориентацией на разгадываемость. Кроссворд погружён в мир интертекста и реализует интерсемиотические связи в универсуме культуры. Референциальность заданий кроссворда реальная и виртуальная, обусловленная воображением человека, парадоксальностью его мышления, мифологичностью, аллегоричностью и даже абсурдностью восприятия мира. Диффузный континуум данного жанра обеспечивается свободным развитием дискурса и ориентацией на графическую связность текста.

Перспективы исследования кроссвордов лежат в плоскости установления и описания его семиотической природы, когнитивных и вербальных ключей, обуславливающих его разгадываемость.

Л и т е р а т у р а

1. *Абрамец И. В.* Языковая игра в кроссвордных толкованиях / И. В. Абрамец // Язык и социум: Материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 ч. — Минск : РИВШ, 2007. — Ч. 1. — С. 168—170.
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 360 с.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979 (1986). — 423 с.
4. *Волкова М. В.* Загадка и кроссворд как типы текста : семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Волкова. — Смоленск, 2011. — 24 с.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : Наука, 1981. — 139 с.
6. *Денисова Е. А.* Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов : автореф. ... канд. филол. наук / Е. А. Денисова. — М., 2008. — 24 с.
7. *Захаренко И. В.* Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов / И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : Филология, 1998. — Вып. 5. — С. 32—40.
8. *Коллегаева И. М.* Текст как единица научной и художественной коммуникации / И. М. Коллегаева. — Одесса : Редакционно-изд. отдел обл. упр. по печати, 1991. — 120 с.
9. *Красных В. В.* Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : МАКС-Пресс, 2000. — Вып. 15. — С. 5—13.
10. *Лотман Ю. М.* Каноническое искусство как информационный парадокс / Ю. М. Лотман // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. — М. : Наука, 1973. — С. 16—22.
11. *Мурзин Л. Н.* Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. — 171 с.
12. *Селиванова Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. — Киев : Фитосоцицентр, 2002. — 336 с.
13. *Селиванова О. О.* Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля-К, 2010. — 844 с.
14. *Селиванова О. О.* Основи теорії мовної комунікації : підручник / О. О. Селіванова. — Черкаси : Ю. Чабаненко, 2011. — 350 с.
15. *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. — М. : Наука, 1987. — 140 с.
16. *Сприса О. Б.* Етномовні домінанти кодування смислу в дзеркалі кроссвордів (україно-арабомовні паралелі) / О. Б. Сприса // Вісник Львівського ун-ту. Серія філологічна. — 2011. — Вип. 54. — С. 78—86.
17. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста (текст : структура и семантика) / З. Я. Тураева. — М. : Просвещение, 1986. — 127 с.
18. *Шмелёва Т. В.* Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики / Т. В. Шмелёва. — М. : Наука, 1988. — С. 168—202.

References

1. *Abramec I. V.* Jazykovaja igra v krossvordnyh tolkovanijah / I. V. Abramec // Jazyk i socium: Materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. : v 2 ch. — Minsk : RIVSh, 2007. — Ch. 1. — S. 168—170.
2. *Baranov A. N.* Vvedenie v prikladnuju lingvistiku / A. N. Baranov. — M. : Editorial URSS, 2003. — 360 s.
3. *Bahtin M. M.* Jestetika slovesnogo tvorcestva / M. M. Bahtin. — M. : Iskustvo, 1979 (1986). — 423 s.
4. *Volkova M. V.* Zagadka i krossvord kak tipy teksta : semanticheskij i pragmaticheskij aspekty (na materiale nemeckogo jazyka) / M. V. Volkova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Smolensk, 2011. — 24 s.
5. *Gal'perin I. R.* Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya / I. R. Gal'perin. — M. : Nauka, 1981. — 139 s.
6. *Denisova E. A.* Struktura i funkcii jenigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov) / E. A. Denisova : avtoref.... kand. filol. nauk. — M., 2008. — 24 s.
7. *Zaharenko I. V.* Russkaja kognitivnaja baza i russkoe kul'turnoe prostranstvo v zerkale krossvordov / I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh // Jazyk, soznanie, kommunikacija : sb. statej / otv. red. : V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. — M. : Filologija, 1998. — Vyp. 5. — S. 32—40.
8. *Kolegaeva I. M.* Tekst kak edinica nauchnoj i hudozhestvennoj kommunikacii / I. M. Kolegaeva. — Odessa : Redakcionno-izd. otdel obl. upr. po pechati, 1991. — 120 s.
9. *Krasnyh V. V.* Nacional'no-kul'turnaja sostavljajushhaja russkogo jazykovogo soznaniya (na materiale krossvordov) / V. V. Krasnyh // Jazyk, soznanie, kommunikacija : sb. statej / otv. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. — M. : MAKS-Press, 2000. — Vyp. 15. — S. 5—13.
10. *Lotman Ju. M.* Kanonicheskoe iskusstvo kak informacionnyj paradoks / Ju. M. Lotman // Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki. — M. : Nauka, 1973. — S. 16—22.
11. *Murzin L. N.* Tekst i ego vosprijatie / L. N. Murzin, A. S. Shtern. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1991. — 171 s.
12. *Selivanova E. A.* Osnovy lingvisticheskoi teorii teksta i kommunikacii / E. A. Selivanova. — Kiev : Fitosociocentr, 2002. — 336 s.
13. *Selivanova O. O.* Lingvistichna enciklopedija / O. O. Selivanova. — Poltava : Dovkillja-K, 2010. — 844 s.
14. *Selivanova O. O.* Osnovy teorii movnoi komunikacii : pidruchnyk / O. O. Selivanova. — Cherkasy : Ju. Chabanenko, 2011. — 350 s.
15. *Sidorov E. V.* Problemy rechevoj sistemnosti / E. V. Sidorov. — M. : Nauka, 1987. — 140 s.
16. *Sprysa O. B.* Etnomovni dominanty koduvannia smyslu v dzerkali krossvordiv (ukraino-arabomovni paraleli) / O. B. Sprysa // Visnyk L'viv's'kogo un-tu. Seriya filologichna. — 2011. — Vyp. 54. — S. 78—86.
17. *Turaeva Z. Ja.* Lingvistika teksta (tekst: struktura i semantika) / Z. Ja. Turaeva. — M. : Prosveshchenie, 1986. — 127 s.
18. *Shmeleva T. V.* Modus i sredstva ego vyrazheniya v vyskazyvanii // Ideograficheskie aspekty russkoj grammatiki / T. V. Shmeleva. — M. : Nauka, 1988. — S. 168—202.

СЕЛІВАНОВА Олена Олександрівна,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри теорії та практики перекладу Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького, бульвар Шевченка, 81, м. Черкаси, 18031, Україна; e-mail: oselivanova@ukr.net; тел.: +38 (0472) 322023

ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНІ КАТЕГОРІЇ КРОСВОРДА ЯК ЖАНРУ ЕНІГМАТИКИ

Анотація. Мета статті — охарактеризувати систему текстово-дискурсивних категорій кросворда як жанру енігматики. **Об'єктом** дослідження послужили журнальні тексти російських кросвордів, а **предметом** — їхня текстово-дискурсивна категорійна система. **Матеріал** вибрано із 70 збірок російських кросвордів (близько 3 тис. текстів). Базовим **методом** дослідження став контекстуально-інтерпретаційний аналіз. **Сфера застосування дослідження** — викладання дискурсології та теорії тексту у вищій школі, практичне використання рекомендацій для упорядників кросвордів. **Висновки та результати дослідження.** Як дискурс кросворд має такі риси: контекстуальність, особистісність, процесуальність, телеологічність, замкнутість структури за умови відкритості текстової інформації. Специфіка кросворда як жанру полягає в його дискурсивній цілісності — приведенні у відповідність авторського задуму з виконанням завдань адресатом; у гіпертекстовій, мегатекстовій і графічній зв'язності; у широкій інформативності, породженій свідомістю автора кросворда, зафіксованій у завданнях і спрямованій на свідомість адресата, його компетенцію й інтерпретанту; в особливій антропоцентричності, реалізованій на межі двох свідомостей неактуальним адресантом, програмою адресованості гіпотетичному адресатові й реальним адресатом. Жанр кросворда передбачає інтерактивність, зумовлену інтенціями інтелектуального тренінгу, розваги, гри, пізнання нової інформації й орієнтацією на розгадування. Кросворд занурений до світу інтертексту й реалізує інтерсеміотичні зв'язки в універсумі культури. Референційність завдань кросворда є реальною й віртуальною, визначеною увагою людини, парадоксальністю її мислення, міфологічністю, алегоричністю й навіть абсурдністю сприйняття світу. Дифузний континуум цього жанру забезпечено вільним розвитком дискурсу й орієнтацією на графічну зв'язність тексту.

Ключові слова: енігматика, дискурс, кросворд, текстово-дискурсивна категорія, жанрова модель.

Olena O. SELIVANOVA,

Grand Ph. D. in Philological Sciences, Professor, Chair of Theory and Practice of Translation Department, Cherkasy National Bohdan Khmelnytsky University; 81 Shevchenko blvd., Cherkasy, 18031, Ukraine; e-mail: oselivanova@ukr.net; tel.: +38 (0472) 322023

TEXTUAL AND DISCURSIVE CATEGORIES OF CROSSWORD AS AN ENIGMATIC GENRE

Summary. *The aim* of this article is to characterize the system of textual and discursive categories of crossword as an enigmatic genre. *The object* of the study is magazines with Russian crossword puzzles, *the subject matter* is their textual and discursive categorical system. *The basic method* is contextual-interpretational analysis. *The practical value* of the research is to use its results in the critical discourse analysis and text theory, as well as in crossword-making. *The finding* of the research is that a crossword in real communication is a discourse, the mediator of which serves as a text, boasting the nature of hypertext, with a certain degree of coding, oriented on unraveling it and intended, as a rule, for intellectual training and entertainment. Crossword is characterized by its specific genre canons which are reflected in the realization of textual and discursive categories as the invariant signs representing the most essential conformities with the law of text organization and functioning in discourse. The integrity of crosswords realizes itself in the process of its complete unraveling by the addressee in accordance with the sender's project. The discreteness as the crossword's category shows up in the separateness of the phases of the text generation and reception. The informative value of crossword is mediated by the existence of the text on the border of two minds, using the information for the text's generation and unraveling. The anthropocentricity is represented by the sender's program of addressability submitted to a certain number of hypothetical addressees. The genre of crossword presupposes interaction, conditioned by the intentions of intellectual training, entertainment, game, cognition of new information and orientation on the process of unraveling. Crossword is submerged in the intertext and brings about intersemiotic relations in culture. The diffuse continuum of this genre is provided by the free development of discourse and its orientation on the graphical coherence of the text.

Key words: enigmatic, discourse, crossword, textual and discursive category, genre model.

Статтю отримано 29.10.2015 р.

УДК [811.111+811.161.2]:801.6:316.774:654.19

ШАЛЁВ Андрей Станиславович

доцент кафедры английского языка в судовой энергетике судомеханического факультета Одесской национальной морской академии; ул. Дидрихсона, 8, г. Одесса, 65029, Украина; e-mail: lana-san.07@mail.ru; tel.: +38 067 7545160

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ РАДИОБЕСЕД НА МОРСКУЮ ТЕМАТИКУ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В данной статье представлены результаты инструментального исследования программ украиноязычных и англоязычных радиобесед. Цель работы заключается в определении дифференциальных характеристик интенсивности, которые отличают радиобеседы на материале двух неблизкородственных языков. Объектом исследования является устный дискурс радиобеседы на морскую тематику как психолингвистический и лингвистический феномен. Предмет исследования составляют энергетические параметры дискурса украиноязычных и англоязычных радиобесед на морскую тематику. В работе описаны особенности радиодискурса, а также при помощи количественного, сопоставительного и статистического методов даётся подробная характеристика энергетических показателей речи в исследованных радиобеседах. В результате анализа экспериментального материала доказано, что украиноязычные и англоязычные радиобеседы на морскую тематику отличаются определённым набором параметров интенсивности. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что проанализированные радиобеседы отличаются как типологически общими, так и конкретно-языковыми энергетическими характеристиками, что подтверждается данными аудиторского и инструментального видов анализа, а также результатами статистической обработки всех полученных данных.

Ключевые слова: радиобеседа, жанр, морской дискурс, просодия, пиковая интенсивность.

На протяжении нескольких десятилетий зарубежные и отечественные учёные, представители разных наук: философии, политологии, психологии, социологии и журналистики, — глубоко и всесторонне исследовавшие масс-медиа, говорят об исключительной роли данного социального института, ставшего сегодня ежедневной потребностью социокультурной жизни человека,

обладающего возможностями воздействовать на его мировоззрение, национальную культуру и язык [6].

Лингвистические исследования последних десятилетий посвящены рассмотрению вопросов моделирования массово-коммуникационной деятельности, технологии манипулирования, стратегии воздействия средств массовой коммуникации (СМК) на массовую аудиторию [2; 6; 7]. Анализу подвергается дискурс масс-медиа (как правило, дискурс печатных изданий). Однако радиодискурс остаётся малоизученной областью. Исследования, проведённые в этом направлении, носят экспериментальный характер (например, работа А. В. Капишниковой [4]) или посвящены специфике незначительного числа радио жанров [3; 8; 9].

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью в современной филологической литературе проблемы радиобеседы, её жанровой специфики и просодических особенностей, осмысление которых является одним из перспективных направлений в современной лингвистике.

Материалом исследования послужили 60 радиобесед на морскую тематику, транслировавшиеся украиноязычными и англоязычными радиостанциями, общей длительностью звучания более 30 часов.

Цель работы состоит в описании радиодискурса на морскую тематику, в определении жанра радиобеседы, а также в определении роли параметров интенсивности при выявлении различий между исследованными украиноязычными и англоязычными радиобеседами.

В данной работе под радиодискурсом понимается «устный текст, который возникает в процессе аудиокommunikации и передаётся посредством акустического канала при помощи технических средств трансляции радиоречи и звукозаписи, характеризуется разнообразными специфическими лингвистическими, а также паралингвистическими, социальными факторами, объединяет в своём составе вербальные и невербальные акустические характеристики: слово, музыку, шумы и другие разнообразные фонеционные кинемы» [5].

Радиоречь относится к публичной разновидности устной литературной речи, в которой во всё возрастающей степени проявляются признаки разговорной речи (неофициальность, ситуативность, неподготовленность, непринуждённость, устность, непосредственность, стереотипность, диалогичность, эмоциональность, «повседневная» тематика, персональная адресованность общения), что позволило нам определить стиль радиоречи (радиодискурса) как публицистический с элементами разговорности. Включение в речь публичной коммуникации элементов разговорности обладает значительным экспрессивным потенциалом и производит необходимый коммуникативный эффект: способствует установлению контакта между субъектами радиокommunikации, привлекает и удерживает внимание радиослушателей, вызывает познавательный интерес, подталкивает к размышлению и, следовательно, к диалогу между радиокommunikатором и аудиторией.

Следует отметить особые параметры радиобеседы, которые отличают её от других видов радиоречи. В ней, как правило, присутствует конфликт, столкновение различных точек зрения, развитие мысли, в результате которых происходит разрешение конфликта путем выбора наиболее убедительных аргументов. Значительность темы, занимательность, актуальность обуславливают действенность и популярность бесед в радиопередачах.

Одной из главных черт радиобеседы является тот факт, что ведущий — это равноправный собеседник всех участников коммуникативного акта. В отличие от вопросно-ответной формы обмена мыслями, присущей интервью, в беседе происходит обмен репликами, суждениями, размышлениями. Интересно отметить, что все участники беседы имеют свою позицию. И это повышает шансы объективного освещения предмета разговора, потому что очень часто журналист и другие участники беседы могут отстаивать свои особые позиции, которые ориентируют их на освещение необщепринятых аспектов, качеств, достоинств, недостатков, связей обсуждаемого предмета. Таким образом, в беседе обязательно проявится многостороннее, полифоническое видение предмета, что усилит объективность, адекватность его рассмотрения. Эти тенденции в полной мере проявились в ходе исследования радиобесед, транслируемых украиноязычными и англоязычными радиоканалами.

В данной работе за основу исследования энергетической организации радиобесед принято системное описание акустических признаков, разработанное в лаборатории экспериментальной фонетики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова [1, с. 3], позволяющих охарактеризовать украиноязычные и англоязычные радиобеседы с нескольких точек зрения. Экспериментально-фонетическому компьютерному анализу подвергались следующие характеристики интенсивности:

- 1) максимальные значения интенсивности структурных элементов фраз — начальных безударных, первых ударных, ядерных и заядерных слогов (дБ);
- 2) максимальные значения интенсивности, характерные для исследованных радиобесед.

Результаты компьютерного анализа акустических параметров экспериментального материала позволили выявить определённые закономерности в интонационной организации украиноязычных и англоязычных радиобесед.

К типологически общим энергетическим характеристикам радиобесед изучаемых языков на морскую тематику можно отнести нижеприведенные. Во всех радиобеседах в обоих исследуемых языках, как в речи ведущих, так и участников, не было выявлено четких закономерностей в показателях пиковой интенсивности начальных безударных и заударных слогов (см. табл. 1). Более значительные различия отмечались в значениях пиковой интенсивности первых ударных и ядерных слогов. При этом в речи ведущих показания интенсивности первого ударного слога, как правило, превышали показания ядра. Это может объясняться желанием ведущего привлечь внимание участника к своему вопросу или реплике, в то время как речь участников радиобесед отличалась максимальными значениями пиковой интенсивности ядра, что свидетельствует о возрастающей роли семантического центра фраз в процессе обеспечения успешной аргументации.

В качестве наиболее характерных отличий радиобесед на морскую тематику в неродственных языках следует отметить тот факт, что украиноязычные радиобеседы характеризуются довольно высокими показателями пиковой интенсивности данных структурных элементов синтагмы, в то время как в англоязычных радиобеседах были зарегистрированы минимальные показатели пиковой интенсивности первых ударных и ядерных слогов (см. табл. 1).

Таблица 1

**Среднеарифметические значения пиковой интенсивности структурных элементов фраз
в исследованных украиноязычных и англоязычных радиобеседах (дБ)**

Радиобеседы	Дикторы	нач. безуд.	1 ударн.	ядро	з/яд.
украиноязычные	ведущий	64	78	73	48
	участник	70	81	85	52
англоязычные	ведущий	46	70	66	65
	участник	56	72	78	69

Полученные результаты по значениям интенсивности согласуются с выводами, сделанными в ходе слухового анализа.

Таким образом, как видно из данных, представленных в таблице 1, типологически общими для английского и украинского языков и одновременно наиболее значимыми энергетическими характеристиками, различающими радиобеседы на морскую тематику, являются усредненные показатели пиковой интенсивности первых ударных и ядерных слогов фраз. При соотношении исследуемых параметров украиноязычных и англоязычных радиобесед различия между физическими характеристиками радиобесед были закономерны как для ведущих, так и для участников процесса коммуникации, что свидетельствует о лингвистической значимости выявленных закономерностей.

Таким образом, в ходе проведения электроакустического анализа была наглядно продемонстрирована роль энергетических параметров в разграничении исследуемых радиобесед в неродственных языках.

Л и т е р а т у р а

1. Бровченко Т. А. Методические указания по математической обработке и анализу результатов фонетического эксперимента / Т. А. Бровченко, В. Г. Волошин. — Одесса : ОГУ, 1986. — 48 с.
2. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособ. / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. — 237 с.
3. Дубровский Ю. А. Архитектоника диалогического единства в радиодискурсе авиадиспетчер-пилот (на материале английского и русского языков) / Ю. А. Дубровский, Т. А. Мальковская // Материалы V Международного конгресса «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов». — Пятигорск, 2007. — С. 29–31.
4. Капишникова А. В. Лингвистические средства управления дискурсом : на материале американских радиопередач ток-шоу : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.04 — германские языки / А. В. Капишникова. — М., 1999. — 137 с.
5. Ковтун Н. О. Сучасний радіодискурс : специфіка, структура, рівні [Електронний ресурс] / Н. О. Ковтун. — Режим доступу : <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1980>.
6. Кудрявцева Л. О. Сучасні аспекти дослідження мас-медійного дискурсу: експресія — вплив — маніпуляція / Л. О. Кудрявцева, Л. П. Дядечко, О. М. Дорофіїв, І. О. Філатенко, Г. А. Черненко // Мовознавство. — К., 2005. — № 1. — С. 58–66.
7. Манаенко Г. Н. Специфика дискурса масс-медиа в современном информационном пространстве / Г. Н. Манаенко // Вестник. Москов. ун-та Сер. : 10. Журналистика. — М., 2005. — № 1. — С. 87–96.

8. М'яснянікіна Л. Стилiстичне використання рiзних типiв простого речення у рекламі на радіо [Електронний ресурс] / Л. М'яснянікіна // Вісник Львів. ун-ту. Сер. : Журналістика. — Режим доступу : http://www.franko.lviv.ua/faculty/jur/Internet/PART-6_6.htm

9. Нестерова Н. Г. Коммуникативное своеобразие современного радиодискурса (на материале речевого жанра прощания) / Н. Г. Нестерова // Пушкинские чтения : филология в XXI веке. — СПб. : Saga, 2004. — С. 13–19.

References

1. Brovchenko T. A. Metodicheskie ukazaniya po matematicheskoy obrabotke i analizu rezul'tatov foneticheskogo eksperimenta / T. A. Brovchenko, V. G. Voloshin. — Odessa : OGU, 1986. — 48 s.

2. Dem'jankov V. Z. Interpretacija politicheskogo diskursa v SMI // Jazyk SMI kak objekt mezhdisciplinarnogo issledovanija : ucheb. posob. / otv. red. M. N. Volodina. — M. : Izd-vo MGU im. M. V. Lomonosova, 2003. — 237 s.

3. Dubrovskij Ju. A. Arhitektonika dialogicheskogo edinstva v radiodiskurse aviadispatcher-pilot (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) / Ju. A. Dubrovskij, T. A. Mal'kovskaja // Materialy V Mezhdunarodnogo kongressa «Teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovanija jazykov narodov Severnogo Kavkaza i drugih regionov». — Piatigorsk, 2007. — S. 29–31.

4. Kapishnikova A. V. Lingvisticheskie sredstva upravlenija diskursom : na materiale amerikanskih radioperedach tok-shou : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.04 — germanskije jazyki. / A. V. Kapishnikova. — M., 1999. — 137 s.

5. Kovtun N. O. Suchasnyj radiodyskurs : specyfika, struktura, rivni [Elektronnyj resurs] / N. O. Kovtun. — URL : <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1980>.

6. Kudriavceva L. O. Suchasni aspekty doslidzhennia mas-medijnogo dyskursu : ekspresija — vplyv — manipuliacija / L. O. Kudriavceva, L. P. Diadechko, O. M. Dorofieva, I. O. Filatenko, G. A. Chernenko // Movoznavstvo. — K., 2005. — № 1. — S. 58–66.

7. Manaenko G. N. Specifika diskursa mass-media v sovremennom informacionnom prostranstve // Vestnik Moskov. un-ta. Ser. : 10. Zhurnalistika. — M., 2005. — № 1. — S. 87–96.

8. М'яснянікіна Л. Стилiстичне використання рiзних типiв простого речення у рекламі на радіо [Електронний ресурс] / Л. М'яснянікіна // Вісник Львів. ун-ту. Сер. : Журналістика. — URL : http://www.franko.lviv.ua/faculty/jur/Internet/PART-6_6.htm.

9. Nesterova N. G. Kommunikativnoe svoeobrazie sovremennogo radiodiskursa (na materiale rechevogo zhanra proshhanija) / N. G. Nesterova // Pushkinskie chtenija : filologija v XXI veke. — SPb. : Saga, 2004. — S. 13–19.

ШАЛЬОВ Андрій Станіславович,

доцент кафедри англійської мови в судновій енергетиці судномеханічного факультету Одеської національної морської академії; вул. Дидрихсона, 8, м. Одеса, 65029, Україна;
e-mail: lana-san.07@mail.ru, тел.: +38067 754 51 60

ЕНЕРГЕТИЧНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОВЛЕННЯ РАДІОБЕСІД З МОРСЬКОЇ ТЕМАТИКИ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ)

Анотація. У статті представлено результати інструментального дослідження програм україномовних і англійськомовних радіобесід. Мета роботи полягає у визначенні диференційних характеристик інтенсивності, що відрізняють радіобесіди на матеріалі двох неблизькопоріднених мов. Об'єктом дослідження є усний дискурс радіобесіди на морську тематику як психолінгвістичний і лінгвістичний феномен. Предмет дослідження складають енергетичні параметри дискурсу україномовних і англійськомовних радіобесід на морську тематику. У роботі описано особливості радіодискурсу, а також надано детальну характеристику енергетичних показників мовлення у досліджених радіобесідах за допомогою кількісного, зіставного та статистичного методів. У результаті аналізу експериментального матеріалу було доведено, що україномовні й англійськомовні радіобесіди на морську тематику відрізняються певним набором параметрів інтенсивності. Проведене дослідження дозволяє зробити висновок, що проаналізовані радіобесіди відрізняються як типологічно спільними, так і конкретно-мовними енергетичними характеристиками, що підтверджується даними аудиторського й інструментального видів аналізу, а також результатами статистичної обробки всіх одержаних даних.

Ключові слова: радіобесіда, жанр, морський дискурс, просодія, пікова інтенсивність.

Andrey S. SHALYOV,

Associate Professor of the Chair of English in Ship Energetics at Marine Engineering Faculty of Odessa National Marine Academy; 8 Didrikhsona str., Odessa, 65029, Ukraine; e-mail: lana-san.07@mail.ru, tel.: +380677545160

ENERGY CHARACTERISTICS OF RADIO TALK SHOW SPEECH ON MARITIME TOPICS (BASED ON THE MATERIAL OF UKRAINIAN AND BRITISH PROGRAMMES)

Summary. In the given article the results of the instrumental research of Ukrainian and British radio programmes belonging to the talkshow genre are presented. The aim of this work is to identify the differential intensity characteristics that distinguish the analysed radio talk shows. The object of the research is the oral discourse of radio talkshows on maritime topics as a psycholinguistic and linguistic phenomenon. The subject of the research is a set of energy parameters of Ukrainian language and English language maritime discourse.

The work describes the peculiarities of radio discourse as well as characterises the energy indicators of speech in the studied radio talkshows with the help of quantitative, comparative and statistical methods. The results of the experimental material analysis have proven that Ukrainian and English language radio talkshows on maritime topics differ by a certain set of parameters. The conducted experimental phonetic research enabled us to draw the conclusion that the examined types of radio talkshows differ in both typologically common and specific speech prosodic features. The gained result was confirmed by auditory and instrumental types of analysis and by the results of statistic data processing.

Key words: radio talk show, genre, marine discourse, prosody, peak intensity.

Статтю отримано 12.10.2015 р.

UDC 811.111'371'42:801.561.3:82-31

IEVGENIJA U. ABRAMOVA,

Ph. D. in Philological Sciences, lecturer of the Foreign Languages Department of the National University «Odessa Law Academy»; 25, Fontanskaya doroga, Odessa, 65009, Ukraine; tel.: +38 067 7031547; e-mail: abramovazhenya@yahoo.com

THE ENGLISH COMPLIMENT: COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS

Summary. This study is aimed at investigation of the compliment as a specific speech tactics in the conversation used for optimization the dialogical process. The main objective of this work consists in defining the functional role of the compliment as a specific speech tactics in the process of communication and establishing regularity in its relative frequency of use in the aspect of psychological and speech impact on the listener. This work also studies correlations in the relative use frequency of the compliment as a speech tactics as it is realized in different communicative strategies. The author determines the status of the communicative strategies differentiating them in accordance with norms of the speech etiquette and principles of politeness. In the process of work a new original definition of the compliment is given as an instrument of possible mental and speech impact on the interlocutor and the role of the compliment is studied in the communicative strategies singled out. The whole corpus of the actual material counts 6500 speech samples selected consequently from the literary dialogue of the original English novel. The author argues that compliments employed as a universal speech tactics in the process of dialogical interaction serve to optimize the communication process in general, and contribute to realization the speaker's communicative goal.

Key words: the compliment, speech tactics, communicative strategies, dialogue, speech impact.

Everybody likes a compliment.
Mark Twain

The presented work is dedicated to the urgent problem of organizing dialogical speech communication and different ways and means of ensuring its efficiency. Compliments are universally believed to have a special power of influencing people and harmonizing the process of social interaction.

This work grounds upon the theoretical finds of scientific studies in the field of the speech etiquette undertaken by F. Batsevitch, M. Varij, T. van Dijk, E. Goffman, G. Grice, D. Hymes, I. Knochko, G. Lakoff, V. Troyanov. Giving tribute to the research carried out in the sphere of harmonizing and optimizing the speech communication, we must point out that the problem of using a compliment as an individual speech tactics has not received sufficient attention in linguistics.

The urgency of the investigation undertaken follows from the general orientation of modern linguistics at the speech structures and studying their role in organizing the process of verbal interaction. Besides, studying compliment in literary dialogues gives a clue of penetrating into the deep psychological mechanisms of the human mind, reflecting them in the dialogue and tracing their role in harmonizing the general process of communication.

The object of this research — are statements pragmatically implicated as compliments in the original English literary dialogue. The subject of the research are peculiarities and functional characteristics of the compliment as a speech tactics in the process of verbal communication. The actual material of our work covers 6500 speech samples gathered by consecutive selection. The work is based upon the original English literary dialogue taken from novels of the XIX—XXI centuries. The validity of the actual material is verified by the regularities of mathematical linguistics as it given by R. G. Piotrovskij and A. A. Bektaev [14, p. 353].

The main objective of our investigation is to determine the functional role of the compliment as a specific speech tactics in the communicative strategies and to establish regularity in the frequency patterns of use of the compliment from the view point of psycho and speech impact on the interlocutor.

The definition of the compliment in this work is based on the critical analysis of the special literature and the results of our own studies. In this paper a compliment is treated as a positive statement containing comments relating to any events, features, acquisitions, achievements that are associated with the addressee and are regarded by the transmitter of the message and its recipient positively.

Modern linguistic approach to conversation looks at the ways of optimizing the speech communication not only by means of syntactic links between the word units and actual information conveyed by the utterances, but mostly focuses its interest on the different humanitarian techniques used by the interlocutors for realizing their communicative goals.

The notions of strategy and tactics are borrowed from the warfare and give priority to the «victory», i. e. resulting effect produced on the listener in the way desired by the speaker. They are based on the active role of the listener, on his/her active recognition and interpretation of the «global» or «local» intentions of the initiator of the dialogue.

The first person who gave a profound scientific analysis of the strategies used by the speakers was E. Goffman, who argued that any verbal interaction is strategic [2, p. 55]. P. Brown and S. Levinson investigated the category of «politeness», pointing out that it is also a strategy, as it reflects desires and goals of the language personality [1, p. 12]. The researchers devoted their work to the speech etiquette as one of the most important strategies of verbal communication [1, p. 7]. Interlocutors' being sincere and insincere, can also be interpreted as a kind of discursive strategy in a conversation [15, p. 49].

Taking into account general orientation of modern linguistics at communicative, or speech strategies, we should dwell upon this concept in detail. This term is usually treated as «rules of the language use or rules of speaking» by D. Hymes [4, p. 55], «maxims» by G. P. Grice [3, p. 42], «stylistic strategies» by G. Lakoff [5, p. 46].

Traditionally, a communicative strategy is understood as the speaker's creative implementation of the plan of organization of his/her verbal behavior in order to achieve his/her general (global) communication objective in a particular speech interaction. It is a flexible mechanism that is exposed to constant adjusting of the intercourse in the process of communication and suffers changes in the search for optimal solutions.

Thus, agreeing with T. A. van Dijk, one can conclude that any speech strategy in general terms is a scheme of cognitive conversation plan that provides the tasks under vision with optimal solutions in a versatile and locally controlled manner. Strategies are directly related to the communicant's «choice» allowing him to solve the tasks set in the best way possible [7, p. 11]. Employing a situationally «good» strategy ensures the speaker's realization his communicative intention in the conversation.

The essential features of any strategy, as pointed out by V. Trojanov, are its flexibility, variability, and the ambivalent nature. They allow «considering discourse as a finite object of study, on the one hand, and, on the other — focusing on its procedure aspect, on the mechanisms of its generation and comprehension» [18, p. 20]. T. van Dijk [7], O. S. Issers [12] and others stick to the same opinion about the functional characteristics of speech strategies.

As is generally known, a general strategy is realized in immediate communicative tactics, which are defined as verbal techniques which provide attain the speaker's aim in a particular situation [9, p. 4]. Realization and interpretation of certain discursive strategies and tactics cannot be carried out without considering various personal and socio-cultural aspects of the dialogue. The speaker's strategy determines the answer to the question «what for» and his tactics — the question «how».

The relationship between the concepts «a speech strategy» and «a speech tactics» is much dwelled upon in a lot of works of the Ukrainian and foreign linguists (M. Bakhtin, L. Vigotskij,

L. Yakubinskij). Thus, L. L. Fyodorova distinguishes the given terms by means of employing the speech interaction model suggested by her. The latter describes both an elementary dialogue and more complicated cases of verbal communication [19, p. 47]. The author remarks that the main purpose of the dialogue initiator is set by his/her strategy, while specific influencing interlocutor's objectives in each act of the speech interaction outline the dialogue tactics. The similar idea is expressed by O. S. Issers, who points out that «planning a speech behavior is not just constructing speech utterances, but a part of the interactive process where the listener is not a passive perceiver of the text message transmitted by the speaker and an active interpreter of his speech actions but a realizer of his own strategic line of the verbal behavior» [12, p. 96].

I. P. Tarasova points out the nature of strategy when it globally covers the whole field of speech communication and states that it «includes planning of the verbal interaction, depending on the specific conditions of communication and the identity of communicants, as well as the implementation of the plan, outlined in the conversation» [17, p. 107]. The strategy of verbal communication is presented as the whole complex of speech acts aimed at achieving certain communicative goals.

The communicative tactics in their turn describe «a set of techniques of carrying out the talk at a certain stage in the limits of a separate dialogue» [17, p. 108]. They are aimed at achieving the desired effect or prevent the speaker from the unwanted results of the conversation. In our research we believe the compliment to be a specific speech tactics in the conversation used for optimization the dialogical process as a whole.

The generally accepted term the «speech tactics» is traditionally understood as flexible and dynamic use of verbal skills demonstrated by the speaker in the conversation, his/her communication move according to the chosen line of the speech intercourse. In order to obtain the response desired by the listener as well as his/her reaction to his speech move the speaker varies his/her tactics within a certain communicative strategy [11, p. 89]. It's worth pointing out that if a strategy is based on the premises, knowledge of postulates and norms of speech etiquette, the speech tactics depends on the prevailing conditions of communication, on the communication situation, on the socio and psychological factors (the communicants' status, their age, sex, their interests, background, etc.).

It is clear that in situations of everyday speech interaction, in personal discourse, there is one set of certain tactics and techniques, and in the institutional discourse there will be another set of tactics. However, this assertion does not exclude blending of the two types of speech tactics. O. Ya. Goikhman and T. M. Nadeina write that the choice of tactics in a given communicative situation should be prompted by the addresser's logic, psychology and experience received in other speech situations his lifetime [9, p. 134].

It is speech tactics that give flexibility to the strategy, rapid response to the situation, dynamic nature of the verbal communication. For the first time tactics of speech as linguistic phenomena were put in the focus of attention in the works of Ye. M. Vereshchagin (1992) and V. G. Kostomarov (1960). The suggested term proved good because, like any other speech practice, it is a part of the overall strategy and provides a solution of the most complicated tasks [8, p. 86–87].

A number of works distinguish the following tactics; conscious and unconscious (impulsive), basic and supporting, there are also singled out «tactics of self-presentation» and «emotionally-tuning». There are also the so-called tactics of the game of «a bulling» and «a bear» and others. In her work O. S. Issers even suggests thinking up an artificial semantic «label» to mark such tactics. She also considers it useful to give special terms to the tactics basing upon one of the surface cliché remark («It's a cinch for you to do it») or deep structure («You're very capable») [12, p. 203].

In this work we believe it reasonable from the practical point of view to divide verbal strategies as it was done by I. B. Morozova into the communicative strategies of conformism and argumentation [13]. These strategies of verbal communication are based on G. P. Grice's «principles and maxims of communication», while the principle of cooperation being the key to them [3, p. 122]. Thus, a strategy of conformism realizes the principle of cooperation.

Argumentation, in its turn, is divided into the soft and the hard argumentation.

The notion of «the hard communicative strategy» implies the speaker's conscious violating principles, norms and conventions of politeness for achieving his/her goals in the shortest time possible. Taking a *soft argumentation* as his/her main course in the dialogue, the speaker usually keeps to the norms and principles of politeness in every situation. Besides, depending on a kind of the situation, the interlocutor can accept or reject the position of his opponent and sustain his own point of view, without violating the principles of politeness and speech etiquette norms of communication.

A strategy of the *soft argumentation* is intermediate between the hard and the soft lines of verbal behavior. The parties do not resort to open confrontation, meet each other halfway and in general follow the rules of the accustomed speech behaviour.

In the process of *hard argumentation* there is observed a verbal and psychological pressure and a mutual interlocutors' confrontation. The latter manifests itself in the sharp disagreement, hard counter-arguing, transforming into the open violation of the norms of politeness and, finally, leading to the conflict.

In this paper we share I. Sternin's position about the reflexive development of the communication process [16, p. 147], in which the parties consciously or subconsciously mimic the style of each other's conversation.

The study of our actual material has shown that depending on the speaker's choice of strategies he/she uses appropriate tactics in his/her verbal behavior.

The tactics of persuading, convincing, requesting alongside with the approval, appreciation and compliments are preferred within the strategy of conformism.

E. g.:

— *Fine. — I glared at him and shook my head. Stubborn idiot.*

— *But at least try to look a little more raider-ish, okay? We don't want to attract attention. — Zeke's snort sounded suspiciously like laughter.*

— *Allie, you're a beautiful, exotic-looking vampire girl with a katana. Trust me, if anyone is going to attract attention, it's not going to be me.*

I didn't answer as we crossed the flimsy, creaking bridge into the lair of the vampire king. If Zeke had asked, I would've said that I was thinking of how to find everyone, but that wasn't entirely true. I was thinking of the others and how I was going to get them out alive...but I kept being distracted by the thought that Zeke had called me beautiful [20, p. 342].

The example above shows conformism displayed by the young man Zeke, trying to impress the young girl Ellie, who is not of a very high opinion of him. To achieve their common goal — to save their friends, Zeke has resorted to using the speech tactics of compliments.

In the process of implementing the strategy of *soft argumentation* there are applied such tactics as apology, expressions of sympathy and liking, friendly feelings, love declarations and compliments.

E. g.:

— *I'm sure I look like a drowned cat.*

— *You look fine. The wet look works for you.*

I scowled. — Now I know you're lying [22, p. 18].

In this example, a young man tries to calm down the girl with a compliment.

As mentioned above, the strategy of *hard argumentation* is based upon violation of the rules of the speech etiquette and here the communicants resort to using such tactics as claims, threats, aggression, anger, irony, deceit, lies, evading a question. However, even in the process of employing this speech strategy the speakers are observed to use individual cases of the speech tactics of compliments. In accordance with our investigation they are characterized by the negative politeness.

E. g.:

Lady Windspear was furious. She tried to control herself as best as she could herself and appeal to his better self.

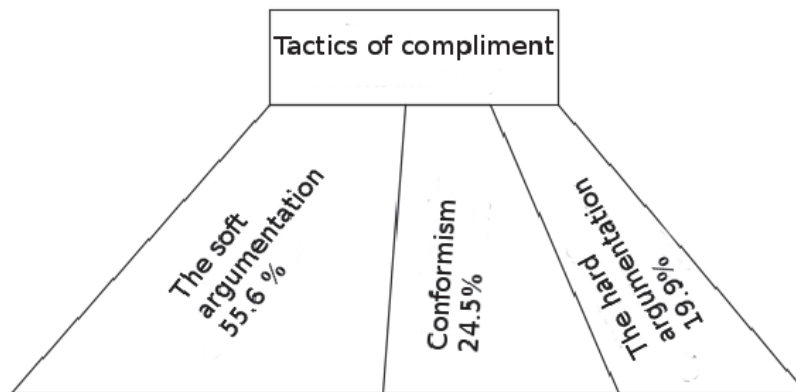
— *Willy, my boy, I hope you're not an idiot, everybody believes you are, so as to let this vulgar creature call you her husband?* [21, p. 48]

In the given example, Lady Windspear dissuades her son from the unequal marriage by appealing to the fact that he was not «an idiot» to disgrace his family.

The philological interpretation of the actual material leads to the conclusion that the use of the tactics of compliments ensures efficiency of the speech impact and is widely used in all three speech strategies, including the hard argumentation. Hence, it is clear that in this aspect the compliment can be considered a universal speech tactics used for persuasion the interlocutor and, ultimately, providing the desired result of the verbal communication. Employment of the tactics of compliment in the three speech strategies is shown in Pic. 1:

Our analysis of the effective literary dialogues has shown the following. The soft argumentation is used in 55.6 %, and the strategies of conformism and the hard argumentation are involved in 24.5 % and 19.9 %, respectively.

To conclude the undertaken research, certain speculations as to the determined regularities seem to be necessary. We explain the detected regularity in the frequency patterns of use of the tactics of compliments in different speech strategies by the next factors. From the viewpoint of psycho-and-speech impact on the interlocutor, the soft argumentation is a kind of a delicate balance, or swings. The compliment serves here the so called «speech bribery» [6]. When passed back to the interlocutor, it puts the latter in a dependent position on the speaker who consequently will be more disposed to the compliment-giver. This fact prompts the addressee of a compliment to make a return compliment to support his «faltering position» and restore his verbal and psychological balance.

Pic. 1. The compliment as a universal tactics of verbal behavior

While employing the strategy of conformism the interlocutors are initially disposed towards each other and are ready to meet each others' needs halfway, that's why there is no pressing necessity to use compliments as an additional tactics of persuasion.

As to the use of compliments in the process of hard argumentation, here we believe that this is the matter of one's selfdignity. In the attempt to «save his/her face» to justify his/her status in the eyes of the speaker, the addressee of the compliment can fall under the influence of the compliment thereby ensuring efficiency of his verbal interaction. The speech communication having orientated character in the dialogue, the humanitarian tactics and strategies function as an instrument for realization the speaker's intention in the conversation. Thus, in the view of the far-aimed motives, the addressee of the compliment can be considered as the object of the speaker's impact.

We see the further perspectives of this research in the universal character of the compliment as the speech etiquette phenomenon. We believe that studying the tactics of compliments in other languages and contrasting their peculiarities will disclose the hidden links between mental structures in the human mind and reflect them on the level of language and speech.

References

1. Brown P. Universals in Language Usage : Politeness Phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and Politeness. Strategies in Social Interaction. — London : Longman, 1988. — 191 p.
2. Goffman E. The presentation of self in everyday life / E. Goffman. — Garden City : Doubleday Anchor Books, 1959. — 215 p.
3. Grice H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. — Vol. 3 : Speech Acts. — N. Y. : 1975. — P. 42–58, 121–122.
4. Hymes D. Functions of speech : an evolutionary approach / D. Hymes // Anthropology and Education. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1961. — P. 55–83.
5. Lakoff R. Language and woman's place / R. Lakoff // Language in Society. — Cambridge University Press, 1973. — N 2. — P. 45–79.
6. Lewis D. How to Get Your Message Across : Secrets of Successful Communication. — London : Souvenir Press Ltd., 1996. — 288 p.
7. Van Dejk T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija / T. A. Van Dejk. — Moskva : Progress, 1989. — 312 s.
8. Vereshhagin E. M. Rechevyje taktiki «prizyva k otkrovennosti» / E. M. Vereshhagin, R. Ratmajr, T. Rojter // Voprosy jazykoznanija. — 1992. — № 6. — S. 82–93.
9. Gojhman O. Ja. Rechevaja komunikacija : Učebnik dlja vuzov / O. Ja. Gojhman, T. M. Nadeina // Red. Gojhman O. Ja. — Moskva : INFRA-M, 2001. — 272 s.
10. Grajs G. P. Logika i rechevoe obshhenie / G. P. Grajs // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. — Moskva : Progress, 1985. — № 16 : Lingvisticheskaja pragmatika. — S. 217–237.
11. Zerneckij P. V. Edinicy rechevoj dejatel'nosti v dialogicheskom diskurse / P. V. Zerneckij // Jazykovoe obshhenie : Edinicy i regulativy. — Kalinin : KGU, 1997. — S. 89–95.
12. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi / O. S. Issers. — 4-e izd. — Moskva : URSS, 2006. — 288 s.
13. Morozova I. B. Paradygmatychnyj analiz struktury i semantiky elementarnykh komunikatyvnykh odynyc' u svitli geshtal't-teoriji v suchasnij anglijs'kij movi : monografija / I. B. Morozova. — Odesa : Drukars'kyj dim, 2009. — 384 s.
14. Piotrovskij R. G. Matematicheskaja lingvistika : [učeb. posobie dlja ped. institutov] / R. G. Piotrovskij, A. A. Bektaev, A. A. Piotrovskaja. — Moskva : Vysshaja shkola, 1977. — 384 s.
15. Plotnikova S. N. Neiskrennij diskurs (v kognitivnom i strukturno-funkcional'nom aspektakh) / S. N. Plotnikova. — Irkutsk : Irkutskij gosudarstvennyj lingvisticheskij un-t, 2000. — 244 s.

16. *Sternin I. A.* Nacional'naja specifika komunikativnogo povedenija / I. A. Sternin // XII mezhdunarodnyj simpozium po psiholingvistike i teorii komunikacii. — Moskva, 1997. — S. 147–148.
17. *Tarasova I. P.* Rechevoe obshhenie, tolkuemoe s jumorom, no vsjer'juz : posobie po samoobrazovaniju / I. P. Tarasova. — M. : Vysshaja shkola, 1992. — 175 s.
18. *Trojanov V. I.* Strategii komunikantov v spore / V. I. Trojanov // Pragmatika i logika diskursa : Sb. nauch. tr. — Izhevsk : Udmurtskij univ., 1991. — S. 20–24.
19. *Fiodorova L. L.* Tipologija rechevogo vozdejstvija i ego mesto v strukture obshhenija / L. L. Fiodorova // Voprosy jazykoznanija. — 1991. — № 6. — S. 46–49.
20. *Kagawa J.* The Immortal Rules / J. Kagawa. — NY : Harlequin Teen, 2012. — 464 p.
21. *Milford J.* His stubborn bride / J. Milford. — London : Arrow Books, 1994. — 201 p.
22. *Riordan R.* The Demigod Files / R. Riordan. — NY : Hyperion Books. — 160 p.

АБРАМОВА Євгенія Юрїївна,

кандидат філологічних наук, викладач кафедри іноземних мов Національного університету «Одеська юридична академія»; Фонтанська дорога, 25, Одеса, 65009, Україна;
e-mail: abramovazhenya@yahhoo.com; тел.: +38 067 7031547

АНГЛІЙСЬКИЙ КОМПЛІМЕНТ: КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ Й ТАКТИКИ

Анотація. У фокусі запропонованого дослідження знаходиться вивчення компліменту як особливої мовленнєвої тактики в розмові, що вживається з метою оптимізації процесу діалогізації. Головна мета роботи полягає у визначенні функціональної ролі компліменту як особливої мовленнєвої тактики у процесі комунікації та встановленні закономірностей відносної частотності вживання компліментів в аспекті психологічного та мовленнєвого впливу на слухача. Предметом вивчення є кореляції відносної частотності вживання компліменту як мовленнєвої тактики в межах різних комунікативних стратегій. Результатом дослідження є визначення статусу комунікативних стратегій, їх диференціація відповідно до норм мовленнєвого етикету і принципів ввічливості. У статті подано нову оригінальну дефініцію компліменту як інструменту можливого ментального й мовленнєвого впливу на співрозмовника, визначено роль компліменту у виокремлених мовленнєвих стратегіях. Корпус обробленого фактичного матеріалу складає 6500 мовленнєвих зразків, відібраних унаслідок проведення суцільної вибірки з художнього діалогу оригінального англійського роману. Висновок: комплімент як універсальна тактика спілкування у процесі діалогізації служить оптимізації комунікації загалом і сприяє реалізації комунікативної мети мовця.

Ключові слова: комплімент, мовленнєві тактики, комунікативні стратегії, діалог, мовленнєвий вплив.

АБРАМОВА Евгения Юрьевна,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Национального университета «Одесская юридическая академия»; Фонтанская дорога, 25, г. Одесса, 65009, Украина;
e-mail: abramovazhenya@yahhoo.com; тел.: +38 067 7031547

АНГЛИЙСКИЙ КОМПЛИМЕНТ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Аннотация. В фокусе данного исследования находится изучение комплимента как особой речевой тактики в разговоре, употребляемой с целью оптимизации процесса диалогизирования. Основная цель работы состоит в определении функциональной роли комплимента как особой речевой тактики в процессе коммуникации и установлении закономерностей относительной частотности употребления комплиментов в аспекте психологического и речевого влияния на слушателя. Предметом изучения являются корреляции относительной частотности употребления комплимента как речевой тактики в рамках различных коммуникативных стратегий. В результате исследования определён статус коммуникативных стратегий, осуществлена их дифференциация в соответствии с нормами речевого этикета и принципами вежливости. Дана новая оригинальная дефиниция комплимента как инструмента возможного ментального и речевого влияния на собеседника. Изучена роль комплимента в выделенных речевых стратегиях. Корпус обработанного фактического материала насчитывает 6500 речевых образцов, отобранных способом сплошной выборки из художественного диалога оригинального английского романа. Вывод: комплимент как универсальная тактика общения в процессе диалогизирования служит оптимизации коммуникации в целом и способствует реализации коммуникативной цели говорящего.

Ключевые слова: комплимент, речевые тактики, коммуникативные стратегии, диалог, речевое влияние.

Статтю отримано 18.08.2015 р.

УДК 81'1'06-13'42

ILONA M. DERIK,

PhD (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Chair of Translation and Theoretical and Applied Linguistics, Foreign Languages Faculty, State Institution «South-Ukrainian Ushynskyi National Pedagogical University», 34 Staroportofrankivs'ka St., Odessa, 65029, Ukraine;
e-mail: anoli@odessa.tv; tel. : +38 050 3166344

DISCOURSE INTERPRETATION IN CONTEMPORARY LINGUISTIC PARADIGM

Summary. The presented article is aimed at elaborating the *problem* of interpreting discourse in the contemporary linguistic paradigm. The main *objective* of the paper consists in investigating discourse as a speech and mental phenomenon studied in accordance with the communicative and translational aspects. The *subjects* are the immanent features of the discourse as a speech and mental phenomenon. Employing the *methods* of applied linguistics and text analysis the author performs the all-sided review of the discourse in the communicative aspect as a complex speech construction of a supratextual level. Identifying the typological peculiarities for each separate type of the institutional discourse is the *finding* of research. The *results* of the carried-out research have proved that there exist typological peculiarities for each separate type of institutional discourse. The *practical value* of the research lies in the fact that the outlined regularities permit justifying the truthfulness of the thesis of the existential nature of discourse.

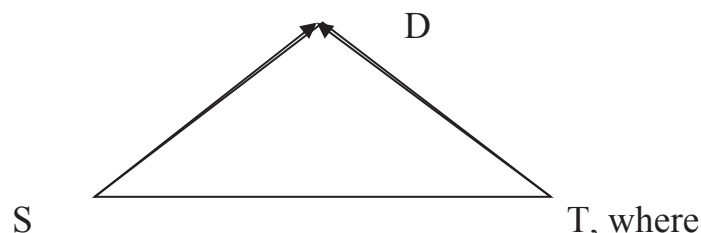
Key words: discourse, paradigm, phenomenon, immanent features, typological peculiarities, institutional discourse.

Problem-setting and recent papers survey. The *objective* of the following research is the systematization and unification of the existing approaches to the study of discourse and their interpretation in the translational aspect. The theoretical grounding for the ideas supplied was formed on the basis of fundamental scientific works by E. Benvenist, P. Serio, M. Foucault, G. Lyons, Ch. Fillmore, Teun van Dijk, J. Fisk, A. Zholkovskyi, G. Lakoff, N. Chomsky, I. Kashkin, Yu. Lotman, M. Ilyin, R. Barthes, V. Karasik, Yu. Stepanov, V. Borbot'ko, F. Batsevic.

Discourse is widely postulated as a polysemantic term in the field of the Humanities, the subject which either directly or indirectly implies language functional studies. Therefore, it should be treated as an object of interdisciplinary studies, such as theoretical linguistics, computational linguistics, artificial intelligence, psychology, philosophy, logics, sociology, anthropology, ethnology, literary studies, semiotics, historiography, theology, law, pedagogical studies, theory and practice of translation, communicative researches, political studies.

Task-setting. The *urgency* of this paper arises from the need for global synergetic all-sided review of discourse in the humanities in general and in contemporary linguistics in particular. The *object* of the work is discourse viewed as a speech and mental phenomenon. The *subject* is the unique nature of discourse with its immanent features (coherence, cohesion and intertextuality). The immediate *tasks* of the article have been predetermined by the above-mentioned objective and include, respectively: the disclosure of the difference between discourse and text; the elaboration of the discourse studies in both communicative and translational aspects; the outline of the typological features for each separate type of the institutional discourse.

Practical research. The unique nature of the discourse is most prominently presented by the following schematic triangle:

S means Speech socially determined;

T means Text with extralinguistic information;

D means Discourse

The opposition **Text :: Discourse** is viewed in the following aspect: discourse is understood as a text interwoven with life or the text presented dynamically through the prism of certain events.

Text is understood as a predominantly abstract and formal construct, discourse is interpreted as different ways of its actualization, viewed in the aspect of cognitive processes and their connection with extralinguistic factors. The term «discourse», unlike the term «text», is not applied to the texts whose ties with the reality have been irretrievably ruined (e. g. ancient texts).

From the linguistic point of view discourse is often defined as a complex communicative phenomenon which presupposes an impact of extralinguistic factors on its production and perception.

The communicational aspect of discourse is reflected in the focus on the extralinguistic factors influencing the communicative process, both in the sphere of its production and perception. Discourse is widely investigated as a complex communicative unit with its unique structural and semantic features. Its immanent peculiarities include cohesiveness and cohesion, fullness and independence of meaning which are realized linguistically by morphological forms and syntactic links. Inherent of discourse on all its levels is thematic, referential, eventual, temporal and local unity.

Discourse in the translational aspect is understood mainly as a speech practice, i.e. interactive activity of the communicants, the setting and maintenance of the contact, emotional and informational exchange, interaction and two-way influence, the interconnection of the variable communicative strategies and their verbal and non-verbal manifestations. Very important in this connection is the dependence on the extralinguistic knowledge, views, intentions and aims of the definite speaker.

The understanding of discourse as a text plunged in the communicative situation suggests its multidimensional nature. From the psycholinguistic point of view discourse is intriguing because of the possibility of switches from the inner code to the outer verbalization in the processes of speech generation and its interpretation with regards to the social-psychic types of language personalities and the role preferences. The linguostylistic discourse analysis is focused on distinguishing the speech registers, differentiating oral speech from the written one in all genre varieties, studying functional communication parameters on the basis of its units (the characteristics of functional styles). The structural and linguistic discourse description presupposes its segmentation and is aimed at foregrounding the textual proper communication peculiarities — the sense and formal discourse coherence, the ways of topic switching, modal restrictors (hedges), large and small textual blocks, discourse polyphony understood as simultaneous communication on different levels of the text depth.

Communication is essentially incomplete and inferential — it is impossible to tell everything about anything at any point in time. To derive the intended meaning from a spoken utterance or text, the hearer or reader needs to enrich or modify semantic representations of the linguistic input (literal or prototype meanings) by using inferences based on the context. This context, or background, is the space of possibilities that allows us to listen to both what is spoken and what is unspoken; and the meaning is created in an active process whereby linguistic form triggers interpreting rather than conveying information. This space of possibilities forming the context of a text or utterance is a subset of the recipient's entire cognitive environment, selected on the basis of relevance. A person's cognitive environment includes information that can be perceived externally, as well as knowledge stored in memory, and information derived from previous utterances or texts. This latter aspect of the cognitive environment is referred to as intertextuality.

Intertextuality is essentially a mechanism through which a text refers backward (or forward) to previous (or future) texts, by alluding to, adapting, or otherwise invoking meanings expressed in those other texts. In order to retrieve the full range of intended meaning in a given text, readers need to be able to recognise and understand such intertextual references. Failing to do so will result in partial understanding, or incomplete retrieval of the intended meaning of the text concerned. The implications of this for translation are clear, since the potential for failure to recognise the intertextual reference between languages and across cultures is likely to be considerably greater than within them, for such recognition requires social knowledge.

Conclusions. The prominent distinctive features of discourse as a mental and speech phenomenon may be formulated as follows.

- The term «discourse» is close in sense to the concept «text», but its distinctive feature is dynamic nature unlike the static nature of the text;
- discourse functional interpretation is close to its understanding as a certain communicative act, which presupposes the existence of two dominant roles — of the speaker (author) and of the addressee. However, the discourse distinctive feature is the presence of such important sense constituents as chronotopos, topicality and rituality;
- there also exists the third perspective of discourse research — the study of speech communication from a proper textual point of view. This is particularly relevant for the analysis of deictics and the anaphoric and cataphoric links between the pronouns and the notional words;
- the interdisciplinary nature of the discourse studies is known as discourse analysis;
- discourse is characterized by a metalingual nature but like lower language units it is guided by certain rules and norms;

- the dominant opposition in discourse classification is the differentiation of the oral and written discourse based on the opposition of different channels of information distribution — the acoustic and the visual. Despite the fact that the written speech has been considered predominant through a long period of time it is the oral discourse that is the original and fundamental form of language existence, while the written discourse is of secondary nature. Most researchers also outline the mental discourse;

- the prevailing strategies in discourse translation are foreignization, domestication and explication;

- the key issues in adequate discourse translation are the preservation of the semantic invariant and the faithful pragmatics rendering alongside with the accuracy of natural and cultural background presentation;

- the typological discrepancies among the distant languages result in certain translation difficulties and problems which should be dealt with in accordance with the existing practice of translation transformations techniques.

In the course of the research it has been concluded and experimentally and statistically proved that the oral discourse is the predominant and original language form of existence while the written discourse is of secondary nature. It has also been postulated that the pragmatic and the expressive potential of discourse shouldn't be underestimated especially in the aspect of its relevance in the successful communicative strategies realization. It has also been outlined that each type of institutional discourse is characterized by its unique etiquette and a certain set of typological linguistic peculiarities which proves the relevance of the hypothesis about the existential nature of discourse.

The **perspectives** of the paper are seen in the further elaboration of discourse studies on the basis of different typologically distant languages so as to prove the outlined regularities.

References

1. Borbot'ko V. G. Principy formirovaniya diskursa : Ot psiholingvistiki k lingvosinergetike / V. G. Borbot'ko. — M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. — 288 p.
2. Karasik V. I. Jazykovoju krug : lichnost', koncepty, diskurs / V. I. Karasik. — Volgograd : Peremena, 2002. — 477 p.
3. Stepanov Yu. S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, fakt i princip prichinnosti / Yu. S. Stepanov // Jazyk i nauka konca 20 veka. — M. : RAN, 1996. — P. 37–73.
4. Dijk van T. A. Principles of Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk // The sociolinguistic Reader. — 1998. — Vol. 2 : Gender and Discourse. — P. 367–393.

ДЕРИК Илона Морисовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и теоретической и прикладной лингвистики Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского», ул. Старопортофранковская, 34, г. Одесса, 65029, Украина; e-mail: anoli@odessa.tv; тел.: +38 050 3166344

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Аннотация. Представленная статья посвящена проблеме интерпретации дискурса в современной лингвистической парадигме. Цель статьи в изучении дискурса как речевого и ментального феномена в неразрывной связи с коммуникативным и переводческим аспектами. Предметом исследования являются имманентные характеристики дискурса как речевого и ментального феномена. С помощью методов прикладной лингвистики, текстологического анализа проведено исследование дискурса в коммуникативном аспекте как сложного речевого образования надтекстового уровня. В результате проведённого исследования выявлены типологические особенности каждого отдельного вида институционального дискурса. Практическая ценность полученных результатов в том, что подтверждена экзистенциальная природа дискурса.

Ключевые слова: дискурс, парадигма, феномен, имманентные характеристики, типологические особенности, институциональный дискурс.

ДЕРІК Ілона Морисівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри перекладу і теоретичної та прикладної лінгвістики
Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені
К. Д. Ушинського», вул. Старопортофранківська, 34, м. Одеса, 65029, Україна; e-mail: anoli@odessa.tv,
тел.: +38 050 3166344

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ДИСКУРСУ В СУЧАСНІЙ ЛІНГВІСТИЧНІЙ ПАРАДИГМІ

Анотація. Пропоновану статтю присвячено проблемі інтерпретації дискурсу в сучасній лінгвістичній парадигмі. Мета статті полягає в дослідженні дискурсу як мовленнєвого та ментального феномену в невідривному зв'язку з комунікативним і перекладацьким аспектами. Предметом дослідження є іманентні характеристики дискурсу як мовленнєвого та ментального феномену. Методами прикладної лінгвістики й аналізу тексту здійснено всебічне вивчення дискурсу в комунікативному аспекті як складного мовленнєвого утворення надтекстового рівня. За результатами дослідження виявлено типологічні особливості кожного окремого виду інституціонального дискурсу. Практична цінність одержаних результатів полягає в тому, що підтверджено екзистенціальну природу дискурсу.

Ключові слова: дискурс, парадигма, феномен, іманентні характеристики, типологічні особливості, інституціональний дискурс.

Статтю отримано 25.10.2015 р.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ ТА ГРАМАТИКИ

УДК 811.161.2'367.622'373.23/.43/.611

ДИХТЯР Надія Дмитрівна,

здобувач кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 (068) 0420178;
e-mail: grabarchuk.nadyusha@mail.ru

ІННОВАЦІЙНІ СУФІКСАЛЬНІ СУБСТАНТИВНІ ДЕРИВАТИ НА ПОЗНАЧЕННЯ ЛЮДИНИ В ПОЕТИЧНОМУ ІДІОМОВЛЕННІ МИХАЙЛА СТРЕЛЬБИЦЬКОГО

Анотація. *Мета* статті полягає в комплексному аналізі авторських новотворів-субстантивів Михайла Стрельбицького, скерованому на з'ясування структурної, семантичної та функційної специфіки цих утворень як маркерів ідіостилу поета. *Об'єктом* дослідження є ідіостиль М. Стрельбицького. *Предметом* безпосереднього аналізу є потенційні / okazіональні деривати-субстантиви як один із важливих компонентів авторського ідіостилу. Провідними в дослідженні є *методи* спостереження, описовий метод з його прийомами зіставлення, узагальнення, інвентаризації та класифікації мовного матеріалу. Застосовується також контекстуально-інтерпретаційний і дериваційно-компонентний аналіз. *Результат* дослідження репрезентативних для ідіомовлення М. Стрельбицького шляхів творення суфіксальних субстантивних авторських дериватів на позначення істот засвідчує, що в цьому процесі беруть участь різноманітні словотворчі форманти, у ролі мотиваторів виступають переважно субстантиви та вербати, значно поступаються ад'єктиви, на периферії містяться адвербіативи. Іноді потенційні / okazіональні деривати мають відповідники у кодифікованій літературній мові (хоча й характеризуються структурною відмінністю, але мають спільне словотвірне значення), іноді кодифіковані відповідники відсутні. Усі новотвори емоційно й аксіологічно марковані. *Практичне застосування* роботи полягає в тому, що її результати можуть бути використані при подальшому вивченні поетичного мовлення, у спецкурсах із лінгвістики, на позакласних заняттях у школі, при укладанні словника поетичного мовлення Михайла Стрельбицького.

Ключові слова: суфіксальні субстантиви, потенційні/okazіональні деривати, поетичне ідіомовлення, словотворчий формант, Михайло Стрельбицький.

Процес текстотворення передбачає як велику кількість узуальних знаків, так і певну частину вперше сконструйованих елементів — okazіональних знаків. Okazіональні елементи, як зауважує Ж. В. Колоїз, мають передусім прагматичну орієнтацію, і вони репрезентують індивідуально-творчу компетенцію адресанта, який, користуючись своїм правом вибору, в оригінальний спосіб кодує певну інформацію і через конкретну комунікативно-прагматичну ситуацію доносить її до адресата, безпосередньо впливаючи на нього. Сила цього впливу, або перлокутивна сила, залежить від того, наскільки достатньо вдалим він є. Чи правильно інтерпретуватиме адресат запропоновану йому інформацію і відповідним чином відреагує на неї — залежить від його семантичної компетенції, від уміння співвіднести певний okazіональний знак з його узуальною дериваційною базою, розкодувати, розшифрувати, «розпрограмувати» його [5, с. 267].

У сучасних лінгвістичних дослідженнях аналіз специфічних особливостей ідіомовлення майстрів поетичного слова привертає активну увагу науковців, що уможливорює глибше розуміння оригінальних авторських лінгвоментальних прийомів концептуалізації навколишнього світу, самобутності та неповторності індивідуальної інтерпретації буттєвого простору завдяки створенню okazіональних лексем на позначення певних реалій.

Вивченню неологічної системи (словотвірної системи індивідуально-авторських okazіоналізмів) присвятили свої праці як українські, так і російські дослідники: О. І. Александрова, М. А. Бакіна, Б. А. Белова, Г. М. Вокальчук, В. В. Герман, Л. П. Павленко, Л. А. Семенов, Г. М. Сюта та ін. (на матеріалі поетичного мовлення); Г. М. Віняр, О. А. Земська, М. У. Калніязов, А. Г. Ликов, А. Нелюба, Е. І. Ханпіра та ін. (на матеріалі усного й писемного мовлення); А. Г. Новоселова, Л. П. Павленко, О. А. Стишов, О. М. Турчак та ін. (на матеріалі публіцистичного мовлення) тощо.

Дослідження, присвячені вивченню авторських новотворів у структурі поетичного ідіомовлення Михайла Стрельбицького з точки зору створення, їхньої семантичної й експресивно-стилістичної

кваліфікації, систематизації та класифікації динамічних елементів словотвірного рівня, відсутні, що й визначає загальну актуальність нашої роботи. Мета дослідження полягає в комплексному аналізі авторських новотворів-субстантивів Михайла Стрельбицького, спрямованому на з'ясування структурної, семантичної та функційної специфіки цих утворень як маркерів ідіостилу поета. Об'єктом дослідження є ідіостиль М. Стрельбицького. Предметом безпосереднього аналізу є потенційні / оказіональні деривати-субстантиви як один із важливих компонентів авторського ідіостилу. Вибір методів дослідження зумовлено загальною метою та завданнями роботи. Провідними є методи спостереження (для фіксації загальних тенденцій словотворення та функціонування маркованих дериватів), описовий метод з його прийомами зіставлення, узагальнення, інвентаризації та класифікації мовного матеріалу. Застосовується також контекстуально-інтерпретаційний та дериваційно-компонентний аналіз.

Мотиваторами інноваційних відсубстантивних дериватів на позначення істот із словотворчим формантом *-енк-* зазвичай виступають прецедентні міфони́ми, наприклад: *Прокруст*, *Сізіф* тощо; фауномени: *Щур*; флорономени: *кукурудза*; конотовані апелятивні назви осіб: *безсерібник*, *бузувір*, *мутант*, *одновірець*, *сперечальник*, *тиран*; соматизми: *чуб*. Пор.: (1) *Прикинись п'яним, дуРнем з почту Креза, / Прокрустенком, з ПроКрустенків — таки, / опецьком, з прокрустОваних, ніким...* [9, с. 49]. (2) *Бо сізіфова праця давно стала символом, / доблестю та героїзмом / і розовою (фамільною) гордістю. / Тож усі Сізіфенки, Сізіфовські, Сізіфови й Сізіфмани / дуже пишаються проскрибованим предком...* [11, с. 13, «Перепитування про Сізіфа»]. (3) *Крота Щуриха окрутила хутко. / За тиждень прилупила Щуренят. / Пишався Кріт, бо долетіла чутка: / «Цей Кріт — герой! Сам чорт йому не брат!» / Щури, Щуренки, Щурови, ЩурОви, — його нащадки рвалися у світ...* [11, с. 170, «Щуриха і Кріт»]. (4) *Задивився на соняха млосно / Султан-Хан-Кукурудзенко: «Ах! / Я й не знав, як ти вмієш на кроснах, / поможи тобі в тому Аллах!»* [10, с. 13; «Сонях та Султан»]. (5) *Це тому, що художник — безсерібненко, / що, бувало, й на фарби не мав, / в тихій радості, одноосібненко, / не місцину — Вітчизну писав* [10, с. 256; «Клавдієве», 1980]. (6) *Після вас приходять бузувірченки, / тупо марнучовичі грядуть: / «Ми з тобою, драконе, одновірченки!»* [11, с. 29, «Риторичне»]. (7) *Шансон?.. Шансон, з'валтований блатнягою, / мутантенкам навів вічний сон* [10, с. 283; «Мальована пісенька (про самозваний шансон)»]. (8) *Вибух ... убив? / Поранив. / Не віру. Не вічність. То — що же? / Віру-не-віру в тирана, / тираниченків лож* [10, с. 33; «Руїни Успенського собору», 1944]. (9) *Се ж він і є, розвирнений чубенко, всімхненко, сперечальченко — слухач, / з трипільської на вселюдську тлумач* [11, с. 97, «Володимир Титаренко (1)»].

Від міфони́ма *Сізіф* і фауномена *щур* автор утворює цілу низку етномаркованих антропонімів. В інноваційному субстантиві *Кукурудзенко* суфіксальний спосіб творення супроводжується онома́тизацією (транспозицією з апелятива у пропріальну назву); написання гоноративів (*султан*, *хан*) у складі юкстапозиту *Султан-Хан-Кукурудзенко* зазнає змін графічного оформлення, що сигналізує про виникнення персоніфікованої власної назви. Можна припустити можливість подвійної мотивації деривата *тираниченко*: 1) до кодифікованої лексеми *тиран* одночасно додаються два словотвірні суфікси: *-ич-* і *-енк-* — або інтерфікс (морфоподібна звукосполука, структурна прокладка) *-ич-* і словотвірний суфікс *-енк-*; 2) мотиваційною базою новотвору є некодифікована, гіпотетична лексема **тиранич*, що зазнає суфіксації.

Зазвичай суфікси *-енк-*, *-ич-* використовуються для творення назв молодих осіб за ознакою батька (коваленко, ткаченко, королевич, княжич) [13, с. 305], пор.: *Стоїть собі дайбожич, добрянин карокий, / зіпершись на ворота, стоїть на спорихі, / і дивиться далеко, і разом бачить око: / і там десть, аж отам десть, і у своїй душі. / <...> Дайбожича позаду — сімейство, Богом дане: / виспівують неділю, вславляють Божий мир... / Такий собі дайбожич, такий-то всім добрянин, / такий аж світу всьому / просвітлений ясир* [10, с. 99–100, «Дайбожич недільний»].

Натрапляємо й на новотвори з формантом *-чук*: *Тюхтії, тюхтійчуки, ох, тюхтіющенки, / щиросердні побажайлики добра...* [11, с. 291, «Риторичне»]. Узагалі суфікс *-чук* утворює назви за професією малих щодо віку осіб [12, с. 42], у цьому випадку сема 'професія' елімінується. Інноваційний субстантив на позначення особи *побажайлик* — віддієслівного творення, а можливо, твориться від потенційного субстантива **побажайло*.

Прізвище *Шансонов* утворено від апелятива *шансон* / *шанс-он* (що зазнає при написанні й зміни графічного оформлення — мовна гра на рівні хибної етимологізації) за допомогою словотворчого суфікса *-ов* (властивого російським прізвищам): *Повітря каламутне, як з-під вихору, / радіохвилі — випарами зон: / це — він! це шкутильгав, «щест вихода», / до дітвори чіпляється, «шансон». / <...> Йому [шансону. — Н. Д.], такому, від параші, з пранцями, / Дніпро — по п'яти, море — до колін, / і затуляє вуха бідна Франція, / і далі Чопа не проходить він. / Шансон? Шансон! Він шансом не поступиться. / Він шанс у «шанеці» перенорить. / Він тупить, але й сам дедалі тупиться, / з'валтований, мутантів не щадить. / Шанс-он? Шанс-он! Шансонов-ь гастролює вам, / Шансонови повзуть у ваші сні. /*

Етер повітря труєне дотрує, / в каламутному всяк собі шанси! [10, с. 283, «Мальована пісенька (про самозваний шансон)»].

За моделлю творення українських по батькові із заміною антропонімної твірної бази апелятивом *мотив* утворено дериват *Мотивович*, що разом із першим компонентом *Мотив* являє собою перші два члени тричленної антропоформули (ім'я та по батькові): *Подерта павутинка / метляється на вітрі, / дзижчить зелена муха / свій переможний клич, / але на в'язах, звірі, ще маєм по макітрі, / а в пам'яті тримаєм / Мотив Мотивович: / «Співає павутинка-а-а!»* [10, с. 57, «Мальована пісенька старого бурундука в самотньому лісі»].

Деривати *їдун*, *винагородник*, що утворені від іменників *їда*, *винагорода* за допомогою суфіксів *-ун*, *-ник* містять сему носія внутрішньої або зовнішньої ознаки. При розгортанні структури значення новотворів з'ясовується, що вони утримують предикат (стан як процесуальна ознака): *їдун* — той, хто охоче їсть, *винагородник* — той, хто винагороджує. До речі, потенційний іменник *їдун* має кодифіковані кореляти *їдець*, *їдок* (*їдець* — 1. Той, хто їсть. // *перев. з означ., розм.* Той, хто любить добре поїсти. 2. Член сім'ї, що харчується разом з іншими її членами; *їдок* — *розм.* Те саме, що *їдець* [3, с. 509]. Напр.: (1) *Тестаменти не читані, на жаль. / Принаймні — багатьма, всебільшістю непевних, / Самих себе не певних їдунів...* [10, с. 276, «Храми, мости...»]. (2) *Незнищенний, нерозкрадений, / щонічний, цілоденний, спасенний, / виноградник — цвітобородник, / виноградник — винагородник...* [10, с. 75, «Апотеоз виноградника весняний»].

У розгорнутих структурах аналізованих іменників представлено предикати, відповідниками яких у формальних одиницях є дієслова із значенням незавершеної дії або якісні прикметники, наприклад: *мовчун* — той, хто мовчить; *чепурун* — той, який чепурний. Функціональна активність суфікса *-ун* простежується в розмовно-побутовому мовленні. У випадках перенесення значень можливі елементи просторіччя. Суфікс *-ник* наявний у складі невеликої частини похідних, напр.: *суперечник*, *кривдник*, *образник*, *супротивник*, *приспосовник*. Найменування з суфіксом *-ник* мають нейтральні забарвлення [1, с. 69–70].

Інноваційним конституентом ЛСГ на позначення осіб зі значенням «носій процесуальної ознаки» є маркований віддієслівний дериват *кишкун*, що ситуативно розширює структуру лексичного значення та вказує на людину, яка постійно матюкається, брутально лається, пор.: *кішкати* — *розм.* Кричати «киш», відганяючи свійську птицю, птахів [3, с. 538]. За значенням новотвір *кишкун* є синонімом до кодифікованих лексем-дублетів *матюкало*, *матюкальник*. Напр.: *Тиміш ізрадів: «О, амго, камрад! / <...> І ... загнув триповерховий. / Негрові вуха зів'яли враз: / «Що верещиш, як плантатор?» / <...> Іде бригадир: «Чи не розпротак / Туди твоєю, к слову мовити!?» — / «Ти сонця не заступай, паршивий кишкун!» — / Тільки й спромігся Тиміш злихословити* [11, с. 290, «При Тимошеву смерть»].

Замість кодифікованої лексеми *колядник* автор уживає дериват *колядин* із словотворчим формантом *-ин*, що додається до мотиватора *коляда*. Дериват є носієм значення «той, хто колядує», а ситуативно — «син Коляди»: ... *ні в сих ні в тих лишаючи натхненне / лице поета — сина Коляди. / <...> «Сюдою, пані вічності, сюдою!» — / припрошує якийсь-то колядин (не з тих, що в батька-неньки сам-один)...* [11, с. 118, «Петро Перебийніс (3)»]. За допомогою суфікса *-ин*, що має значення одиницності, утворено інноваційний субстантив *дівчинина*: *Це ти (хто дивився) втекла, / втекла від лялі, тата-мами, / а може, і від ля-ля-фа, / від надокучливої гами, / до озера? Давно чи нині, / у споминах чи в забутті, — / це справді ти в цій дівчинині, / отак уперше у житті?* [10, с. 129, «У лісі над озером», 1978].

Потенційну лексему-фауномен *норівка* утворено в межах того самого словотвірного типу, що й примарний ЛСВ полісеманта *полівка* (*полівка*¹ — 1. Невеликий, перев. польовий та лісовий гризун, подібний до миші; польова миша [3, с. 1032]: «*Сонечко ясне, світло красне, уроди! / Уроди на трудящого... / <...> і на мишей-полівок, / гострозубих норівок...* [7, с. 80, «Помічники Сонця»]).

Замість кодифікованої лексеми *осквернітель* (*книж.* Той, хто оскверняє або осквернив що-небудь. *Осквернителі кладовищ* [3, с. 859]) автор вживає маркований інноваційний віддієслівний дериват *осквернювач* з тим самим значенням, але, на наш погляд, елімінованою позначкою *книж.* *Чужинця самотнього олжа, / осквернювача матерів і діточок / скрізь прийнялася, мовби й не чужа: / плюється, матюкається, гигає* [9, с. 85, «Гальчевський»].

Новотвори *гел'отальник*, *сповірник* із словотворчими формантами *-льник*, *-ник* містять значення носія власне дії, активного діяча, виконавця дії. Такі кодифіковані деривати корелюють із компонентами семантичної структури, представлені предикатом і аргументом-суб'єктом: П (дія) + А (діяч), напр.: *різальник* — той, хто ріже що-небудь, *розмітник* — той, хто розмічає що-небудь. Для суфікса *-льник* характерна обмеженість функціонування сферою термінології. Вихідними компонентами конструкцій на *-льник* є тільки дієслова недоконаного виду. В іменниках з предикатами активної, найчастіше фізичної, дії найвищого ступеня абстрактності у функції суб'єкта вживається суфікс *-ник*: *проповідник*, *порадник*, *служник* [1, с. 31], пор.: (1) *Гава гаву гратулює, / ганок газді — гавра. / Гел'отальники гвалтують, / гномик гедзя*

савить [10, с. 236]. (2) *А ліс — приймає: незavidна / у лісу світлого судьба. / Сповірни́к ліс...* [10, с. 260, «По гриби», 1978].

Твірна база дієслова **гелґотати** має такі значення: 1. Підсил. до **гелґати**. 2. *перен., розм.* Голосно, нерозбірливо, незрозуміло розмовляти; галасувати [3, с. 269]. При словотворенні актуалізувався саме другий ЛСВ, метафоричний, секундарний. До речі, словниками зафіксована кодифікована лексема на позначення виконавця дії — **гелґотун** — Який гелґоче [Там само]. Твірним для субстантива *спові́рник* виступає дієслово **спові́рити** — *розм.* 1. *на кого*. Виявляючи довір'я, доручати кому-небудь щось. 2. *кому*. Розповідати що-небудь, що не підлягає розголошенню [3, с. 1371].

Девербативний субстантив *невизна́нець* містить сему об'єкта дії. Структури з об'єктом дії є відображенням у системі мовних знаків безпосереднього суспільного впливу на особистість, реалізованою особою або групою осіб: *посла́нець, вихова́нець, висува́нець*. План змісту цих одиниць передбачає обов'язковий предикат, дія якого спрямована на об'єкт, що позначає семантему істоти: *гоне́ць* або *посла́нець* — той, кого посилають з терміновим дорученням; *висува́нець* — той, кого висувають, хто висунутий, рекомендований на відповідну роботу. Особливість формальних структур полягає в тому, що в них суб'єкт присутній імпліцитно, неконкретизований і сприймається мовцем як невизначена кількість осіб, що не потребує уточнення. Увага мовця акцентується на об'єкті, який зазнає дії, спричиненої суб'єктом [1, с. 54], пор.: *Душа пей-зажу — / наче пісні душа. / Але тисячу літ / шліфувалася пісня. / А пейзаж закипів / у душі тихо-ша — / у душі невизна́нця...* [10, с. 257, «Чотири душі»]. Твірним є пасивний дієприкметник минулого часу *неві́знаний* — Який не зазнав загального визнання, популярності [3, с. 749].

Малопродуктивний суфікс *-ій* служить для утворення назв осіб за характером діяльності, за властивостями характеру переважно від дієслівних коренів: *води́й, носі́й, пали́й; тютю́й, кру́тій, багати́й* [12, с. 41]. В ідіомовленні М. Стрельбицького натрапляємо на відсубстантивний новотвір *правді́й*: *Народів люто збрата́на сім'я / на українське зрі́ла остовпи́ло, / і правді́й покликаних наспі́ло / ще гроно́ молоде́ круг правді́я* [11, с. 132, «Іван Дзюба»].

За допомогою словотворчого форманта *-к-* можуть утворюватися, переважно від дієслів, назви осіб чоловічого роду на *-о* з іронічним забарвленням: *хвалько́, забудько́, незнайко́* [12, с. 42], пор.: (1) *А чи правда, що Володько́ / Кожум'яків, той дрі́бний, / виріс аж такий робо́тько, / аж такий там вида́тний* [9, с. 227–228, «Борці за волю — екзаменаторами з математики»]. (2) *Кричевському Федору́ з Калі́вки тезко́ / явився пейза́жем жу́рка-вітря́ка...* [9, с. 46]. В ідіомовленні Стрельбицького знаходимо й відсубстантивний дериват з тим самим формантом і експресивно-емотивним забарвленням — *мудько́* (*муда́к* — *вульг.* Про нудного, набридливого невдачу [3, с. 694]): *А ця, рідне́нька, шко́ла вартува́ла / бюджетові́ — як по-рівня́ти — мало́: / обходить́ся у Киє́ві так'о́ / один елі́тний, пле́мінний му́дько...* [8, с. 39, «Фантомне світло у шкільнім вікні»].

Словотвірна категорія зменшеності-експресивності представлена в ідіолекті М. Стрельбицького такими потенційними дериватами: *перуне́ць, пострибайли́к, ґаланти́к, мамлюче́ньки*: *Там — згустки неба, ніби / оплавлений свине́ць, / й розчімханого німба́ / чи гре́ць, чи перуне́ць / збирає́ у ясне́ць...* [10, с. 50, «Парк імені Патона», 1957]. Похідні на *-е́ць* характеризуються більшою кількістю одиниць, де суфікс уживається з відтінком емоційності, вищого ступеня насиченості ознаки: *тютюне́ць, морозе́ць, запасе́ць*. Однак поряд з цим наявні основи лише із семою зменшеності: *реміне́ць, ка́мінець, папі́рець* [1, с. 92]. Дериват *перуне́ць*, крім суфіксації, зазнає апелятивізації за умови, що актуалізується перший ЛСВ полісеманта-мотиватора (**Перу́н** — 1. У міфології східних слов'ян — бог дощу, блискавки і грому. 2. *перен., заст.* Грім [3, с. 939].

Найменування з семою зменшеності-експресивності утворюють суфікси з оцінним значенням, що кваліфікуються як морфеми з предикатною функцією в межах предметності. В основі семантичної структури дериватів з цими суфіксами лежить словосполучення, до складу якого входять аргумент і предикат кількості (супровідний предикат): *столи́к* — маленький стіл [1, с. 91]. В ідіолекті митця, крім новотворів із модифікаційним суфіксом *-е́ць*, представлені деривати з суфіксами *-ик-, -еньк-:* (1) ... *той — накра́плював, той — дму́зав, / той між зблиско́м-переблизко́м (чи з листка́, чи з-під листка́) / пострибайли́ком грайливим, / <...> всякі́... біси́ки пуска́в!* [10, с. 265, «Момент-мазок»]. (2) ... *от і пне́ться [пуп'яно́к. — Н. Д.], пуп'яни́ться, / усвердли́тись не бари́ться, / ча́шолістико́в рвучи́ / плоть́ липку́ — горі́шний банти́к, / до ува́г не беру́чи: / банти́к — бо́лісний ґаланти́к* [10, с. 148]. (3) *Мачи́ння мідне́ мерехтливо́ / мани́ть манли́вих, мов ма́гніт. / Ма́ківок мло́сні міна́рети — / мамини́х мамлюче́ньків мЕти́* [10, с. 239]. Твірними основами дериватів *пострибайли́к, ґаланти́к, мамлюче́ньки* виступають субстантиви **пострибайло́, ґалант, мамлюк*. Словниками не зафіксована лексема *пострибайло́*, але є *пострибу́н* — *розм.* 1. Той, хто часто стрибає, не сидить спокійно на місці; стрибун. // *перен.* Пустун (про дитину). 2. Коник (*див. ко́ник* 5) [3, с. 1085]. Інші твірні кодифіковані: *ґала́нт* — *розм.* Галантна людина [3, с. 218], *мамелю́к, мамлю́к* — 1. Вояк з

особистої охорони єгипетських султанів (з XIII ст.); згодом — представник найвищої військово-феодалної знаті в Єгипті. 2. Кінний гвардієць з особистої охорони Наполеона, яку він набрав під час походу в Єгипет [3, с. 643].

З метою надання потенційному / оказіональному новотвору з прозорою семантикою іронічно-глузливої конотації митець вдається до зміни або додавання словотворчого суфіксального форманта, іноді несподіваної фінали, пор.: (1) *Що? Кажете, комуністи ці осталися комсомолісти*, / з найгірших гірші, що на дівок тільки вміли залізти? [11, с. 223, «Бараболяні люди»]. (2) *Який ще там не вірить дуриндас?* [11, с. 128, «Леонід Філонов (6)»]. (3) *Не премії, не статуетки, / а чесна журналіста путь / допоки, звісно не жеруть / маркізетки та маркізетки* [11, с. 93, «Микола Процерук»]. (4) *Поки пальця у лікарні / травматологи ладнали, / опозиція на свій лад / розвернула весь процес: / про можливість беззаконня — / для своїх потрактувала, / про обмеження Мамони — для чужих олігархес!..* [11, с. 207, «Нескромна байка про Командний палець»].

Від кодифікованих ад'єктивів *обручальний, величальний, спонукальний* поет утворює низку потенційних субстантивів: *обручальник, величальник, спонукальний* за тим самим СТ, що й дериват *матюгальник* (кодифікована одиниця — *матюкальний*): *Дай нам, Боже, котрий з дошки, / ниспошли народів-братів / та народів-сватів, / обручальників, / величальників, / спонукальників-матюгальників...* [11, с. 221, «Йоцемидаєсія розбудовується»]. Натепер від зазначених мотиваторів кодифіковано тільки віддієслівний субстантив на позначення як істоти, так і неістоти *спонукáč* — Той або те, хто (що) спонукає до чого-небудь [3, с. 1374].

За допомогою словотворчого форманта *-ець* автор творить потенційні / оказіональні номени на позначення осіб, мотиваторами яких є кодифіковані адвербіативи й ад'єктиви: *...студентам, аспірантам — навзаємєць, / жартун приємний, з прижмуром приємєць, / учений — не витія, не шаман* [8, с. 35, «Доктор мовознавства Олександр Бондар»].

Вивченню становлення та функціонування суфіксів на позначення осіб чоловічої статі присвячена робота П. І. Білоусенка [2]. Нові тенденції у творенні іменників — назв осіб були об'єктом дослідження Л. Кислюк [4], оказіональні номінації осіб у мові української публіцистики — Л. П. Павленко [7], усі словотвірні категорії іменника проаналізовано В. П. Олексенком [6].

Проблема вивчення поетичного мовлення майстрів красного письменства була і залишається в центрі уваги сучасного мовознавства, тому що поетичне мовлення являє собою самобутнє мовомислення з авторськими новотворами, нестандартними стилістичними рішеннями, виражає індивідуальне метафоричне мислення та власну картину світу. Іманентною ознакою всіх авторських інноваційних лексем-оказіоналізмів є експресивність і конотативність.

У подальшій роботі плануємо дослідити весь корпус інноваційної (потенційної / оказіональної) лексики у творчому доробку видатного майстра українського поетичного слова, лауреата премії імені О. Білецького та М. Коцюбинського, члена Національної Спілки письменників України з 1979 р. Михайла Петровича Стрельбицького з точки зору шляхів її творення, семантичної та прагматистичної кваліфікації, систематизації і класифікації динамічних елементів словотвірного рівня.

Література

1. Безпояско О. К. Морфеміка української мови / О. К. Безпояско, К. Г. Городенська. — К. : Наук. думка, 1987. — 206 с.
2. Білоусенко П. І. Історія суфіксальної системи українського іменника (назви осіб чоловічого роду) / П. І. Білоусенко. — К. : Вид-во КДПІ, 1993. — 215 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод., допов. та СД) / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. — К. ; Ірпінь : ВТФ Перун, 2009. — 1736 с.
4. Кислюк Л. Нові тенденції у творенні іменників-назв осіб сучасної української мови / Л. Кислюк // Актуальні проблеми українського словотвору. — Івано-Франківськ : Плай, 2002. — С. 217–225.
5. Колоїз Ж. В. Українська оказіональна деривація : монографія / Ж. В. Колоїз. — К. : Акцент, 2007. — 311 с.
6. Олексенко В. П. Словотвірні категорії іменника : монографія / В. П. Олексенко. — Херсон : Айлант, 2005. — 336 с.
7. Павленко Л. П. Оказіональні номінації осіб у мові української газетної публіцистики / Л. П. Павленко // Вісник Харківського університету. Сер. Філологія. — Харків, 2000. — Вип. 491. — С. 287–290.
8. Стрельбицький М. Істина боса, Via Dolorosa / М. Стрельбицький. — Вінниця : Т. П. Барановська, 2015. — 48 с.
9. Стрельбицький М. П. Наука вдячності. Поеми, цикли / М. П. Стрельбицький. — Вінниця : Книга — Вега, 2006. — 348 с.
10. Стрельбицький М. Під небом Коновалюка. Поезії / М. Стрельбицький. — Вінниця : УНІВЕРСУМ — Вінниця, 2004. — 296 с.
11. Стрельбицький М. П. Школа перепитувань. Вірші, цикли / М. П. Стрельбицький. — Вінниця : ДП Державна картографічна фабрика, 2009. — Кн. 2. — 320 с.

12. *Сучасна українська літературна мова* : Морфологія / за ред. І. К. Білодіда. — К. : Наукова думка, 1969. — 578 с.
13. *Ющук І. П.* Українська мова / І. П. Ющук. — К. : Либідь, 2004. — 640 с.

References

1. *Bezpojasko O. K.* Morfemika ukraïns'koï movy / O. K. Bezpojasko, K. G. Gorodens'ka. — K. : Nauk. dumka, 1987. — 206 s.
2. *Bilousenko P. I.* Istorija sufiksál'noï systemy ukraïns'kogo imennyka (nazvy osib cholovichogo rodu) / P. I. Bilousenko. — K. : Vyd-vo KDPI, 1993. — 215 s.
3. *Velykij tlumachnyj slovnyk* suchasnoï ukraïns'koï movy (z dod., dopov. ta SD) / uklad. i golov. red. V. T. Busel. — K. ; Irpin' : VTF Perun, 2009. — 1736 s.
4. *Kysliuk L.* Novi tendencii u tvorenni imennykiv-nazv osib suchasnoï ukraïns'koï movy / L. Kysliuk // Aktual'ni problemy ukraïns'kogo slovotvoru. — Ivano-Frankivs'k : Plaj, 2002. — S. 217–225.
5. *Koloïz Zh. V.* Ukraïns'ka okazional'na deryvacija : monografija / Zh. V. Koloïz. — K. : Akcent, 2007. — 311 s.
6. *Oleksenko V. P.* Slovotvirni kategorii imennyka : monografija / V. P. Oleksenko. — Herson : Ajlant, 2005. — 336 s.
7. *Pavlenko L. P.* Okazional'ni nominacii osib u movi ukraïns'koï gazetnoï publicystyky / L. P. Pavlenko // Visnyk Harkivs'kogo universytetu. Ser. Filologija. — Harkiv, 2000. — Vyp. 491. — S. 287–290.
8. *Strel'byc'kyj M.* Istyna bosa, Via Dolorosa / M. Strel'byc'kyj. — Vinnycia : T. P. Baranovs'ka, 2015. — 48 s.
9. *Strel'byc'kyj M. P.* Nauka vdiachnosti. Poemy, cykly / M. P. Strel'byc'kyj. — Vinnycia : Knyga–Vega, 2006. — 348 s.
10. *Strel'byc'kyj M.* Pid nebom Konovaliuka. Poezii / M. Strel'byc'kyj. — Vinnycia : UNIVERSUM–Vinnycia, 2004. — Kn. 2. — 296 s.
11. *Strel'byc'kyj M. P.* Shkola perepytuvan'. Virshi, cykly / M. P. Strel'byc'kyj. — Vinnycia : DP Derzh. kartograf. fabryka, 2009. — 320 s.
12. *Suchasna ukraïns'ka literaturna mova* : Morfologija / za red. І. К. Bilodida. — K. : Nauk. dumka, 1969. — 578 s.
13. *Jushhuk I. P.* Ukraïns'ka mova / I. P. Jushhuk. — K. : Lybid', 2004. — 640 s.

ДИХТЯР Надежда Дмитриевна,

соискатель кафедры украинского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: grabarchuk.nadyusha@mail.ru; тел.: +38(068)0420178

ИННОВАЦИОННЫЕ СУФФИКСАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ, ИМЕНУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В ПОЭТИЧЕСКОЙ ИДИОРЕЧИ МИХАИЛА СТРЕЛЬБИЦКОГО

Аннотация. *Целью* статьи является комплексный анализ авторских новообразований-субстантивов Михаила Стрельбицкого, направленный на выяснение структурной, семантической и функциональной специфики этих образований как маркеров идиостиля поэта. *Объектом* исследования выступает идиостиль М. Стрельбицкого. *Предмет* анализа — потенциальные / окказиональные дериваты-субстантивы как один из важных компонентов авторского идиостиля. Ведущими в исследовании выступают *метод* наблюдения, описательный метод с его приёмами сопоставления, обобщения, инвентаризации и классификации языкового материала. Используется также контекстуально-интерпретационный и деривационно-компонентный анализ. *Результат* исследования репрезентативных для идиоречи М. Стрельбицкого путей создания суффиксальных субстантивных авторских дериватов, обозначающих человека, свидетельствует, что в этом процессе принимают участие разнообразие словообразовательные форманты, роль мотиваторов выполняют преимущественно субстантивы и вербативы, значительно уступают им адъективы, на периферии находятся адвербиативы. Иногда потенциальные / окказиональные дериваты имеют соответствующие им лексемы в кодифицированном литературном языке, отличающиеся по структуре, но содержащие общее словообразовательное значение. Иногда кодифицированные соответствия отсутствуют. Все новообразования эмоционально и аксиологически маркированы. *Практическое использование* работы состоит в том, что её результаты могут быть основой в дальнейшем изучении поэтической речи, в спецкурсах по лингвистике, на внеклассных занятиях школе, при составлении словаря поэтической речи Михаила Стрельбицкого.

Ключевые слова: суффиксальные субстантивы, потенциальные / окказиональные дериваты, поэтическая идиоречь, словообразовательный формант, Михаил Стрельбицкий.

Nadiia D. DYKHTIAR,

researcher of the Ukrainian Language Department of Odessa I. Mechnikov National University; 24/26 Frantsuzkyi blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: grabarchuk.nadyusha@mail.ru; tel.: +38(068)0420178

INNOVATIVE SUFFIX SUBSTANTIVE DERIVATIVES THAT DENOTE PERSONS IN THE POETIC STYLE OF MICHAEL STRELBITSKIY

Summary. The *purpose* of the article is a comprehensive analysis of substantival innovations by Michael Strelbitskiy aiming at determining their structural, semantic and functional specificity as markers of the poet's individual style. The *object* of study is the individual style of M. Strelbitskiy. The *subject* of analysis is the potential and occasional substantival derivatives as important components of the author's individual style. The *method* of observation, descriptive method and its techniques of comparison, generalization, inventory and classification of linguistic material are employed as leading in the study. The interpretative and contextual-derivative-component analyses are also used here. The *result* of the research of the formation ways of potential and occasional suffix substantival derivatives nominating a person in Strelbitskiy's individual style proves that a wide variety of word-building formants is involved in this process. Substantives and deverbatives prevail as motivators. Adjectives are far less frequent here. Adverbials are on the periphery of motivational processes. Sometimes potential / occasional derivatives have appropriate lexeme analogues in the codified literary language (although they are characterized by structural difference, they still share a common word building meaning). Sometimes there are no codified matches in the language. All innovations are emotionally and axiologically marked. The *practical application* of the work consists in the possibility to use its results in further studies of poetic speech, in special courses of linguistics, extracurricular activities in school, and for compiling Michael Strelbitskiy's poetic speech dictionary.

Key words: suffix substantives, potential and occasional derivatives, poetic style, individual style, word-building formants, Michael Strelbitskiy.

Статтю отримано 24.10.2015 р.

УДК 811.1/.2-112'373.422:001.53

КОЗАК Тетяна Борисівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: anton_kozak@ukr.net; тел.: +38 (048) 635745; тел.: +38 067 4883681

ТУПІКОВА Тетяна Валеріївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 (048) 635745; e-mail: tupikov1@yandex.ru; тел.: +38 067 9212034

МІФОЛОГІЧНІ, ЕТИМОЛОГІЧНІ ТА СЕМАНТИЧНІ ОСНОВИ БІНАРНОЇ ОПОЗИЦІЇ КОЛЬОРОПОЗНАЧЕНЬ 'ЧОРНИЙ' / 'БІЛИЙ'

Анотація. Поданий у пропонованій статті аналіз слів на позначення кольорів *чорний* / *білий* дає змогу зазирнути в історичне минуле відповідних лексем, розглянути їх становлення й розвиток. Це дозволяє вважати тему дослідження актуальною, що перебуває у центрі сучасної проблематики семантичних досліджень. **Метою** роботи є визначення особливостей зародження й розвитку семантики слів *чорний* / *білий* та обґрунтування тези про первісний синкретизм понять *чорне* / *біле* і подальше їх перетворення на антонімічні поняття. Цей шлях розвитку вважається деякими лінгвістами однією з семантичних діахронічних універсалій. **Матеріал** дослідження складають міфологічні та етимологічні словники.

Ключові слова: зародження слів, чорний, білий, антонімія кореня.

Аналіз існуючих у вітчизняному й зарубіжному мовознавстві праць, присвячених проблемі вивчення кольоропозначення (Г. І. Арнольд, Н. Б. Бахіліна, Т. В. Венкель, С. А. Кантемір, В. І. Кушнерик, Р. М. Фрумкіна, В. Berlin, Р. Кау, R. Findeis, J. König, E. Schwenter та ін.) показує, що в них наведені ті чи інші форми і значення слів на позначення кольору, здійснено спроби психолінгвістичного вивчення семантичних відношень у групі кольоропозначень, розглядається можливість системного опису семантики слів-кольоропозначень, їх класифікації, проте досить рідко вивчаються питання походження й розвитку лексем, відсутня глибока реконструкція і, відповідно, первинне мотивування.

У пропонованій статті розглядаються моменти зародження слів «чорний», «білий» і первинне сприйняття людиною кольору як єдиного і неподільного поняття, в якому імпліцитно існували бінарні протиставлення «чорний» і «білий».

Стародавні люди мали вузький горизонт конкретно-чуттєвого, асоціативного, а тому немінуче поверхневого, зовнішнього сприйняття навколишнього світу. Світосприйняття було дуалістичним, і основою такого «здвоєного» розуміння була нерозчленованість сфери практичної діяльності, де використовувалися просторово-часові та причинно-наслідкові зв'язки між процесами, предметами і явищами. «На ранній ступені формування человека его мышление носило ещё примитивный характер. Оно было непосредственно включено в практические действия человека. Человек отражал тогда действительность лишь в форме восприятий и общих представлений. Конкретные чувственные образы занимали у него преимущественное место. Достижением сознания было лишь то, что показывал глаз, осязала рука и слышало ухо. Содержание мышления не шло глубже наглядно воспринимаемых и представляемых связей и отношений между предметами» [12, с. 57].

Спочатку свідомість фіксувала лише повторюваність, послідовність, зовнішні зв'язки між явищами природи, а між ними і діяльність людей, але ще не могла адекватно відображати сутність цих взаємозв'язків і самих явищ. Природа сприймалася як єдине ціле, за різноманітністю її форм і повторюваністю подій стояла дія якогось доцільного механізму, який здійснював зв'язки між окремими ланками життєвого процесу за принципом перенесення знайомого, звичного на невідоме, таємниче. Мислення первісних людей було в основі своїй містичним, і тому найдавніші уявлення людини знайшли своє відображення в міфах, легендах, у побуті. Міфи, витoki яких губляться на межі тваринного та соціального світів, виконували своєрідну функцію посередників між людиною та подіями, що відображались людиною, реально існували, регулярно повторювалися.

На час появи писемних пам'яток уявлення людини пройшло тривалий шлях розвитку та піддалося значним змінам. У первісної людини були вже такі поняття, як *земля і небо, місяць і сонце*, зміна *дня і ночі, схід і захід сонця та місяця*. У стародавніх індійців та іранців бог Мітра уособлював день, бог Варуна — ніч, відповідно «денне сонце — нічне сонце», причому кожен з них міг набирати якості іншого [14, с. 218; 15, с. 154–155]. Їх протиставлення ніколи не було ворожнечею або суперництвом [3, с. 42]. Бог Зевс також уособлював «два міфічних елементи, об'єднаних в одне ціле». Він — небо і земля, море і повітря, бог ясної та похмурої погоди, світлий бог [7, с. 26–27]. «Самый светлый бог, Зевс, вступает в брак с самой темной богиней, Персефоной, и ребенок от этого брака, Загрей, должен быть посредствующим звеном между светом и тьмой. Он должен низводит из света в тьму и возводит из тьмы к свету» [7, с. 72].

У Єгипті здавна існував культ мертвих і розрізнялися дві фази буття: небесна і підземна, але мислилися вони як єдине ціле. Це знайшло відображення в найменуванні божества Ра-Осіріса (Ра — бог сонця, Осіріс — бог мертвих) [9, с. 267–268; 10, с. 358–359]. У багатьох міфах говориться, що бог Ра у своєму човні проходить денний та підземний світи, де йому доводиться вести боротьбу з численними ворогами [6; 10; 19]. «Солнечное божество Ра олицетворяло первоначально единичный цикл в движении по дневному и ночному небу, но постепенно двойственность в различии день-ночь привела к появлению лунного божества — бога Тота» [11, с. 521–522]. Однак з двох богів головним залишається Ра, а Тот був лише його заступником, відображенням сонячного світла [13, с. 27]. У стародавніх єгиптян було протиставлення світла і темряви, дня і ночі, добра і зла.

Уже в епоху бронзи германці розрізняли реальний, земний і ефірний світи, що призвело до появи обряду спалювання трупів, зародження понять добра і зла.

Слов'яни вірили в Чорнобога і Білобога [22, с. 13]. Білобог ототожнювався зі Світовидом на тій підставі, що атрибутом Світовидом був білий кінь. Світовид виступав як уособлення світла. «Славянским народным представлением действительно свойствен образ доброго белого и злого черного божества, о чем говорит не только слово «черт», но и приводившийся выше народный рассказ, в котором бог изображен белым гоголем, а сатана — чёрным гоголем» [4, с. 282].

Існує думка вчених (В. І. Шерцль, С. Д. Кацнельсон, В. Г. Таранець), що кольори *чорний* і *білий* були не тільки початковими кольорами, які людина виділила з навколишнього світу, але вони навіть походять від одного кореня і певний час позначалися одним словом. Щоб показати це, необхідно звернутися до стародавніх словоформ.

В індоєвропейській прамові для позначення білого і чорного кольору використовувалися подібні й різні корені, одним з них є корінь **ra*. Індоєвропейська протоформа **ra* мала значення не тільки 'світло', але й 'темрява' [23, с. 853]. У такому значенні зустрічаємо корінь **ra* в словах: дінд. *rāmī* 'ніч'; *rātrī* (звідси іє. **rē*-темрява'). «... Цю ж сему **ra* мають в індоєвропейських мовах не тільки назви світл Сонця і Місяця, вона присутня в назвах інших планет, таких, як Марс, Юпітер, Венера, Меркурій, Сатурн і в загальних найменуваннях типу: лат.

stella 'зірка', нім. *Stern* 'зірка', укр. 'зоря' [13, с. 45]. Значення 'світло' і 'темрява' необхідно розглядати як похідні від первинної значущості **ra* [13, с. 46].

Перші «... слова сами по себе были многозначными (перегруженными), но в контексте, описывающем простые ситуации, в которых общались первые люди, слова приобретали ясность и определённости...» [18, с. 37]. «При многозначительности древних корней, — писал В. И. Шерцль, — случалось весьма нередко, что как самые корни, так и производные от них слова заключали в себе противоположные друг другу значения» [17, с. 10]. Наприклад: дінд. *ahlu* 'світло денне; світло; блиск' і 'ніч'; перс. *bachten* 'схід' і 'захід'. Явище, при якому одне й те ж слово вміщує в собі два прямо протилежних значення, В. І. Шерцль назвав «енантіосемією» (антонімією) кореня. Він пояснює це явище тим, що стародавні корені та похідні від них слова мали спільні широкі і в той же час дуже невизначені значення, з яких згодом утворилися значення, які при більш точному визначенні їх у мові шляхом диференціювання нерідко виражали протилежні одне одному поняття [17, с. 3].

«В языках первобытной формации, — зазначав С. Д. Кацнельсон, — мы не находим прежде всего той «раздельности» качественных значений... Качественные значения здесь всегда соединены и сцеплены между собой, вследствие чего каждое имя выражает как правило не одно, а несколько качественных значений. Эту особенность первобытного имени, которую можно обозначить как его многокачественность или, иначе, качественный полисемантизм, предугадал ещё А. А. Потебня...» [5, с. 304]. Поеднання в одному слові позначень для різних кольорів не можна розглядати як свідчення бідності кольоровідчуттів. Воно, скоріш за все, має розглядатися як результат бідності мови, який витікав із труднощів вираження за допомогою слів відмінності в кольорі. Упродовж розвитку людства змінюється і розвивається не колірний зір, а назва кольоропозначання.

Корені та похідні від них слова в давні епохи мали спільні і вкрай невизначені значення, з яких згодом, при поступовому виникненні численних відтінків за допомогою розгалуження їх на самостійні категорії, утворилися значення, які при більш точному визначенні їх у мові нерідко висловлювали протилежні одне одному значення. М. М. Маковський вказує, що кожне слово розумілося в давнину як арена боротьби мороку (Хаосу) і Світла, як формула енергій, що вичерпуються та відновлюються, магічних сил [8, с. 153].

Щоб зрозуміти значення світла, потрібно було привести його у зв'язок з уявленням мороку. «Можно предполагать, что понятие белого цвета и зрительно-чувственное восприятие его складывалось прежде всего в оппозиции 'светлый (белый)' — 'тёмный (чёрный)» [2, с. 68]. У зіставленні темряви й світла спочатку не як двох контрастних зорових відчуттів, а як контрастних стихій видимого світу — чорного як темного, а білого — як світлого, а, отже, особливо виділеного на тлі чорного, і виявилось можливим виділення білого кольору [1, с. 23]. Білий колір як світлий, яскравий, що володіє ефектом світіння, внаслідок його постійного протиставлення чорному, темному, закономірно міг порушувати радісні, оптимістичні настрої, символізувати собою світле, життєрадісне начало. «Die Weiße ist bei allen Völkern oft sogar das unbewußte Symbol... der ethischen Reinheit...», — писав Ф. Норк. ('Білий — у всіх народів, часто навіть мимоволі, інстинктивно є символом... етичної чистоти') [22, с. 17]. Часто «носії мови не замечают, что противопоставление 'белый — чёрный' есть не противопоставление по цвету, а по признаку «максимум света — отсутствие света» [16, с. 31].

Коренебудова **k^wata* в певній ситуації могла означати дослівно «простір /світ/ поділене або дволикте» і закріпитися за якоюсь його частиною — 'темною' або 'світлою' — або позначати Всесвіт у цілому [13, с. 61–63]. Найширшого розповсюдження набув індоєвропейський словотвір у значенні 'світлий /світло/', який представлений у вигляді **k^weit* 'світити, сяяти, блищати'. Пор: герм. **k^witoz* 'світло, бути світлим, білий'; слов. **svěť*; лит. *šviesti* 'світити'; дінд. *čvetás* 'світлий, білий'; слн. *svět* 'світло, люди' [24, с. 712; 20, с. 575; 13, с. 61].

«Очевидно, що **k^wata*, висловлюючи «двоїстість», закріпилася в багатьох мовах за одним з членів опозиції, отримавши значення 'світлий'. Його протилежність у вигляді 'не-світлий, темний' формально набуває реалізації у вигляді **ne-k^wata*, де **ne* / < **nâ* / виступає в значенні заперечення» [13, с. 61]. Отримане утворення може бути співвіднесене з відомою індоєвропейською формою **nek^w(t-)* зі значенням 'ніч' [23, с. 762]. Наприклад: герм. *naht* 'ніч'; ст-слов. *noits*; лит. *naktis*; дірус. *naktin*; дінд. *nák*; лат. *nox*; хет. *nekuiz* 'вечір' [20, с. 87; 21, с. 478].

У структурах **k^wata* і **ne-k^wata* наочно представлена вторинність найменування негативного члена бінарної опозиції у відношенні до її позитивного члена 'світлий' [13, с. 61]. І потім уже з ночі вийшов день, тобто з'явилося нове протиставлення 'ніч' / 'день', однак тут різні корені утворення імен.

Література

1. Алимпиева Р. В. Семантическая структура слова *белый* / Р. В. Алимпиева // Вопросы семантики : сб. науч. тр. Ленинград. ун-в. — Л. : ЛГУ, 1976. — Вып. 2. — С. 13–27.
2. Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы / Р. В. Алимпиева. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. — 177 с.
3. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев : Пер. с фр. / Ж. Дюмезиль ; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М. : Наука, 1986. — 234 с.
4. Золотарёв А. В. Родовой строй и первобытное мировоззрение / А. В. Золотарёв. — М. : Наука, 1964. — 328 с.
5. Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь / С. Д. Кацнельсон // Известия АН СССР. Отделение лит. и яз. — 1947. — Т. 6. Вып. 4. — С. 300–316.
6. *Культура древнего Египта* / Отв. ред. И. С. Кацнельсон. — М. : Наука, 1976. — 444 с.
7. Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии / А. Ф. Лосев. — М. : Учпедгиз, 1957. — 620 с.
8. Маковский М. М. Метаморфозы слова (Табуирующие маркеры в индоевропейских языках) / М. М. Маковский // Вопросы языкознания. — М., 1998. — № 4. — С. 151–179.
9. Редер Д. Г. Осирис / Д. Г. Редер // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Сов. энциклопедия, 1988. — Т. 2. — С. 267–268.
10. Рубинштейн Р. И. Ра / Р. И. Рубинштейн // Там же. — Т. 2. — С. 358–360.
11. Рубинштейн Р. И. Тот / Р. И. Рубинштейн // Там же. — Т. 2. — С. 521–522.
12. Спиркин А. Г. Мышление и язык / А. Г. Спиркин. — М. : Моск. рабочий, 1958. — 80 с.
13. Таранец В. Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоєвропейської прамови) / В. Г. Таранец. — 2-ге вид., перероб. і доп. — Одеса : Астропринт, 1999. — 116 с.
14. Топоров В. Н. Варуна / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Сов. энциклопедия, 1987. — Т. 1. — С. 217–218.
15. Топоров В. Н. Митра / В. Н. Топоров // Там же. — Т. 2. — С. 154–157.
16. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. — М. : Наука, 1984. — 175 с.
17. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии). Отдельный оттиск из «Филологических записок» / В. И. Шерцль. — Воронеж : Исаев, 1884. — 83 с.
18. Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин ; отв. ред. акад. Г. В. Степанов. — М. : Наука, 1985. — 137 с.
19. Schneider H. Kultur und Denken der alten Ägypter : In 2 Bänden. — 2. Ausg. / H. Schneider. — Leipzig : Hinrichs, 1909. — Bd. 1. — 564 S.; Bd. 2. — 665 S.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв. — 2-е изд. — М. : Прогресс, 1986.
21. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. — 2. Aufl. / Bearb. von Günter Drosdowski. — Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich : Dudenverlag, 1989. — Bd. 7. — 843 S.
22. Nork F. Etymologisch-symbolisch-mythologisches Realwörterbuch zum Handgebrauche für Bibelforscher, Archäologen und bildende Künstler : In 4 Bänden / F. Nork. — Stuttgart : Verlag der Buchhandlung, 1843. — Bd. 1. — 404 S.
23. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. — Bern : Francke, 1949–1956. — 960 S.
24. Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language / W. Skeat. — Oxford, 1983. — 70 p.

References

1. Alimpieva R. V. Semanticheskaja struktura slova belyj / R. V. Alimpieva // Voprosy semantiki : sb. nauch. tr. Leningrad. univ. — L. : LGU, 1976. — Vyp. 2. — S. 13–27.
2. Alimpieva R. V. Semanticheskaja znachimost' slova i struktura leksiko-semanticheskoy gruppy / R. V. Alimpieva. — L. : Izd-vo LGU, 1986. — 177 s.
3. Dzhumezil' Zh. Verhovnye bogi indoevropejcev : Per. s fr. / Zh. Dzhumezil' ; AN SSSR, In-t vosto-kovedenija. — M. : Nauka, 1986. — 234 s.
4. Zolotarjov A. V. Rodovoj stroj i pervobytnoe mirovozzrenie / A. V. Zolotarjov. — M. : Nauka, 1964. — 328 s.
5. Kacnel'son S. D. Jazyk poezii i pervobytno-obraznaja rech' / S. D. Kacnel'son // Izvestija AN SSSR. Otdelenie lit. i jaz. — 1947. — T. 6. — Vyp. 4. — S. 300–316.
6. *Kul'tura drevnego Egipta* / Otiv. red. I. S. Kacnel'son. — M. : Nauka, 1976. — 444 s.
7. Losev A. F. Antichnaja mifologija v ejo istoricheskom razvitii / A. F. Losev. — M. : Uchpedgiz, 1957. — 620 s.
8. Makovskij M. M. Metamorfozy slova (Tabuirujushhie markery v indoevropejskih jazykah) / M. M. Ma-kovskij // Voprosy jazykoznanija. — M., 1998. — № 4. — S. 151–179.
9. Reder D. G. Osiris / D. G. Reder // Mify narodov mira. Enciklopedija : v 2 t. / gl. red. S. A. To-karev. — M. : Sov. enciklopedija, 1988. — T. 2. — S. 267–268.
10. Rubinshtejn R. I. Ra / R. I. Rubinshtejn // Tam zhe. — T. 2. — S. 358–360.
11. Rubinshtejn R. I. Tot / R. I. Rubinshtejn // Tam zhe. — T. 2. — S. 521–522.
12. Spirkin A. G. Myshlenie i jazyk / A. G. Spirkin. — M. : Mosk. rabochij, 1958. — 80 s.
13. Taranec' V. G. Pohodzhennia poniattia chysla i jogo movnoji realizacii (do vytokiv indojevropejs'koji pravomy). / V. G. Taranec'. — 2-e vyd., pererob. i dop. — Odessa : Astroprynt, 1999. — 116 c.

14. *Toporov V. N.* Varuna / V. N. Toporov // Mify narodov mira. Enciklopedija : v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. — M. : Sov. enciklopedija, 1987. — T. 1. — S. 217–218.
15. *Toporov V. N.* Mitra / V. N. Toporov // Tam zhe. — T. 2. — S. 154–157.
16. *Frumkina R. M.* Cvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvističeskogo analiza / R. M. Frumkina. — M. : Nauka, 1984. — 175 s.
17. *Shercl' V. I.* O slovah s protivopolozhnymi znachenijami (ili o tak nazyvaemoj enantiosemmii). Otdel'nyj ottisk iz «Filologičeskikh zapisok» / V. I. Shercl'. — Voronezh : Isaev, 1884. — 83 s.
18. *Jakushin B. V.* Gipotezy o proiskhozhdenii jazyka / B. V. Jakushin ; otv. red. akad. G. V. Stepanov. — M. : Nauka, 1985. — 137 s.
19. *Schneider H.* Kultur und Denken der alten Ägypter : In 2 Bänden. — 2. Ausg. / H. Schneider. — Leipzig : Hinrichs, 1909. — Bd. 1. — 564 S.; Bd. 2. — 665 S.
20. *Fasmer M.* Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / Maks Fasmer ; per. s nem. i dop. O. N. Trubachiov. — 2-e izd. — M. : Progress, 1986.
21. *Duden.* Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. — 2. Aufl. / Bearb. von Günter Drosowski. — Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich : Dudenverlag, 1989. — Bd. 7. — 843 S.
22. *Nork F.* Etymologisch-symbolisch-mythologisches Realwörterbuch zum Handgebrauche für Bibelforscher, Archäologen und bildende Künstler : In 4 Bänden / F. Nork. — Stuttgart : Verlag der Buchhandlung, 1843. — Bd. 1. — 404 S.
23. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. — Bern : Francke, 1949–1956. — 960 S.
24. *Skeat W.* An Etymological Dictionary of the English Language / W. Skeat. — Oxford, 1983. — 70 p.

КОЗАК Татьяна Борисовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: anton_kozak@ukr.net; тел.: +38 (048) 635745; моб.: +38 067 4883681

ТУПИКОВА Татьяна Валериевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: tupikov1@yandex.ru; тел.: +38 (048) 635745; тел.: +38 067 9212034

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ 'ЧЁРНЫЙ' / 'БЕЛЫЙ'

Аннотация. Представленный в данной статье анализ слов, обозначающих цвета 'черный'/'белый', даёт возможность заглянуть в историческое прошлое соответствующих лексем, рассмотреть их становление и развитие, что позволяет считать тему исследования актуальной и находящейся в центре современной проблематики работ по семантике. **Целью** работы является определение особенностей зарождения и развития семантики слов 'чёрный'/'белый', обоснование тезиса об их первичном синкретизме и употреблении в дальнейшем как антонимических понятий. Этот путь развития считается некоторыми лингвистами одним из семантических диахронических универсалий. **Материал** исследования составляют мифологические и этимологические словари.

Ключевые слова: зарождение слов, чёрный, белый; антонимия корня.

Tatjana B. KOZAK,

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages for the Humanities Faculties of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyj blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: anton_kozak@ukr.net; tel.: +38 067 4883681

Tatjana V. TUPIKOVA,

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages for the Humanities Faculties of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyj blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: tupikov1@yandex.ru; tel.: +38 067 9212034

THE EMERGENCE OF THE WORDS DENOTING COLOUR : DOUBLE NATURE OF THE NOTIONS BLACK — WHITE

Summary. The given article focuses on studying the emergence of the words denoting colour (black, white), the article mainly highlights their appearance and development. The hypothesis of the double nature of the notions *black-white* is proved considering the material of mythological and etymological dictionaries. The investigation proved the initial syncretism of the notions *black-white* and the following change into antonymic notions. Some scholars consider this development semantic diachronic universal.

Key words: emergence of the words, black, white; root antonymy.

Статтю отримано 9.11.2015 р.

МОЙСЕЄНКО Наталія Григорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
e-mail: natalywx@mail.ru; тел.: +38 093 4388839, +38 067 1087618

СЕМАНТИЧНА СПІВВІДНЕСЕНІСТЬ І ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ЛЕКСЕМ *SOME* І *ANY* В СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. *Мета* статті — розкрити суттєві функціональні та когнітивні характеристики лексем *some* та *any* у сучасній англійській мові. *Об'єкт* вивчення — лексеми *some* і *any*. *Предмет* дослідження — закономірності вживання лексем *some* і *any* в сучасній англійській мові. Дослідження виконано методом функціонально-семантичного польового аналізу лексем. У *результаті* дослідження проаналізовано варіантні значення лексем *some* і *any*, встановлено їх інваріантне, базове значення, розглянуто їх суттєві формальні характеристики. Основні *висновки*: лексеми *some* і *any* в сучасній англійській мові концептуально співвідносяться із поняттями обмеженості (*some*) і необмеженості (*any*). Вони відносяться до функціонально-семантичного поля із кількісно-якісним ядром, виражають атрибутивну якісність та кількісність, мають більш узагальнене значення порівняно з іншими членами цього ФСП, функціонують варіативно в ад'єктивній, субстантивній, адвербіальній парадигмах.

Ключові слова: лексеми *some* і *any*, функціонально-семантичне поле, обмеженість, необмеженість, варіативне функціонування.

Актуальність нашого дослідження зумовлено відсутністю єдиної трактовки граматичного статусу лексем *some* і *any* в сучасній англійській мові та відсутністю системного аналізу їх категоріальних (частинимовних) характеристик [див., напр.: 1–13].

Лексеми, що досліджуються, відносяться більшістю граматистів до займенників, що вживаються атрибутивно (adjective-pronouns) і субстантивно (noun-pronouns) [1–7]. Так, Л. С. Бархударов і Д. А. Штелінг ілюструють це положення наступними прикладами: *Some were present. Some water, please* [2, с. 45]. *As for conveniences, there weren't any. Come any time you like* [там само]. Інша точка зору, представниками якої є Г. Пальмер і Р. Клоуз, зводиться до того, що *some* і *any* є детермінаторами [цит. за: 7, с. 47]. На думку Д. Байбера та авторів Cobuild Students Grammar, досліджувані мовні одиниці функціонують як детермінатори, коли вони стоять на початку іменної групи, і є займенниками, коли виступають як замісники іменників [8, с. 145; 13, с. 145]. Mac Millan English Dictionary позначає лексеми *some* і *any* як функціональні слова, що можуть вживатися як детермінатор, займенник, прислівник [15]. Longman Dictionary of Contemporary English відмічає їх функції детермінаторів, займенників і прислівників [14]. У. Френсис вважає *some* і *any* функціональними іменниками на тій підставі, що вони «займають більшість або всі характерні позиції іменника» [10, с. 305]. Дж. Несфілд і Дж. Кьорм називають ці лексеми «лімітуючими прикметниками» [11, с. 144; 9, с. 43].

Аналіз зазначених вище точок зору свідчить про те, що складність встановлення граматичного статусу лексем *some* і *any* зумовлена такими факторами:

- відсутністю всеохоплюючих критеріїв, за якими слова мають бути розподілені між частинами мови, здатністю лексем *some* і *any* проявляти ознаки більш ніж однієї частини мови;
- відсутністю системного аналізу морфолого-синтаксичних і семантичних ознак лексем *some* і *any*;
- неврахуванням у процесі аналізу взаємодії мовних елементів з умовами і завданнями спілкування.

Мета нашого дослідження — проаналізувати закономірності вживання лексем *some* і *any* в рамках теорії функціонально-семантичного поля (ФСП), запропонованої А. В. Бондарком [3, с. 318]. Це, на наш погляд, зробить можливим вирішення зазначених вище проблем. Завданням нашого дослідження є встановлення функціонально-семантичних і когнітивних характеристик лексем *some* і *any*, що зробило б можливим віднесення їх до певних дискурсно-когнітивних класів слів.

Ми виходили із положення про те, що мова — це явище, зумовлене процесами відображення об'єктивної дійсності нашою свідомістю, а мовні одиниці є ментальними конструкціями, що репрезентують елементи об'єктивної дійсності в нашому мозку. Функціонально-семантичне поле ми розуміємо як «семантичну категорію, що розглядається в єдності із системою засобів їх вираження у певній мові» [там само]. Щодо засобів формального вираження, то їх сукупність не має цілісності, тому що вони відносяться до різних мовних рівнів і за своєю структурою є

різнорідними. ФСП має охоплювати всю сферу функцій, що базується на конкретній семантичній категорії [3, с. 320].

Лексеми *some* та *any* репрезентують певні об'єктивні категорії і наповнені своїм специфічним змістом, який актуалізується в тій чи іншій комунікативній ситуації. Ми спробували проаналізувати варіантні значення лексем і встановити інваріантне, яке може розглядатися як базове. Також було розглянуто їх суттєві формальні характеристики.

ФСП охоплює всі семантичні функції мовної одиниці в рамках функціональної спільності, що визначає специфіку певного поля, однак встановлюються розбіжності як змістовного, так і системно-структурного характеру [3, с. 325].

Аналіз 5 000 прикладів фактичного вживання лексем *some* і *any* в сучасній англійській мові дав змогу сформулювати такі висновки:

1) формально і семантично лексеми *some* та *any* відносяться до функціонально-семантичного поля із якісно-кількісним ядром. Вони виражають атрибутивну якісність та кількісність. Наприклад:

Like some toast [16, с. 45] — неозначена кількість.

Are you any batter? [20, с. 15] — неозначений ступінь.

I'll make some coffee. [18, с. 90] — неозначена кількість.

Have you read any of his books? [21, с. 15] — неозначена якість.

2) У рамках цього ФСП було виділено 3 частинимовні парадигми:
— ад'єктивну: *She took hardly any notice of anybody* [17, с. 34]. *Show me some identification* [19, с. 102];

— субстантивну: — *Why should there be a reason? — I don't know any* [22, с. 54]. *The water ran cold and icy-cold. She drank some* [23, с. 24];

— адвербіальну: *The wound hurts some* [24, с. 16]. *The kids will keep you some busy* [17, с. 12]. *Have the things improved any?* [21, с. 3].

3) Базовими значеннями лексем *some* є поняття обмеженості, а лексеми *any* — необмеженості.

Резюмуючи все наведене вище, можна зазначити, що лексеми *some* і *any* в сучасній англійській мові концептуально співвідносяться із поняттями обмеженості (*some*) і необмеженості (*any*). Вони відносяться до функціонально-семантичного поля із кількісно-якісним ядром, мають більш узагальнене значення порівняно з іншими членами цього ФСП (*black, many, unknown*). Щоб зробити висновок щодо категоріальної приналежності лексем *some* і *any*, на наш погляд, необхідно провести діахронічне дослідження розвитку їх семантичних і граматичних категорій, порівняти дані такого аналізу із даними синхронічного аналізу, що дасть змогу уточнити прототипічне значення цих мовних одиниць і пояснити феномен їх міграції із прототипічного дискурсно-когнітивного класу слів до суміжних.

Література

1. Барабаш Т. А. Грамматика английского языка / Т. А. Барабаш. — М. : ЮНВЕС, 2001. — 255 с.
2. Бархударов Л. Грамматика английского языка / Л. Бархударов, Д. Штелинг. — М. : Высшая школа, 1973. — 423 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : На материале русского языка / РАН. Ин-т лингвистических исследований. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
4. Верба Л. Г. Грамматика сучасної англійської мови / Л. Г. Верба, Г. В. Верба. — К. : ВП Логос-М, 2006. — 341 с.
5. Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка / Г. А. Вейхман. — М. : Астрель, 2002. — 543 с.
6. Гузеева К. А. Справочник по грамматике английского языка / К. А. Гузеева. — СПб. : Союз, 2003. — 278 с.
7. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка / В. В. Гуревич. — М. : Флинта, 2003. — 168 с.
8. Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber et al. — Harlow : Pearson Education, 2000. — 1204 p.
9. Curme G. English Language / G. Curme. — N. Y. : Barnes and Noble, 1957. — 308 p.
10. Francis W. The Structure of American English / W. Francis. — N. Y. : The Ronald Press, 1958. — 614 p.
11. Nesfield J. English Grammar : Past and Present / J. Nesfield. — London : MacMillan, 1898. — 470 p.
12. Quirk R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. — London : Longman, 1976. — 484 p.
13. Willis D. Collins Cobuild Student's Grammar / D. Willis. — Birmingham : Harper Collins Publishers, 2000. — 263 p.
14. LD — Longman Dictionary of Contemporary English. — Essex : Longman, 2000. — 1668 p.
15. MD — McMillan English Dictionary for Advanced Learners. — Oxford : MacMillan Education, 2002. — 1689 p.

Джерела ілюстративного матеріалу

16. Baldwin J. Going to Meet the Man / J. Baldwin. — N. Y. : Dell Books, 1980. — 212 p.
17. Benchley P. Jaws / P. Benchley. — N. Y. : Bantam Books, 1975. — 145 p.
18. Christie A. Dumb Witness / A. Christie. — London : Cox 2 Wyman, 1978. — 218 p.
19. Christie A. Hercule Poirot's Christmas / A. Christie. — London : Pan Books, 1970. — 187 p.
20. Dickson C. She Died a Lady / C. Dickson. — N. Y. : Pocket Books, 1943. — 197 p.
21. Hamilton D. Night Walker / D. Hamilto. — N. Y. : Greenwich Faucet Books, 1983. — 138 p.
22. Jones Th. Stairway to the Sea / Th. Jones. — N. Y. : Collins, 1970. — 694 p.
23. MacLean A. Ice Station Zebra / A. MacLean. — London : Collins, 1988. — 248 p.
24. Priestley J. B. Angel Pavement / J. B. Priestley. — Moscow : Progress Publishers, 1974. — 504 p.

References

1. Barabash T. A. Grammatika anglijskogo jazyka / T. A. Barabash. — M. : JuNVES, 2001. — 255 s.
2. Barhudarov L. Grammatika anglijskogo jazyka / L. Barhudarov, D. Shteling. — M. : Vysshaja shkola, 1973. — 423 s.
3. Bondarko A. V. Teorija znachenija v sisteme funkcional'noj grammatiki : Na materiale russkogo jazyka / RAN. In-t lingvističeskijh issledovanij. — M. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 2002. — 736 s.
4. Verba L. G. Gramatyka suchasnoï anglijs'koï movy / L. G. Verba, G. V. Verba. — K. : VP Logos-M, 2006. — 341 s.
5. Vejzman G. A. Novoe v grammatike sovremennogo anglijskogo jazyka / G. A. Vejzman. — M. : Astrel', 2002. — 543 s.
6. Guzeeva K. A. Spravochnik po grammatike anglijskogo jazyka / K. A. Guzeeva. — SPb. : Sojuz, 2003. — 278 s.
7. Gurevich V. V. Teoreticheskaja grammatika anglijskogo jazyka / V. V. Gurevich. — M. : Flinta, 2003. — 168 s.
8. Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber et al. — Harlow : Pearson Education, 2000. — 1204 p.
9. Curme G. English Language / G. Curme. — N. Y. : Barnes and Noble, 1957. — 308 p.
10. Francis W. The Structure of American English / W. Francis. — N. Y. : The Ronald Press, 1958. — 614 p.
11. Nesfield J. English Grammar : Past and Present / J. Nesfield. — London : MacMillan, 1898. — 470 p.
12. Quirk R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. — London : Longman, 1976. — 484 p.
13. Willis D. Collins Cobuild Student's Grammar / D. Willis. — Birmingham : Harper Collins Publishers, 2000. — 263 p.
14. LD — Longman Dictionary of Contemporary English. — Essex : Longman, 2000. — 1668 p.
15. MD — McMillan English Dictionary for Advanced Learners. — Oxford : MacMillan Education, 2002. — 1689 p.
16. Baldwin J. Going to Meet the Man / J. Baldwin. — N. Y. : Dell Books, 1980. — 212 p.
17. Benchley P. Jaws / P. Benchley. — N. Y. : Bantam Books, 1975. — 145 p.
18. Christie A. Dumb Witness / A. Christie. — London : Cox 2 Wyman, 1978. — 218 p.
19. Christie A. Hercule Poirot's Christmas / A. Christie. — London : Pan Books, 1970. — 187 p.
20. Dickson C. She Died a Lady / C. Dickson. — N. Y. : Pocket Books, 1943. — 197 p.
21. Hamilton D. Night Walker / D. Hamilto. — N. Y. : Greenwich Faucet Books, 1983. — 138 p.
22. Jones Th. Stairway to the Sea / Th. Jones. — N. Y. : Collins, 1970. — 694 p.
23. MacLean A. Ice Station Zebra / A. MacLean. — London : Collins, 1988. — 248 p.
24. Priestley J. B. Angel Pavement / J. B. Priestley. — Moscow : Progress Publishers, 1974. — 504 p.

МОЙСЕЕНКО Наталия Григорьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
e-mail: natalywx@mail.ru; тел.: +38 093 4388839, +38 067 1087618.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНЕСЁННОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСЕМ *SOME* И *ANY* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Цель статьи — раскрыть существенные функциональные и когнитивные характеристики лексем *some* и *any* в современном английском языке. Объект изучения — лексемы *some* и *any*. Предмет исследования — закономерности употребления лексем *some* и *any* в современном английском языке. Исследование выполнено методом функционально-семантического полевого анализа лексем. В результате исследования проанализированы варианты значения лексем *some* и *any*, установлено их инвариантное, базовое значение, рассмотрены существенные формальные характеристики. Основные выводы: лексемы *some* и *any* в современном английском языке концептуально соотносятся с понятием ограниченности (*some*) и неограниченности (*any*). Они относятся к функционально-семантическому полю с количественно-качественным ядром, выражают атрибутивную качественность и количественность, имеют более обобщенное значение

по сравнению с другими членами этого ФСП, функционируют вариативно в адъективной, субстантивной, адverbальной парадигмах.

Ключевые слова: лексемы *some* и *any*, функционально-семантическое поле, ограниченность, неограниченность, вариативное функционирование.

Natalia G. MOISEIENKO,

Candidate of Science in Philology (Ph.D), Associate Professor, lecturer at the Department of English Grammar, Odessa National I. I. Mechnikov University; 24/26 Francuzkij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: natalywx@mail.ru; mob.: +38 093 4388839, +38 067 1087618

SEMANTIC REFERENCE AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF LEXEMES *SOME* AND *ANY* IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

Summary. The *purpose* of this article is to establish the essential functional and cognitive characteristics of lexemes *some* and *any* in Modern English. The *object* of analysis in this paper are lexemes *some* and *any*. The *subject* of investigation are peculiarities of use of lexemes *some* and *any* in Modern English. This research has been carried out with the help of functional semantic field analysis of lexemes. Our scientific investigation *resulted* in analysis of variant meanings of lexemes *some* and *any*; in establishing their invariant, basic meaning and essential formal characteristics. The *conclusions* of our research are: in Modern English lexemes *some* and *any* are conceptually associated with the notions «limited» (*some*) and «unlimited» (*any*). They refer to the functional semantic field with quantitative-qualitative nuclear, they are associated with attributive qualitativeness and quantitiveness and have more abstract and general meaning comparing with other members of this FSF, they variationally function in adjectival, substantive and adverbial paradigms.

Key words: lexemes *some* and *any*; functional semantic field; limited, unlimited, variational functioning.

Статтю отримано 15.09.2015 р.

УДК 811.111'366.5

СІЗОВА Любов Володимирівна,

старший викладач кафедри мовної та загально-гуманітарної підготовки іноземців, Навчально-науковий інститут міжнародної освіти Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; пров. Маяковського, 7, м. Одеса, 65082, Україна; e-mail: natalywx@mail.ru; тел.: +38 093 4388839, +38 067 1087618

ПОКАЗНИКИ КАТЕГОРІЇ ОЗНАЧЕНОСТІ ТА НЕОЗНАЧЕНОСТІ У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ ТА ЇХ ВІДПОВІДНИКИ У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. Мета статті — визначити способи передачі в російській мові значень англійських артиклів *a / the* та лексем *some / any* у їх вживаннях в функції детермінаторів. Застосування зіставного й описового методів лінгвістичного дослідження дає можливість розглянути різні способи передачі значення англійських артиклів *a / the* та детермінаторів *some / any* як показників категорії означеності та неозначеності різними засобами російської мови. **Об'єкт** дослідження — англійські артиклі, лексеми *some* і *any* та їх російські відповідники. **Предмет** вивчення — засоби відтворення категорії означеності / неозначеності в російській мові. **У результаті** зіставного аналізу 1000 відрізків англійського тексту та їх російських перекладів установлено основні лексичні та граматичні засоби відтворення в російській мові категорій означеності та неозначеності. **Висновки:** означеність, якій відповідають англійські *the* і *some*, передається деякими російськими прикметниками та займенниками (*подобный, всякий* та ін.); неозначеність, якій відповідають англійські *a* і *any*, може передаватися у сталих, клішованих словосполученнях, займенниками *любой, какой-нибудь* та ін. Відсутність маркера означеності / неозначеності перед англійськими іменниками в однині доволі часто передається в російському тексті формами множини відповідних іменників.

Ключові слова: артикль, категорія детермінації, означеність / неозначеність.

Наше дослідження виконано в рамках зіставного метода. Актуальність пропонованого наукового аналізу зумовлено відсутністю системного опису способів вираження означеності та неозначеності у російській та англійській мовах [1–6], по-різному визначаються формальні показники цієї категорії в англійській мові [1–4; 6]. Традиційні граматики сучасної англійської мови вважають означений артикль показником означеності предмета мовлення [1–4], тоді як І. Крамський до показників категорії означеності відносить також і вказівні та

присвійні займенники, порядкові числівники, різноманітні атрибути [5, с. 43]. Ряд граматистів визначають семантичну близькість між займенниками *some/any* та неозначеним артиклем [1, с. 26].

Мета цієї роботи зводиться до зіставлення способів передачі значення англійських артиклів *a / the* та лексем *some / any* в їх вживаннях у функції детермінаторів у російській мові. Завдання нашого дослідження — на основі результатів проведеного аналізу зробити деякі гіпотетичні висновки щодо особливостей репрезентації категорії детермінації у мовах германської та слов'янської груп індоєвропейської сім'ї.

Граматична категорія — це система протиставлених одна одній граматичних величин (граматичних форм із однорідними значеннями) [3, с. 220]. Категорія детермінації (означеності / неозначеності) визначається як граматична категорія, яка вказує на те, як мислиться ім'я предмета: як єдине в описуваній ситуації (означеність) чи як таке, що належить до класу подібних йому феноменів (неозначеність) [3, с. 219].

Виходячи із наведених вище положень, артикль *a / the*, а також усі інші можливі одиниці, що відносяться дослідниками до показників категорії детермінації, прирівнюються до граматичних форм. У зв'язку із цим виникає питання: наскільки є релевантною така трактовка зазначених вище мовних одиниць. Відповідь на нього є завданням наших подальших досліджень. У цій статті ми наводимо результати кількісно-якісного аналізу фактичного матеріалу, одержаного способом суцільної вибірки із сучасної англомовної художньої та публіцистичної літератури та їх літературних перекладів на російську мову (всього 1 000 відрізків мовлення).

1) Означеність в англійському тексті не завжди залежить від наявності означеного артикля. У таких випадках у російському тексті означеність також передається імпліцитно (3 % випадків).

Investment and innovation cannot be sufficient because profits are down, local savings are too low, and foreign investment in Belarus is among the lowest per capita in the FSU [former Soviet Union].

Из-за низкой прибыли инвестиции и инновации осуществляются в недостаточном объёме. Низок уровень сбережения населения, а по уровню иностранных инвестиций на душу населения Беларусь занимает одно из последних мест среди республик бывшего Советского Союза [8, с. 43].

Поняття *investment and innovation* у цій ситуації конкретизуються контекстом. Ці іменники вжито не в загальному значенні, вони співвідносяться із змістом (саме ті інвестиції та інновації, що мають проводитися у Білорусі). *Foreign investment in Belarus*: поняття *foreign investment* має локалізатор *in Belarus*, що виділяє дане поняття із класу зарубіжних інвестицій взагалі. Іменники *investment and innovation* вжито в англійському тексті в однині, тоді як у російському тексті їх відповідники мають форму множини. Усе це свідчить про генералізуючу семантику зіставлених словоформ. Незважаючи на їх конкретизацію контекстом, означений артикль в англійському тексті не вживається.

2) Означеність в англійському тексті передано за допомогою артикля, в російському тексті — тільки контекстуально (17 % випадків).

The economy has grown quite rapidly in the past two years; the Government has stated that this is a sign that the policies are working.

Экономика росла довольно быстро в последние два года. Правительство считает это доказательством эффективности проводимой политики [8, с. 51].

У цьому відрізку мовлення *the policies are working* означеному артиклю *the* відповідає російський прикметник *проводимая*. Відповідність означеного артикля прикметнику складала 21 % випадків.

3) Іменник, вжитий із артиклем *a* в англійському тексті співвідноситься із конкретною ситуацією і відповідає концепту індивідуалізації, в російській мові значення індивідуалізації передається тільки імпліцитно у 9 % випадків.

In June 1997 the World Bank and the Government signed an agreement (the Memorandum of Understanding — MoU) on a broad reform program as a basis for the resumption of the lending program.

В июне 1997 года Всемирный банк и правительство подписали соглашение (Меморандум о взаимопонимании — MoU) о всесторонней программе реформ — основе для возобновления кредитной поддержки [8, с. 101].

To sign an agreement — стале словосполучення; вживання неозначеного артикля не протирічить концепту індивідуалізації, у дужках назва документу вжито із означеним артиклем.

4) Лексема *any*, що в англійському тексті співвідноситься з поняттям *будь-які*, в російському тексті — імпліцитно означає *усі* (10 % випадків).

*The question, then, is how to retain beneficial tax competition while minimizing distortions. And the OECD report rightly eschews **any** assault on generalized competition over tax rates, preferring to focus on tax havens and on preferential reliefs that admit low or no taxation on specific kinds of income.*

*Тогда вопрос в том, как сохранить благоприятную налоговую конкуренцию, при этом сведя к минимуму её негативные последствия. Очень хорошо, что отчёт ОЭСР воздерживается от **любых** нападков на налоговую конкуренцию вообще, предпочитая сосредоточиться на оффшорных зонах и льготных налоговых режимах, предусматривающих очень низкое налогообложение или даже его отсутствие в отношении определённых видов доходов [8, с. 54].*

5) Лексема *some*, що в англійській мові співвідноситься із концептом лімітації, може передаватися в російському тексті займенником *всякий*. Цей займенник у російській мові, навпаки, вказує на відсутність обмеженості якості або кількості.

*Suddenly Christopher Robin began to tell Pooh about **some** of the things* [9, p. 20].

*И вдруг Кристофер Робин начал рассказывать Пуху **всякие** интересные вещи* [7, с. 22].

Таких випадків уживання лексеми *some* було нараховано 12 %.

6) 28 % випадків склали відрізки мовлення, у яких означений артикль передавався за допомогою вказівних займенників та прикметників.

*But **the** situation cannot last.*

*Однако **подобная** ситуация не может продолжаться* [8, с. 101].

Підсумовуючи все зазначене вище, можна відзначити, що питання наявності саме граматичної категорії детермінації англійського іменника потребує подальшого вивчення та уточнення. Аналіз способів вираження цієї категорії в англійській і російській мовах свідчить про те, що в російській мові вона виражена контекстуально або лексично, в англійській мові контекстуально, за допомогою артиклів та лексем *some*, *any*. Чи є ця категорія суто граматичною в англійській мові, буде зрозуміло після уточнення граматичного статусу мовних одиниць *a*, *the*, *some*, *any*.

Література

1. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка : учебник для студентов филол. ин-тов и фак. иностр. яз. — 3-е, изд., испр. — М. : Высш. шк., 2000. — 380 с.
2. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка : [учебник для ин-тов и фак. иностр. яз.] / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. — М. : Высш. шк., 1981. — 285 с.
3. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства : підручник для студентів філол. спеціальностей вищих навч. закл. освіти / М. П. Кочерган. — К. : ВЦ Академія, 2002. — 368 с.
4. Раевская Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка / Н. Н. Раевская. — К. : Изд-во Киев. ун-та, 1973. — 144 с.
5. Kramsky J. The Article and the Concept of Definiteness in Language / J. Kramsky. — The Hague-Paris : Mouton & Gruyter, 1972. — 212 p.
6. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — London : Longman, 2000. — 1796 p.
- Джерела ілюстративного матеріалу
7. Слепович В. С. Курс перевода (английский ↔ русский язык). Translation course / В. С. Слепович. — Минск : ТетраСистемс, 2002. — 272 с.
8. Милн А. А. Винни-Пух и все-все-все / А. А. Милн. — М. : Правда, 1985. — 440 с.
9. Milne A. A. Winnie-the-Pooh / A. A. Milne. — М. : Радуга, 1983. — 448 с.

References

1. Bloh M. Ja. Teoreticheskaja grammatika anglijskogo jazyka : uchebnik dlja studentov filol. in-tov i fak. inostr. jaz. — 3-e, izd., ispr. — М. : Vyssh. shk., 2000. — 380 s.
2. Ivanova I. P. Teoreticheskaja grammatika sovremennoho anglijskogo jazyka : [uchebnik dlja in-tov i fak. inostr. jaz.] / I. P. Ivanova, V. V. Burlakova, G. G. Pohepcov. — М. : Vyssh. shk., 1981. — 285 s.
3. Kochergan M. P. Vstup do movoznavstva : pidruchnyk dlja studentiv filol. special'nostej vishhyh navch. zakl. osvity / M. P. Kochergan. — К. : VC Akademia, 2002. — 368 s.
4. Raevskaja N. N. Oчерki po stilisticheskoi grammatike sovremennoho anglijskogo jazyka / N. N. Raevskaja. — К. : Izd-vo Kiev, un-ta, 1973. — 144 s.
5. Kramsky J. The Article and the Concept of Definiteness in Language / J. Kramsky. — The Hague-Paris : Mouton & Gruyter, 1972. — 212 p.

6. *Quirk R.* A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — London : Longman, 2000. — 1796 p.
7. *Slepovich V. S.* Kurs perevoda (anglijskij ↔ russkij jazyk). Translation course / V. S. Slepovich. — Minsk : TetraSistems, 2002. — 272 s.
8. *Miln A. A.* Vinni-Puh i vse-vse-vse / A. A. Miln. — M. : Pravda, 1985. — 440 s.
9. *Milne A. A.* Winnie-the-Pooh / A. A. Milne. — M. : Raduga, 1983. — 448 s.

СИЗОВА Любовь Владимировна,

старший преподаватель кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев, Учебно-научный институт международного образования Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; пер. Маяковского, 7, г. Одесса, 65082, Украина; e-mail: natalywx@mail.ru; тел.: +38 093 4388839, +38 067 1087618

ПОКАЗАТЕЛИ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Цель* статьи — определить способы передачи в русском языке значений английских артиклей *a / the* и лексем *some / any*, используемых в функции детерминатора. Применение сопоставительного и описательного методов лингвистического исследования даёт возможность рассмотреть различные способы передачи значения английских артиклей *a / the* и детерминатора *some / any* как показателей категории определённости / неопределённости различными средствами русского языка. *Объект* исследования — английские артикли, лексемы *some / any* и их российские аналоги. *Предмет* изучения — средства воспроизведения категории определённости / неопределённости в русском языке. В *результате* сопоставления 1000 отрезков английского текста и их русских транслятов установлены основные лексические и грамматические средства воспроизведения в русском языке категорий определённости и неопределённости. **Выводы:** определённость, которой соответствуют английские *the* и *some*, передаётся некоторыми русскими прилагательными и местоимениями (*подобный, всякий* и др.); неопределённость, которой соответствуют английские *a* и *any*, может передаваться в постоянных, клишированных словосочетаниях, местоимениями *любой, какой-нибудь* и др. Отсутствие маркера определённости / неопределённости перед английскими существительными в единственном числе довольно часто передаётся в русском тексте формами множественного числа соответствующих существительных.

Ключевые слова: артикль, категория детерминации, определённость / неопределённость.

Liubov V. SIZOVA,

Senior Teacher at the Department of Linguistic and Humanities Training for Foreign Students, Institute of International Education, Odessa National I. I. Mechnikov University; 7, Mayakovskogo By-street, 65082, Ukraine; e-mail: natalywx@mail.ru; tel.: +38 093 4388839, +38 067 1087618

THE DEFINITENESS AND INDEFINITENESS CATEGORY MARKERS IN THE ENGLISH LANGUAGE AND THEIR CORRESPONDENCIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. The *purpose* of the article is to analyse the ways of representing the meaning of the articles *a* and *the* and lexemes *some* and *any* used in the function of determiners in the Russian language. The use of comparative methods of analysis gave possibility to define different ways of representing of various meanings of the articles *a / the* and determiners *some / any* as the markers of the definiteness and indefiniteness category in the Russian language. The English articles *a / the*, lexemes *some / any* and their Russian correspondencies constitute the *object* of this research. The *subject* of research is the ways of expression of the definiteness and indefiniteness category in the Russian language. In the *result* of analysis of 1000 stretches of the English text and their translation into Russian there have been established the basic means of representation of the definiteness and indefiniteness category in the Russian language. **Conclusions:** the definiteness, expressed by the English *the* and *some*, is represented by certain Russian adjectives and pronouns (*подобный, всякий* at alias); the indefiniteness to which *a* and *any* point out can be represented in set expressions by pronouns *любой, какой-нибудь* at alias. The absence of the definiteness / indefiniteness marker before the English singular nouns is often represented in the Russian text by the plural forms of the corresponding nouns.

Key words: article, category of determination, the definiteness / indefiniteness.

Статтю отримано 21.10.2015 р.

УДК 811.111'373.2/.612:[141.1/.2+161.225]

СОРОКА Тетяна Вячеславівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови та перекладу Ізмаїльського державного гуманітарного університету; вул. Рєпіна, 12, м. Ізмаїл, 68600, Україна; e-mail: magpie3f@mail.ru; тел.: +38 (050) 1903279

КІЛЬКІСНА ТА ЯКІСНА ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМ АКсіОНОМЕНІВ У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. *Мета* статті — описати результати дослідження семного масиву лексичних значень аксіономенів у сучасній англійській мові. *Об'єктом* аналізу є семантична структура слів на позначення філософсько-світоглядних, наукових, громадсько-політичних, соціальних, моральних, релігійних, правових і естетичних цінностей у сучасній англійській мові. *Предмет* дослідження — кількісні та якісні особливості семного складу аксіономенів, які кваліфікуються як ціннісно-зумовлені реєстрові одиниці лексикографічних джерел тлумачного характеру. У роботі використано *методи* компонентного, семного аналізу словникових дефініцій, формалізованого аналізу лексичної семантики (процедура ступінчастої ідентифікації), кількісних підрахунків. *Результатом* дослідження є виявлення 244 сем, що містяться в лексичних значеннях англійських аксіономенів. Залежно від ступеня полісемічності досліджуваних слів на позначення цінностей, 240 сем згруповано у дванадцяти підмножинах. Окремо виявлено 4 комбіновані семи у складі лексичних значень як багатозначних аксіономенів, так і моносемантів. *Практична цінність* результатів дослідження полягає у можливості їх використання в зіставно-типологічному вивченні ціннісних парадигм різних мовних соціумів.

Ключові слова: аксіономен, лексичне значення, семантичний аналіз, сема.

Постановка проблеми. У ракурсі сучасних лінгвістичних досліджень національної специфіки аксіологічних фрагментів картин світу нагальною постає необхідність виявлення лексичної семантики ціннісних парадигм мовних соціумів (праці Н. О. Герцовської, Н. В. Іваненко, А. А. Лучик, А. М. Ляшук, М. М. Пешак, М. П. Фабіан, Г. М. Ярун та інших).

Аналіз останніх досліджень і публікацій. У низці статей, присвячених дослідженню мовної об'єктивації аксіологічних категорій духовної культури англійського народу, яка репрезентована філософсько-світоглядними, науковими, громадсько-політичними, соціальними, моральними, релігійними, правовими й естетичними цінностями [1; 2; 3], викладено результати авторського наукового дослідження семантичних співвідношень 150 аксіономенів¹ із застосуванням формалізованого аналізу (процедура ступінчастої ідентифікації), які характеризуються 1192 лексичними значеннями: від аксіономенів з найвищим (від 25 до 10 значень) і середнім ступенем полісемії (від 9 до 2 значень) до моносемічних. Однак розв'язанню питання про встановлення лексико-семантичних засобів реалізації системи цінностей в англійській мові сприяє також з'ясування характеру семного складу аксіономенів.

Постановка завдання. Мета дослідження полягає в розкритті кількісних і якісних особливостей семного масиву лексичних значень аксіономенів, які кваліфікуються як ціннісно-зумовлені реєстрові одиниці лексикографічних джерел тлумачного характеру [4].

Виклад основного матеріалу. Семний склад аксіономенів у сучасній англійській мові налічує 244 тлумачення, які характеризують світоглядні та релігійні уявлення, особистісні риси й відчуття, правові й соціальні відносини, науково-обґрунтовані факти, політичні реалії та естетичність.

Семний масив досліджуваних лексичних значень поділяється на 12 підмножин. Найуживаніші та найпоширеніші семи входять до складу перших чотирьох підмножин і характеризують лексичні значення англійських аксіономенів з найвищим та середнім ступенем полісемії. Так, перша підмножина нараховує вісім базових сем, які містяться в лексичних значеннях наступних досліджуваних іменників: «state (of), condition» (стан, становище, умови існування) *life, order, nature, right, grace, mind, space, culture, wisdom, dream, liberty, freedom, perfection, dignity, truth, sympathy, memory, comfort, sovereignty, discipline, knowledge, constitution, care, glory, piety, spirituality, civilization, democracy, persistence, tolerance, humility, consciousness, mastery, respect, felicity, competence, efficiency, harmony, independence, integrity, chastity, vitality, optimism, peace, security, mentality, accuracy, objectivity, sanctity, legality, friendship, fame, kindness, decency, self-possession, rectitude, happiness, health, informality, proficiency, punctuality, excellence, responsibility, privacy, status, holiness, equality, prosperity, well-being*; «ability, capacity» розкриває здатність здійснення чого-небудь у лексичних значеннях

¹ *Аксіономен* (від грецького *ἀξία* — «цінність» і латинського — *nomēn* — «ім'я, назва») є робочим терміном, впровадженням у науковий обіг автором статті для позначення найменування цінності.

аксіономенів *grace, mind, art, power, wisdom, will, authority, memory, language, tolerance, mastery, felicity, science, patience, competence, efficiency, independence, vitality, mentality, conscience, intelligence, diplomacy, accuracy, experience, talent, self-possession, courage, initiative, proficiency, responsibility, reliability, professionalism*; «person(s)» характеризує людину як носія певних соціальних та особистих рис, ознак або вказує на представників колективу у лексичних значеннях іменників *life, order, nature, right, spirit, law, love, soul, mind, power, culture, dream, honour, trust, authority, perfection, dignity, comfort, justice, language, faith, democracy, hope, God, labour, security, intelligence, personality, success, talent, respectability*, а «virtue» репрезентує чесноти в *grace, honour, morality, justice, faith, piety, good, diligence, humility, patience, integrity, chastity, goodness, prudence, conscience, honesty, rectitude, fortitude, temperance*.

У першій підмножині виділяємо чотири семи «in science», «in religion», «in plural», «in phrases». «In science» розподіляє лексичні значення аксіономенів на наукові терміни (*life, time, order, nature, grace, spirit, style, mind, space, power, culture, trust, freedom, sympathy, memory, morality, knowledge, constitution, beauty, persistence, tolerance, consciousness, competence, efficiency, vitality, conscience, accuracy, objectivity, personality, honesty, progress, experience, moderation, equality, thrift*), теорії, доктрини (*education, harmony, optimism, humanism, pragmatism, aestheticism, rationalism, pluralism, traditionalism*) та навчальні предмети, галузі знань. «In religion» розкриває релігійні ідеї та уявлення (*life, order, nature, grace, spirit, law, love, soul, mind, power, wisdom, discipline, faith, virtue, hope, charity, blessing, God, worship, intelligence, legality, devotion, talent, pluralism, traditionalism, beatitude*). У формі множини («in plural») лексичні значення мовних одиниць *life, time, order, right, grace, spirit, art, honour, liberty, authority, dignity, truth, sympathy, comfort, morality, piety, care, glory, spirituality, beauty, good, respect, God, fortune, duty, security, intelligence, sanctity, legality, personality, devotion, decency, respectability, loyalty, moderation* нюансуються відповідними словниковими тлумаченнями, а у виразах («in phrases») семантика іменників *life, time, order, nature, right, grace, spirit, law, love, style, soul, mind, art, power, wisdom, will, honour, liberty, authority, freedom, discipline, knowledge, logic, mercy, faith, glory, good, virtue, hope, diligence, consciousness, science, God, fortune, patience, worship, competence, peace, progress, experience, health, initiative, reliability* розгортається на фоні їхніх зв'язків з іншими частинами мови.

Тринадцять сем утворюють другу підмножину, що містить вказівки на предмети, об'єкти («thing(s), object(s)»: *life, love, art, dream, honour, pride, trust, perfection, truth, comfort, beauty, hope, God, worship, sanctity, success, luck*) або факти реальної дійсності («fact (of), event»»: *perfection, truth, memory, mercy, persistence, independence, prudence, objectivity, experience, responsibility, luck*), спосіб функціонування, метод здійснення («way (of), manner (of), method»»: *life, right, law, style, mind, art, dignity, constitution, logic, language, civilization, felicity, science, mentality, diplomacy, pragmatism*, той чи інший характер поведінки з ким-, чим-небудь («attitude(s)»: *spirit, love, culture, will, sympathy, mercy, piety, diligence, charity, tolerance, respect, optimism, mentality, humanism, loyalty*), свободу, відсутність, звільнення, відхід від чогось («freedom (from)»»: *right, space, liberty, perfection, sovereignty, independence, peace, security, generosity, health, modesty, informality, privacy, sincerity*, систему як множину взаємопов'язаних елементів і відношень між ними («system»»: *time, order, law, discipline, constitution, justice, logic, education, language, faith, democracy, science, humanism* і принципи, які відображають суттєві характеристики для функціонування системи («principle(s)»»: *life, right, spirit, law, soul, truth, morality, justice, logic, democracy, humanism, rationalism*, прагнення до здійснення чого-небудь; схильність, потяг, тенденцію («tendency, inclination»»: *nature, grace, spirit, will, sympathy, mercy, spirituality, humility, optimism, mentality, benevolence, talent, aestheticism*, прихильність, вірність, відданість, додержання приписів, правил, принципів («adherence, allegiance»»: *right, truth, sympathy, faith, piety, worship, integrity, legality, loyalty, punctuality, traditionalism, patriotism*, організовану сукупність, спільноту, велику кількість, більшість («body (of)»»: *order, law, wisdom, sovereignty, knowledge, constitution, language, faith, charity, science, labour*, життєву й фізичну силу, міць («force(s), strength»»: *life, nature, grace, spirit, power, virtue, labour, vitality, courage, fortitude*. Слово-замінник («another word for») знаходимо в лексичних значеннях аксіономенів *spirit, love, style, soul, space, memory, morality, glory, patience, vitality*, а аналогічне слово, що використовується у спорті або розважальних іграх та виставах («in sport (play)») — у словах *life, right, grace, law, love, honour, memory, morality, patience*.

Третя підмножина характеризується п'ятнадцятьма семами на позначення звання, чину, духовного сану, службового становища («rank, title»»: *order, grace, style, honour, dignity, sovereignty, status, holiness, beatitude*; права, переваги, привілею («right; privilege»»: *right, law, power, honour, liberty, authority, freedom, sovereignty, initiative*; (само-)контролю, регулювання («(self-)control, regulation»»: *law, power, will, discipline, democracy, mastery, conscience, self-possession, moderation*; точки зору, погляду, оцінки думок або власних дій («opinion, viewpoint, estimate»»: *mind, wisdom, pride, logic, humility, respect, mentality, conscience, prestige*; прихильності, приязного ставлення до кого-, чого-небудь («favour»»: *grace, sympathy, mercy, blessing*,

respect, benevolence, friendship, kindness; віри, вірування, довіри («belief(s)»): *culture, trust, piety, faith, spirituality, optimism, confidence, rationalism*; репутації; слави, доброго імені («reputation, standing»): *honour, dignity, memory, worship, fame, respectability, status, prestige*; праведності («righteousness»): *right, morality, good, virtue, goodness, honesty, rectitude*; роду занять, професії («work, profession, occupation»): *law, art, education, diligence, labour, diplomacy, career*; уміння («skill»): *art, mastery, science, diplomacy, experience, proficiency, professionalism*; знання («knowledge»): *culture, wisdom, education, mastery, science, competence, experience*; впевненості («certitude, assurance»): *trust, authority, faith, optimism, security, confidence, self-possession*; доброзичливості («kindness»): *mercy, good, charity, benevolence, goodness, humanism, generosity*; щасливої долі («good fortune»): *blessing, felicity, fortune, success, happiness, luck, prosperity*; виявлені почуттів за допомогою вигуку («exclamation»): *soul, faith, beauty, God, peace, goodness, health*.

У четвертій підмножині представлено дев'ять сем, кожна з яких об'єднує по шість аксіоменив і служить для розкриття слушної нагоди, сприятливої можливості («chance, occasion, opportunity») в лексичних значеннях слів *life, time, hope, fortune, initiative, luck*; енергійної сили («energy»): *life, spirit, soul, power, will, vitality*; духу («spirit»): *life, soul, mind, pride, democracy, courage*; кількості, суми чогось («quantity, sum of»): *time, order, space, memory, knowledge, duty*; вишуканості, витонченості («sophistication, refinement»): *grace, style, culture, civilization, aestheticism, elegance*; достоїнства, заслуги («worth, merit»): *art, pride, dignity, good, virtue, excellence*; влади, домінуючого впливу («power, ascendancy»): *power, will, authority, sovereignty, democracy, mastery*; поваги, шанування («regard, esteem»): *honour, piety, respect, worship, duty, prudence*; першопричини, джерела чогось («source of»): *pride, authority, comfort, care, hope, felicity*.

П'ята підмножина п'ятнадцяти сем, що групують по п'ять аксіоменив, характеризує відрізок часу («period») в лексичних значеннях слів *life, time, grace, space, pride*; існування («existence»): *life, nature, objectivity, personality, pluralism*; у музиці («in music»): *time, grace, soul, space, harmony*; певний рід, вид, тип («sort, kind, type»): *order, nature, style, civilization, status*; інструкцію, урок, повчання, правило («instruction, lesson, precept»): *order, wisdom, morality, discipline, education*; право власності, майно («property»): *right, trust, spirituality, good, fortune*; імунітет; непорушність, недоторканність («immunity; inviolability»): *grace, liberty, freedom, integrity, sanctity*; твердження, вираз («statement, expression»): *law, style, will, truth, constitution*; бажання («wish, desire»): *love, dream, will, pride, hope*; прихильність, любов, відданість («affection, attachment»): *love, spirituality, aestheticism, devotion, religiosity*; розуміння, усвідомлення, обізнаність («awareness, understanding»): *soul, mind, sympathy, knowledge, consciousness*; розвиток, поліпшення, вдосконалення («development, improvement»): *culture, perfection, education, civilization, progress*; відвертість, щирість («fairness, frankness»): *freedom, justice, integrity, honesty, sincerity*; ступінь, міру вияву чого-небудь («degree (of)»): *perfection, morality, education, diligence, efficiency*; стосунки, відношення («relation(ship)»): *logic, harmony, diplomacy, friendship, confidence*.

Шосту підмножину складають дев'ятнадцять сем, що містяться у лексичних значеннях виключно полісемантичних аксіоменив і вказують на обов'язок, зобов'язання («obligation»): *right, trust, duty, responsibility*; коректність, правильність («correctness»): *right, justice, accuracy, rectitude*; пристойність, етикет («propriety, decorum»): *right, decency, respectability, modesty*; побажливості, лагідності, терпимості («leniency»): *grace, mercy, charity, tolerance*; намір, мету («intention, purpose»): *spirit, mind, dream, will*; правило(а) («rule(s)»): *law, style, art, democracy*; почуття задоволення («pleasure»): *love, honour, pride, happiness*; інтерес, зацікавленість («interest(s), concern»): *love, tolerance, consciousness, humanism*; ідеальний приклад, взірець («ideal instance»): *soul, dream, perfection, beauty*; міркування («thought(s)»): *mind, dream, logic, consciousness*; організацію, установу («organization, institution»): *power, charity, security, intelligence*; невинність, непорочність, celibат («virginity; celibacy»): *honour, virtue, chastity, honesty*; автономію, незалежність («autonomy, independence»): *liberty, freedom, sovereignty, independence*; вільність, фамільярність («familiarity»): *liberty, freedom, knowledge, friendship*; точність, чіткість («precision, exactness»): *truth, accuracy, punctuality, elegance*; допомогу («aid»): *comfort, charity, blessing, benevolence*; поведінку («conduct»): *morality, diplomacy, friendship, pragmatism*; блаженство, щастя («bliss»): *glory, blessing, felicity, beatitude*; витривалість («endurance»): *persistence, tolerance, patience, fortitude*.

Сьома підмножина нараховує вісімнадцять сем, які передають тривалість («continuance, duration»): *life, time, persistence*; факти реальної дійсності («reality»): *life, nature, objectivity*; курс, напрям («course»): *life, progress, career*; деталь, подробицю, що заслуговує особливої уваги («particular detail (point)»): *time, style, respect*; єдність («unity»): *time, integrity, solidarity*; впорядкування («arrangement»): *order, space, harmony*; службу («service»): *order, worship, duty*; суть, сутність чогось («essence»): *nature, spirit, soul*; зовнішній вигляд («appearance»): *nature, style, beauty*; спосіб життя («mode of living»): *nature, style, chastity*; характер, темперамент

(«character, temperament»): *nature, will, constitution*; прославляння, молитву подяки («praise, thanksgiving»): *grace, glory, blessing*; ентузіазм, захоплення («enthusiasm»): *spirit, love, devotion*; надприродну істоту («supernatural being»): *spirit, power, God*; втілення чогось («embodiment»): *love, soul, perfection*; співчуття («compassion»): *love, sympathy, mercy*; увагу («attention»): *mind, care, diligence*; інтелектуальні здібності («intellect»): *mind, mentality, intelligence*.

П'ятнадцять сем восьмої підмножини об'єднують по три аксіомени з різним ступенем полісемії, позначаючи юридичний документ («legal document»): *power, will, constitution*; країну, державу («country, state»): *power, sovereignty, democracy*; виховання; навчання («training»): *culture, discipline, education*; сподівання («expectation»): *dream, trust, hope*; образ(и); імідж («image(s)»): *dream, God, fame*; дівчину або жінку («girl (woman)»): *liberty, beauty, fortune*; піклування, уважність («care»): *trust, patience, prudence*; самовизначення («self-determination»): *freedom, sovereignty, independence*; інформацію («information»): *knowledge, intelligence, confidence*; обачність, розважливість («caution»): *care, diligence, prudence*; славу, популярність («renown»): *glory, fame, prestige*; благочестя, побожність («piety»): *spirituality, devotion, religiosity*; користь («benefit, profit»): *good, blessing, goodness*; стриманість, самовладання («restraint»): *chastity, moderation, temperance*; культурний напрям («cultural movement»): *humanism, aestheticism, rationalism*.

Дев'яту підмножину репрезентують двадцять три семи, що характеризують лексичні значення слів: судовий вирок; ув'язнення («prison sentence»): *life, time*; ціле (все) життя; тривалість життя («lifetime»): *life, time*; живі організми («living organisms»): *life, nature*; пожвавлення, жвавість («animation»): *life, vitality*; проміжок, інтервал («interval»): *time, space*; zenіт, розквіт («heyday»): *time, pride*; пологи («childbirth»): *time, labour*; послідовність («succession, sequence»): *order, dream*; знак розрізнення, відзнаку, нагороду («mark of distinction»): *order, honour*; тишу, спокій («silence»): *order, peace*; світ, всесвіт; космос («world, universe»): *nature, space*; політичну партію («political party»): *right, labour*; шарм («charm»): *grace, beauty*; нематеріальну частину людини («non-physical part of a person»): *spirit, soul*; статеві стосунки («sexual intercourse»): *love, knowledge*; пам'ять, спогад, поминання померлих («remembrance, commemoration»): *mind, memory*; сукупність видів мистецтва («arts collectively»): *art, culture*; хитрість («cunning»): *art, diplomacy*; площу, простір; ділянку, частину поверхні чогось («area(s)»): *space, civilization*; націю, народ, суспільство («nation, society»): *culture, civilization*; ерудицію («erudition»): *wisdom, knowledge*; освіченість, мудрість («enlightenment»): *wisdom, education*; прозорливість; проникливість («insight»): *wisdom, conscience*.

Десяту підмножину складають двадцять вісім сем, які вказують на почуття власної гідності, самоповагу («self-respect»): *pride, dignity*; розкіш, пишноту, блиск («splendour, magnificence»): *pride, glory*; опіку («guardianship»): *trust, care*; адміністрацію («administration»): *authority, justice*; затвердження; санкцію, схвалення («approval, sanction»): *authority, blessing*; легкість, зручність («ease»): *freedom, comfort*; благородство, шляхетність («nobility; magnanimity»): *dignity, generosity*; правдивість, достовірність («veracity»): *truth, reliability*; зручності («convenience(s)»): *comfort, civilization*; захист; охорону («protection»): *care, security*; чинність, законність («validity»): *justice, legality*; комп'ютерну програму («computer program»): *logic, language*; умовивід («reasoning»): *logic, rationalism*; хоробрість, мужність, сміливість («bravery»): *virtue, courage*; наполегливість, стійкість («perseverance, tenacity»): *persistence, patience*; перевагу; вищість («superiority»): *mastery, excellence*; радість («joy»): *felicity, happiness*; добробут («welfare»): *felicity, well-being*; достаток, багатство («abundance, wealth»): *fortune, generosity*; завдання («task»): *labour, duty*; продуктивність («productivity»): *duty, efficiency*; податок; мито («tax»): *duty, benevolence*; простоту, скромність («simplicity»): *chastity, modesty*; ощадливість, економність («economy»): *prudence, thrift*; святість («sacredness»): *sanctity, holiness*; славу, популярність («celebrity»): *fame, personality*; досягнення («achievement»): *success, career*; секретність, потайливість («secrecy»): *confidence, privacy*.

Досліджуваний семний склад аксіоменив сучасної англійської мови характеризується як спільними, так і відмінними рисами. Останні представлено однофункціональними семами двох наступних підмножин, що виступають компонентами лексичних значень слів з найвищим та середнім ступенем полісемії.

Одинадцята підмножина характеризується п'ятдесят шістьма семами, які містяться в лексичних значеннях двадцяти п'яти — десятизначних слів з найвищим ступенем полісемії, і позначають біографію («biography»): *life*; смерть («death»), еру, епоху («era»), мить, момент («instant, moment»), хвилину/годину («minute (hour)»), частину року, дня («part of a year, day»), швидкість, темп маршу («rate of marching»), пору року («season»): *time*; команду («command»), бойовий порядок («array»), братство («fraternity»), акуратність, охайність («neatness»): *order*; навколишню місцевість («countryside»), довкілля («environment»), інстинкти («instincts»), природні явища («natural phenomena»), пейзаж («scenery»): *nature*; бойове розташування війська («battle formation»), одного з пари («one of pair»), бік, сторону («side»), поворот («turn»): *right*; рідину («liquid»): *spirit*; юриспруденцію («jurisprudence»), судовий процес («litigation»),

поліцію («police»): *law*; зв'язок («affair»): *love*; моду («fashion»), показчик, стрілку («gnomon»), загострену паличку для писання, малювання або гравірування («a pointed tool for writing or drawing or engraving tool»): *style*; жанр («genre»), ілюстративний або декоративний матеріал («illustrative (decorative) material»): *art*; відстань («distance»), простір («expanse»), місце, сидіння («seat, berth»): *space*; обробку («cultivation»): *culture*; мрію («daydream, reverie»), фантазію, уяву, ілюзію («fantasy»): *dream*; групу левів («group of lions»): *pride*; короточасну відпустку службовця військово-морських сил («a short authorized leave from naval duties»): *liberty*; картель, трест («cartel»), комерційний кредит («commercial credit»): *trust*; доказ («evidence»), вплив («influence»): *authority*; серйозність («seriousness»): *dignity*; репродукцію («reproduction, portrayal»): *truth*; враження («impression»), запам'ятовувальний пристрій («storage»): *memory*; втіху, відраду («consolation»), стьобану ковдру («quilt»): *comfort*; покарання («punishment»), батіг («scourge»): *discipline*; побудову, структуру («composition, structure»): *constitution*; медичний догляд («medical treatment»): *care*; комунікацію («communication»), мовлення («speech»), вокабуляр («vocabulary»): *language*.

Дванадцять підмножину складає двадцять одна однофункціональна сема, що міститься в лексичних значеннях дев'яти-двозначних аксіономенів із середнім ступенем полісемії; вони передають такі значення: духовенство («clergy»): *spirituality*; ретельність («assiduity»), поштова карета, диліжанс («stagecoach»): *diligence*; бажання залишитися непримітним («self-effacement»): *humility*; долю, приречення («destiny»): *fortune*; прибуток, дохід («income»): *competence*; маленька квартира («apartment»): *efficiency*; угода («treaty»): *peace*; погослос («rumour»): *fame*; подорож («journey, tour»): *progress*; результат, підсумок («outcome»): *success*; протилежна стать («opposite sex»): *talent*; одиниця ваги та грошей («unit of weight and money»): *talent*; непошкодженість («soundness»): *health*; сором'язливість («pudency»): *modesty*; практичність («practicality»): *pragmatism*; швидкий рух («speed»): *career*; самотність («seclusion»): *privacy*; множинність («plurality»): *pluralism*; відмова від спиртних напоїв («abstinence»): *temperance*; винахід («invention»): *innovation*.

Чотири комбіновані семи «quality of», «act (of), action(s)», «feeling (of)», «agreement, conformity» знаходимо в лексичних значеннях слів з найвищим, середнім ступенем полісемії та моносемантичних англійських аксіономенів. Так, вказівка на «властивість / якість за значенням відповідного прикметника» («quality of») є спільною для семантики шістдесяти мовних одиниць: *order, nature, right, grace, spirit, style, soul, culture, wisdom, liberty, freedom, perfection, dignity, truth, morality, sovereignty, justice, glory, piety, spirituality, beauty, good, virtue, persistence, tolerance, humility, competence, efficiency, harmony, independence, integrity, chastity, benevolence, goodness, prudence, accuracy, objectivity, sanctity, personality, honesty, generosity, kindness, decency, self-possession, rectitude, happiness, respectability, loyalty, courage, modesty, informality, proficiency, punctuality, excellence, reliability, sincerity, elegance, religiosity, impartiality, purposefulness*. Сема «act (of), action(s)», що уточнює прояви активності й діяльності, зустрічається в лексичних значеннях тридцяти шести аксіономенів: *life, time, law, art, wisdom, dream, will, liberty, perfection, constitution, care, education, mercy, piety, civilization, charity, blessing, persistence, humility, consciousness, mastery, science, labour, benevolence, generosity, progress, success, kindness, moderation, pragmatism, initiative, career, informality, professionalism, innovation, politeness*. Сема «feeling (of)» репрезентує психічні й фізичні відчуття людини в лексичній семантиці двадцяти чотирьох аксіономенів: *spirit, love, soul, pride, sympathy, comfort, care, mercy, hope, charity, humility, consciousness, respect, worship, optimism, goodness, conscience, friendship, confidence, kindness, loyalty, sincerity, patriotism, gratitude*. Сема «agreement, conformity» — у лексичних значеннях десяти аксіономенів: *order, sympathy, justice, virtue, harmony, peace, legality, decency, solidarity, consensus* — позначає взаємну домовленість, погодженість у діях, вчинках і т. ін. з ким-небудь, узгодженість між чим-небудь.

Висновки дослідження. Отже, кількісна та якісна характеристика 244 сем, що містяться в лексичних значеннях англійських аксіономенів показала, що залежно від ступеня полісемічності досліджуваних слів на позначення цінностей серед них виділяємо 240 сем, згрупованих у дванадцять підмножин. Окремо виявлено 4 комбіновані семи у складі лексичних значень як багатозначних аксіономенів, так і моносемантиків.

Перспективи подальших розвідок ми вбачаємо в поглибленому вивченні ціннісних парадигм українського, англійського та французького мовних соціумів, досліджуючи багатозначну та моносемічну структуру аксіономенів.

Л і т е р а т у р а

1. Сорока Т. В. Семантика найбільш багатозначних англійських аксіономенів / Т. В. Сорока // Сучасні дослідження з іноземної філології : зб. наук. пр. / відп. ред. Фабіан М. П. — Ужгород : ПП «Антдор-Шарк», 2014. — Вип. 12. — С. 189–200.
2. Сорока Т. В. Семантична структура англійських аксіономенів із середнім ступенем полісемії / Т. В. Сорока // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія Філологія : зб. наук. праць / гол. ред. І. В. Ступак. — Одеса, 2014. — Вип. 11. Т. 2. — С. 64–67.
3. Сорока Т. В. Семантична характеристика аксіономенних спільностей (на матеріалі сучасної англійської мови) / Т. В. Сорока // Мова і культура : наук. журнал. — К. : ВД Дм. Бураго, 2014. — Вип. 17. Т. II (170). — С. 288–296.
4. *Oxford English Dictionary* : in 12 vol. / [chief ed. James Murray]. — London : Oxford University Press, 1970.

References

1. Soroka T. V. Semantyka naybil'sh bagatoznachnykh anglijs'kykh aksionomeniv / T. V. Soroka // Suchasni doslidzhennia z inozemnoi filologii : zb. nauk. pr. / vidp. red. Fabian M. P. — Uzhgorod : PP «Antdor-Shark», 2014. — Vyp. 12. — S. 189–200.
2. Soroka T. V. Semantychna structura anglijs'kykh aksionomeniv iz serednim stupenem polisemiji / T. V. Soroka // Naukovyj visnyk Mizhnarodnogo humanitarnogo universytetu. Ser. Filologija / gol. red. I. V. Stupak. — Odesa, 2014. — Vyp. 11. T. 2. — S. 64–67.
3. Soroka T. V. Semantychna harakterystyka aksionomennykh spil'nostej (na materiali sutchasnoji anglijs'koji movy) / T. V. Soroka // Mova i kultura : nauk. zhurnal. — K. : VD Dm. Burago, 2014. — Vyp. 17. T. II (170). — S. 288–296.
4. *Oxford English Dictionary* : in 12 vol. / [chief ed. James Murray]. — London : Oxford University Press, 1970.

СОРОКА Татьяна Вячеславовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода Измаильского государственного гуманитарного университета; ул. Репина, 12, г. Измаил, 68600, Украина; e-mail: magpie3f@mail.ru; тел.: +38 (050) 1903279

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМ АКСИОНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Цель* статьи — описать результаты исследования семного массива лексических значений аксиономенов в современном английском языке. *Объект* анализа — семантическая структура слов, обозначающих философско-мировоззренческие, научные, общественно-политические, социальные, моральные, религиозные, правовые и эстетические ценности в современном английском языке. *Предмет* исследования — количественные и качественные особенности семного состава аксиономенов, которые квалифицируются как ценностно-обусловленные реестровые единицы лексикографических источников толкования слов. В работе использованы *методы* компонентного, семного анализа словарных дефиниций, формализованного анализа лексической семантики (процедура ступенчатой идентификации), количественных подсчетов. *Результат* исследования — выявленные 244 семы, которые содержатся в лексических значениях английских аксиономенов разной степени полисемии. Проанализированная частотность употребления моно- и полифункциональных сем, а также их системные отношения позволили сгруппировать 240 сем в 12 комплексах. Отдельно были выявлены 4 комбинированные семы в составе лексических значений как многозначных аксиономенов, так и моносемантов. *Практическое применение* результатов исследования возможно при сравнительно-типологическом изучении ценностных парадигм разных языковых социумов.

Ключевые слова: аксиономен, лексическое значение, семантический анализ, сема.

Tetyana V. SOROKA,

PhD (Philology), Associate Professor, English Language and Translation Department, Izmail State Liberal Arts University; 12 Repin str., 12, Izmail, 68600, Ukraine; e-mail: magpie3f@mail.ru; tel.: +38 (050) 1903279

QUANTITATIVE AND QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF AXIONOMEN SEMES IN MODERN ENGLISH

Summary. The *purpose* of the article is to describe the results of researching semes array generalized from the English axionomen lexical meanings. The *object* of this study is the semantic structure of English axionomen which are qualified as determined linguistic units denoting philosophical, world outlook, scientific, social, political, moral, religious, legal, aesthetic values taken from the lexicographical interpretative sources. The *subject* of this study is quantitative and qualitative characteristics of 244 axionomen semes. *Methodology* of the selection of such methods as seme analysis of lexicographic definitions, formalized analysis of lexical

semantics (step-identification procedure) well as componental and statistical analysis are used in this linguistic research. Usage of mono- and polyfunctional semes rate as well as their system relationships is the *finding* of research. According to the degree of axionomen polysemy the composition of 240 semes are divided into 12 complexes. 4 combined semes are separately revealed in lexical meanings of either polysemantic or monosemantic axionomen. The *practical value* of the research is to use its results for fundamental studies of all lexico-semantic sub-systems of value paradigms of the Ukrainian, English and French language societies.

Key words: axionomen, lexical meaning, semantic analysis, seme.

Статтю отримано 18.10.2015 р.

УДК 811.161.2'276.3/.5'373.421-053.6:378.18

СТОЛЯР Марія Юріївна,

аспірант кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: stolyar.mariya@mail.ru; тел. моб.: +38 0967342264

ЛЕКСИЧНА СИНОНІМІЯ В УКРАЇНСЬКОМУ МОЛОДІЖНОМУ СЛЕНГУ (НА МАТЕРІАЛІ СУЧАСНОГО ХУДОЖНЬОГО ДИСКУРСУ)

Анотація. *Метою* статті є виявлення і частковий аналіз репрезентативних для сучасного художнього дискурсу сленгових лексичних синонімів. *Об'єктом* розгляду є репрезентативні для сучасного художнього дискурсу лексичні синоніми українського молодіжного сленгу. *У результаті* дослідження визначено мету їх уживання й особливості функціонування в текстах творів письменників постмодерністів. Наукові дослідження проблем українського молодіжного сленгу досить недавно стали об'єктом лінгвістичних досліджень (П. М. Грабовий, С. А. Мартос, Л. О. Ставицька, І. І. Щур та ін.). **Висновки:** за допомогою сленгової синонімії письменникам вдається досягти семантичної багатоплановості у стилісній формі висловлювання. Яскраво і точно виражаються імпліцитні комунікативні інтенції адресанта. На основі сленгової синонімії будуються такі стилістичні фігури, як ампліфікація, градація, плеоназм. Молодіжний сленг репрезентує реалії сучасності та продукує майбутнє мови й етносу.

Ключові слова: молодіжний сленг, художній дискурс, лексичні синоніми, сленгова синонімія.

Сфера функціонування молодіжного сленгу не обмежується лише усним спілкуванням. Наразі відбувається активне введення усно-розмовних елементів у художній дискурс. Важливим аспектом функціонування молодіжного сленгу постає індивідуально-авторська словотворчість, спрямована на створення оригінальних образних структур, художньо-тропеїчних синтагм на семантичній основі жаргонної лексики [5, с. 264]. Дискурс художньої літератури відображає динаміку сучасних мовленнєвих процесів і виконує функцію поширення молодіжного сленгу, а іноді виступає його творцем. Потрапляючи в індивідуально-авторський світ, молодіжний сленг набуває художнього переосмислення, за яким стоять нові семантичні та естетичні цінності.

Постановка проблеми. Без сумніву, можна констатувати факт загальноструктурної інтенсифікації та демократизації мовного дискурсу. На такий динамізм розвитку одногослодно вказують усі лінгвісти, розглядаючи інноваційні процеси у мові: потужна хвиля запозичень, творення нових слів, реінкарнація значної кількості архаїзмів, історизмів, діалектних слів, експансія розмовного мовлення, особливо сленгу тощо. Концептуальною основою всіх перелічених тенденцій є прагнення до вільного, позбавленого тиску норм розвитку мовлення, зближення літературної та нелітературної форм мовлення, наближення до живомовної стихії. У змішуванні та зміщенні стильових пропорцій імпліцитно виявляється протест проти застарілих норм і спрямованість на витворення нового зразка в мовленні — соціально-психологічний фактор еволюції мови [4, с. 23]. **Аналіз останніх досліджень і публікацій.** Різні аспекти молодіжного сленгу досліджували як вітчизняні мовознавці (Ю. А. Василенко, К. В. Котелевець, С. А. Мартос, Л. І. Мацько, С. В. Пиркало, Л. О. Ставицька, О. О. Тараненко та ін.), так і зарубіжні (І. Р. Гальперін, Т. Г. Нікітіна, В. А. Хом'яков та ін.). Дослідження ведуться частіше на усно-розмовному фактичному матеріалі, зокрема, вивчаються регіональні особливості молодіжного сленгу, наприклад, С. А. Мартос досліджує молодіжний сленг у мовленнєвій структурі міста Херсона, Т. М. Миколенко — на матеріалі усного мовлення тернопільців. Багато досліджень відбувається на основі матеріалів усного і писемного анкетування / опитування або спираючись на поодинокі словники сленгу. Синонімія у структурі молодіжного сленгу (на матеріалі сучасного художнього дискурсу) ще не була предметом спеціального соціолінгвістичного дослідження. Це вказує на **актуальність** теми цієї розвідки.

Постановка завдання. Метою статті є виявлення і частковий аналіз репрезентативних для сучасного художнього дискурсу сленгових лексичних синонімів.

Виклад основного матеріалу. У відомій п'єсі Миколи Куліша «Мина Мазайло» головний герой нарахував 33 синоніми до слова «говорити». Якщо подивитися на сучасний український сленг, то таких синонімів можна знайти ще більше: базарити, триндіти, ляпати, цвєкати, ботати, морозити, ля-ля, лапшати, видавати, гнати, мести мітлою, мочити, мурчати, нагужати, нести (пургу), проганяти, терти, чесати, розказувати чийсь кедам, свербіти, травити, тріпатись, гнати туфту, хрюкати, шелестіти, шпирехати, шуршати, бакланити, бздіти, бушувати, вгужжати, воняти, вставляти, втирати, вякати, грузити, гундосити, жвандіти, жуужжати і т. ін. [4, с. 3]. Сучасні письменники вводять у тексти творів елементи молодіжного сленгу зі стилістичною метою. На основі сленгової синонімії будуються такі стилістичні фігури: ампліфікація, градація, плеоназм. Наявність лексичних синонімів молодіжного сленгу в сучасному художньому дискурсі є цілком закономірним явищем.

Л. Т. Масенко зауважує, що головним чинником виникнення деяких групових соціолектів є експресія. Так утворюються жаргони у відкритих молодіжних середовищах — учнівських, студентських, у групах, пов'язаних із мистецькою діяльністю. В таких соціолектах надзвичайно розбудована синоніміка. Наприклад, у польському словнику студентського жаргону, опублікованому в 1974 р., що містить 10 000 слів, на позначення *гроші* зафіксовано 46 синонімів. З сучасного українського студентського жаргону можна навести приклади таких синонімічних рядів: *торба — гаплик — хана — труба — глина — слива — ландиш* (кінець, крах чогось); *герла — матильда — клава — тьолка — тітка* (дівчина) тощо [2]. Як експресивний елемент, який утворює «стилістичний злам», сленг ефективно використовується у прозі та поезії. Таке використання сленгу зі стилістичною метою є одним із дієвих способів перетворити його з надбання корпоративної групи на загальне вживання у царині національної мови [5, с. 264]. Лексичні синоніми молодіжного сленгу в сучасному художньому дискурсі є надзвичайно експресивними й емоційно ємними.

Молодіжний сленг репрезентує реалії сучасності та продукує майбутнє мови й етносу. Мовознавець Л. І. Мацько стверджує, що нова українська література й літературна мова постали на органічних зв'язках з етнографією, фольклором, з живою розмовною мовою і завдяки цьому відзначаються особливою «характеристичністю» і тому є добрими репрезентантами значної частини духовних притаманностей усього народу [3, с. 162–164]. Прозова мова розкриває широкі можливості для соціальної акцентуації оповіді, що висвітлює соціальний світ персонажів і, звичайно ж, соціокультурний контекст доби, часу, в якому вони існують [5, с. 271]. Система цінностей є найважливішою характеристикою дискурсу загалом і молодіжного дискурсу зокрема. Як слушно додає дослідниця О. Христенко, в колективній свідомості існує деякий неписаний кодекс поведінки, в якому за допомогою спеціальних прийомів можуть бути виокремлені ціннісні домінанти як в етичному, так і в естетичному планах. Весь ціннісний простір моделюється за допомогою загальнолюдських (як моральних, так і суто практичних — утилітарних) цінностей, що є характерними для певного типу цивілізації, певного етносу, що виявляються у регіолектах та соціолектах; а також індивідуальних та групових цінностях [6, с. 432]. У сучасному художньому дискурсі репрезентовано ціннісні домінанти молодіжного сленгу в експресивних синонімічних рядах.

Для увиразнення і точної передачі змісту висловлювання автор може використовувати впереміш або по черговому синонімічні сленгізми із нормативними лексемами. Такий стилістичний прийом надає слову певного емоційного навантаження. *Вреши-реши стара пердуниха представилася: спочила, здохла, відкинула лежача, померла, пішла до Бозі гайтю, врзала дуба, простягла ноги — називайте це, як вам завгодно* (Дереш). Л. О. Ставицька говорить, що дієвий прийом актуалізації синонімів дає про себе знати й у тих випадках, коли дискурс демонструє шукання потрібного слова або взаємовідбиття реплік через нанизання синонімів [5, с. 268]. Молодіжний сленг твориться у побутовому спілкуванні для позначення понять, які мають вагоме значення в певному молодіжному колективі. Молодь зосереджується на власних реаліях, таких як зовнішність, навчання, відпочинок, дозвілля, розваги. Відпочинок часто супроводжується вживанням алкогольних напоїв. На позначення цього процесу нами зафіксовані такі синоніми: *квасити, бухати, глушити, вдавити, хильнути, бахнути, вмазати, накачатися* тощо: *Ну, він і бере відразу два літри. Сидить і квасить* (Жадан); *...після чого капітан загаяв нас у гуртожиток, а сам ішов у штаб бухати* (Жадан); *... без міри глушим самогон...* (Різниченко); — *Ну, почекай, вдавить він пузир, вдавить другий* (Жадан); *Покинула... Ходім, хильнем, сусіде* (Різниченко); — *Ну шо, тоьлкі, бахнемо?* — *ні, не водку розливаю...* (Карпа); — *Це спирт. — О, — тільки й відказує Карбюратор. — Вмажемо? — питаюсь я і йду до тьотки за касою* (Жадан); *Коли мені було 14 і в мене були свої види на життя, я вперше накачався алкоголем* (Жадан). Дослідниця О. Кондратюк у статті «Молодіжний сленг як мовне явище» зазначає, що дієслова для позначення вживання алкогольних напоїв: *бухати, квасити, кияти* прийшли у молодіжне мовлення з кримінального жаргону, але цей

синонімічний ряд доповнився одиницями, що виникли внаслідок власної мовотворчості підлітків: **наложкатись, нажертись, банячити, вгаситися, влупити, дрінчити**. У даних новотворах відчувається розмовна експресія, іронізм та іншомовний вплив (слово «дрінчити» очевидно виникло на основі англійського «drink» — пити) [1].

Багато створено молодіжних синонімів на позначення людини у стані алкогольного / наркотичного сп'яніння: **вгашений, обковбашений, обдовбаний, врзаний** тощо. — *Коротше, я бачу вона вгашена, ну, теж починаю роздзягатись. А я ж не знав, що вони вже зранку. Вони там, значить, спочатку наковтались якоїсь гадості, а потім водярою залили, уявляєте? Суки п'яні (Жадан);...це ніби така всесвітня солідарність всіх обковбашених придурків... (Жадан);...два нещасні обдовбані створіння... (Жадан);...він часто повертався добряче врзанним... (Андрухович).*

Стан алкогольного / наркотичного сп'яніння обріс у мовленні молоді емоційними синонімами **накриває, пре, розвозить, розриває** тощо:...*одкровення боже накриває його з головою, його просто пре під час проповіді... (Жадан);...його [преподобного] просто розриває і все тут (Жадан); Композиція справді починає звучати, і нас негайно від цього розвозить... (Жадан); Це накривало сильніше за горілку (Андрухович).* Дані лексичні синоніми, запозичені із жаргону наркоманів, у молодіжному сленгу набули нових конотацій, не пов'язаних із вживанням будь-якого допінгу. Вони найчастіше вживаються для передачі веселого настрою, переживання, емоційного вибуху, викликаного певною подією. Запозичення лексичних одиниць із жаргону наркоманів не рідкість для молодіжної субмови. *Я моментально зрозумів значення слова плющити. Мене плющило й в'ючило, грицало й пекало, шурило, пазурило, цвиркало, сутанило наскрізь ковдрами в зірочку, аж підтиналися коліна. Мене розчавлювало між небом і землею щось таке сильне, про існування чого раніше я ніколи не здогадувалася (Дереш).* Автор застосовує стилістичний прийом ампліфікації для опису стану наркотичного сп'яніння. За допомогою довгого синонімічного ряду точно передається психічний і фізичний стан персонажа. Читач, необізнаний у реаліях наркоманського життя, з легкістю зрозуміє про що йдеться.

Іноколи сленгізми супроводжуються контактним або дистантно розташованими твірними базами, пор.: *в'ючити* → *в'юк*, *гедзяти* → *гедз* тощо для полегшення декодування «неприлученими» до молодіжного сленгу реципієнтами наявного словотвірного значення і взагалі семантики деривата. Пор. також: *причандалити* → *причандали*, *малімонити* → *малімон*: — *А скільки часу в'ючить?* — озвалася вона [Терезка — М. С.] до Антона, вдосталь надивившись на павука. Антон задумався. — *Якщо вперше, то в'юк¹ може затягнутися години десь на дві.* ¹ *В'юк* — час дії офтальмоделіка від гедза до терпуги. Див. також: «гедзяти», *терпуга* (за: А. М. Давихам, неопубл.). *Гедз* — момент шквального западання фокусу бачення, наступає відразу по закрапуванні й триває від трьох до двадцяти хвилин (за: А. М. Давихам, неопубл.) (Дереш). — *ОгоГогоГо!!! ЛОГОГОЛОГОМ?!! Але мене малімонить! Я все зрозумів! Як влучно! (Дереш); Очі аж горять. У мене перший раз був такий малімон¹, ніби очі стали завбільшки з два сонця. Такі ж розпечені. Малімони (причандали) — полісемантична формація, асоціативно близька як із лексемою «глюк» (у значенні перцептивної облуди), так із вичерпаним себе в українському ідейному полі терміном «ізмєна» в його онтологічному тлумаченні (а саме циркуляція ідей, несподівана експлозія емоцій тощо). Причандали: сутаняються, в'ючаться, мотаются; малімони: приходять, скрикують, скапують, в'ючать; з малімонів: зіскакують, зісковзують, гепаются (останнє передає найвищий ступінь екзистенції, щось типу: впасти в небо, але догори ногами і задом наперед); на причандалах: сканують, ціпеніють, остигають тощо. Для описування причандалів епікурейського складу використовують дієслово: «мармулядити», «печеніжити». Див. також: «марамулити»... (Дереш); «Ну мене й причандалить!» — подумала Температура. Вона вловлювала стільки площин різних значень, скільки тіло наважувалось сприймати (Дереш).*

«Небажання щось робити» спричинило появу сленгових синонімів **в напруг, впахло, запахло** тощо: *Нам його все одно в напруг тягати за собою (Жадан);...а самому преподобному, очевидно, просто впахло її корегувати, очевидно (Жадан);...мені запахло працювати на них... (Жадан).* Сленгізми передають нюанси почуттів людини в певному стані.

У сучасному дискурсі наявний великий пласт сленгових синонімів зі значенням «поганий». Нами виявлені такі лексеми: **галіимй, гробаний, дебільний, йобнутий, йоханий, лажовий, стрьомний, чмошний, фіговий** тощо....*винищена чумою і фіговим комунальним господарством... (Жадан);...безбарвним ступором нашого чмошного безчасся (Жадан).* Лексеми із цього синонімічного ряду описують будь-яке поняття, явище, особу тощо, що має відповідне конотативне значення.

Досить багато трапляється прикметників зі значенням «чудовий, гарний»: **жирний** (контекстуальний синонім), **класний, кльовий, козирний, крутий, крутезний, мегакрутий, наворочений, найбомбовіший, прикольний, пунтій** тощо. — *Це ж якраз козирна погода... (Жадан);...кльовий чувак, — лниво відказує Ілля... (Карпа);...хоча хотів почути якісь поради пунті... (Березінський); Квартира з канарейками й готовим до обвалу балконом, з трамваєм під*

вікнами і — як мріялося їй хазяїну пердуну-кагебешнику-в-рейтузах — сімома додатковими баксами за кожного, хто лишиться у нас переночувати. **Жирний** варіант (Карпа). Прислівники: **по приколу, ураганно** тощо....мабуть, їм просто було **по приколу** впоратися із таким монстром... (Жадан);...ми тоді так і не дочекались, але все одно було **ураганно** (Андрухович).

Активно вербалізується у молодіжному сленгу мікрополе «Людина». У художніх текстах нами виявлено сленгові синоніми на позначення людини як носія фізичних і психічних рис. «Некмітлива людина» — **баклан, ботан, гальмо, даун, дебіл, довбень, ідіот, кретин, лопух, лох, олень, предур, шизик, шланг** тощо:...але йому ніхто не вірив, бо всі вважали **шлангом** (Андрухович); Вони розводили нас, **як лохів**... (Андрухович);...то перший-ліпший **предур** відразу ж викличе швидку або поліцію (Андрухович); Микола виявився **лопухом**, попри пару десятиліть, проведених за кермом на далеких перевезеннях, він поведився, ніби цілковитий **чайник** (Андрухович).

Найбільша кількість синонімів у текстах творів на позначення особи чоловічої статі з негативною конотацією. «Дуже погана й нешанована людина»: **гад, гандон, гівнюк, гомік, громила, клерк, мудак, мудила, мудозвон, недоносок, охуйок, падла, падлюка, підар, поц, притирок, уйбокс, урод, фрик/фрік, чмо** тощо: навіть найасоціальніші **фріки** (Андрухович); Мої старі кеди свідчили лише про те, що я **мудак** і нових кедів собі купити просто не можу (Жадан); — **Урод!** Дай мені щось холодне! (Жадан).

«Особа жіночої статі з негативною конотацією»: **коза, корова, курва, лярва, пердуха, про-шмандовка, стерва, сука, шавка, шалава** тощо....зрадили музику, свою музику, бо ті **корови** слухали винятково всяке гівно... (Андрухович); Стільки нового дізнаєшся про себе — наприклад, що ти «стара **пердуха**», «**стерво**», «перчена **коза**», «гівно собаче» (Роздобудько).

Синонімічні назви чоловіка і жінки з нейтральним значенням не так поширені, як із негативною конотацією. «Жінка/дівчина»: **баба, бікса, краля, тьола, чувиха** тощо. «Чоловік/хлопець»: **пацук, перець, тип, типок, чувак** тощо.

Великим є синонімічний ряд на позначення комунікативної діяльності. Спілкування важливе у будь-якому молодіжному колективі, тому різні групи молоді незалежно одна від іншої продукують сленгові новотвори з метою виокремитися, відрізнитися. На позначення дієслова «говорити» у художньому дискурсі наявні такі сленгові синоніми: **базарити, вантажити, втирати, гордити, грузити, гундосити, зливати, каркати, ляпати, молоти, пиздякати, пропхенькати, тріпатися, фонити, чесати** тощо. Мені тут немає коли з тобою **тріпатись** (Жадан); То всьо Корій, не йди туди, чуєш? — **пропхенькала** вона (Дереш); Ми **потрінділи** про те і се, я показав йому кілька фоток з вілли... (Андрухович);...**молон** усякі несосвітєнні географічні дурниці... (Андрухович); Я так і знав, що ти зараз **ляпнеш, дотепнику!** (Андрухович);...а хто це ще тут **гундосить** так по-лемберзькому? (Андрухович);...обов'язково розхулячить собі писок яким-небудь станком, перестріне тебе на вулиці і давай **вантажити** нікому не потрібними речами, не. (Жадан); **Шо ти грузиш?** — нервується чувак, очевидно Гоша (Жадан).

Лексичні синоніми на позначення пересування «іти, ходити»: **петляти, повзти, попензлювати, тинятися, тягатися, фігачити, херачити, чавити** тощо....Валера вибрався з кімнати і кудись **попензлював**... (Андрухович); Тобто ні — насправді ми **повзли** їй назустріч... (Андрухович); Але поки він **петляв** коридорами... (Андрухович);...де я **тиняюся** поміж усіх незліченних принад і запахів... (Андрухович);...а ці довбані 120 км ми вже **чавимо** сьому годину (Карпа);...я з дитинства **тягався** по усіх цих палацах... (Жадан); «приходити»: Час до часу вони **завалювали** в моє купе, щоб у ньому як слід накуриться (Андрухович); ...на якому виступить Баланеску-квартиет на чолі з самим Баланеску, який теж сюди **припхався**, вірніше, це я сюди **припхався**... (Жадан); До Ужгорода ми **долізли** разом з темрявою (Андрухович);...публіку невірніважену, яка **виловзає** на звуки революційних барабанів... (Жадан); «уходити»:...що ми з ним мусимо вже **валити** (Жадан);...ї вирішила **линяти** через балкон (Карпа);...Діку нестерпно хотілося **звалити** (Карпа).

Лексичні синоніми на позначення дієслова «зганьбитися» — **облажатися, обламатися, попуститися** тощо:...вірніше ми витягуємо Чапая на вулицю, а там він і сам **попускається**... (Жадан);...ти ж був нормальною людиною, не зовсім кінченою і не цілком передбачуваною, що ж ти так **облажався**... (Жадан); Ведучий робить паузу, очевидно, думає, чи не запустити йому ще раз степана галябарду, гуляти так гуляти, але врешті **обламується** і говорить далі... (Жадан).

Лексичні синоніми на позначення «будь-чого, що оточує людину»: **байда, прибамбас, фігня, причандал, херня, хріновина, шняга** тощо. Навколо стояла купа всяких **причандалів**... (Карпа); Основою такого формування стає окремо взяте підприємство, там, завод, фабрика, чи ще якась **байда** (Жадан);...Собака наступає на якусь металеву **хріновину** і та глухо дзвенить... (Жадан); От слухав Дімка про всяку **херню**, і поїхала йому криша (Дереш).

У молодіжному колективі зазвичай засуджуються реалії, які є неприйнятними й у «дорослому» соціумі. Наслідком цього є поява сленгізмів із відповідною оцінкою конотацією. Так утворилися синоніми на позначення поняття, що означає «бути зухвалим»: **вийобуватися,**

залупитися, оборзїти, охрінїти тощо. Широкий синонімічний ряд нами виявлено на позначення поняття «проблема, неприємна ситуація»: *гаплик, западляна, запара, капець, лажка, лайно, непруха, срань, хана, холера* тощо...*Якось так трапилось, що в кожного своя запара, свої проблеми...* (Жадан); *Завтра похорон. А його ніде немає. Уявляєш? — Да, — говорить Маруся, — лажа* (Жадан); *В Нью-Йорку це просто гаплик, при цьому вони активні...* (Андрухович).

На позначення «байдужості» у молодіжному сленгу створено багато синонімічних виразів, дієслова: *забити болт, ложити, не гребти*. Прислівники: *паралельно, пофіг, по цимбалах, похуй* тощо: *Мені казали, що ти маєш силу, але той, кого ти хочеш випустити, на тебе ложив* (Жадан); *...робіть собі що хочете, бо я болт забив на сновидіння...* (Дереш); *Мені паралельно, сон це чи не* (Дереш); *Я вирішив удавати, що все позаду, і мене це вже не гребе, забуди* (Андрухович); *...але насправді вдавав, що йому це все по цимбалах...* (Андрухович).

Розумова діяльність дуже важлива у житті молоді, що відображається у розбудованій синоніміці дієслівних лексем із значенням «розуміти»: *викупувати, вкидуватися, доперти, доплати, доходити, просікати, прохавати, роздуплюватися, рубати фішку, сікти* тощо. *Інколи Дік просікав твій злочинний задум піти...* (Карпа); *А коли я доперла, що в мене з «цим чуваком» щось типу флірту...* (Карпа); *Мені здається, ти рубавш фішку...* (Карпа); *...при цьому роздуплюємося, що дивнувата якась реакція...* (Карпа); *...правильно, друже, ти все вірно січеш* (Жадан); *Травмований спочатку не зрозумів, але врешті до нього дійшло* (Жадан); *Оркестр підхоплює цю химерну тему, всі раптом прохавують, який кльовий чувак цей Малий...* (Жадан); *Бо на другий ранок допетрав, що це повна лажка...* (Карпа); *Нічим не стримувана жага свободи, вкидуєшся?* (Дереш); *Половина думаючого населення України зразу викупує, що до чого...* (Дереш).

Сленгові синоніми на позначення дієслова «дивитися, спостерігати»: *витріщатися, втикати, втуплюватися, зирити, пасти* тощо. *Жруть сємочки і втикають на дівчат* (Дереш); *Він понизливо зирить за вікно...* (Карпа); *Ромчик — втуплюється в дівок* (Карпа); — *Ага, схоже вони насторожились, чуєш — замовкли? — Вони нас пасуть* (Жадан); *І це усе не твоє діло. Що витріщився?* (Карпа).

Сленгові синоніми на позначення «грошових одиниць»: *бабки, бабло, баблоси, бакси, рубаси* тощо. *Ти платиш двісті баксів і отримувеш свою музику...* (Жадан); *Думаю, бабок у них все-таки не було* (Жадан); *Хочу дізнатись, скільки у вас бабла* (Жадан); *...баблоса в нас нема на тебе, вуйку* (Карпа); *по три рубаса за сто грам...* (Карпа).

Для досягнення комічного ефекту або з метою образити використовуються лексичні синоніми на позначення частин тіла людини. «Обличчя»: *витяжка, гризло, міна, мордяка, радіо, рило, рильяк, піка, писок, фейс, фізія* тощо. — *Заткни рило, — процідив я крізь стиснуті зуби. <...> / — Завали свій рильяк, бо зара' схопиш кулю в лоба* (Дереш); — *А тепер завали мордяку й не рухайся, — процідила злісно Дзвінка* (Дереш); *Закрий свою витяжку!* (Карпа); *...ні — розхуячить собі писок яким-небудь станком* (Жадан); *Дош на те все залився буйним сміхом їй прями́сінько у фейс* (Дереш); *...дивлячись на мою розгублену піку* (Жадан); — *Пиздуй звідси, поки не дали в радіо...* (Дереш); *...роздають безкоштовні календарики з фізією преподобного...* (Жадан); *...себто натовкати їм гризла* (Дереш); *Вічно невдоволена, знаєш, така децю надута міна* (Андрухович).

Дружні і любовні стосунки займають вагомe місце у житті молоді. Це відбилось в сучасному художньому дискурсі наявністю емоційних синонімів. Нормою художньо-образного слововживання є синонімічні комплекси, що демонструють семантичну відповідність ужитого в образному значенні жаргонізму та нормативного еквівалента [5, с. 268]. Цей стилістичний прийом надає мовленню персонажа сучасності й увиразнює його. *Та то я один був чоловіком її життя. Меном, котрому вся та її кінематографічна хуйня присвячувалася* (Карпа). У значенні «чоловік / коханець» уживаються синоніми *дяпчик, мачо-мен, мен, мучачік, чувак* тощо: *...і мене не любив черговий мучачік, я щось подібне ніла йому в листах* (Карпа); *Так чувак старався і так припадає мені його тупо й поетично відшивати зараз* (Карпа); *Дяпчик, якому присвячена окрема глава* (Карпа); *знайшла хахалю...* (Жадан); *...як їхні мачо-мени безпорадно регочуть...* (Карпа). Характерним для цієї групи молодіжних лексем є додаткова конотація, вони не є абсолютними синонімами.

Цікавими є сленгові стійкі словосполучення, які мають синонімічні варіанти одного із компонентів: *...бабки просадили, тож тепер не знають, куди їм краще поїхати...* (Жадан); *Ви що — пробали мої бабки?* (Жадан). Молодіжний сленг активно інкорпорує інвективу, обценну лексику, яка у просторіччі називається матом. У даному прикладі перший варіант синоніма виконує функцію евфемізму. Більшість сленгових ідіом є абсолютними синонімами: *Може цілими днями впиватись розповідями про те, як йому зривало черепицю: і на даху крапав, і на Сонце втикав...* (Дереш); *При цьому зувидів щось таке, від чого йому зірвало шифер із цвяхами...* (Дереш); *...зірвало дах і вона застосувала омон з віварками* (Андрухович); *...в якій мене вперше ловить за яйця проминання часу* (Андрухович); *...поступово починає брати за яйця...* (Жадан);

Якщо вони хочуть взяти за яйця Віталіка — на здоров'я (Брати Капранови); Як я розумію, він тоді вколовся або щось таке прийняв на душу населення (Андрухович); Павло Антонович устисг прийняти на груди не менше трьохсот грамів (Андрухович); ...п'яний в дрезину чи навіть у драбадан... (Андрухович);...до дури п'яний крутячись по дні... (Малко);...додому в ераку п'яна... (Карпа); ...на сцені з'являється богомільна, проте п'яна в дим алкоголічка... (Дереш).

Висновки. Молодіжний сленг, репрезентативний для сучасного художнього дискурсу, характеризується досить розвинутою синонімією. Лексичні синоніми вживаються для посилення образності, уточнення характеристики предметів, яскравості, емоційності, експресії. За допомогою сленгової синонімії письменникам вдається досягти семантичної багатоплановості у стислій формі висловлювання. Яскраво і точно виражаються імпліцитні комунікативні інтенції адресанта.

У мовленні персонажів молодіжний сленг, зокрема синоніми, вживаються з метою характеротворення і як спосіб самовираження для адекватного й максимально повного розкриття образу персонажа (особливостей його індивідуального мовного стилю, його соціальної приналежності тощо). Як слушно зауважує О. Кондратюк, з метою «оживлення» текстів, зокрема тих, які спрямовані на адресата, публіку, спостерігається тенденція до використання незвичайних, колоритних, образомістких слів. Настановна на емоційність та експресивність у словесному вираженні змушує звернутися до розмовної лексики, а саме сленгу, який найбільш повно відповідає зазначеним вимогам. Крім того, можливість конденсованого вербального вираження емоційно-експресивних ознак набуває особливого значення для писемного мовлення, у якому, на відміну від розмовного мовлення, що побутує переважно в усній формі, додаткові засоби вираження думки зведені до мінімуму [4, с. 24].

Різноманітність синоніміки молодіжного сленгу зумовлена неоднорідністю складу її носіїв та прагненням кожного пердставника певної субкультури вирізнитися серед інших і проявити себе. Так з'являються новотвори, які сприяють динамічності молодіжного сленгу.

Сленгова синоніміка у сучасному художньому дискурсі зосереджена на реаліях буття людини — стосунках з іншими людьми, описі певного стану, матеріальних цінностях, розумових здібностях, фізичних особливостях тощо. У яскравій, емоційно насиченій синоніміці відбито специфіку всього молодіжного сленгу. Синоніми є здебільшого експресивно-оцінними, досить часто стилістично зниженими. Сучасний художній дискурс демонструє відкритість сленгових синонімічних рядів, їх постійне розширення та поповнення. Подальші перспективи дослідження вбачаємо у виявленні специфіки функціонування українського молодіжного сленгу в сучасному художньому дискурсі.

Література

1. Кондратюк О. Молодіжний сленг як мовне явище [Електронний ресурс] / О. Кондратюк. — Режим доступу : <http://www.ji.lviv.ua/n38texts/kondratyuk.htm>
2. Масенко Л. Усні форми побутування мови. Явище вульгаризації мовлення [Електронний ресурс] / Л. Масенко. — Режим доступу : http://www.ji.lviv.ua/n35texts/masenko-usni_formy.htm
3. Мацько Л. До питання про рідну мову і національний характер / Л. Мацько // Українське мовознавство : міжвідомчий науковий збірник / відп. ред. А. К. Мойсієнко. — К., 2010. — Вип. 40/1. — С. 161–164.
4. Словник сучасного українського сленгу / упоряд. Т. М. Кондратюк. — Харків : Фоліо, 2006. — 350 с.
5. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціація української мови / Л. Ставицька. — К. : Критика, 2005. — 464 с.
6. Христенко О. Молодіжний дискурс та його ціннісні домінанти / О. Христенко // Семантика мови і тексту : матеріали ІХ науково-практичної конференції / гол. ред. В. І. Кононенко ; Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника. — Івано-Франківськ: ВДВ ЦІТ, 2006. — С. 432–434.

References

1. Kondratiuk O. Molodizhnyj sleng jak movne javyshhe [Elektronnyj resurs] / O. Kondratiuk. — Rezhym dostupu : <http://www.ji.lviv.ua/n38texts/kondratyuk.htm>
2. Masenko L. Usni formy pobutuvannia movy. Javysche vulgaryzacyji movlennia [Elektronnyj resurs] / L. Masenko. — Rezhym dostupu : http://www.ji.lviv.ua/n35texts/masenko-usni_formy.htm
3. Mac'ko L. Do pytannia pro ridnu movu i nacionalnyj kharakter / L. Mac'ko // Ukrainske movoznavstvo : mizhvidomchij naukovyj zbirnyk / vidp. red. A. K. Mojsienko. — K., 2010. — Vyp. 40/1. — S. 161–164.
4. Slovnyk suchasnogo ukrajinskogo slengu / uporiad. T. M. Kondratiuk. — Harkiv : Folio, 2006. — 350 s.
5. Stavitska L. Argo, zhargon, sleng. Socialna dyferencijatsija ukrajinskoji movy / L. Stavyska. — K. : Krytyka, 2005. — 464 s.
6. Hrystenko O. Molodizhnyj dyskurs ta jogo cinnisni dominanty / O. Hrystenko // Semantyka movy i tekstu : Materialy 9 naukovo-praktychnoji konferenciji / gol. red. V. I. Kononenko ; Prikarpat'skyj nacionalnyj univ. im. Vasylia Stefanyka. — Ivano-Frankivsk : VDV TSIT, 2006. — S. 432–434.

СТОЛЯР Мария Юрьевна,

аспирант кафедры украинского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: stolyar.mariya@mail.ru;
моб.: +38 096 7342264

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В УКРАИНСКОМ МОЛОДЁЖНОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

Аннотация. *Цель* статьи — выявить и произвести частичный анализ репрезентативных для современного художественного дискурса сленговых лексических синонимов. *Объектом* рассмотрения являются репрезентативные для современного художественного дискурса лексические синонимы украинского молодёжного сленга. В *результате* исследования определена цель их употребления и особенности функционирования в текстах произведений писателей постмодернистов. Научные исследования проблем украинского молодёжного сленга достаточно недавно стали объектом лингвистических исследований (П. Н. Грабовой, С. А. Мартос, Л. А. Ставицкая, И. И. Шур и др.). *Выводы:* с помощью сленговой синонимии писателям удаётся достичь семантической многоплановости в сжатой форме высказывания. Ярко и точно выражаются имплицитные коммуникативные интенции адресанта. На основе сленговой синонимии строятся такие стилистические фигуры: амплификация, градация, плеоназм. Молодёжный сленг представляет реалии современности и продуцирует будущее языка и этноса.

Ключевые слова: молодёжный сленг, художественный дискурс, лексические синонимы, синонимия сленга.

Maria Yu. STOLYAR,

Post-Graduate Student of the Ukrainian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyj blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: stolyar.mariya@mail.ru;
mob.: +38 096 7342264

LEXICAL SYNONYMS IN YOUTH SLANG IN THE STRUCTURE OF MODERN FICTIONAL DISCOURSE

Summary. The *purpose* of the article is to identify and make a partial analysis of the slang lexical synonyms brought out in modern fictional discourse. The *object* of analysis is lexical synonyms of the Ukrainian youth slang in modern fictional discourse. The purpose of their use and the peculiarities of functioning in the works by postmodern writers are determined in the *result* of this study. Scholarly investigations in the area of the author's interests, and in particular, the problem of youth slang, have quite recently become the object of linguistic research (P. Grabovyy, S. Martos, L. Stavitska, I. I. Shhiur and others). *Conclusions:* by using slang synonymy, writers can manage to achieve semantic versatility in a condensed form of expression. The implicit communicative intentions of the sender are expressed vividly and accurately. On the basis of slang synonyms such stylistic figures as amplification, graduation, pleonasm are constructed. The youth slang represents a present-day reality and constructs the future of a language and ethnicity.

Key words: youth slang, fictional discourse, lexical synonyms, slang synonymy.

Статтю отримано 6.11.2015 р.

УДК 811.161.2'367:398.6

СТОЯНОВА Анна Олександрівна,

аспірантка кафедри загального та слов'янського мовознавства Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26., м. Одеса, 65058, Україна;
e-mail: Stoyanova_96@mail.ru; тел.: +38 093 7867271

ОСОБЛИВОСТІ СИНТАКСИСУ В ТЕКСТАХ УКРАЇНСЬКИХ НАРОДНИХ ЗАГАДОК

Анотація. У статті описано особливості синтаксичної структури текстів українських загадок, схарактеризовано типи речень цих текстів, наведено приклади загадок, специфіка яких полягає в тому, що опис предмета подається завуальовано, за допомогою використання різних художніх засобів, а саме це зумовлює різноманітність синтаксичної будови таких текстів і робить структуру загадок цікавим об'єктом лінгвістичних досліджень. *Метою* статті є характеристика типів речень, що використовуються для мовленнєвого жанру української народної загадки. *Об'єкт* вивчення — синтаксична структура текстів українських народних загадок. *Предметом* дослідження є специфіка синтаксичних зв'язків і компонентний склад речень,

які передають українські народні загадки. **Матеріалом** слугували 246 народних загадок про небо, небесні світила, землю та природні явища. У **результаті** проведеної роботи було встановлено, що прості речення в українських народних загадках є більш поширеними, ніж складні. Така структура сприяє лаконічному висловлюванню думки та ліпшому запам'ятовуванню загадки. Адже найголовнішими ознаками специфіки загадок як різновиду паремій є конкретність теми, лаконізм, конденсованість думки. **Практична цінність** роботи зумовлена можливістю використання її результатів у базових курсах викладання української мови, а саме під час викладання лінгвістики тексту, лексикології, а також у спецкурсах з лінгвокультурології.

Ключові слова: українська народна загадка, синтаксична структура, синтаксичний зв'язок, предикативна одиниця, просте речення, складне речення.

Сучасна синтаксична теорія хоч і перебуває у стадії відносного упорядкування, однак чи-мало проблем залишаються відкритими та спірними.

Однією з головних проблем синтаксису є кваліфікація його основної синтаксичної одиниці. Дискусійною залишається проблема дефініції речення (у лінгвістиці наявні понад 250 тлумачень речення) через розбіжність розуміння тріади «речення — висловлення — предикативна одиниця». Відкритою в сучасному синтаксисі є проблема синтаксичних зв'язків. Як відомо, синтаксичний зв'язок представлений різними типами семантико-граматичних відношень у словосполученні та реченні. Складною й дискусійною є також проблема членів речення. Неоднозначно розв'язуються питання щодо вершинності підмета в реченні. Між другорядними членами речення теж немає чіткої межі, що зумовлює наявність синкретичних випадків (приміром, обставинний додаток, означальний додаток, обставинне означення). Дотепер залишаються невирішеними деякі проблеми, пов'язані із класифікаціями односкладних простих речень і складних речень [5, с. 456–469].

Незважаючи на досить благополучний стан розвитку пареміографії та пареміології в Україні, проблема обсягу цих специфічних текстів (паремій) і на сьогодні залишається невирішеною. Підтвердженням тому є одна з найбільш ґрунтовних монографій у цій галузі — «Українські прислів'я та приказки. Проблеми пареміології та пареміографії» (К., 1984) М. Пазяка. Фольклорист, узагальнюючи вітчизняний, радянський і певною мірою світовий досвід, розглядає в колі паремій народні порівняння, вітання, нісенітниця, каламбури і т. ін., але про загадки — традиційно визнаний паремійний різновид — взагалі не згадує [4, с. 4].

За останні роки значно підвищився інтерес науковців до текстів українських народних загадок. Було описано метафоричне різномайття українських загадок, зроблено зіставний аналіз українських і російських загадок, досліджено антропонімійне багатство народних загадок, зроблено спробу описати різноманітність синтаксичної будови цих специфічних текстів, але загадки надалі залишаються цінним джерелом для різноманітних лінгвістичних досліджень.

Метою пропонованої статті є характеристика типів речення на матеріалі українських народних загадок. Об'єктом нашого дослідження стали особливості синтаксичної структури текстів українських народних загадок. Предметом дослідження є специфіка синтаксичних зв'язків і компонентний склад речень. Матеріалом дослідження слугували тексти українських народних загадок про небо, небесні світила, землю та явища природи. Загальна кількість проаналізованих текстів загадок — двісті сорок шість одиниць. Практична цінність роботи зумовлена можливістю використання її результатів у базових курсах викладання української мови, а саме під час викладання лінгвістики тексту, лексикології, а також у спецкурсах з лінгвокультурології.

Загальновідомо, що загадки — це стислі поетичні запитання, які у «прихованій», часто завуальованій формі зображують окремий предмет чи явище через опосередковані предмети (явища) на основі їх певної спорідненості, подібності, часом ледве вловимої і навіть далекої [3, с. 376]. Текст загадки буде стосуватися на метафоричних переносах значення, на порівнянні, а також описанні предметів, явищ, живих істот тощо у хитромудрій запитальній чи стверджувально-констатуючій формі. Таким чином, специфіка текстів загадок, де опис предмета подається завуальовано за допомогою використання різних художніх засобів (метафора, метонімія, епітети, порівняння), зумовлює різноманітність синтаксичної структури таких текстів і робить специфіку структури загадок цікавим об'єктом для лінгвістичних досліджень.

У нашій статті ми робимо спробу описати особливості структури та характер синтаксичних зв'язків у текстах українських народних загадок.

Серед проаналізованих нами текстів, 63 % становлять загадки, описова частина яких виражена простими реченнями. З огляду на наявність головних членів речення та особливості вираження предикативного зв'язку, прості речення поділяють на односкладні та двоскладні. Більшість проаналізованих текстів є односкладними, хоча двоскладні речення становлять значну частину (17 %). Наведемо приклади двоскладних речень: *Сиві кабани все поле залягли* [1, с. 26]; *Голубий шатер увесь світ наклав* [1, с. 17]; *Синя шуба покрила весь світ* [1, с. 17]; *Насеред болота лежить кусок золота* [1, с. 18]; *Один баранець пасе тисячі овець* [1, с. 18]; *За лісом, за пралісом золоті клубки висять* [1, с. 18]; *Через тин лисий віл дивиться* [1, с. 18].

Розглянемо окремо кожен з різновидів односкладних речень.

1) Означено-особові. Ці речення викликають найбільше дискусій у сучасному мовознавстві. Одні лінгвісти беззастережно відносять їх до двоскладних, інші — до односкладних. Традиційно

односкладні означено-особові — це такі речення, головний член яких виражений дієсловом дійсного способу першої або другої особи однини чи множини теперішнього або майбутнього часу, можливо також вираження головного члена речення дієсловом наказового способу, що вказує особовим закінченням на означену особу [6, с. 114]). Наведемо приклади: *Простелю рогожку, посиплю горошку, покладу окрайчик, — буде бігати зайчик* [1, с. 19]; *Мету-мету — не ви-мету; несу-несу — не винесу, пора прийде — само вийде* [1, с. 20]; *Хоч без ніг, а біжу прудко, не сплю ні вдень, ні вночі, хоч ніколи з ліжка не встаю* [1, с. 22]; *Восени роджуся, по весні вмираю, а узимку своїм тілом землю зогріваю* [1, с. 23].

2) **Неозначено-особові** (головний член речення виражений дієсловом у формі третьої особи множини теперішнього та майбутнього часу або у формі множини минулого часу [6, с. 117]): *Мене частенько просять, ждуть, а тільки покажусь — ховатися почнуть* [1, с. 26]; *Мене ріжуть, мене б'ють, — я не обиджаюсь, а ще краща стаю* [1, с. 21]; *Мене б'ють, товчуть, ріжуть, перевертають, я все терплю і всім добром плачу* [1, с. 21].

3) **Узагальнено-особові** (головний член речення виражений дієсловом у формі другої особи однини та множини теперішнього чи майбутнього часу і вказує на узагальнену особу): *Глянеш — заплачеш, а краще нього немає в світі* [1, с. 19].

4) **Безособові** (головний член речення виражений безособовим дієсловом, безособовим дієсловом з інфінітивом, дієслівними формами на **-но, -то**, прислівниками, присудковими словами типу *можна, треба, варто, жаль, шкода, пора* у сполученні з інфінітивом, заперечними словами *немає, не було, не буде*): *Якого поля не можна зорати, на якому полі не можна каміння полічити?* [1, с. 17]; *Стоять коні булані, на них узди порвані, узди знати, та не можна розв'язати* [1, с. 17]; *Торох, торох, розсипався горох, почало світати — нема що збирати* [1, с. 17].

5) **Інфінітивні** (речення, головний член яких виражений синтаксично незалежним інфінітивом [6, с. 126]): *Не вимести, не винести, не викопати* [1, с. 20].

6) **Номінативні** (головний член таких речень виражається іменником, займенником, кількісно-іменним словосполученням, субстантивованими словами [6, с. 128]). Такий тип речень не є характерним для українських народних загадок, і нами не було знайдено прикладів у досліджуваному матеріалі.

Розглянемо тексти загадок, описова частина яких виражена складними реченнями.

Складносурядні речення (далі — ССР) становлять 9 % усіх складних речень. Найчастотнішими ССР, що формують народні загадки, є речення, предикативні частини яких поєднуються між собою за допомогою протиставного сполучника «а». Серед таких речень виділяємо ССР, у яких наявний відтінок зіставлення: *Одна половина лиця біла, а друга половина лиця чорна* [1, с. 21]; *Один лє, другий п'є, а третій живиться* [1, с. 29]. Також виділяємо ССР з відтінком протиставлення, що базується на розмежуванні дій: *Золотий пішов, а срібний прийшов* [1, с. 20]; *Чорна корова всіх людей поборола, а білий віл всіх людей підвів* [1, с. 29]; *Сани біжать, а глоблі стоять*; та ССР з протиставно-еднальним відтінком: *Упав сніг на весь світ, а на кінці ковали кують* [1, с. 29].

Складнопідрядні речення в описовій частині загадки трапляються рідко. Так, можна навести речення з підрядними обставинними причинами: *Іхав чумака та й став, бо волів потеряв* [1, с. 19].

Найчастотнішими серед складних речень, які ми виділили в текстах українських народних загадок є **безсполучникові речення** (89 %). Наведемо приклади таких текстів: *Блакитний платок, рожевий клубок, по платку катається, людям усміхається* [1, с. 20]; *Виросла верба посеред села, розпустила гілля на все піднілля* [1, с. 18]; *Вертиться, крутиться, ніколи не стане, на нім живуть люди, і гори, і ями* [1, с. 21].

Значна кількість українських народних загадок виражена складними реченнями ускладненої структури з різними видами зв'язку. Тут можна виділити такі типи:

1) предикативні частини поєднуються за допомогою підрядного та сурядного зв'язків: *Зелене дерево, — що воно старіється і знов відновлюється, що на нім родяться діти, а вмирають старці, що одним боком шукає сонця, а другим відвертається від нього* [1, с. 20];

2) предикативні частини поєднані за допомогою підрядного та безсполучникового зв'язків: *Прийшов хтось та взяв щось; бігти за ним — не знаю за ким, бо пішов туди — не знати куди* [1, с. 27];

3) предикативні частини поєднані за допомогою безсполучникового та сурядного зв'язків: *На чистому полі попутані коні, вузлики знати, та не можу розв'язати* [1, с. 17].

За метою висловлювання в українських народних загадках переважають розповідні речення (89 %). Наведемо приклади: *Синє море хитається, білий заць купається* [1, с. 20]; *Прийшов дід, зробив міст, прийшла діва-красуха, по мосту тупа, — міст розвалився, а дід аж на морі опинився* [1, с. 24]. Питальні речення становлять 11 % усієї кількості: *Що без ніг біжить?* [1, с. 27]; *Що без леза та без зуба розтина міцного дуба?* [1, с. 24]. Слід також зауважити, що специфіка жанру загадки передбачає приховане питання навіть у формально розповідному реченні.

Якщо брати до уваги опозицію речень за **стверджувальністю / заперечністю**, то більшість речень (79 %) є стверджувальними: *Розстелений кожушок, на ній посіяний горошок* [1, с. 17]; *Шматок хліба горохом присипаний* [1, с. 18]. Частина загадок (21 %) становлять тексти, які складаються з двох чи більше простих речень, серед яких є як стверджувальні, так і заперечні речення, наприклад: *Розсипався горох на чотириста дорог, ніхто його не позбирає — ні цар, ні цариця, ні красная дівиця* [1, с. 17]; *Не вимести, не винести, не викопати* [1, с. 20].

Як відомо, за наявністю/відсутністю другорядних членів, речення поділяють на **поширені** й **непоширені**. Всі проаналізовані нами речення є поширеними. Це зумовлено тим, що тексти загадок відрізняються яскравою образністю, описовістю, містять різноманітні літературні тропи, тому в текстах загадок, як правило, наявні різні другорядні члени речення: *По морі, по морі золота тарілка плаває* [1, с. 19]; *Скатертина біла увесь світ накрила* [1, с. 23]; *Попід лісом-лісом котиться діжа з тістом* [1, с. 18]; *Летить орличка по синьому небу, крила розпустила, все сонце закрила* [1, с. 24].

За наявністю / відсутністю необхідних членів, речення поділяють на **повні** та **неповні**. Серед проаналізованих нами загадок досить малий відсоток становлять неповні речення (4 %). Наведемо приклад неповних речень з формально невираженим присудком: *Розстелив кожушок, посипав горошок, ще й окрась хліба поклав, а як коли — то й цілий* [1, с. 19]; *Із вікна в вікно золоте веретено* [1, с. 20]; *По якій дорозі піроку їдять на коні, а піроку — без коня?* [1, с. 21]; *Водою йде — не хлюпне, очеретом — не шелесне* [1, с. 20].

З урахуванням наявності предикативного ядра та супровідних компонентів виділяють формально **неускладнені** та **формально ускладнені** речення. Наведемо приклад ускладненого речення, у структурі якого наявні однорідні підмети з узагальненим словом: *Розсипався горох на чотириста дорог, ніхто його не позбирає — ні цар, ні цариця, ні красная дівиця* [1, с. 17]. У загадках однорідні підмети нерідко виражені субстантивованими прикметниками: *Гарне, добре, на всіх людей дивиться, а людям на себе дивитися не дозволяє* [1, с. 19]; *Маленьке, кругленьке весь світ перебігло* [1, с. 19]. Розглянемо приклади речень, ускладнених **однорідними присудками**: *Стоїть вище зводу, заглядає в воду* [1, с. 18]; *Стоїть верба над водою, в воду дивиться* [1, с. 17]; *Блакитний платок, рожевий клубок, по платку катається, людям усміхається* [1, с. 20]; *Прийхав гість та й став на поміст, розпустив коні по всій обolonі* [1, с. 19]; **однорідними додатками**: *Без коліс, без ніг, а біжить як день, так ніч* [1, с. 21]; *Без рук, без ніг, а цілий світ перейде* [1, с. 21]; *Без сокири і без ножа, без клинця і без підклинця, а міст зробить* [1, с. 22]; **однорідними обставинами**: *Ой за полем, за горами золота нагайка в'ється* [1, с. 19].

Таким чином, проаналізувавши синтаксичну будову речень на матеріалі українських народних загадок про небо, небесні світила, землю та явища природи, ми зробили висновок, що прості речення є більш поширеними, ніж складні. Це сприяє лаконічному висловлюванню думки та ліпшому запам'ятовуванню загадки. Адже найголовнішими ознаками специфіки загадок як різновиду паремій є конкретність теми, лаконізм, конденсованість думки. І. Франко саме цю усталеність вважав головною причиною того, що у тексті загадки зберігається давній зміст і форма [2, с. 258]. Серед простих речень досить часто трапляються односкладні речення різних типів. Якщо брати до уваги складні речення, то найпоширенішим є безсполучниковий вид зв'язку. Складнопідрядні речення зустрічаються досить рідко. Предикативні одиниці складно-сурядного речення загалом приєднуються за допомогою протиставного сполучника «а». Також зустрічаються складні речення з різними типами синтаксичного зв'язку.

Отже, загадка як особливий текст, що має лаконічну форму хитроумного прямого або непрямого запитання, опису, віршика чи вислову, які різними видами художніх засобів зображують приховані предмет чи явища, є цінним і цікавим джерелом для дослідження цих текстів у синтаксичному аспекті їх розгляду.

Література

1. *Загадки* / [ред. С. Зубков, упорядкув., пер. І. Березовський]. — К. : Дніпро, 1987. — 158 с.
2. *Лановик М. Українська усна народна творчість* / Мар'яна Лановик, Зоряна Лановик. — К. : Знання-Прес, 2001. — 591 с.
3. *Літературознавча енциклопедія* : у 2 т. / [авт.-уклад. Ю. І. Ковалів]. — К. : Академія, 2007. — Т. 2. — 624 с.
4. *Пасічнюк І. М. Поетика українських народних прикмет* : автореф. дис. ... канд. філол. н. : 10.01.07 / КНУ ім. Тараса Шевченка ; Інна Миколаївна Пасічнюк. — К., 2002. — 14 с.
5. *Селіванова О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія* / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля, 2006. — 716 с.
6. *Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови* / К. Ф. Шульжук. — К. : ВЦ Академія, 2005. — 410 с.

References

1. *Zahadky* / [red. S. Zubkov, uporiadkuv., per. I. Berezovskyj]. — K. : Dnipro, 1987. — 158 s.
2. *Lanovyk M.* Ukrajinska usna narodna tvorchist / Mariana Lanovyk, Zoriana Lanovyk. — K. : Znannia-Pres, 2001. — 591 s.
3. *Literaturoznavcha encyklopedija* : u 2 t. / [avt.-uklad. Yu. I. Kovaliv]. — K. : Akademiya, 2007. — T. 2. — 624 s.
4. *Pasichniuk I. M.* Poetyka ukrajinskykh narodnykh prykmet : avtoref. ... dys. kand. filol. n. : 10.01.07 / KNU im. Tarasa Shevchenka / Inna Mykolajivna Pasichniuk. — K., 2002. — 14 s.
5. *Selivanova O.* Suchasna linhvistyka : terminolohichna encyklopedija / O. O. Selivanova. — Poltava : Dovkillia, 2006. — 716 s.
6. *Shulzhuk K. F.* Syntaksys ukrainskoi movy / K. F. Shulzhuk. — K. : VC Akademiya, 2005. — 410 s.

СТОЯНОВА Анна Александровна,

аспирант кафедры общего и славянского языкознания, Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: Stoyanova_96@mail.ru; тел.: +38 093 7867271

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА В ТЕКСТАХ УКРАИНСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

Аннотация. В статье описаны особенности синтаксической структуры текстов украинских народных загадок, охарактеризованы типы предложений этих текстов, приведены примеры загадок, специфика которых заключается в том, что описание предмета подаётся завуалированно, с помощью различных художественных приёмов. Это обуславливает разнообразие синтаксической структуры данных текстов и делает особенности синтаксической структуры загадок интересным объектом лингвистических исследований. **Цель** статьи — характеристика типов предложений, используемых для речевого жанра украинской народной загадки. **Объект** изучения — синтаксическая структура текстов украинских народных загадок. **Предметом** исследования является специфика синтаксических связей и компонентный состав предложений, передающих украинские народные загадки. **Материалом** послужили 246 народных загадок о небе, небесных светилах, земле и явлениях природы. В **результате** проведённой работы было установлено, что простые предложения в украинских народных загадках используются чаще, чем сложные. Это способствует лаконизму высказывания мысли и лучшему запоминанию загадки. Ведь главными специфическими признаками загадки как разновидности паремий является конкретность темы, лаконизм, конденсация мысли. **Практическая ценность** работы обусловлена возможностью использования её результатов в базовых курсах украинского языка, а именно при изучении текста, в лексикологии, а также в курсе лингвокультурологии.

Ключевые слова: украинская народная загадка, синтаксическая структура, синтаксическая связь, предикативная единица, простое предложение, сложное предложение.

Anna O. STOYANOVA,

postgraduate student of the Department of General and Slavonic Linguistics, Odessa I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyi blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: Stoyanova_96@mail.ru; cell.: +38 093 7867271

SYNTACTIC STRUCTURE PECULIARITIES OF UKRAINIAN FOLK RIDDLES

Summary. *The object* of our article is the peculiarities of syntactic structure of the texts of Ukrainian folk riddles. *The subject* of our research is the specific features of syntactic connections and component structure of the sentences. *The purpose* of the given article is to characterize the types of sentences employed in Ukrainian folk riddles. To achieve the purpose of our research we have used such *methods* as observation, description, quantitative method of calculation and inductive generalization. The analysis of the selected material (*246 riddles*) has led us to the following *conclusion*: simple sentences are more frequent than composite sentences, which makes the expression of thought more laconic, because the main characteristics of riddles are specificity and laconism. One-member sentences are quite frequent among simple sentences. As for composite sentences, the most frequent are sentences whose clauses are connected without any conjunctions. Complex sentences are quite rare. Predicative clauses of compound sentences are mostly connected with the help of Ukrainian conjunction «а». There are also composite sentences with different types of connection.

Thus, riddles as a special text in the laconic form of a question or verse which depicts speech hidden objects or phenomena with the help of different speech figures are an interesting source for research in the syntactic aspect of analysis.

Key words: Ukrainian folk riddle, syntactic structure, syntactic connection, predicative clause, simple sentence, composite sentence.

Статтю отримано 4.11.2015 р.

БЕЗПАЛОВА Екатерина Викторовна,кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
e-mail: kate.bezpalova@gmail.com; тел.: +38 (0482) 630703

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ ЧАСТЕЙ АНГЛИЙСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Аннотация. Цель статьи — описать дифференциальные признаки, отличающие проповедь от светских коммуникативных актов. Проповедь трактуется как речь, произносимая в церкви священнослужителем (адресантом) перед общиной (адресатом) устно в форме монолога с помощью определённого языка (кода) с целью оказания религиозно мотивированного воздействия на адресата. В результате исследования установлены макростратегии, используемые в альтернативной проповеди: проведение христианского учения, внедрение в сознание слушающих божественных истин, изложенных в Библии; отстаивание правильности своего учения по сравнению с другими религиями и религиозными течениями; демонстрация практического применения Божественной логики для достижения личного успеха, процветания, благополучия; выдвижение на первый план личности ратора, стремящегося соответствовать ожиданиям социума и претендующего на свою исключительность и избранность. Анализируются структурные составляющие текста альтернативной проповеди: Введение, Наррация, Трактовка и Заключение. Материалом исследования послужили 11 англоязычных проповедей общей длительностью 10 часов 15 минут, произнесенных альтернативными проповедниками в концертных залах и на стадионах.

Ключевые слова: проповедь, введение, наррация, трактовка, заключение, синтаксис.

Помимо исследователей в области теологии (В. Ф. Певницкий, 1908; Г. Булгаков, 1916; Я. К. Амфитеатров, 1946; Н. И. Барсов, 1985; Симеон, 1989 и др.), проблемы языка и религии привлекали большей частью специалистов в области социальных, исторических наук и культуроведения (Ю. М. Лотман, 1973; У. Джеймс, 1993; Л. И. Брага, 1992; С. И. Баженова-Рагина, 1993; В. И. Гараджа, 1996 и др.). Тем не менее, религиозные тексты требуют изучения как особый вид языковой коммуникации и как особый тип коммуникативных актов, относящихся к специфической религиозной сфере общения. Этим определяется актуальность настоящего исследования, посвящённого изучению семантико-синтаксической организации структурных частей английской альтернативной проповеди.

Поставленная цель определила конкретные задачи исследования: дать определение религиозной проповеди как речевому акту; выявить дифференциальные признаки, отличающие проповедь от светских коммуникативных актов; установить макростратегии, используемые альтернативными проповедниками; обозначить структурные составляющие альтернативной религиозной проповеди; исследовать семантико-синтаксическую организацию структурных частей альтернативной англоязычной проповеди.

Материалом исследования послужили 11 англоязычных проповедей общей длительностью 10 часов 15 минут, произнесённых альтернативными проповедниками в концертных залах и на стадионах.

Проповедь — «речь христианская, провозглашённая с кафедры в церкви для наставления и назидания верующих» [3, с. 6], «акт художественного словесного представления или воспроизведения содержания личного мирозерцания проповедника перед слушателями, обладающими тем же содержанием» [4], «раскрытие слова Божия или сообщение учения о нашем спасении, содержащееся в Откровении и хранимое в церкви в видах способствования устроению нашей духовно-нравственной жизни, сообразно тем заветам, которые даны Господом для людей, желающих вступить в Царство Божие» [2, с. 49].

По нашему мнению, проповедь следует трактовать как *речь*, произносимую, как правило, в церкви священнослужителем (*адресантом*) перед общиной (*адресатом*) устно в форме монолога с помощью определённого языка (*кода*) с целью оказания религиозно мотивированного воздействия на адресата. Говоря о проповеди как о речевом акте, необходимо акцентировать внимание на самом речевом действии одного из коммуникантов — проповедника, совершаемом им с учётом адресата с целью воздействовать на него. Рассматривая проповедь как коммуникативный акт, необходимо сосредоточиться не только на *действии* адресанта, но и на *взаимодействии* коммуникантов речевого акта проповеди.

К дифференциальным признакам, отличающим проповедь от светских коммуникативных актов, относим:

— адресант и адресат проповеди — это определённый круг людей, объединённых или призванных быть объединёнными в рамках религиозной веры;

– помимо реальных коммуникантов, в модель коммуникативного акта проповеди «встроен» скрытый адресат или высший «наадресат» — Бог;

– в прагматических намерениях адресанта доминирует желание не столько передать личное мировоззрение, сколько учение, данное свыше; таким образом, можно говорить о том, что проповедник выступает в роли посредника между Богом и людьми; однако основания для осуществления такого рода посредничества у традиционных и альтернативных проповедников различны.

В религиозно-проповедническом стиле в настоящее время дифференцируются такие жанры, как «*храмовая и внехрамовая проповедь*», «*богослужебная и миссионерская проповедь*», «*церковная и миссионерская разновидности проповеднического вида религиозного дискурса*».

В *альтернативных* проповедях выделяются макростратегии проповедника, частично совпадающие, а частично кардинально отличающиеся от макростратегий традиционных проповедников: проведение христианского учения, внедрение в сознание слушающих божественных истин, изложенных в Библии; отстаивание «правильности» своего учения по сравнению с другими религиями и религиозными течениями; демонстрация практического применения Божественной логики для достижения личного успеха, процветания, благополучия; выдвижение на первый план личности ратора, стремящегося соответствовать ожиданиям социума и претендующего на свою исключительность и богоизбранность. Тем не менее, альтернативная проповедь представляет собой структурно, семантически и функционально завершённое целое, прагматической доминантой которого является воздействие на адресата путём убеждения.

В ходе нашего исследования были выделены четыре структурные составляющие религиозной проповеди (вне зависимости от её типа) — *введение* (вступление), основная часть (которая состоит из *наррации* — пересказа евангельского события или события, послужившего поводом данной проповеди, и *трактовки* — размышления проповедника по поводу изложенного в наррации) и *заключение*, — представляется целесообразным исследовать семантико-синтаксическую организацию каждой из вышеперечисленных частей проповеди.

Введение — первая часть проповеди, которая задаёт тон всему последующему тексту. Целью введения является привлечение внимания слушателей. Именно в этой части проповеди наблюдаются наибольшие отличия традиционных проповедей от проповедей альтернативных. В отличие от традиционной проповеди, которая чаще всего открывается цитатой из Библии, дающей проповеднику импульс к дальнейшим размышлениям на заданную цитатой тему, альтернативная проповедь часто начинается с постановки серии вопросов, которые в дальнейшем найдут (или должны найти) своё разрешение в основной части проповеди, например:

I would like to invite you to look in your Bibles to 2 John and verses 7 through 13. We touched on a part of this last time and I want to come back to it and, Lord willing, finish up this second epistle and talk to you about imposters. What is it to be an imposter? And how are they identified as far as the gospel is concerned? You know, I think we assume that the world is getting worse and that today we have more out in the world that are preaching a false gospel than ever before.

Способ общения проповедников традиционной и альтернативной проповедей с аудиторией существенно различны: если англиканский священник вовлекает паству в совместное размышление о теме проповеди, то альтернативный проповедник дистанцируется от слушателей при помощи личного местоимения 1 лица *единственного* числа в оппозиции к местоимению 2 лица (*I would like to invite you, I want to... talk to you, You know, I think*) демонстрируя тем самым свою исключительность и лидирующую позицию в процессе религиозной коммуникации. Позволим себе привести ещё два пространных образца введения в альтернативной проповеди, где за частокором персонифицирующих местоимений нетрудно потерять основную мысль проповедника:

1) *Let's turn to the Word of God. Now, it is always hard, again, when you come in from outer space and just plop in the middle of a place to know what to talk about, but there was something that is ringing in my heart because it is going to be my next book I think. I am trying to slow down that process a little bit. And so I want you to turn to Luke 15. I am preaching through Luke. I am now in chapter 18 in my eighth year in Luke. Now wait a minute. Slower is better than faster. Deeper is better than shallower. Longer is better than shorter because every Word of God is pure. «All scripture is given by inspiration of God, and is profitable.» I can't force myself to leave anything out. But, tonight anyway, I am going to condense what I taught our church a few months ago in the 15th chapter of Luke. By the way I think I will finish Luke in about two to three years and I will have probably spent about 10 years in Luke. And then when I am done with Luke I am going right back to Mark. I figure five years in Mark and I will have finished the whole New Testament and I can continue to work on the commentary series.*

2) *I want you to go to Proverbs 16 and I'm on my message think before you speak. My goodness, do I need this word today? I'll preach to myself unless you listen. Oh, Jesus, how much trouble our mouth gets us into? More than we can even possibly imagine. I wonder how many doors we open for the enemy that coming in to attack us just through wrong words. The Bible*

says that the power of life and death is in the tongue. You know, I'm gonna find a much more serious statement than that.

Помимо кричащей самопрезентации и выпячивания своего «я», вышеприведённые отрывки демонстрируют весьма вольную интерпретацию Библии (*The Bible says that the power of life and death is in the tongue*), критическое отношение к Библейским постулатам (*I'm gonna find a much more serious statement than that*), панибратское, с претензией на юмор, отношение к Евангелию в целом и к апостолам-евангелистам в частности (*I will finish Luke in about two to three years and I will have probably spent about 10 years in Luke. And then when I am done with Luke I am going right back to Mark. I figure five years in Mark and I will have finished the whole New Testament*), трюизмы, подаваемые с интригующей многозначительностью (*Now wait a minute. Slower is better than faster. Deeper is better than shallower. Longer is better than shorter because every Word of God is pure.*), лексика, максимально приближенная к неформальному разговорно-бытовому стилю (*just plop, a little bit, gonna*). На наш взгляд, здесь также исподволь реализуется основная прагматическая установка современных альтернативных проповедей — направленность на успешность, благосостояние, извлечение выгоды. Даже единственная в пространном введении цитата (кстати, не находящаяся ни в 15, ни в 18 главе Евангелия от Луки) содержит слово *profitable*, которое в контексте не оставляет сомнений в приземлённости всего высказывания.

Наиболее частотным синтактико-стилистическим приёмом во введении альтернативной проповеди являются повторы, в частности, анафорические повторы:

A story of Jesus going into a lonely mountainous place to pray, attended by his three closest friends: Peter; James; and John. A story in which Jesus, as he prays in solitude, enters into a mystery so great that His friends shrink from it and have no words for it.

Во вводной части проповеди повторы играют сложную роль: во-первых, привлекают внимание слушающих к выделяемым при помощи повторов словам, а, во-вторых, упорядочивают логическое восприятие передаваемой информации.

Неизменным и выигрышным синтактико-стилистическим приёмом в любом риторическом произведении (к каковому по формальным признакам относится проповедь) является использование параллельных синтаксических конструкций. Не служит исключением и вводная часть проповеди. Однако к ведущим синтаксическим приемам в этой части проповеди параллельные конструкции не относятся. Это можно объяснить тем фактом, что введение — динамичная, бросающаяся часть проповеди, нацеленная прежде всего на мгновенный «захват» внимания аудитории, а не на логическое изложение последовательных положений речи, более экспрессивной подаче которых способствуют параллельные конструкции. Для альтернативной проповеди свойственно частотное использование вопросительных конструкций во введении, что объясняется тем, что проповедник начинает свою речь с постановки проблем, которые затем решаются в основной части проповеди.

Итак, начало своей речи проповедник может построить по-разному, следуя каждый раз одному и тому же коммуникативному намерению — добиться от слушателей внимания, предварительного понимания и предварительного сочувствия. Соответственно, введение в проповедь демонстрирует большое разнообразие синтактико-стилистических приёмов и их сочетаний.

Наррация в тексте альтернативной проповеди в 65 % случаев представляет собой замену пересказа евангельского события пространным цитированием Библейского текста с предварительным цитированием сигнальной фразы о месте цитаты в Библии:

Now verse nine. «Whosoever transgresseth, and abideth not in the doctrine of Christ, hath not God. He that abideth in the doctrine of Christ, he hath both the Father and the Son. If there come any unto you, and bring not this doctrine, receive him not into...».

Для *наррации* в тексте альтернативной проповеди характерно частое использование повторов (которые могут входить в параллельные синтаксические конструкции), обеспечивающих увеличение эмоциональной напряжённости высказывания и способствующих чёткой ритмизации повествования. Ритмичность речи способствует привлечению внимания и снижению степени сложности информации.

Наррация играет в проповеди, в первую очередь, информирующую роль. Кроме того, она направлена на эмоциональное воздействие на слушающих, чему способствуют различные риторические приёмы, используемые проповедником: обращение к слушающим, параллельные конструкции, использование фактора субъективности и т. д. Характерно активное использование, в первую очередь, различного рода повторов. Так же активно используются параллельные и эллиптические конструкции, тогда как риторические вопросы не характерны для этой части проповеди. Имеет место также использование восклицательных и вопросительных конструкций.

Основная идея проповеди — тезис — должен быть определённым образом истолкован. В процессе доказательства основной идеи проповеди оратор, как правило, положительно оценивает высказывания, подтверждающие тезис, и отрицательно — высказывания, противоречащие тезису. Такого рода оценка играет большую роль в построении речи проповедника. Для

соединения различных аргументативных высказываний в логически правильный и стилистически корректный текст используются утверждения, называемые в теории аргументации связками.

Тот факт, что проповедь относится к текстам аргументирующего типа, определяет и основную часть проповеди — *трактовку*. Необходимо отметить, что в текстах исследуемых проповедей трактовка отличается наибольшим объёмом (около 60 % всего текста). Именно в этой части проповеди наиболее наглядно проявляется направленность на адресата, реализуется апеллятивная функция языка. Задача проповедника в трактовке — проинтерпретировать повествование, убеждая слушающих в правильности и незыблемости евангельских законов. Будучи строго организованным в авторской установке на убеждение слушателей, текст проповеди тем самым проявляет свои особенности как доказательство, «...а способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда всего более в чём-либо убеждаемся, когда нам представляется, что что-либо доказано)» [1, с. 17]. Опускаем за скобки тот факт, что в альтернативной проповеди, как уже говорилось выше, аргументация построена в форме «правильных, но не истинных» силлогизмов, основанных на ложных посылах, так как из них делается формально правильный вывод. В качестве аргументов или доводов для доказательства в проповеди используются факты действительности, примеры из личного жизненного опыта проповедника, обращение к современным политическим событиям, сценам из повседневной жизни, цитация других мест Евангелия:

Well, verse nine says, «Whosoever transgresseth...» Now that doesn't mean just any kind of transgression. If that were the case then none could be saved because we are sinners by nature. We sin moment by moment. We are sin. But here in the context he is talking about one who transgresses with regard to the Word of Christ, the doctrine of Christ, transgresses with regard to the gospel of Christ, denies the very doctrine that gives Christ all the glory. «Whosoever transgresseth...» And the word «and» could be translated «even.» «...abideth not in the doctrine of Christ.» Notice it is not even saying, «abideth not in the doctrines of grace.» See, as I came in contact with people that held to the doctrines of grace, that became a standard. This is even before the Lord opened my eyes to show me that I was lost. I embraced the doctrines and I would endeavor to incorporate them in my preaching until the Lord was pleased to open my eyes and my heart to see it is not the doctrines of grace, it is the doctrine of Christ.

В этой части проповеди отражается сложный путь постижения истины. Трактовка состоит из целого ряда суждений, относящихся к данному предмету или вопросу, которые следуют одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, в результате чего на поставленный вопрос дается ответ. В изученных проповедях трактовка чаще движется от конкретного к абстрактному, т. е. формулировка проблемы и её рассмотрение вытекают из отдельного примера, иллюстрации, конкретного утверждения или рассуждения, а затем переходят в рассуждения более абстрактного характера. Это объясняется, как уже отмечалось, необходимостью в самом начале заинтересовать слушателя проблематикой проповеди и удержать его внимание в течение всей речи. Индуктивно-дедуктивный способ развития мысли и причинно-следственная связь явлений находят выражение в структурной соотнесённости предложений, отражающей движение, развитие, сцепление мыслей.

В основной части усложняется логическая структура проповеди, что приводит к появлению разветвлённой системы синтаксических отношений. Развитие мысли обуславливает выделение какого-либо слова или словосочетания в предшествующем предложении, которое повторяется, распространяется в последующем предложении. Последовательное нанизывание таких предложений создаёт эффект бесконечной логической цепочки, ведущей к кульминационному моменту проповеди.

Самыми частотными синтаксическими фигурами в трактовке проповеди являются параллельные конструкции и повторы.

Заключительная часть проповеди играет важнейшую роль в композиционном строении речи. Заключение преследует двоякую цель: суммировать в сознании слушателей общую картину всего сказанного и вызвать у них определённые чувства, оказать на них эмоциональное воздействие, призвать к определённым действиям.

Альтернативная проповедь, как правило, помимо призыва к объединению во имя Бога, содержит в себе элементы благодарственной и хвалебной молитвы, поданной в вольной, неканонической форме. Объясняется это тем, что в альтернативных проповедях, изолированных от храмового действия, частично восполняется литургический момент за счет импровизированной ектеньи:

Father we thank you for the power of your Word, the power of your truth. We thank you that this book is alive. We feel like we have got dirt on our feet from being there in the village when all this unfolded. We understand it a fresh, new grasp of grace fills our minds. Oh, Lord, we thank you that you have been gracious to us whether we came as the extreme profligate or that we came as the extreme hypocrite or anything in between.

You can save to the uttermost all who come to you! And in an instant comes reconciliation, forgiveness, sonship, the lavish affection and love and you give us the right to become children of

God. Thank you for this glorious message of grace and may it penetrate our hearts in a fresh way. And we give you the glory for you are the loving, compassionate Father who came down and took our shame. We love you in Christ's name. Amen.

Таким образом, для выполнения коммуникативной задачи каждой из частей альтернативной проповеди проповедники используют определённый набор формальных языковых средств, в частности, средства экспрессивного синтаксиса. Для *вводной части* проповеди, преследующей цель привлечь внимание аудитории и обеспечить её предварительное понимание и сочувствие, характерно использование различного рода повторов (в основном, анафорических и рамочных), вопросительных конструкций. *Основная часть* проповеди, включающая наррацию и трактовку, характеризуется большим, по сравнению с введением, разнообразием стилистических приёмов. Для *наррации* наиболее характерными являются повторы, эллиптические конструкции. В *трактовке* к наиболее частотным формальным средствам реализации логических отношений между пропозициями следует отнести параллельные синтаксические конструкции, способствующие достижению логической связности текста. *Заключительная часть*, призванная, с одной стороны, суммировать вышесказанное, а с другой — вызвать эмоциональный отклик у слушателей и призвать их к определённым действиям, характеризуется наиболее частым использованием параллельных конструкций для достижения первой цели и восклицательных и повелительных конструкций I лица множественного числа — для осуществления воздействия. Заключение в альтернативной проповеди может также содержать в себе молитвенное обращение к Богу, осуществляемое в произвольной форме.

Л и т е р а т у р а

1. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика. — М. : Мысль, 1978. — С. 15–166.
2. Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы / В. Ф. Певницкий. — СПб., 1908. — 293 с.
3. Рыжов Ю. В. Ignoto Deo : Новая религиозность в культуре и искусстве [Электронный ресурс] / Ю. В. Рыжов. — Режим доступа : http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_3.shtml
4. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим [Электронный ресурс] / Ф. Шлейермахер. — Режим доступа : <http://pravv.km.ua/read/0025/13.html>

R e f e r e n c e s

1. Aristotel'. Ritorika / Aristotel' // Antichnye ritoriki. — М. : Mysl', 1978. — S. 15–166.
2. Pevnickij V. F. Cerkovnoe krasnorechie i ego osnovnye zakony / V. F. Pevnickij. — SPb., 1908. — 293 s.
3. Ryzhov Ju. V. Ignoto Deo : Novaja religioznost' v kul'ture i iskusstve [Elektronnyj resurs] / Ju. V. Ryzhov. — URL : http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_3.shtml
4. Shlejermaher F. Rechi o religii k obrazovannym ljudjam, ee prezirajushhim [Elektronnyj resurs] / F. Shlejermaher. — URL : <http://pravv.km.ua/read/0025/13.html>

БЕЗПАЛОВА Катерина Вікторівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики перекладу Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
e-mail: kate.bezpalova@gmail.com; тел.: +38 (0482) 630703

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ СТРУКТУРНИХ ЧАСТИН АНГЛІЙСЬКОЇ АЛЬТЕРНАТИВНОЇ ПРОПОВІДІ

Анотація. Мета статті — описати диференційні ознаки, які відрізняють проповідь від світських комунікативних актів. Проповідь трактується як промова, що виголошується в церкві священнослужителем (адресантом) перед общиною (адресатом) усно у формі монологу за допомогою певної мови (коду) з метою чинення релігійно мотивованого впливу на адресата. Встановлені макростратегії, які використовуються в альтернативній проповіді: проведення християнського вчення, впровадження у свідомість слухачів божественних істин, викладених у Біблії; відстоювання правильності свого вчення в порівнянні з іншими релігіями і релігійними напрямками; демонстрація практичного застосування Божественної логіки для досягнення особистого успіху, процвітання, благополуччя; висунення на перший план особи риторика, що прагне відповідати очікуванням соціуму і претендує на свою винятковість і обраність. Проаналізовано структурні складові тексту альтернативної релігійної проповіді: Вступ, Нарація, Трактовка та Висновки. Матеріалом дослідження слугували 11 англійських проповідей загальною тривалістю 10 годин 15 хвилин, виголошених альтернативними проповідниками в концертних залах і на стадіонах.

Ключові слова: проповідь, вступ, нарація, трактовка, висновки, синтаксис.

Kateryna V. BEZPALOVA,

Candidate in Philology Sciences (Ph.D), associate professor of Translation Department, Romance-Germanic Faculty, Odessa I. Mechnikov National University, 24/26 Francuzky blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: kate.bezpalova@gmail.com; phone: +38 (0482) 630703

THE SEMANTIC-SYNTACTIC PECULIARITIES OF THE ENGLISH ALTERNATIVE SERMON STRUCTURAL COMPONENTS

Summary. The main *purpose* of the article is to investigate distinctive features of a religious sermon making it divergent from any other social and secular communicative acts. The *object* of this study is the Alternative Sermon Text. The *subject* of this study is the alternative sermon semantic-syntactic characteristics. The sermon is treated as the speech delivered in church by the priest (sender) in front of the congregation (addressee) orally in the form of a monologue by means of a certain language (code) in order to produce its religiously motivated impact on the addressee. The macrostrategies used in the alternative sermon have been determined: the realization of the Christian doctrine; implementation of gospel truth stated in the Bible into the consciousness of the listeners; assertion of correctness of one's doctrine in comparison with other faiths, religions and religious denominations; demonstration of practical application of Divine logic for achievement of personal success, prosperity, wellbeing; foregrounding the speaker's personality whilst he/she tends to meet expectations of society by his/her aspirations to personal exceptionality and a selectiveness. As for the *finding*, structural components of the alternative sermon text have been analyzed: Introduction, Narration, Interpretation and Conclusion. The research has been carried out on the basis 11 English sermons held during the public service conducted by alternative gossellers in concert-halls and stadiums lasting altogether 10 hours and 15 minutes. The following *methods* have been used: the method of semantic and stylistic analysis, the method of component analysis, the functional method, the contextual and interpretational method. The achieved *results* have *practical value*, since they can be discussed within the courses of Discourse Analysis and Stylistics.

Key words: sermon, introduction, narration, interpretation, conclusion, syntax.

Статтю отримано 12.10.2015 р.

УДК 811.111–112'373.22:83'373.6

ГРИНЬКО Ольга Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; nekolyasha@gmail.com; моб.: +38 067 7612038

ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ ВЕРБАЛИЗИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ-АРХЕТИПОВ AIR И EARTH: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Цель* данной статьи — описать результаты исследования этимологического аспекта интегрированности вербализированных концептов-архетипов AIR и EARTH. *Объектом* анализа являются проявления амбивалентности концептов-архетипов AIR и EARTH. *Предмет* анализа — характеристики, указывающие на сохранение архетипических признаков данных концептов на ранних этапах вербализации. В *результате* использования *метода* типологического анализа обнаружена типологическая соотнесённость единиц, оязыковляющих данные концепты, с другими единицами, входящими в дуальную оппозицию более высокого уровня абстрактности: UP — DOWN. Использование метода этимологического анализа помогло установить мотивацию этимологической соотнесённости единиц, вербализирующих рассматриваемые концепты-архетипы, с рядом других номинативных единиц, в том числе на основе религиозно-мифологических представлений. Выявлены и описаны аспекты, указывающие на интегрированность данных явлений, в том числе, в рамках дуальной оппозиции UP — DOWN. Описана реализация интегрированности верха и низа посредством вербализации признаков прототипической оси, соединяющей и объединяющей *верх* и *низ*, а также инвариантного сюжета движения вдоль такой оси; выявлены и проанализированы основные характеристики таких явлений. **Выводы.** Вербализированный концепт-архетип AIR на ранних этапах вербализации обладает положительными характеристиками и обнаруживает признаки *рождения* и *места обитания души и Бога*. ВЕРХУ / AIR противопоставлен НИЗ / EARTH, наделённый многими негативными качествами, которые прослеживаются как в дериватах, так и в базовых для развития лексемы корнях. Ключевые признаки *материнства* и *рождения* при этимологическом анализе выявляются лишь косвенно, через взаимодействие с НЕБОМ, оплодотворяющим ЗЕМЛЮ.

Ключевые слова: архетипические признаки, вербализация, бинарные оппозиции *верх-низ*, *небо-земля*, интегрированность, концепт-архетип, этимологический аспект.

Постановка проблемы. Неотъемлемой частью структурирования концепта является этимологический анализ оязыковляющих его единиц. При анализе вербализации такого сложного многоуровневого явления как концепт-архетип этимологический анализ позволяет выявить наиболее архаичные признаки изучаемого явления и их реализацию на ранних этапах его оязыковления.

Анализ последних исследований и публикаций. Выявлением особенностей происхождения языковых единиц, вербализирующих первостихии в целом и воздух и землю в частности, становились объектом исследования таких учёных, как С. А. Борисова, Т. Е. Жакова, М. М. Мавковский и другие.

Целью данного исследования является выявление особенностей ранних этапов вербализации концептов-архетипов AIR и EARTH, в том числе, с точки зрения реализации их основных архетипических признаков, амбивалентной природы и синкретичности.

Изложение основного материала. Важным элементом этимологического анализа представляется понятие множественной этимологии, предложенное В. Н. Топоровым. Оно предполагает, что нельзя не принимать во внимание многозначность древнего слова, в значительной степени обусловленную процессами табуирования. Кроме того, возможно соотнесение одного и того же слова с самыми различными значениями, поскольку метафора в древности строилась по принципу сходства предметов и являлась одним из основных источников омонимии [цит. по: 1, с. 17].

Отметим также, что ввиду очевидной семантической близости при этимологическом анализе лексемы AIR для полноты и объективности выводов будут также привлекаться лексемы UP и SKY; по тем же мотивам при изучении этимологической наполненности лексемы EARTH будет рассматриваться также лексема DOWN.

Этимологические словари указывают на то, что лексема AIR происходит от и.-е. основы **awer-*, соотносящейся с *aeirein* <подниматься, восходить>, лежащей в основе и других лексем со значением ВОЗДУХ, НЕБО: гр. *aer* <воздух, дуть, дышать>, лат. *aerem* <воздух, нижняя атмосфера, небо>, ст.-фр. *air* <атмосфера, ветер, погода>. В данном случае, проявляется тесная связь между понятиями ВОЗДУХ / AIR и НЕБО / SKY. Этимология последнего отражает представления о небе как о некоем куполе, покрове, окутывающем землю, поскольку восходит к и.-е. корню **(s)keu-* <покрывать, прятать>, лежащему в основе др.-верх.-нем. *sciuwo*, др.-англ. *scia*, др.-сев. *skuggi* <тень>, а также прот.-герм. **skeujat*, др.-англ. *seco*, др.-сакс. *scio* <тень> [6; 7; 9].

Кроме того, обнаруживается связь между небом и рождением / порождением: сравните, например, литовск. *dangiis* <небо> и англ. *stock* <род>, хет. *sami* <небо> и лат. *sēmēn* <семя>, а также др.-сев. *roðull* <небо> и др.-инд. *ret-* <семя>; ирл. *spear* <небо> и лат. *pario* <родить>; др.-инд. *tok-(man)* <потомство>, греч. *παῖδί* <дети>, греч. *τέκνο* <ребёнок> и, в то же время, греч. *οὐρανός* <небо>, но осет. *waryn* — <рожать>, хет. *an(n) iya* <производить, сажать, сеять, возделывать>; др.-англ. *hoefon* <небо> и норв. диал. *hove* <рожать>, лат. *coelum* <небо> и др.-инд. *kula* — <род, потомство> [2, с. 125].

Обнаруживаются также признаки актуализации НЕБА / ВЕРХА как вместилища души, куда она отправляется после смерти: например, хет. *parkus* <высокий> и др.-англ. *teohr* <душа>, арм. *ogi* <дух, душа>; и.-е. **uer* — <верх> и тох. *a wras* <дыхание>; нем. *hoch* <высокий> и нем. *Hauch* <дух>, литовск. *kaukas* <дух, приведение>; а также **kel-* <верх> и лат. *celsus* <высокий>, *anhelare* <дышать>; др.-англ. *sawol* <душа>, англ. *soul* <душа>, нем. *seel* <душа> [2, с. 136; 7].

При этом выделяется группа лексем, оязыковляющих некие негативные понятия или характеристики и тесно связанных по своей этимологии с лексемой НЕБО / SKY. Например, гот. *himins* <небо>, но тох. *a ket* <плохой>, лат. *coelum* = **kes-lum* <небо>, но чешск., *kouzlo* <магия, колдовство>; греч. *οὐρανός* <небо>, но англ. *worse* <хуже>; др.-инд. *svargah* <небо>, но русск. *враг* [1, с. 125]. Анализ лексемы ВЕРХ также выявляет тесную этимологическую связь с лексемами и корнями, обладающими отрицательной коннотацией: и.-е. **uer* — <верх> лежит в основе таких лексем, как и.-е. *swer* <наносить вред>, др.-инд. *svarmi* <прицать>, перс. *xīre* <злостный>, др.-англ. *werig* <грустный>. Типологически сопоставимы также русск. *макушка* и нем. *Makel, Macke* <изъян> [3, с. 167; 7; 8]. Этот ряд указывает на восприятие НЕБА / ВЕРХА как источника хаотической силы, что проявляется и при исследовании религиозно-мифологических представлений. С другой стороны, учитывая особенности номинации в период возникновения индоевропейского языка, не исключено, что негативные характеристики приписывались небу лишь в контексте табуированности сакральных объектов, к которым оно, небо, безусловно, относилось.

На этимологическом уровне обнаруживается также взаимосвязь ВЕРХА и головы и волос: др.-англ. *heofod* <голова> сопоставимо др.-англ. *heofon* <небо>, бретонск. *koabrenn* <облако>; и.-е. **keg-* <голова>, русск. *голова* и лат. *caelum* <небо>, лат. *celsus* <высокий>; др.-англ. *copp* <вершина> и нем. *Kopf* <голова>, др.-сев. *scopt* <волосы>; др.-англ. *heah* <высокий> и др.-англ. *hder* <волосы>; а также лат. *pil* <вершина> и др.-сев. *topp* <волосы>, русск. *чуб*, др.-в.-нем. *zopf* <макушка, хохолок, коса>, англ. *top* <верх, верхушка>

[1, с. 143]. В данном случае наблюдается реализация антропоморфной модели создания Вселенной, характерной для многих космогоний, в том числе, германской. Напомним, что согласно германо-скандинавской мифологии, мир был создан путём расчленения великана Имира. И именно голова великана впоследствии превратилась в небо [5].

Согласно древним представлениям, Земля и Небо первоначально были едины и представляли собой божественную пару, которая дала начало жизни во Вселенной (ср.: нем. *Himmel* <небо> и и.-е. **ghem* <земля>). Затем Земля была отделена от Неба. Этот ключевой этап космогонии нашёл своё отражение и в последующем развитии лексем, вербализующих соответствующие концепты. Так, англ. *ground* соотносится с и.-е. *ger-/ker-* <рассекать, разрывать> и и.-е. **(s)ned-* <рассекать, разрывать> [7]. Ещё одним возможным вариантом происхождения данной лексемы является слияние греч. *γη* <земля> и др.-англ. *rendan* <отрывать, отсекаль> (т.е. буквально — «оторванная земля»). Подтверждение этому находим и при этимологическом анализе таких лексем, как нем. *Erde* <земля> (ср. и.-е. **er-* <рассекать>, и.-е. **edh-* <отсекать, отрывать>), лат. *terra* <земля> (ср. и.-е. *ter-/der-* <рассекать, отсекаль>), ирл. *talam* <земля> (и.-е. **tel-* <отсекать>), греч. *ὄβας* <почва, земля, пол, низ> (ср. и.-е. **ueid-* <рассекать, отсекаль>). Типологически сопоставимы также др.-инд. *dhara* <земля>, но и.-е. **der* <отсекать>; лидийск. *Qel* <земля> и и.-е. **kel-* <отсекать>; тох. *päts* и и.-е. **pät-* <отсекать>; хет. *tekan* и и.-е. **dek-* <отсекать> [78, с. 114; 241]. В свою очередь, корни со значением <резать> и <рассекать> в индоевропейском закономерно переходят в бинарную оппозицию ВЕРХ — НИЗ: ср. и.-е. *ger-/ker-* <верх> и **ned-* <низ> [4].

В этимологических словарях указывается на то, что лексема EARTH развилась из др.-англ. лексемы *eorþe* <земля, почва, суша>, использовавшейся также в значении <материальный мир> (как оппозиция небесам и преисподней). Эта лексема, в свою очередь, восходит к прот.-герм. корню **ertho* (сравните также др.-фриз. *erthe*, др.-сакс. *ertha*, др.-сев. *jörð*, ср.-сканд. *eorde*, гол. *aarde*, др.-верхн.-нем. *erda*, нем. *Erde*, гот. *airþa*), в основе которого лежит и.-е. корень **er-* <земля, почва> [6; 7; 8].

Поскольку образ ЗЕМЛИ обладал признаками материнства и почитался как некое сакральное начало, слова, номинирующие данный образ, часто табуировались: **mater-* <мать>, нем. *Erde* <земля> и лат. *m-ateria* <первовещество>, а также др.-англ. *éorð* <земля> и др.-инд. *ardha-* <вовне, на периферии> (то есть, соотносящиеся с Хаосом) [1, с. 146]. Кроме того, проявление признаков соотношения с хаосом и первовеществом может указывать на сохранившуюся в языке связь между ЗЕМЛЕЙ и Хаосом, представления о которой закреплены в мифологических системах многих народов [5]. Возможно, именно высокая степень табуированности и сакрализации послужили причиной того, что позитивные характеристики ЗЕМЛИ на ранних этапах вербализации этого концепта прослеживаются лишь косвенно, в рамках ритуалов захоронения: погребённый в землю получает возможность возродиться вновь и/или наслаждаться бытием в мире ином: ср.: и.-е. **mer-* <умирать> и англ. *merry* <весёлый>, русск. *труп* и литовск. *tarpti* <процветать>, др.-сев. *doegia* <умирать> и *gedeihen* <процветать> [1, с. 168].

Плодовитость и материнское начало, являющиеся доминирующими характеристиками ЗЕМЛИ в мифологии, на ранних этапах вербализации данного концепта также выражены слабо и проявляются лишь опосредованно, например, через метафору поглощения (зерна). Сопоставимы, с этой точки зрения, нем. *Erde* <земля> и греч. *έορτη* <еда, пища>; типологически соотносятся также тох. *A pats-* <земля, почва>, и.-е. **pet-* <съедать>, русск. *пиматься*, греч. *πίτα* <пирог>. В данном случае наблюдаются также параллели с и.-е. словом *rei(ə)* <жир, молоко>, соотносящимся с образом матери-кормилицы [3].

Реализация признака материнства в концепте ЗЕМЛЯ осуществляется через метафорическое принятие божественного семени, чаще всего, в виде дождя. Например, Эсхил, описывая дождь, указывал на то, что «все боги Неба оплодотворяют Землю дождём. Падающий с Неба дождь оплодотворяет Землю, и она рождает зерно для человека и зверя» [10]. Подобный взгляд на плодородие проявляется при сопоставлении др.-инд. *ret-* <мужское семя> (типологически сравните также и.-е. корень **reg-* <мокрый, влажный>, образовавший протогерм. **regna-* и др.-англ. *regn*→*rain* <дождь>), а также осет. *agun* <рожать>, тох. *A ag-* <рожать>, др.-инд. *^dhati* <преусевать, благоденствовать> [1, с. 145; 7; 9].

При этом семантически связанный с материнством признак женского начала сопровождается негативными характеристиками, что может быть связано с его табуированностью, с одной стороны, и противопоставлением НЕБУ / ВЕРХУ, божественному началу, с другой. Исходя из последнего, ЗЕМЛЯ / НИЗ рассматривается как нечто греховное, а значит, негативное. Сравните, напр.: др.-англ. *botm*, *bodan* <дно, земля, низ> и и.-е. **bhoidho* <скверный, плохой>; типологически сопоставимы лидийск. *gel* <земля> и русск. *зло*; русск. *прах* <пыль> и русск. *порок*; нем. *Frau* <женщина>, лат. *peior* <хуже> и англ. диал. *free* <червь> (обыватель нижнего мира); русск. *корень* (произрастающий в земле), русск. *корить*, *укор* и др.-сев. *skord* <женщина>; нем. *Staub* <пыль; прах; земля>, др.-сев. *vord* <женщина> и англ. *worse* <хуже> [1, с. 148].

Проявлением, в большей степени, христианских представлений о создании человека можно считать и выраженную связь между лексемами со значением ЗЕМЛЯ и ЧЕЛОВЕК: др.-англ. *ear* <земля>, но и.-е. **ag-* <человек, мужчина>; типологически ср. др.-инд. *ksam* <земля>, лат. *humus* <земля>, но тох. А *som* <ноша>, лат. *homo / humanum* <человек, человеческий>; церк.-слав. *тло* <земля>, лат. *tellus* <земля>, но тох. А *a-tal* <человек>; осет. *sygyt* <земля, почва>, но др.-англ. *secg* <человек>; белорусск. *ружа* <земля>, но др.-англ. *rinс* <человек> [1, с. 130; 7]. В то же время, имеется вероятность того, что тесная связь лексем с такими значениями является репрезентацией инвариантного сюжета разделения первочеловека (великана) с целью создания мира.

Говоря о синкретизме концептов-архетипов AIR и EARTH, следует также отметить, что этимологический анализ позволяет выявить в рамках данных вербализованных концептов и присутствие некой прототипической оси, вертикали, связывающей ВЕРХ и НИЗ. Представления о такой вертикали характерны для большинства мифологий и религий мира и воплощаются в различных архетипических образах (АО), наиболее типичными из которых являются АО ДРЕВО МИРОВОЕ и ГОРА МИРОВАЯ. Включённость данных образов, актуализированных посредством соответствующих концептов в процесс оязыковления концептов-архетипов UP / AIR / SKY и DOWN / EARTH, довольно чётко проявляется при этимологическом анализе.

Оязыковлённый образ Древа Мирового просматривается при сопоставлении таких корневых лексем, как и.-е. **ker-* <верх> и др.-сев. *skorg* <лес>, прусск. *kirno* <куст>, литовск. *keras* <гнилой пенё>, латышск. *cers* <куст>; и.-е. **ker-/ *kes-* <верх> и и.-е. **ker* <лес, кустарник>, а также и.-е. **res-/ *les-* <верхний> и русск. *лес*. В то же время, этимологически соотносятся осет. *qad* <дерево> и греч. *Ἥιδας* <мир теней> (нижний, загробный мир); др.-инд. *nakarah* <загробный мир> и др.-инд. *naga* <дерево>; др.-инд. *rohi* <дерево> и лат. *orcus* <загробный мир> [2, с. 141; 7].

Лексемы, вербализующие аналог АО Древо Мировое — АО Гора Мировая, выявляются также при этимологическом анализе исследуемых единиц. Так, гот. *fairhvus* <Вселенная> соотносится с гот. *fairguni* <гора>; осет. *taman* <верх, вершина> — с гот. *teamhair* <холм, гора>, а и.-е. **uer* <верх> с др.-инд. *maru* <гора> [2, с. 141; 7].

Обнаруживается присутствие других интерпретаций упомянутой прототипической оси. Сопоставимы в данном случае и.-е. **uer* <верх> и и.-е. **suer-* <столб>; др.-англ. *pīl* <вершина>, и.-е. *pelis* <скала> и англ. *pole* <шест, столб>, франц. *pilier* <столб>, лат. *pila* <колонна>; и.-е. **k'em* <палка, шест, рог> и лат. *celsus* <высокий>, лат. *caelum* <небо>, которые, в свою очередь, можно сравнить с русск. *кол*; и.-е. **uer* <верх> и и.-е. **suer-* <столб> [6; 3, с. 120]. Следовательно, ось представляется в виде столба, колоны, шеста. Ещё одной интерпретацией образа вертикальной оси между небом и землёй является образ лестницы. Так, и.-е. **kai (kei)-ar-/er-* <небо>, но др.-англ. *hloedder* <ступени вверх>; др.-в.-нем. *Hleitra* <верх, небо>, но лат. *scala* <лестница>, лат. *callis* <проход, тропа>; а также осет. *asin* <лестница>, но др.-англ. *as*, др.-сев. *oss* <бог> (небожитель) [1, с. 132].

Кроме того, этимологический анализ позволяет выявить зафиксированный на ранних стадиях вербализации рассматриваемых концептов инвариантный сюжет движения по вертикальной оси, фигурирующий в мифах разных народов. Так, и.-е. корень **ker-/ *kel-* имеет значения <верх> и <двигаться>, что сопоставимо с и.-е. **ke:i-* <двигаться>, *keid-* <падать, двигаться вниз>; сравните также и.-е. **uer* <верх> с и.-е. **ueg-*, и.-е. **leu-dh-* <двигаться> [7].

Выводы. Таким образом, этимологический анализ лексем, вербализующих концепты-архетипы AIR и EARTH, показал следующее. Вербализованный концепт AIR обнаруживает такие признаки, как *рождение, место обитания души и Бога*, что соответствует признаку *местопребывание мифологизированных объектов* (как божественных, так и демонических). В целом, данный концепт-архетип на ранних этапах вербализации обладает выражено положительными характеристиками. В то же время, положительному ВЕРХУ / AIR противопоставлен НИЗ / EARTH, наделённый множеством негативных качеств, прослеживающихся как в дериватах, так и в базовых для развития лексемы корнях. Ключевые для данного концепта в контексте мифологических представлений признаки *материнства и рождения* при этимологическом анализе выявляются лишь косвенно, через взаимодействие с НЕБОМ как носителем семени, оплодотворяющего ЗЕМЛЮ. Единичные, обнаруживающие *женские* признаки и приписываемые ЗЕМЛЕ, тесно связаны с лексемами, обозначающими *зло и порок*. Мотивом для подобной негативной репрезентации может служить поклонение и высокая степень сакрализации ЗЕМЛИ, что привело к табуированности при номинации данного объекта.

Зафиксированный в мифологии и в языке образ прототипической вертикальной оси между НИЗОМ и ВЕРХОМ, ЗЕМЛЁЙ и НЕБОМ, вдоль которой осуществляется движение, указывает не только на выраженную синкретичность данных объектов, но и позволяет говорить о реализации инвариантного сюжета *перемещения героя вдоль такой оси* вверх или вниз.

Наши дальнейшие исследования будут направлены на изучение проявлений интегрированности вербализованных концептов-архетипов AIR и EARTH в лексикографических источниках.

Литература

1. Борисова С. А. Метафоры «неба» и «земли» в германских языках : на индоевропейском фоне : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.20 / С. А. Борисова. — М. : Военный ун-т, 2007. — 180 с.
2. Жакова Т. Е. Мифологема неба и земли (верха и низа) в германских языках (на индоевропейском фоне) : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.04 / Т. Е. Жакова. — М., 2001. — 189 с.
3. Кривалёва О. В. Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.19 / О. В. Кривалёва. — Уфа, 2008. — 213 с.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — М. : Гуманит. ИЦ ВЛАДОС, 1996. — 237 с.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1. — 671 с.
6. Appendix : List of Proto-Indo-European roots [Электронный ресурс] // Wiktionary. — URL : http://en.wiktionary.org/wiki/Appendix:List_of_Prototo-Indo-European_roots
7. Indo-European Etymological Dictionary — Indogermanisches Etymologisches Woerterbuch (J. Pokorny) [Электронный ресурс]. — URL : <http://dnghu.org/indoeuropean.html>
8. Kluge F. Etymological dictionary of the German language [Электронный ресурс] / F. Kluge. — URL : <http://www.archive.org/details/etymologicaldict00kluguoft>
9. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.etymonline.com>
10. Wikipedia, the free encyclopaedia [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.wikipedia.org/>

References

1. Borisova S. A. Metafori «neba» i «zemli» v germanskih jazykah : na indoevropejskom fone : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.20 / S. A. Borisova. — M. : Voenij un-t, 2007. — 180 s.
2. Zhakova T. E. Mifologema neba i zemli (verha i niza) v germanskih jazykah (na indoevropejskom fone) : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.04 / T. E. Zhakova. — M., 2001. — 189 s.
3. Krivaliova O. V. Koncepty «nebo» i «zemlia» v russkoj i nemeckoj jazykovyh kartinah mira : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.19 / O. V. Krivaliova. — Ufa, 2008. — 213 s.
4. Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropejskih jazykah : Obraz mira i miry obrazov / M. M. Makovskij. — M. : Gumanit. IC VLADOS, 1996. — 237 s.
5. Mify narodov mira. Enciklopedija : v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. — M. : Sov. enciklopedija, 1991. — 671 s.
6. Appendix : List of Proto-Indo-European roots [Elektronnyj resurs] // Wiktionary. — URL : http://en.wiktionary.org/wiki/Appendix:List_of_Prototo-Indo-European_roots
7. Indo-European Etymological Dictionary — Indogermanisches Etymologisches Woerterbuch (J. Pokorny) [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://dnghu.org/indoeuropean.html>
8. Kluge F. Etymological dictionary of the German language [Elektronnyj resurs] / F. Kluge. URL : <http://www.archive.org/details/etymologicaldict00kluguoft>
9. Online Etymology Dictionary [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://www.etymonline.com>
10. Wikipedia, the free encyclopaedia [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://www.wikipedia.org/>

ГРІНЬКО Ольга Сергіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики перекладу Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
e-mail: nekolyasha@gmail.com; моб.: +38 067 7612038

ІНТЕГРОВАНІСТЬ ВЕРБАЛІЗОВАНИХ КОНЦЕПТІВ-АРХЕТИПІВ AIR І EARTH:
ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. *Мета* статті — описати результати дослідження етимологічного аспекту інтегрованості вербалізованих концептів-архетипів AIR і EARTH. *Об'єктом* аналізу є прояви амбівалентності концептів-архетипів AIR і EARTH. *Предмет* аналізу — характеристики, що вказують на збереження архетипових ознак цих концептів на ранішніх етапах вербалізації. *У результаті* застосування *методу* типологічного аналізу виявлено типологічну співвіднесеність одиниць з іншими одиницями, що входять до дуальної опозиції вищого рівня абстрактності: UP — DOWN. Застосування методу етимологічного аналізу допомогло з'ясувати мотивацію етимологічного співвіднесення одиниць, що вербалізують такі концепти-архетипи, з низкою інших номінативних одиниць, у тому числі на основі релігійно-міфологічних уявлень. Виявлено й описано аспекти, що вказують на інтегрованість досліджуваних явищ, у тому числі, в межах дуальної опозиції UP — DOWN. Описано реалізацію інтегрованості верху і низу шляхом вербалізації образу прототипової осі, що з'єднує й об'єднує їх, а також інваріантного сюжету руху вздовж такої осі; виявлено та проаналізовано основні характеристики таких явищ. **Висновки.** Вербалізований концепт-архетип AIR на ранішніх етапах вербалізації має позитивні характеристики і виявляє ознаки народження та місця проживання душі і Бога. ВЕРХ / AIR протиставлено НИЗУ / EARTH, наділеному багатьма негативними якостями, що простежуються як у дериватах, так і в базових для розвитку лексеми коренях. Ключові ознаки материнства і народження при етимологічному аналізі виявляються лише побічно, через взаємодію з НЕБОМ, яке запліднює ЗЕМЛЮ.

Ключові слова: архетипові ознаки, вербалізація, бінарні опозиції *верх-низ*, *небо-земля*, інтегрованість, концепт-архетип, етимологічний аспект.

Olga S. GRYN'KO,

Candidate in Philology Sciences (Ph.D), Associate Professor of Translation Department, Romance-Germanic Faculty, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: nekolyasha@gmail.com; mob.: +38 067 7612038

INTEGRATION OF THE VERBALIZED ARCHETYPAL CONCEPTS *AIR* AND *EARTH*: ETYMOLOGICAL ASPECT

Summary. The article focuses on the etymological aspect of integration of the verbalized archetypal concepts AIR and EARTH. It analyzes the display of the ambivalent nature of each archetypal concept; describes the characteristics, which indicate the preservation of the archetypal features at the earliest stages of these concepts' verbalization; and reveal typological correlation of the units to name these concepts with the units, integrated to the dual opposition of the advanced abstraction level UP-DOWN. The research addresses the integration of UP and DOWN via verbalized image of the prototypical axis to unite and incorporate them, as well as the motion along such axis; it also reveals and analyzes the basic characteristics of such phenomena.

Key words: archetypal characteristics, archetypal concept, earth – air, etymological aspect, integration, up-down, verbalized concept.

Статтю отримано 22.10.2015 р.

УДК 811.161.1'373.231

МУРАДЯН Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина; e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38 (0482) 6444449; моб.: +38 095 5148345

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМНОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов организации антропонимного пространства романа В. В. Набокова «Защита Лужина». Автор обращает внимание на необычность ономастического пространства этого произведения Набокова по сравнению с другими романами писателя. Главной особенностью является доминирование фамилии «Лужин», при помощи которой формируются другие номинации главных героев в строгой иерархии, как в шахматной партии вокруг короля. Важность номинации «Лужин» усиливается вынесением её в название произведения. Номинация «Лужин» используется в неизменном виде, как в официальных, так и в неофициальных ситуациях общения; как в речи автора, так и в речи персонажей. Детское имя из дошахматного времени и имя-отчество героя В. В. Набоков оставляет за рамками антропонимного пространства романа.

В построении антропонимного пространства произведения отсутствию антропонимной номинации у главных героев противопоставлена насыщенность собственных имён у второстепенных и лишь упоминаемых персонажей. В статье отмечается, что В. В. Набоков умело использует семантизацию и звукопись при создании вымышленных фамилий.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, антропонимное пространство, номинация, художественный текст, В. Набоков.

Роман В. В. Набокова «Защита Лужина» занимает значительное место в сиринском периоде его творчества. По этому произведению существуют различные, порой противоположные суждения таких исследователей, как Б. Бойд, А. А. Долинин, И. В. Миронова, Т. А. Неваленная, З. Шаховская и др. Это и композиционное построение текста в виде шахматной игры, и загадки Набокова, и необычность антропонимного пространства, связанная со всем замыслом, и многое другое. Поэтому исследование набоковского текста продолжает оставаться актуальным.

Цель нашего анализа состоит в выявлении особенностей построения антропонимного пространства в романе В. В. Набокова.

В ономастическом плане текст отличается значительными особенностями и нетрадиционным для В. В. Набокова использованием антропонимной номинации. В самом начале романа сам Набоков привлекает внимание читателя к именованию главного героя, которого отправляют учиться в гимназию: «Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным» [2, с. 5]. Но как звали маленького Лужина родители в семье, мы так и не узнаем. С этого

момента номинация «Лужин» станет центральной в тексте произведения, и все основные персонажи будут именоваться через неё.

Главной особенностью является то, что в этом романе В. В. Набоков очень мало использует антропонимную номинацию для главных героев. Он как бы старается «обойтись» без неё. В начале произведения формальным основанием для этого писателю служит возможность называть основных персонажей через восприятие ребёнка, маленького Лужина. Так, без имён названы отец, мать, тётя. Позже в восприятии взрослого Лужина даны близкие люди: невеста (жена), мать и отец невесты.

Глубинным объяснением такой номинации служит, как можно предположить, соотнесённость построения романа с шахматной игрой. Об этом В. В. Набоков писал в предисловии к американскому изданию произведения. Автор говорил, что весь роман — это, в сущности, дотошное описание шахматной партии (и его даже можно расшифровать). Кажется, что матч с Турати — это не только середина романа, но и середина партии (где происходит основная ошибка сил), и даже — середина доски. По этой трактовке развитие действия романа — это сама игра, а персонажи — фигуры. И так же, как в шахматной игре, номинация фигур подчинена чёткой иерархии (король, королева, конь, тура, пешки), так и в произведении апеллятивные именовании главных персонажей подчинены иерархии родства или отношения к главному герою. Главный герой оказывается шахматной фигурой этой партии — королём.

Исследователи творчества В. В. Набокова отмечали соотнесённость Лужина с главной шахматной фигурой — королём [4, с. 106]. Другие, напротив, обосновывали, что Лужин не король, а чёрный конь [5, с. 72]. В любом случае, Лужин, несомненно, является шахматной фигурой этой партии. В одном из эпизодов в начале болезни В. В. Набоков напрямую сравнивает Лужина с шахматной фигурой: «Ноги от пяток до бёдер были плотно налиты свинцом, как налито свинцом основание шахматной фигуры» [2, с. 82]. На наш взгляд, он всё-таки король. Всё в романе вращается вокруг него. Все связанные с ним персонажи, не имея собственных имён, названы через его фамилию, например: *невеста Лужина*, *мать невесты* и др. В детском воспоминании Лужин представляет, как, кутаясь в плед, играл в короля.

Персонажей без имени в произведении больше, чем персонажей с антропонимной номинацией: около 56 %. Особенно значимым это оказывается при рассмотрении состава этих персонажей. Среди них представлены не только обычно не именуемые горничная, экономка, буфетчик, шофёр, чиновник, фотограф, но и названные уже главные персонажи. Это нетрадиционный подход к организации антропонимного пространства в романе. В абсолютном большинстве литературных произведений главные герои получают антропонимную номинацию, а второстепенные персонажи и упоминаемые лица её не имеют. Такая система именования характерна и для других романов самого В. В. Набокова. Например, для романа «Подвиг», изданного двумя годами позже. Таким образом, можно отметить, что это главная особенность антропонимного пространства именно в «Защите Лужина».

Второй важной особенностью антропонимного пространства в романе является использование фамилии «Лужин». О. И. Фоякова называет собственные имена в произведении своеобразными скрепами в построении художественного текста [6, с. 29]. Исследуя роль собственного имени «Лужин», можно отметить, что оно является усиленной, даже гипертрофированной скрепой в тексте романа. Всё в этом произведении основано и происходит вокруг этой номинации.

Фамилия «Лужин» — именование главного героя произведения. Оно появляется в первой же фразе романа, проходит через весь текст, вступая в ряд оппозиций. С помощью этой фамилии названы другие персонажи. Представлена традиционная оппозиция именования с помощью одной фамилии сына и отца: «Лужин младший» и «Лужин старший». Менее традиционной является номинация отца по роду занятий: «Лужин, писавший книги» и именование «настоящий Лужин», предполагающее, что маленький Лужин именовался до этого по имени.

Не имеет имени невеста Лужина. Она описана в произведении несколько эскизно. И как её внешности «чего-то недоставало», так и её номинации недостаёт личного имени. Антропонимная номинация появляется у неё тогда, когда она становится женою Лужина и получает его фамилию. С этих строк романа она именуется «Лужина».

Важной особенностью организации антропонимного пространства является вынесение фамилии «Лужин» в название произведения. Это кладет важный и завершающий штрих на доминирование этой номинации в тексте романа. Следует отметить, что в названии фамилия «Лужин» включена в словосочетание «Защита Лужина». Это семантически многослойное название. С одной стороны, в нём присутствует характерное для названий произведений русской литературы вынесение именования главного героя в название произведения. С другой стороны, шахматный термин «защита» настраивает читателя на связь текста произведения и героя с шахматной игрой. И значение шахматного термина первым актуализируется в семантике заголовка. Важным для этой актуализации является и то, что предполагаемая повесть старшего Лужина-писателя должна была носить название «Гамбит».

Действительно, по сюжету Лужин готовит защиту на предстоящем турнире против своего соперника — итальянского игрока Турати. Но это только первый, лежащий на поверхности семантический слой. За ним реализуется семантика лексемы «защита». Для Лужина — это защита от окружающего его мира, которого он не знал и не понимал, от жизни, в которой он стал улавливать повторяемость ходов «шахматной игры», ведущейся Судьбой. Повторяемость ходов Судьбы вообще характерна для произведений В. В. Набокова. И в «Защите Лужина» выстраивается ряд повторений в сюжете, как в классической шахматной партии. Первая линия: поместье отца героя — переезд в Петербург — гимназия — шахматная игра — Валентинов — турнир — болезнь. Вторая линия: санаторий — переезд в Берлин в дом невесты — Петрищев (как напоминание о гимназии) — игра (втайне от жены) — появление Валентинова — смерть. Защита не удалась. И в воспалённом мозге Лужина созревает решение «выпасть из игры», свести счёты с жизнью. Исходя из этого, актуализация семы «защита от страшной жизни» становится понятной только при прочтении всего текста романа.

Следующей особенностью антропонимного пространства романа является функционирование номинации «Лужин». Это именование появляется в начале произведения. Маленькому герою отец сообщает, что в гимназии, в которой ему предстоит учиться, его будут называть, как большого, по фамилии. Герой вступает во взрослый, враждебный ему мир, и детское имя остаётся за ономастическим и временным пространством произведения. Мы так и не узнаем, как звали героя в детстве. Номинация «Лужин» проходит через весь текст романа, вступая в ряд оппозиций, но оставаясь неизменной и в авторской речи, и в речи персонажей. Именование героя по фамилии в одних ситуациях оказывается нормативным. Например, в гимназии было принято называть учеников по фамилиям. Шахматный игрок официально именовался по фамилии. А вот то, что в семейном общении в речи матери, отца, невесты и её родителей нет ни имени, ни отчества героя, привлекает внимание своей необычностью и выражает авторскую позицию. Имя героя всё время как бы «ускользает» от читателя. «Простите, ваше имя-отчество?» — спрашивает отец невесты [2, с. 68]. Но Лужин увлечён рассказом о шахматной партии и не отвечает. Начинает припоминать имя героя его одноклассник по гимназии Петрищев. Но называет только имя «Антон», которое было номинацией гимназиста из книги Лужина старшего. Лужин, желая прервать разговор с Петрищевым, говорит: «Ошибка, ошибка» — и уходит [2, с. 116].

Номинация «Лужин» вступает в ряд оппозиций, наиболее яркой из которых является следующая. Мать невесты, считая шахматную игру занятием несерьёзным для русского дворянина, говорит о фамилии «Лужин»: «Наверно, псевдоним, какой-нибудь Рубинштейн или Абрамсон» [2, с. 61].

Называя героя во всех ситуациях только одной номинацией по фамилии, В. В. Набоков, по нашему мнению, показывает, что Лужин необычен, он не включён в повседневную жизнь, в «ближний круг». Поэтому нет привычных в русской контактной коммуникации обращений по имени и отчеству или сокращённых имен в семейном общении.

От обычной жизни, которую он воспринимает как страшную игру, ведущуюся против него, Лужин решает уйти, «выпасть из игры», но уходит в шахматную бездну своего безумия: «...вся бездна распадалась на бледные и тёмные квадраты, и в тот миг, что Лужин разжал руки, в тот миг, что хлынул в рот стремительный ледяной воздух, он увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним» [2, с. 152]. Имя и отчество героя появляется только в последней фразе романа: «Александр Иванович, Александр Иванович!» — заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было» [2, с. 152]. Таким образом, по замыслу В. В. Набокова, человеческая сущность героя, как и человеческое именование, осталось за рамками антропонимного пространства произведения.

Если фамилия «Лужин» соответствует реальным русским фамилиям, то в романе есть именование реального шахматного игрока и теоретика Михаила Ивановича Чигорина, издателя журналов «Шахматный листок» и «Шахматный вестник». Оно обеспечивает достоверность изображения. Несомненной антропонимной находкой В. В. Набокова является, очевидно, вымышленная фамилия «Турати». В основу её положено название шахматной фигуры «тура». И оформлена она фамильным формантом, соответствующим «итальянским фамилиям». Турати — основной противник Лужина на шахматном турнире. В этой фамилии использованы и звуковые соответствия: турнир — Турати. Есть в тексте романа предложение, подтверждающее, что для Набокова важно фонетическое оформление этой фамилии. «Тар, тар, третар, — затараторил, качая головой, внезапно возникший Турати» [2, с. 78]. Это пример прекрасной звукописи, которая актуализирует основные повторяющиеся согласные фамилии «т» и «р». Взрывной «т» и вибрант «р» создают фонетическое соответствие напористости, которая характерна для стиля шахматной игры Турати.

В построении антропонимного пространства произведения присутствует противопоставление. Отсутствию антропонимной номинации у главных героев противопоставит насыщенность собственных имён у второстепенных и лишь упоминаемых персонажей. Гости в доме родителей невесты и гости в доме молодых Лужиных — все получают антропонимную номинацию. Например:

Олег Сергеевич Смирновский (очевидно, реальная личность), певица Воздвиженская, Петров, Василий Васильевич, актёр Граальский (метко подмеченный Набоковым красивый актёрский псевдоним от Святого Грааля). Эти номинации создают колорит русской эмигрантской среды в Берлине. Таким же образом немецкий колорит представлен именами молодых людей, оказавших помощь больному Лужину: Гюнтер, Карл, Курт и фамилия Пульвермахер.

В романах В. В. Набокова много литературных реминисценций, данных, как правило, в пародийной форме. Одна из самых важных литературных реминисценций в «Защите Лужина» введена в произведение с помощью необычного функционирования антропонимного именования. Мать невесты спрашивает, почему дочь называет Лужина по фамилии, ведь в 20-х годах XX века такая номинация по отношению к жениху была непривычной. Дочь отвечает, что так делали тургеневские девушки. Сравнение героини с тургеневской девушкой проходит через весь роман. Сама мать называет себя бой-бабой или казаком, что, как пишет Набоков, является смутной реминисценцией из «Войны и мира» (толстовская Ахросимова).

Подводя итоги, можно отметить, что главной особенностью антропонимного пространства в романе «Защита Лужина» является необычная неантропонимная номинация главных персонажей произведения. Глубинным объяснением такой номинации служит соотносённость построения романа с шахматной игрой. По этой трактовке развитие действия романа — это сама игра, а персонажи — фигуры. И так же, как в шахматной игре, номинация фигур подчинена чёткой иерархии, так и в произведении апеллятивные именования главных персонажей подчинены иерархии родства или отношения к главному герою (невеста, мать и отец невесты и др.). Следует отметить ещё одну важную черту — это доминирование фамилии «Лужин» в тексте романа и в номинациях других персонажей через это именование, а также вынесение его в заглавие произведения, что придаёт ему особую значимость. Номинация «Лужин» используется в неизменном виде как в официальных, так и в неофициальных ситуациях общения; как в речи автора, так и в речи персонажей. Детское имя из дошахматного времени и имя-отчество героя В. В. Набоков оставляет за рамками антропонимного пространства романа. В построении антропонимного пространства произведения отсутствию антропонимной номинации у главных героев противопоставит насыщенность собственных имён у второстепенных и лишь упоминаемых персонажей. Несомненной находкой В. В. Набокова является семантизация и звукопись в вымышленной фамилии «Турати», соответствующей общей «шахматной» семантике текста.

Литература

1. Миронова И. В. Человек без имени в романе В. В. Набокова «Защита Лужина» / И. В. Миронова // Вестник Волгоградского госуниверситета. — Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2006. — Сер. 9. Вып. 5. — С. 48–51.
2. Набоков В. В. Защита Лужина / В. В. Набоков // Собр. соч. в 4 т. — М. : Правда, 1990. — Т. 1. — С. 5–152.
3. Неваленная Т. А. Поэтика имени в творчестве В. В. Набокова : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 — русская литература; 10.02.03 — литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки) / Т. А. Неваленная. — Благовещенск, 2005. — 157 с.
4. Носик Б. М. Мир и дар В. Набокова / Б. М. Носик. — М. : Пенаты, 1995. — 573 с.
5. Сакун С. В. Шахматный секрет романа В. Набокова «Защита Лужина» / С. В. Сакун // Набоковский сборник : Мастерство писателя / ред. М. А. Дмитриевская. — Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2001. — С. 69–77.
6. Фонакова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонакова. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. — 104 с.

References

1. Mironova I. V. Chelovek bez imeni v romane V. V. Nabokova «Zaschita Luzhina» / I. V. Mironova // Vestnik Volgogradskogo gosuniversiteta. — Volgograd : Izd-vo Volgograd. gos. un-ta, 2006. — Ser. 9. Vyp. 5. — S. 48–51.
2. Nabokov V. V. Zashchita Luzhina / V. V. Nabokov // Sobr. soch. v 4 t. — M. : Pravda, 1990. — T. 1. — S. 5–152.
3. Nevalennaya T. A. Poetika imeni v tvorchestve V. V. Nabokova : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.01 — russkaja literatura; 10.02.03 — literatura narodov stran zarubezh'ja (literatura narodov Evropy i Ameriki) / T. A. Nevalennaja. — Blagoveshensk, 2005. — 157 s.
4. Nosik B. M. Mir i dar V. Nabokova / B. M. Nosik. — M. : Penaty, 1995. — 573 s.
5. Sakun S. V. Shahmatnyj sekret romana V Nabokova «Zaschita Luzhina» / S. V. Sakun // Nabokovskij sbornik : Masterstvo pisatelja / red. M. A. Dmitrovskaja. — Kaliningrad : Izd-vo Kaliningr. gos. un-ta, 2001. — S. 69–77.
6. Foniakova O. I. Imia sobstvennoe v hudozhestvennom tekste / O. I. Foniakova. — L. : Izd-vo LGU, 1990. — 104 s.

МУРАДЯН Ірина Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38 (0482) 644449; моб.: +38 095 5148345

ОСОБЛИВОСТІ АНТРОПОНІМНОГО ПРОСТОРУ РОМАНУ В. В. НАБΟКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Анотація. Статтю присвячено дослідженню способів організації антропонічного простору роману В. В. Набокова «Защита Лужина». Автор звертає увагу на незвичайність ономастичного простору цього твору Набокова в порівнянні з іншими романами письменника. Головною особливістю є домінування прізвища «Лужин», за допомогою якого формуються інші номінації головних героїв у суворій ієрархії, як у шаховій партії навколо короля. Важливість номінації «Лужин» посилюється винесенням її в назву твору. Вона використовується в незмінному вигляді в офіційних і неофіційних ситуаціях спілкування; як у мовленні автора, так і в мовленні персонажів. Дитяче ім'я з дошахового часу і ім'я-по батькові героя В. В. Набоков залишає за межами антропонічного простору роману.

У побудові антропонічного простору твору відсутності антропонічної номінації у головних героїв протистоїть насиченість власних імен у другорядних і лише згадуваних персонажів. Автор зазначає, що В. В. Набоков вміло використовує семантизацію і звукопис при створенні вигаданих прізвищ.

Ключові слова: ономастика, антропонім, антропонічний простір, номінація, художній текст, В. Набоков.

Irena V. MURADYAN,

Ph.D in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: muradayn@ukr.net; tel.: +38 (0482) 644449; cell.: +38 095 5148345

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE ANTHROPONYMICAL SPACE IN THE NOVEL «LUZHIN DEFENCE» («ZASHCHITA LUZHINA») BY V. V. NABOKOV

Summary. The article investigates the ways of organizing anthroponymical space novel in V. V. Nabokov's «Luzhin Defence». The author draws attention to the unusual onomastic space of this work compared to other novels by the writer. The main feature here is the predominance of the surname «Luzhin» within the text boundaries which influences other main characters' nomination in a strict hierarchy like in a chess game around the king. The importance of the nomination «Luzhin» is underlined by making it the title of the novel. The nomination «Luzhin» remains unchanged, both in formal and informal communication situations; in the author's, and in the characters' speech. V. Nabokov leaves out the protagonist's childhood name and his patronymic in the anthroponymical space of the novel.

The absence of the main characters' anthroponymical nomination in the anthroponymical space of the novel is opposed by the abundance of the supporting personages' personal names. The author notices V. Nabokov's skillful use of semantisation and transcriptive sound-painting in creating fictional names.

Key words: onomastics, anthroponymy, anthroponymical space, nomination, fiction, V. Nabokov.

Статтю отримано 11.11.2015 р.

УДК 811.161.1'36'38

СКОРОБОГАТОВА Елена Александровна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славистики Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды; ул. Артёма, 29, г. Харьков, 61002, Украина; e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com; тел.: +38 050 9027291

ГРАММАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР АЛЛЮЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛОВ АХМАТОВОЙ «СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ» И БЫКОВА «НОВЫЕ БАЛЛАДЫ»)

Аннотация. Цель статьи — исследование грамматической основы аллюзии, объединяющей цикл Дмитрия Быкова «Новые баллады» с циклом Анны Ахматовой «Северные элегии». **Объект** исследования — субстантиваты, использованные в названиях стихотворений циклов и в их тексте, **предмет** — поэтические смыслы, возникшие в результате формирования ключевой грамматической формы и указывающие на интертекстуальные связи. Используются **методы** лингвопоэтического, функционально-грамматического и

интерпретационного анализа. **Результат** исследования — выделение ключевой морфолого-синтаксической формы, которой является субстантиват. Описаны значения, которые приобретают субстантиваты в поэтическом контексте, их взаимодействие внутри текста и на межтекстовом пространстве одного автора, а также интертекстуальный потенциал грамматически маркированной единицы, занимающей сильную позицию названия стихотворения. Материалы работы могут быть использованы в исследовании лингвистических основ интертекстуальности, теории функциональной грамматики. **Практическое применение** результатов исследования возможно при решении задачи составления поэтической грамматики русского языка, в практике преподавания лингвистического анализа текста, в спецкурсах, посвящённых проблемам интертекстуальности и поэтической грамматики.

Ключевые слова: субстантиват, интертекстуальность, поэтическая грамматика, ключевая грамматическая форма.

Постановка проблемы. Факты поэтической грамматики многие исследователи-стиховеды предлагают изучать в русле поэтической эвристики, обращаясь к ним как примерам подсознательного авторского отбора. Действительно, грамматическая селекция во многих случаях неосознанна, даже поэтическая традиция морфологического отбора, связанная с повторяющимися поэтическими мотивами ([7]), скорее ощущается авторами, чем осознаётся.

Однако существует ряд исключений — литературно-художественных явлений, связанных с намеренным обнажением приема грамматической актуализации, подчеркиванием его. Художественное осмысление языкового потенциала грамматических единиц выходит в область поэтики, определяя характер поэтического представления внеязыковой действительности.

Поэзия конца XX — начала XXI века филологична. И это связано не только и не столько с тем, что многие современные поэты имеют филологическое образование, сколько с тем, что одной из задач лирики стихотворцы считают задачу осмысления феномена человеческого языка. Здесь поэтическая мысль совершает виток, возвращаясь на новом художественном пространстве к идеям поэтов, чей творческий путь начинался в начале XX века.

Поэты старшего поколения хорошо знали литературоведческие работы Андрея Белого, писавшего о прорастании формы содержанием у Гоголя, слушали и читали статьи формалистов, были свидетелями гумилёвских «классов» поэтов. Внешний отказ от традиции восприятия формы как содержания не привел к забвению мысли, практика поэтического творчества вновь и вновь свидетельствует в пользу художественной рефлексии, в пользу формального поиска в творческой лаборатории поэта как сущности поэтического делания.

Анализ последних исследований и публикаций. Если в середине XX века литературоведы скромно говорили о единстве формы и содержания, то поэты утверждали достаточно определенно: «Содержание не определяет форму — содержание и форма есть одно и то же» [6, с. 737].

Ориентируясь на образцы поэтической рефлексии начала XX века, поэты века нынешнего всё чаще и чаще обращаются к художественному осмыслению фактов языка и анализу поэтического потенциала языковой системы, её возможностей передавать то или иное художественное содержание.

Многочисленные примеры художественного осмысления языковых фактов встречаем у Виктора Сосноры, Александра Кушнера, Бахыта Кенжеева, Ольги Седаковой, Алексея Цветкова, Тимура Шаова, Бориса Херсонского.

Однако систематическое обращение к грамматическому потенциалу русской языковой системы остается достаточно редким явлением, тем интереснее его проявления в творчестве отдельных поэтов. Некоторые закономерности отмечены в ряде наших работ и в работе О. Н. Голиковой.

Изложение основного материала. Цель данной статьи — исследование грамматической основы аллюзии, объединяющей цикл Дмитрия Быкова «Новые баллады» с циклом Анны Ахматовой «Северные элегии».

Ахматова — поэт сдержанной формы, она продолжает пушкинскую традицию гармоничной «соразмерности и сообразности» применения поэтических приёмов, которые редко подчеркнуты, обычно приём остаётся «в тени», выполняя скромную роль «оформления» поэтического смысла. Тем ярче немногочисленные случаи «обнажения» приёма, подчеркнутой, выделенной языковой селекции.

В поэзии Ахматовой 40 – 60 годов наблюдается использование субстантиватов, которое приобретает характер художественного отбора. Рассмотрим стихотворения цикла «Северные элегии», имеющие субстантиваты-названия: «Первая», «Вторая», «Третья», «Четвёртая», «Пятая», «Шестая», «Седьмая». Названия заявляют и подчеркивают числовую символику, символику числа семь, о которой Роман Мных говорит, что эта символика «возможно, самая тенденциозная в творчестве Анны Ахматовой, представленная в образе семисвечника, в цикле из семи *Северных элегий*» [5]. Эта символика не имплицитна, а выделена именами-названиями элегий; лексическое и грамматическое значения слов-наименований художественно значимы.

Субстантиват (используемое в функции существительного слово, исходно относящееся к другой части речи) является одной из экспрессивно отмеченных морфолого-синтаксических единиц. Его грамматическая природа, совмещающая черты грамматических форм (исходной и

существительного), потенциально многозначна, актуализация тех или иных морфологических значений происходит в тексте и зависит от авторской интенции. «Сгущение» субстантиватов в тексте гораздо ярче, легче ощущается читателем, нежели «сгущение» других граммем, что связано с нарушением привычного для носителя языка морфолого-синтаксического баланса грамматической единицы.

В «Первой» элегии наряду с узуальными субстантиватами-онимами *Гороховая, Смольный, Литейный* (*Пятиэтажные растут громады / В Гороховой, у Знаменья, под Смольным; Темнеет жесткий и прямой Литейный*) использован субстантиват-оним *Оптина* (*А в Оптиной мне больше не бывать...*). Оптиная пустынь, хорошо известная предреволюционному читателю, в сороковых годах XX века, когда написана элегия (1940 г., 1943 г.), в официальном культурном и литературоведческом дискурсе упоминается лишь как оним-историзм, субстантиват в элегии становится знаком *sapienti sat*, он указывает на «важнейший для понимания цикла пласт реминисценций» [4], связанный с именем Достоевского, которое названо уже в первом стихе: *Россия Достоевского. Луна Оним Достоевский*, являющийся языковым субстантиватом, поддерживает грамматическую субстантивную форму названия *Первая*.

В «Пятой» элегии соположены прилагательное и субстантиват-транспозит: *Мне подменили жизнь. В другое русло, / Мимо другого потекла она...* Этот приём соположения подчёркивает не только корневое значение граммем, но и выделяет грамматическое. Корневой повтор выделяет внутреннюю форму лексемы *другой* [3, т. 1, с. 495]. Эта лексема связана также со словом *другой* в тексте «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...», который исследователи считают примыкающим к циклу: *Нет, это не я, это кто-то другой страдает. / Я бы так не могла...* (См.: [4]).

В «Шестой» элегии представлен ряд абстрактных субстантиватов: *И вот когда горчайшее приходит: / Мы сознаем, что не могли б вместить / То прошлое в границы нашей жизни...*, и далее: *А те, с кем нам разлуку Бог послал, / Прекрасно обошлись без нас — и даже / Всё к лучшему...* Если граммема *прошлое* — языковой субстантиват, имеющий константное словарное значение, *всё к лучшему* — грамматический фразеологизм, то *горчайшее* в абстрактно-субстантивном значении является авторским образованием, выразительность которого опирается на книжность синтетической превосходной формы исходного прилагательного, синтаксическую окказиональность единицы и её коннотативное значение.

Авторский грамматический отбор и выделение субстантиватов как экспрессивных единиц совмещён в цикле с традиционным формообразованием.

Вынесение субстантиватов в сильную стиховую позицию названия стихотворения, а также определённое семантическое опустошение лексем *Первая, Седьмая...* в этой позиции выполняет важную художественную задачу. Ирина Кравцова так характеризует поэтический нарратив элегий: «Прошлое не переживается вновь, а, объективированное отчуждением, переосмысливается в свете позднейшего духовного опыта» [4]. То, что элегии имеют лишь «порядковые» имена, объединяет их, подчеркивая внутреннее единство и указывая направление движения поэтической мысли.

В <«Шестой»> элегии цикла встречаем указание на временной план заданной последовательности: *Есть три эпохи у воспоминаний. / И первая — как бы вчерашний день.* «Первая эпоха воспоминаний в этом контексте, о которой повествует лирическая героиня, — это эпоха молодости Анны Ахматовой, время первой любви и первого поцелуя» [5, с. 307], — пишет Роман Мных. Субстантиват в этом стихотворении несёт иное контекстуальное значение, нежели название «Первая» первой элегии, которая имеет подзаголовок *Предыстория*. Субстантиват *первая*, называющий в шестой элегии эпоху, — эллиптический (контекстуальный) субстантиват, референтное значение которого не домысливается читателем, а восстанавливается по контексту.

Принцип дополнительности, связующий стихотворения цикла [5, с. 307], выступает текстообразующим не только на тематическом уровне, но и на уровне грамматического отбора: все субстантиваты цикла, актуализированные благодаря сквозному именованию «Первая» — «Седьмая», стоящему в позиции названия, составляют единый лексико-грамматический блок, значимый для повышения неопределённости текста, зашифрованного для «чужих» и понятного читателю-единомышленнику.

Прежде чем перейти к рассмотрению цикла стихотворений Дмитрия Быкова, имеющих соппадающие названия и написанных через полвека, отметим, что цикл «Северные элегии», который в современном представлении ахматоведов состоит из 7 стихотворений, в сборнике Анны Ахматовой «Стихотворения и поэмы» в Большой серии Библиотеки поэта [1] представлен четырьмя текстами: «Первая» («Россия Достоевского. Луна ...»), «Вторая» («Так вот он — тот осенний пейзаж ...»), «Третья» («Меня, как реку ...»), «Четвёртая» («Есть три эпохи у воспоминаний ...») [1, с. 328–334]. Ещё два текста («И никакого розового детства ...» и «В том доме было очень страшно жить ...») приводятся в Дополнениях. Запомним эту информацию.

Цикл Дмитрия Быкова «Новые баллады» [2, с. 333–342], на первый взгляд, имеет случайное совпадение с ахматовским циклом: баллады названы «Первая», «Вторая», «Третья»,

«Четвертая». Если уже в первой элегии Ахматова поднимает проблему времени и жизни (начинают стихотворение эпиграфы из Пушкина *Все в жертву памяти твоей и Я теперь живу не там...*, а заканчивают слова *Так вот когда мы вздумали родиться. / И безошибочно взглянув на время, / Чтоб ничего не пропустить из зрелищ / Невиданных, простились с небытьем*), то «Первая» баллада Быкова посвящена личному любовному опыту поэта, теме согласия и отказа. Однако образ маяка, который, как жизнь, говорит судам *то «нет» то «да»*, позволяет закончить балладу словами *и важно было второе*. Обратим внимание на то, что последняя словоформа поэтического текста — контекстуальный субстантиват (*второе* здесь «да» — высказанное согласие, возможность, шанс, открывшийся путь).

Эта словоформа связывает конец «Первой» баллады со «Второй», название которой — тот же субстантиват, но заставший в форме женского рода. Тема этого стихотворения — одиночество. Одиночество вдвоем, одиночество понимания и непонимания. Одиночество и непонимание во времени и пространстве: *Вдобавок, пытаюсь задуматься о своём, / Он ощущает себя, как нищий, во всём чужом*. Антонимичная пара субстантиватов *о своём, во (всём) чужом* приоткрывает связь внутреннего (*о своём* задумался лирический герой) и внешнего (здесь — *в чужой одежде*), используя способность слов этого грамматического класса иметь принципиально разные означаемые, называя субстанцию способом характеристики. Ещё одна пара связанных субстантиватов: *вселенная (Вся вселенная дышит такой тоской ...)* и *живое (Всё живое для связи погружено в эфир ...)*. Эти субстантиваты объединены за счёт повторения местоимения *вся / всё* и внутренней формы слова *вселенная*, которое как калька *ойкумены* обозначало лишь заселённую часть пространства.

Обратим внимание на «Четвёртую» балладу. Если «Третья» описывает бессмысленность пустого бытия, то в последнем стихотворении цикла возникает тема человеческого достоинства, терпения и его ужаса. Субстантиваты в этом тексте использованы трижды: в третьем стихе первой строфы (*Отними у последних последнее...*), во втором стихе второй (*Не побрезгуй рубищем нищего...*) и во втором стихе третьей (*Все вцепились в своих домашних, волов, ослов...*). В первом случае соположенные однокоренные субстантиваты снова, как в предыдущей элегии, соотносятся с принципиально разным означаемым.

Пристальное внимание к грамматической форме субстантивата, актуализированной в циклах благодаря последовательно представленным названиям, могло показаться искусственным, как и сопоставление циклов Быкова и Ахматовой, если бы не возникающая в последнем тексте Быкова прямая отсылка к стихам и судьбе Ахматовой: *Как писала одна из этого круга ценительниц навязч чар, / «Отними и ребёнка, и друга, и таинственный песенный / дар», / Что исполнилось даже полней, чем нужно*.

Выводы. Мы отдаём себе отчёт в том, что предложенная здесь интерпретация внутритекстовых и межтекстовых отношений, как всякая интерпретация, достаточно субъективна, а вот выделение в циклах субстантивированных слов как ключевой грамматической формы, актуализированной за счёт локализации в сильной стиховой позиции названия стихотворения, носит объективный характер. Смысловый и выразительный потенциал этой ключевой формы использован в циклах схожим способом. Выявление грамматических моделей и форм, способных указывать на межтекстовые взаимодействия, давать отсылку к прецедентному тексту — задача, впервые поставленная лишь несколько лет назад. Пути её систематического решения до сих пор чётко не определены. Исследование грамматической прецедентности и интертекстуальности ждёт своего монографического обобщения.

Л и т е р а т у р а

1. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / А. А. Ахматова. — Л. : Сов. писатель, 1976. — 560 с.
2. Быков Д. Л. Блаженство / Дмитрий Быков. — М.: Эксмо, 2013. — 352 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык. Медиа, 2005. — Т. I. — 699, [9] с.
4. Кравцова И. «Северные элегии» Анны Ахматовой (опыт интерпретации целого) [Электронный ресурс] / Ирина Кравцова. — Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles2/kravtsova2.htm>
5. Мных Р. Смех, гротеск и трагическая буффонада в поэтике Анны Ахматовой / Р. Мных // Сквозь литературу : сборник статей к 80-летию Леонида Генриховича Фризмана. — Киев : ИД Дм. Бурого, 2015. — С. 294–316.
6. Рубанов А. Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма (*Варлам Тихонович Шаламов*) / Андрей Рубанов // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. XX век : сборник. — 2-е изд. — СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. — С. 723–740.
7. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы : поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени) : монография / Е. А. Скоробогатова. — Харьков : НТМТ, 2012. — 480 с.

References

1. *Akhmatova A. A.* Stihotvoreniya i poemy / A. A. Akhmatova. — L. : Sov. pisatel', 1976. — 560 s.
2. *Bykov D. L.* Blazhenstvo / Dmitriy Bykov. — M.: Eksmo, 2013. — 352 s.
3. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dal'. — M.: Russkij jazyk. Media, 2005. — T. I. — 699, [9] s.
4. *Kravtsova I.* «Severnye elegii» Anny Akhmatovoj (opyt interpretacii celogo) [Elektronnyj resurs] / Irina Kravtsova. — Rezhim dostupa: <http://www.akhmatova.org/articles2/kravtsova2.htm>
5. *Mnyh R.* Smeh, grotesk i tragicheskaja buffonada v poetike Anny Akhmatovoj / R. Mnyh // Skvoz' literaturu : sbornik statej k 80-letiju Leonida Genrihovicha Frizmana. — Kiev : ID Dm. Burago, 2015. — S. 294–316.
6. *Rubanov A.* Varlam Shalamov kak zerkalo russkogo kapitalizma (Varlam Tihonovich Shalamov) / Andrej Rubanov // Literaturnaja matrica. Uchebnik, napisannyj pisateliami. XX vek : sbornik. — 2-e izd. — SPb. : Limbus Press, OOO «Izdatel'stvo K. Tublina», 2011. — S. 723–740.
7. *Skorobogatova E. A.* Grammaticheskie znachenija i poeticheskie smysly : poeticheskij potencial russkoj grammatiki (morfologicheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie razriady imeni) : monografija / E. A. Skorobogatova. — Har'kov : NTMT, 2012. — 480 s.

СКОРОБОГАТОВА Олена Олександрівна,

доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри славістики Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди; вул. Артема, 29, м. Харків, 61002, Україна;
e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com ; тел.: +38 050 9027291

ГРАМАТИЧНИЙ МАРКЕР АЛЮЗІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ЦИКЛІВ АХМАТОВОЇ «ПІВНІЧНІ ЕЛЕГІЇ» ТА БИКОВА «НОВІ БАЛАДИ»)

Анотація. Мета статті — дослідження граматичної основи алюзії, що поєднує цикл Дмитра Бикова «Нові балади» із циклом Анни Ахматової «Північні елегії». **Об'єкт** дослідження — субстантивати, використані в назвах і в тексті віршів циклів; **предмет** — поетичні значення, що виникли внаслідок формування ключової граматичної форми і вказують на інтертекстуальний зв'язок. Використано методи лінгвопоетичного, функціонально-граматичного й інтерпретаційного аналізу. **Результат** дослідження — виділення ключової морфолого-синтаксичної форми, якою є субстантиват. Описано значення, які набувають субстантивати в поетичному контексті, їх взаємодію всередині тексту і на міжтекстовому просторі одного автора, а також інтертекстуальний потенціал граматично маркованої одиниці, що займає сильну позицію назви вірша. Матеріали роботи можуть бути використані у дослідженні лінгвістичних основ інтертекстуальності, теорії функціональної граматики. **Практичне застосування** результатів дослідження можливе при складанні поетичної граматики російської мови, у практиці викладання лінгвістичного аналізу тексту, у спецкурсах із проблем інтертекстуальності та поетичної граматики.

Ключові слова: субстантиват, інтертекстуальність, поетична граматика, ключова граматична форма.

Olena O. SKOROBOGATOVA,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Slavic Studies Department of H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University; Artema Str., 29, Kharkiv, 61002, Ukraine;
e-mail: skorobogatova.elena@gmail.com; tel.: +38 (050) 9027291

GRAMMAR MARKER OF ALLUSION (BASED ON THE CYCLES OF POEMS «NORTHERN ELEGIES» BY AKHMATOVA AND «NEW BALLAD» BY BYKOV)

Summary. The purpose of the article is to study the grammatical basis of allusion connecting the cycle of poems «New Ballad» by Dmitriy Bykov with the cycle of poems «Northern Elegies» by Anna Akhmatova. The nominalized adjectives used in the titles of the cycles of poems and in their texts represent the object of the study, the poetic implications, resulting from the formation of the key grammatical form and indicating the intertextual connections are the subject of the study. Methods of linguo-poetical, functional-grammatical and interpretive analysis are used in the research. The accentuation of the key morphological and syntactic form, which is a nominalized adjective, is the finding of the research. The meanings that nominalized adjectives obtain in the poetic context, their interaction within the text and in the intertextual space of one author are described, as well as the intertextual potential of grammatically marked unit located in the strong position of the title of a poem. Materials of the research can be used in the studies of linguistic basis of intertextuality and the theory of functional grammar. The practical value of the research consists in their possible use whilst compiling a poetic grammar of the Russian language, in teaching practice of linguistic analysis of the text, and special courses in intertextuality and poetic grammar.

Key words: nominalized adjective, intertextuality, poetic grammar, key grammatical form.

Статтю отримано 30.10.2015 р.

УДК [811.161.1+811.512.122/.133]’255.2/.4:347.78.034

СЫЗДЫКБАЕВ Нургали Артыкбаевич,кандидат филологических наук, доцент кафедры «Тилдер» университета «Сырдария»;
ул. Мухтара Ауэзова, 11, г. Жетысай, Шымкентская область, Казахстан;
e-mail: siznur@mail.ru; тел.: +7 (872534) 61463

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА РОМАНА Ч. АЙТМАТОВА «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ (ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА)» НА КАЗАХСКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация. *Цель* статьи — разграничить в процессе описания трудности перевода, возникающие как следствие собственно языковых причин в языке-источнике и языках переводов. *Объект* исследования — русский оригинал текста романа Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» и тексты его переводов на казахский и узбекский языки. *Предмет* исследования — особенности межъязыкового перевода, имеющие, во-первых, социолингвистическую природу; во-вторых, — связанные со своеобразием индивидуальной поэтики Ч. Айтматова. В работе использованы *методы* аксиологического, семантического, сравнительного анализа, исторический и описательный методы. В *результате* проведённого исследования сделаны следующие *выводы*. В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» получила яркое воплощение кросскультурность художественного мышления Чингиза Айтматова. Выделение приёмов, реализующих это свойство в поэтике текста, и анализ способов их перевода на тюркские языки, не родственные языку оригинала, но близкие друг другу по принадлежности к одной языковой семье, дают возможность постановки принципиально новых проблем, не формулируемых в классической теории перевода. Исследовательский подход, намеченный в статье, имеет *практическое применение*, поскольку способствует интерпретации иноязычных вкраплений, элементов, которые обычно считаются не переводимыми, лишёнными более или менее «близких» эквивалентов либо не всем понятный культурный фон.

Ключевые слова: межлитературная коммуникация, кросскультурное мышление, типы трудностей художественного перевода, автокомментарий, тюркоязычные вкрапления, Чингиз Айтматов.

Одну из ключевых позиций в межлитературной коммуникации занимает художественный перевод. Как особый вид межъязыковой коммуникации он издавна служит не только общению между представителями разных народов, но и взаимовлиянию и взаимообогащению разных этнокультур. Если перевод вообще — это своеобразный мост, связывающий национальные духовные миры с мировой духовностью, то художественный перевод — это, в первую очередь, самобытное искусство, где без «проявления творческой индивидуальности, которое принимает в переводе несколько иную форму, чем в оригинальном творчестве, обойтись трудно, так как то, что является индивидуальным своеобразием художественного произведения, может быть воссоздано через индивидуальное же» [8, с. 219], а именно через индивидуальное сознание переводчика.

В истории каждой страны искусство перевода развивается, опираясь на национальные традиции отношения к «иному», «чужому», в результате чего эволюционирует духовная культура народа-получателя и изменяется пространство бытия первоисточника.

Бурное развитие процессов «коммуникации без границ» и глобализации сделали XX век «веком перевода» [13, с. 118]. Сочетание в этом веке двух противоречащих друг другу тенденций: поиска новых путей этнической самоидентификации и острого интереса к совсем далёкому, другому, экзотическому — принципиально изменило роль перевода в мировой культуре. Перевод способствует как внешнему, так и внутреннему обогащению литературы, языка, мышления в целом. Вследствие этого исследователи зачастую говорят о переводе как сочетающем в себе «внешнеконтактную и внутриконтактную» [9, с. 128] функции.

Выбор переводчиком произведения зависит от целей и задач, которые он ставит перед собой. Простейшей ознакомительно-информационной задачей считалась передача (пересказ) фабулы произведения. При таком подходе перевод не был специально нацелен на воссоздание художественных особенностей оригинала. Но даже на этом этапе уже проявлялись «межкультурные различия», искажающие понимание произведения читателями перевода. Различия системы ценностей и культурных традиций, запечатленных в языке оригинала и языке перевода, препятствовали пониманию смысла поступков и особенностей поведения героев, так как переводчик лишь механически воспроизводил события, а воспринимающие, далёкие от знания специфики национальных обычаев, образа жизни и языка, отражённых в оригинале, понимали и трактовали их неадекватно. Известный теоретик и практик перевода Н. В. Владимирова отмечает: «...воссоздавая конкретное произведение конкретного автора, переводчик воспроизводит его национальное и индивидуальное своеобразие и неповторимость» [8, с. 209]. Способность добиться этого является показателем качества переведённого произведения, так как перевод

должен сохранить поэтические особенности, национальную самобытность и авторскую индивидуальность первоисточника.

При переводе происходит проникновение одной культуры в совершенно другую национальную культурную среду, возникает своего рода «диалог культур». По точному замечанию М. Бубера: «Границы возможности диалога — это границы проникновения» [6, с. 99–101]. Если в процессе работы автор изначально существует в пространстве своего произведения, своих персонажей, то переводчик должен, прежде всего, подвергнуть это пространство анализу и лишь потом переходить к его воссозданию. Лишь соблюдая этот принцип, переводчик получает возможность не только интуитивно, но и рационально контролировать уровень адекватности оригинала и перевода. Как это ни парадоксально, но количество трудностей, связанных с несоответствиями, расхождениями и прямыми несходствами картин мира близкородственных языков, не только не сокращается, но явно возрастает. Это хорошо прослеживается на нашем материале — переводе романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» с русского на казахский и узбекский, т. е. на языки одной языковой семьи: казахский относят к языкам центральной группы тюркской языковой семьи, а узбекский — к языкам восточной группы этой же языковой семьи. Носители казахского и узбекского языков столетиями живут рядом и имеют много сходного в образе жизни. Язык оригинального текста структурно-генетически отличается от языков текстов исследуемых переводов (с флективного индоевропейского русского перевод осуществляется на агглютинативные тюркские языки). Отличается и лингвокультурный фон русского, казахского и узбекского языков. Эти отличия позволяют предсказать, переводческие сложности, а затем отыскать оптимальные варианты их решения.

Изучая общие проблемы современного перевода, Н. В. Владимирова особое внимание уделяет вопросам перевода с узбекского и на узбекский, указывает ряд недочётов, имеющих в переводоведческих исследованиях: «Не изучаются функции перевода в развитии художественного типа сознания, являющегося основным моментом выявления генезиса и эволюционной динамики литературного процесса, не проявляется интерес к проблеме роли перевода в художественном сознании писателей-переводчиков, проблем индивидуальности переводчика, которые связаны не только с лингвостилистическим, но и в главной своей части с художественным направлением» [8, с. 262]. Подобные проблемы, считает она, обусловлены тем, что при определении статуса переводоведения недостаточно учитывалась его безусловная и глубинная связь с литературоведением. В свою очередь, неразработанность этого направления в переводоведении снижает художественный уровень переводных текстов, а часто и адекватность передаваемой историко-культурной информации. Эти же проблемы поднимались представителями казахстанского переводоведения, неоднократно обсуждались как филологами-теоретиками, так и практиками-переводчиками на научных и научно-практических форумах, в научной литературе.

Чингиз Айтматов, выдающийся писатель современности, оставил огромное литературное наследие. Его сочинения переведены на многие языки мира, изданы и продолжают издаваться большими тиражами. Не стал исключением и последний роман. Он переведён не только на казахский и узбекский, но и на японский, турецкий, немецкий, французский, китайский и ряд других языков. Будучи этническим киргизом, родившимся, выросшим и начавшим творческий путь у себя на родине, Айтматов рано овладел русским языком, в чём немаловажную роль сыграли его отец и мать, бывшие весьма образованными людьми. Владение русским языком в совершенстве поставило Айтматова в ряд новых русских классиков и позволило занять достойное место в ряду современных мировых писателей. В своей публицистике он неоднократно писал об особой роли русского языка: «Знать свой язык — богатство, сделать родным чужой язык — богатство вдвойне. Русский язык открыл мне огромную часть мира. Синтезирую два менталитета, две культуры, две народные судьбы, я и писал» [13]. Обращение к русскому языку как средству воплощения инациональных реалий и синтеза восточной и западной ментальности стало крупнейшим художественным достижением писателя. Это единодушно отмечают практически все исследователи творчества Айтматова. Подобный тип воплощения инациональных реалий стал новым для литературы XX века, он во многом предопределил популярность айтматовских произведений за пределами советского, а потом и постсоветского пространства.

До повести «Белый парох» Айтматов писал на киргизском языке. Переход на русский язык он объяснял тем, что перевод не может должным образом передать глубину философии и духовный мир его произведений.

В одном из интервью Айтматова спросили, как он относится к переводам своих книг? Ответ был очень пространным, однако постараясь передать максимально полно. По словам Айтматова, «перевод — ещё один процесс, который переживает то или иное произведение, но как бы то ни было — это сложное дело. Каждый язык существует сам по себе, имеет свои достоинства и нюансы, и у каждого языка есть свои ресурсы» [1]. Говоря о переводчике своих произведений на немецкий язык, сотрудничество с которым длилось полтора десятка лет, писатель отмечает важность того, чтобы переводчик прекрасно владел и языком оригинала, и языком перевода, обменивался мнениями с автором, сам владел художественным мастерством. Айтматов

приветствовал развитие общемировой практики переводов. Он говорил о необходимости переводить всю мировую литературу. Сам писатель ещё при жизни входил в первую десятку самых переводимых авторов мира: его произведения переведены более чем на 150 языков, в том числе малоизвестных. Переводы произведений писателя помогают ему стать человеком мира, позволяют представить образ своей родной национальной культуры многомиллионной иноязычной аудитории.

Роман Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)», написанный на русском языке, был опубликован в журнале «Дружба народов» в 2008 году [2]. В 2009 г. Нурғали Кадырбаев перевёл его на казахский под названием «Таулар құлағанда» («Мәңгілік калыңдық») [5], а Суюн Караев — на узбекский под названием «Тоғлар қулаётган замон (Абадий қаллик)» [4]. Следует отметить, что первый перевод романа на узбекский язык («Мангу қайлик») был сделан И. Гафуровым раньше перевода С. Караева и опубликован в журнале «Жахон адабиёти» в 2008 г. [3], что говорит о популярности творчества Айтматова в Узбекистане.

Основное действие последнего романа писателя разворачивается высоко в тьянь-шаньских горах, где пересекаются трагические пути двух страдающих существ — человека и барса. Оба они жертвы времени, жертвы обстоятельств, заложники собственной судьбы. Во многом из-за желания мести Арсен Саманчин, известный журналист, приехал в родное село, где для саудовских принцев организована охота на снежных барсов... Арсен приезжает в горы, но он ещё не знает, что там встретит и свою последнюю любовь, и свою смерть. Там же в горах, подобно Арсену, принимает свою смерть Жаабарс. Драматизм повествования оттенён легендой о Вечной невесте, которая «чудесным видением появляется на заснеженном горном перевале».

Обращение переводчиков к этому роману объясняется, на наш взгляд, тем, что книга воспринимается как особое явление, дающее возможность многостороннего подхода и многогранного истолкования. Кроме того, была учтена роль данного произведения в мировом литературном процессе, что накладывало на переводчиков особую ответственность.

В передаче идейного содержания исследованные нами тексты переводов исходят из целостного образа текста, из общего характера художественной ткани произведения. Такой подход даёт переводчику определенную степень свободы при сохранении верности подлиннику. В переводе важно передать и смысл, и стилистику текста. На это призывал обращать внимание Н. Я. Марр, известный своими переводами, в том числе древних грузинских и армянских памятников на русский язык. Он отмечал, что в переводе «мы в точности передаём на русский язык смысл, а не слова, стараясь не поддаваться тому ложному взгляду, по которому под точностью подразумевают буквальность перевода, уродующую и даже совсем затемняющую то, что желал выразить автор в оригинале; если где была возможность соединить точность с буквальностью, то мы, конечно, делали это охотно» [11, с. 95].

В первую очередь, охарактеризуем особенности перевода заголовка романа. Казахский и узбекский варианты названия романа имеют разное стилистическое звучание, хотя в целом, авторский смысл, заложенный в оригинале, передан. Казахский переводчик точно сохранил структуру заголовка, адекватную русскому оригиналу, его семантику и стилистическое звучание. Дело в том, что структура русского заголовка сложна: имеется основной заголовок, который структурно оформлен придаточной частью времени (*Когда падают горы*) неполного сложноподчинённого предложения расчленённого типа. Однако главная часть, которая опущена, по замыслу автора, — всё повествование, имеющее такое заглавие. В скобках же указано второе название романа, имеющее привычную для заглавий структуру простого субстантивного атрибутивного словосочетания (*Вечная невеста*). В казахском названии «Таулар құлағанда» (Мәңгілік калыңдық) аффикс *-да* передаёт общее временное значение, адекватное русскому *когда*. На узбекский язык название переведено как «Время падающих гор» («Тоғлар қулаётган замон»). Переводчик допускает определённую вольность, хотя, казалось бы, в общесмысловом плане узбекский и русский заголовки близки. В узбекском переводе временное значение получает полнозначную лексему. Если в русском оригинале и тексте, переведённом на казахский язык, акцент делается на динамизме, акциональности подразумеваемых, но не указанных действий, маркированных темпоральным детерминантом (основной заголовок), то в узбекском переводе акцент делается на темпоральной характеристике текста. Таким образом, глубинный замысел автора остаётся за пределами узбекского перевода.

Ј. Нрабáк утверждает, что «переводная литература органически включается в эволюционный процесс отечественной литературы, в определённой степени восполняет недостаток отечественного эволюционного потенциала и тем самым наиболее выразительно осуществляет свою функцию связующего звена между литературами» [15, с. 49–51]. До последнего романа Айтматова в литературах Центральной Азии не было произведения, столь ясно обнажившего связь ужасов Второй мировой войны с трагедией современных экологических бедствий. Отсутствие подобного опыта и различная степень активности в лексике русского и узбекского языков слов некоторых тематических групп приводит к тому, что в высокопрофессиональном переводе возникают ошибки «ложного эквивалента», являющиеся следствием неразграничения паронимов в

языке-первоисточнике. Ср.: (Рус.) *И содрогалась земля, извергаясь сплошными взрывами от ишквальных артобстрелов и разорвавшихся мин, от бомб, падающих с неба, от танковых штурмов, от встречного огня по танкам...* Растерзанные взрывами речки растекались, выходя из берегов, заливая низины и овраги [2, с. 166]. — (Каз.) *Және де жаппай қопарылысты тудырған артиллериядан оқ жаудыру мен жарылған минадан, көктен жөңкілген танкілердің шабуылуынан, танкілерге атқылаған қарсы оқ оттарынан қара жер тітіркене ақтарылды...* Жарылыстың жарақатынан өзендер жағалауларынан асып-төгіліп, ойпаттар мен сай-салаларға лықсып ақты [5, с. 136]. (Узб.) *Шиддатли артиллерия снарядларидан ва портлагаан миналардан, осмондан ёққан бомбалардан, танк штурвалларидан, танкларга отилган ўқлардан ер қалтираб-зирқираб ёппасига портлаётган эди...* портлашлар натижасида ўзанлари бузиб ташланган сой-жилгалар қиргоқларидан чиқиб пастликларни ва жарларни сувга тўлдирган эди» [4, с. 224]. Русское сочетание «от танковых штурмов» переведено на узбекский как «танк штурвалларидан», т. е. «от танковых штурвалов». Ложные эквиваленты чаще возникают, если существует «слово, полностью или частично совпадающее (или близкое к нему) по звуковой или графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение...» [14, с. 140]. Однако, как в данном случае, они могут возникнуть и в условиях только звуковой и графической близости. Этимологического родства между *штурм* и *штурвал* нет; семантической близости тоже нет. Ср.: *штурм* — 1. Приступ, решительная атака укрепленной позиции, крепости. 2 перен. Вообще решительное наступление на что-н. [12, с. 902]; *штурвал* — рулевое колесо на судне, самолёте, комбайне [12, с. 902].

В казахском переводе (транслате) текста использована лексема, точно передающая семантическое содержание слова *штурм* — *шабуыл*. Ср.: *шабуыл* — нашествие, атака, наступление, нападение [10, с. 205]. Следует подчеркнуть и тот факт, что заимствованное и русским языком слово *штурм* представлено в казахском переводе собственно казахским словом. Это, вероятно, облегчает читательское восприятие.

Точность воссоздания образно-философского смысла батальных сцен достигается тем, что оба переводчика сумели сочетать почти буквальную передачу содержания с воссозданием стилистического рисунка айтматовских фраз, сохранив при этом естественность и экспрессивность синтаксиса родного языка. Вероятно, подобная возможность возникает благодаря тому, что айтматовский текст принадлежит мастеру, для которого тюркоязычие и тюркоязычные картины мира так же естественны, как и русскоязычие и русская картина мира. Поэтому в тех случаях, когда переводчикам удаётся нащупать пусть даже очень скрытые черты тюркоязычного универсума в оригинале, переводы обретают особую свободу и креативность, а обычно несочетающиеся принципы буквального и смыслового перевода оказываются способными к взаимодействию.

Успешное языковое взаимодействие обосновывается и поддерживается тем, что философские проблемы добра и зла, жизни и смерти, образующие основу идейного содержания айтматовских произведений, представляют собой сложные системы. В них присутствуют и наднациональные, универсальные, и национально специфические элементы, что позволяет наводить мосты между национальным мышлением переводчиков и синтетическим кросскультурным мышлением писателя. В результате начинает работать механизм включения инокультурного художественного текста в новые культурные парадигмы — казахскую и узбекскую.

Одной из главных проблем романа является проблема жизни и смерти. Размышления о них девятнадцатилетнего Сергея Воронцова, отправляющегося воевать на самую страшную войну XX в., переданы в обоих переводах художественно точно, с сохранением высокой степени адекватности транслата оригиналу: (Рус.) *Эшелон, набитый солдатами и оружием, поспешал туда, где предстояло убивать или быть убитым. Быть убитым не зависело от твоей воли, никто не жаждет быть убитым, и никто не знает, быть ли именно ему убитым. Убивать — дело воли, а на войне — обязательное, безусловное дело. И однако же, как скажешь себе: убить — не убить?* [2, с. 181]. — (Каз.) *Солдаттар мен қару-жараққа лық толған эшелон алдағы кезде өлтіру немесе өлу белгіленген жаққа асыға-үсіге жүйімі берді. Өлгісі келу адамның еркінде емес-ті, ешкім өлгісі келіп құмартпайды және ешкім де дәл өзі өлетінін білмейді. Өлтіру — ерік ісі, ал соғыста бұл міндетті, сөзсіз жүзеге асатын тірлік. Алайда сонда да өзіңе қалайша айтпақсың: өлтірсем бе, өлтірмесем бе деп?* [5, с. 149]. — (Узб.) *Аскарлар ва қурол-яроғлар тўла эшелон ўлдириш ёки ўлиш керак бўлган ерларга ошиқмоқда. Ўлиш сенинг эркиннга боғлиқ эмас. Ҳеч кимнинг ўлгиси келмайди. Худди, шунингдек ўзининг ўлдирилишини ҳеч ким билмайди. Ўлдириш — бировнинг эркинга боғлиқ, урушда бўлса — мажбурий, муқаррар юмуш. Бироқ ўзингга ўзинг ўлдир, ўлдирма дея оласанми?* [4, с. 244].

Находя в родных языках необходимые ресурсы, оба переводчика прививают своим национальным литературам всю мощь, синкретизм и многомерность айтматовского слова. Это умение найти в родном языке слово, тип эстетической образности, соответствующие первоисточнику, отличало манеру выдающихся казахских и узбекских переводчиков конца XIX — нач. XX ст.,

создавших свои национальные школы художественного перевода. Эту традицию продолжают Н. Кадырбаев и С. Караев, талантливые интерпретаторы современной мировой классики.

Одной из особенностей айтматовской прозы, которую часто отмечают критики, является своеобразное переосмысление классического приёма комментирования. Автокомментарий — довольно широко распространённый приём медитативной прозы, утвердившийся в русской литературе, на традиции которой Айтматов всегда опирается. Однако часто употребление этого приёма в айтматовской прозе модифицируется в связи с таким свойством его творчества, как синтез в единой художественной целостности разнокультурных и, соответственно, разноязычных картин мира. Айтматов по-русски не только описывает инокультурные реалии, зачастую мало знакомые носителям русского языка, но и комментирует, почему и как эта реальность получила именно такое языковое обозначение. Комментируя слово или словосочетание, поясняя читателю, являющемуся носителем другой культуры, инонациональные реалии, автор-комментатор становится не только носителем, но и ретранслятором информации для принимающего текст инносознания. Так передаются фоновые знания, фоновая информация [7, с. 37], поддерживающие и уточняющие смысл базового художественного текста, полученного в результате перевода. Айтматов, следуя традиции комментирования-пояснения отдельных слов или микротекстов, пытается вовлечь в семантическое поле русского текста многоуровневые смысловые блоки, восходящие к киргизской, реже — казахской речи. Однако в этом случае задача писателя не просто представить и объяснить читателю элемент чужой картины мира, экзотический уже по определению. Используя иноязычные неосвоенные вкрапления в своём русском тексте, истинно многоязычный Айтматов отнюдь не ограничивается просто показом «чужого». Обладая кросскультурным мышлением, он стремится расширить и углубить семантическое пространство текста примерно так, как это происходит у полилингвов, людей, в равной степени владеющих не одним языком. В случае ощущения недостаточности средств одного языка для максимально адекватного выражения необходимого смысла полилингв заполняет лауну средствами другого языка, в котором, с его точки зрения, имеются элементы, способные справиться с означиванием понятия, «не поддавшегося» другому языку.

Некоторые типы автокомментариев у Айтматова призваны не только показать чужое, но и «заразить» читателя интересом к смысловым, стилистическим, образно-эстетическим возможностям другого языка, предоставить ему (читателю) возможность почувствовать многомерность языкового пространства и объёмность художественной картины мира, смоделированной в произведении, даже при условии, когда реципиент владеет лишь одним, в данном случае русским, языком. Напр.: *В народе же, в местах его обитания, такого зверя называют «жаабарс» (барс-стрела), что более всего соответствует его натуре — в момент прыжка он и впрямь быстр, как стрела. А ещё называют его «кар кечкен ильбирс», что означает — «по груди идущий в снегу»... И это тоже соответствует истине... Другие твари ищут ходы, только бы не оказаться заложниками сугробов в горах, а он — мощный! — пашет напрямую...* [2, с. 3–4]. Первый авторский комментарий тюркоязычных вкраплений возникает в очень важной текстовой позиции, это начало романа. Высокая значимость позиции этого фрагмента в макротексте подчёркнута сюжетно и стилистически. Сюжетно потому, что фрагмент является описанием-представлением одного из двух главных персонажей — снежного барса, чья судьба образует неразрывное целое с судьбой второго главного героя романа — человека. Такие узлы одновременного параллельного бытия — существенная черта поэтики Айтматова. В плане внутренней организации текста этот приём создаёт взаимнообратимость мифа и реальности как осовременного механизма реализации мифопоэтического начала в творчестве Айтматова. С точки зрения философской концепции автора, это способ воплощения абсолютной и зачастую гибельной связи Человека и Зверя в современном мире, стоящем на грани эсхатологической катастрофы.

Стилистически фрагмент как раз и является пространством реализации особой функции авторского комментария тюркского вкрапления. Достаточно обширный комментарий слова «жаабарс» направлен не только на реализацию традиционной функции выделения реалии-экзотизма. Здесь решается и вторая задача — показать, какие особые предметно-смысловые и экспрессивные свойства, важные для построения именно данной модели мира, привносит киргизское слово, как оно делается необходимым для понимания системы фоновых смыслов, обычно недоступных носителям другого языка.

Авторский комментарий имеет три этапа. Первый вообще не включает собственно наименования объекта. Речь идёт о двух существах, которые *не подозревали и не могли подозревать о существовании друг друга на земле* [2, с. 3]. *Ибо один из них жил в городе..., другой же обитал высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам залёживающимся по полгода тeneвым снегом* [2, с. 3]. Фактически первый этап уже решил задачу выделения экзотической реалии, т. к. из описания совершенно ясно, что речь идёт о животном, обитающем в местах, чуждых русской картине мира. Горы, скалистые ущелья — это прямо названные знаки «чужого». Имеется, правда, элемент, частично родственный русской картине мира: *снега*, — но эти снега тоже «другие».

Переход от первого этапа ко второму сопровождается вводом русского названия зверя с помощью принятого в зоологии его видового наименования: *Потому и прозывается он снежным барсом*. В дальнейшем изложении автор указывает на обращение к научным знаниям. После указания на сферу использования названия: *А в науке — существует такая наука о высокогорьях...* — Айтматов воссоздаёт собственно научное развёрнутое наименование зверя с указанием его принадлежности к роду и семейству: *... именовался **тянь-шаньским снежным барсом** из рода леопардовых, из семейства кошачьих, к которому относятся и тигры* [2, с. 3].

Киргизские вкрапления *жаабарс* и *кар кечкен ильбирс* появляются только на третьем этапе автокомментария, когда персонаж-животное уже точно обозначен. Следовательно, в информационно-познавательном отношении киргизские наименования животного уже избыточны. Однако именно эта избыточность и обнаруживает особые функции тюркоязычных вкраплений. Они углубляют и психологизируют характеристики зверя, освежая введением киргизского слова семантическое пространство имеющегося в русском языке метафорического значения лексемы *стрела* ('некто стремительное и опасное'): *В народе же, в местах его обитания, такого зверя называют «жаабарс» (барс-стрела), что более всего соответствует его натуре — в момент прыжка он и впрямь быстр, как стрела* [2, с. 3]. Таким образом, киргизское слово оказывается точкой пересечения обозначений, принадлежащих разным ЯКМ, т. е. оно одновременно и «чужое», и хорошо узнаваемое, по мотиву номинации близкое «своему». Пройдя эту точку пересечения, айтматовский текст продолжает разработку киргизского вкрапления уже на основе цитации целого выражения: *А ещё называют его «кар кечкен ильбирс», что означает «по грудь идущий в снегу. И это тоже соответствует истине. Другие твари ищут ходы, только бы не оказаться заложниками сугробов в горах, а он — мощный! — пашет напрямую...* [2, с. 3–4].

Киргизское наименование полностью «чужое», однако эта часть комментария реализует фрагмент семантики, отсутствующий в русском языке, придаёт характеристике объёмность, обнажает тот смысл, которого нет в русском языке, но который восстанавливается авторским толкованием. Особая функция киргизских вкраплений заключается в том, чтобы позволить русскоязычному читателю почувствовать своеобразие художественной модели, созданной на основе раскрытия фоновых смыслов, возникающих в результате дополнения русской ЯКМ элементами киргизской ЯКМ. Этот эффект перехода от реального многоязычия автора к созданию иллюзии двуязычия читателя и составляет суть третьего, важнейшего этапа авторского комментария, посвящённого жаабарсу. Чтобы окончательно сплести тюркизм и его русское толкование, выявить взаимодополняемость лексики двух языков, у Айтматова в контексте появляется русское разговорное *пашет* с сильным оттенком интенсивности действия и неутомимости деятеля.

Сравнение переводов с оригинальным текстом обозначило некоторые особенности. Так, в обоих переводах сохранена трёхчастная структура описания зверя-персонажа. Первый фрагмент достаточно точно передаёт основную текстовую задачу: подчеркнуть важность вводимого объекта. Как и в русском тексте, отсутствие прямого наименования зверя заменяется сочетанием указания особенностей среды его обитания и опережающим использованием местоимения *они* (*улар, олар*): (Узб.)... *Улар ер куррасида бир-бирларининг мавжудликларини хаёллариға ҳам келтирмаган* [4, с. 17]. — (Каз.) ... *Олар жер бетінде бір-бірінің бар екендігі жөнінде ешбір шүбә келтірмеген-ді...* [5, с. 1]. Второй фрагмент описания, призванный у Айтматова полностью решить информационно-познавательные задачи, тоже представлен достаточно адекватно. В обоих переводах введено название животного, имеется указание на связь такой формы его обозначения с научным стилем. В русском тексте в названии животного уточняется род и семейство, к которым относится барс. В переводах это уточнение подверглось редукции: остаётся лишь указание на отнесённость зверя к семейству кошачьих: (Узб.): *Бу жонивор яшайдиган гўшаларда ҳалқ уни Жаабарс, яғни ўқ-барс дейишади (қирғизча жаа — «ёй», «камалак ўқи»), бу сўз йиртқичнинг табиатини, айниқса аниқ ифодалайди — у сакраганда камон ўқи каби отилади. Уни «қор кечган илвирс» ҳам дейишади — у кўкрагигача қор бўлса ҳам кўрдим демай юриб кетаверади. Бу ҳам тўғри гап. Бошқа жониворлар тоғлардаги қор уюмларида қамалиб қолмаслик учун айланма йўлларни хуш кўради, у эса кучига ишониб тикка йўл солади. Қалин қорда қадам чекаваради* [4, с. 17]. (Каз.) *Халық арасында, ол мекен еткен ортада, мұндай аңды «жолбарыс» (жебе-барыс) деп атайды, оның табиғатына бұл неғұрлым сайма-сай келеді, секірет сәтте ол шынында да, жебедей жылдам. Сондай-ақ, оны тағы да «қар кешкен жолбарыс» дейді, бұл — «қарды омыраулап кешуші» дегенді аңғартады... Бұл да ақиқатқа дәлме-дәл келеді... Өзге мақұлықтар жол іздейді, таудағы омбы қардың құрсағында қалмау үшін, ал ол — қуатты! — төтесінен жол келеді* [5, с. 1].

В оригинальном тексте образной весомости наименованию «жаабарс» добавляет тот факт, что принадлежность его носителя к семейству кошачьих особо оговаривается. Подчёркивается также, что к этому семейству принадлежит и тигр. Кажущаяся избыточность информации играет совершенно определённую роль: барс — менее известное животное, чем тигр. Тигр же как воплощение мощи, ловкости, силы, ума, хищной красоты включается в картины мира многих

народов, даже тех, ареал проживания которых никак не связан с местами обитания тигров. Поэтому упоминание барса как представителя того же семейства, что и тигр, снимает возможный оттенок несерьёзности, который у носителей русского языка может возникнуть благодаря общности корня лексем *кошка* и *кошачьи*. В обоих переводах эти два важных, но очень разных, с точки зрения этнокультурных ассоциаций, животных как бы объединяются в одно. Этому способствует использование для обозначения *барса* в узбекском и казахском того же слова, что и для называния тигра. Как можно убедиться, именно на третьем этапе автокомментария реализуется одна из специфических черт индивидуальной поэтики Айтматова.

Неразграничение языковых обозначений тигра и барса в узбекском и казахском переводах стало одной из причин утери авторской установки на создание кросскультурного эффекта, смоделированного путём сопоставления киргизских вкраплений и способов их подачи в русском тексте.

Таким образом, в казахском и узбекском переводах проанализированного фрагмента романа Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» выявлено два типа причин, вызывающих переводческие трудности: во-первых, причины, связанные с гетерогенностью и гетероморфностью языка-оригинала; во-вторых, — с индивидуально-авторским видением мира, кросскультурным мышлением Айтматова, его полилингвизмом, использованием специфических художественных приёмов. В связи с наличием объективных переводческих трудностей в текстах переводов романа на узбекский и казахский языки обнаружен ряд неточностей и невыраженных смыслов, основные из которых можно объединить в несколько групп: 1) неточности, связанные с паронимией переводимых с русского языка слов, в иноязычных переводах; 2) неточности, обусловленные разной частотностью и степенью актуальности некоторых русских лексем и их иноязычных соответствий, разницей их денотативных и коннотативных макрокомпонентов в русском языке и языках переводов; 3) неточности и невыраженные смыслы, обусловленные спецификой авторского художественного мышления и воплощающей его индивидуальной поэтики писателя. Наименее изученным оказался тип трудностей передачи индивидуально-авторских художественных приёмов, связанных со спецификой айтматовского автокомментария заимствований из киргизского языка, обусловленных стремлением писателя создать кросскультурный эффект.

Л и т е р а т у р а

1. Айтматов Ч. «Мне есть ещё, что сказать читателям» [Электронный ресурс] / Ч. Айтматов. — Режим доступа : <http://hedgehogek.livejournal.com/3821.html>.
2. Айтматов Ч. Когда падают горы : Роман. Белый пароход : После сказки / Ч. Айтматов. — М. : АНО Редакция журнала «Дружба народов», 2008. — 288 с.
3. Айтматов Ч. Кулаётган тоғлар (Мангу кайлик) / [пер. на узб. И. Гафуров] / Ч. Айтматов // Жяхон адабиёти. — Тошкент, 2008. — № 12. — С. 3–86.
4. Айтматов Ч. Тоғлар кулаётган замон (Абадий каллик) / [пер. на узб. С. Караев] ; Чингиз Айтматов. — Toshkent : VEKTOR-PRESS, 2009. — 251 б.
5. Айтматов Ш. Таулар кулағанда (Мәңгілік қалыңдық) / [пер. на каз. Н. Қадырбаев] ; Шыңғыс Айтматов. — Шымкент : ЖПС Кітап, 2009. — 150 б.
6. Бубер М. Мыслители XX в. Диалог // М. Бубер. Два образа веры. — М. : Республика, 1995. — С. 99–101.
7. Виноградов В. С. Перевод : общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. — М. : КДУ, 2006. — 240 с.
8. Владимирова Н. В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода / Н. В. Владимирова. — Т. : Фан, 2011. — 336 с.
9. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литератур / Д. Дюришин. — М. : Прогресс, 1979. — 320 с.
10. Казахско-русский, русско-казахский словарь для учащихся и студентов. — Алматы : Аруна, 2002. — 416 с.
11. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр / В. А. Миханкова. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — 555 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : ООО ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.
13. Он войдёт в генетическую память не только нации, но и всего рода [Электронный ресурс]. — Режим доступа : aytmатов.com/index.php?option=article&article=2012-12-12.
14. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. — 4-е изд. — М. : Высшая школа, 1983. — 303 с.
15. Hrabák J. Literární komparatistika / J. Hrabák. — Praha, 1971.

References

1. *Ajtmatorov Ch.* «Mne est' eshche chto skazat' chitatel'nyam» [Elektronnyj resurs] / Ch. Ajtmatorov. — URL : <http://hedgehogek.livejournal.com/3821.html>.
2. *Ajtmatorov Ch.* Kogda padajut gory : Roman. Belyj parohod : Posle skazki / Ch. Ajtmatorov. — M. : ANO Redakcija zhurnala «Druzhba narodov», 2008. — 288 s.
3. *Ajtmatorov Ch.* Qulayotgan tog'lar (Mangu qajliq) / [per. na uzb. I. Gafurov] / Ch. Ajtmatorov // Zhahon adabiyoti. — Toshkent, 2008. — № 12. — S. 3–86.
4. *Ajtmatorov Chingiz.* Tog'lar qulayotgan zamon (Abadij qalliq) / Ch. Ajtmatorov. — Toshkent : VEKTOR-PRESS, 2009. — 251 b.
5. *Ajtmatorov Ch.* Taular qulag'anda (Mangilik qalyndiq) / [per. na kaz. N. Qadyrbaev] ; Ch. Ajtmatorov. — Shymkent : ZHSHS Kitap, 2009. — 150 b.
6. *Buber M.* Mysliteli XX v. Dialog // B. Buber. Dva obraza very. — M. : Respublika, 1995. — S. 99–101.
7. *Vinogradov V. S.* Perevod : obshchie i leksicheskie voprosy / V. S. Vinogradov. — M. : KDU, 2006. — 240 s.
8. *Vladimirova N. V.* Razvitie uzbekskoj prozy XX veka i voprosy hudozhestvennogo perevoda / N. V. Vladimirova. — Tashkent : Fan, 2011. — 336 s.
9. *Diurishin D.* Teoriya sravnitel'nogo izuchenija literatur / D. Diurishin. — M. : Progress, 1979. — 320 s.
10. *Kazakhsko-russkij, russko-kazakhskij slovar'* dlia uchashhikhsia i studentov. — Almaty : Aruna, 2002. — 416 s.
11. *Mihankova V. A.* Nikolaj Yakovlevich Marr / V. A. Mihankova. — M. — L. ^ Izd-vo AN SSSR, 1948. — 555 s.
12. *Ozhegov S. I.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — M. : OOO ITI Tekhnologii, 2006. — 944 s.
13. *On vojdet v geneticheskiju pamiat'* ne tol'ko nacji, no i vsego roda [Elektronnyj resurs]. — URL : ajtmatorov.com/index.php?option=article&article=2012-12-12.
14. *Fedorov A. V.* Osnovy obshchej teorii perevoda / A. V. Fedorov. — M. : Vyssh. shk., 1983. — 303 s.
15. *Hrabák J.* Literární komparatistika / J. Hrabák. — Praha, 1971.

СИЗДИКБАЕВ Нургали Артикбаевич,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри «Тілдер» університету «Сирдарія»; вул. Мухтара Аuezова, 11, м. Жетисай Шимкентської області, Казахстан; e-mail: siznur@mail.ru; тел. +7 (872534) 61 463

ПРО ДЕЯКІ ТРУДНОЩІ ПЕРЕКЛАДУ РОМАНУ Ч. АЙТМАТОВА «КОЛИ ПАДАЮТЬ ГОРИ (ВІЧНА НАРЕЧЕНА)» НА КАЗАХСЬКУ Й УЗБЕЦЬКУ МОВИ

Анотація. *Мета* статті — розмежувати у процесі опису труднощі перекладу, що виникають як наслідок власне мовних причин у мові-джерелі та мовах перекладів. *Об'єкт* дослідження — російський оригінал тексту роману Чингіза Айтматова «Коли падають гори (Вічна наречена)» та тексти його перекладів на казахську й узбецьку мови. *Предмет* дослідження — особливості міжмовного перекладу, що мають, по-перше, соціолінгвістичну природу; по-друге, — пов'язані зі своєрідністю індивідуальної поетики Ч. Айтматова. У роботі використані *методи* аксіологічного, семантичного, порівняльного аналізу, історичний і описовий методи. У *результаті* проведеного дослідження зроблено певні *висновки*. У романі «Коли падають гори (Вічна наречена)» яскраво втілено кроскультурність художнього мислення Чингіза Айтматова. Визначення прийомів, що реалізують цю властивість у поетиці тексту, і аналіз способів їх перекладу на тюркські мови, не споріднені мові оригіналу, але близькі між собою за належністю до однієї мовної сім'ї, надає можливість ставити принципово нові проблеми, які не сформульовано у класичній теорії перекладу. Дослідницький підхід, який намічено у статті, має *практичне застосування*, бо сприяє інтерпретації іншомовних вкраплень, елементів, які зазвичай позбавлені більш-менш «близьких» еквівалентів або мають не всім зрозумілий культурний фон.

Ключові слова: міжлітературна комунікація, кроскультурне мислення, типи труднощів художнього перекладу, автокоментар, тюркомовні вкраплення, Чингіз Айтматов.

Nurgali A. SYZDYKBAEV,

Candidate of Philology (PhD), Associate Professor of «Tilder» University «Syrdarya»; 11 Mukhtar Auezov st., Zhetysai, Shymkent region, Kazakhstan; e-mail: siznur@mail.ru; tel.: +7 (872534) 61463

SOME TRANSLATION DIFFICULTIES OF CH. AITMATOV'S NOVEL «WHEN THE MOUNTAINS FALL (THE ETERNAL BRIDE)» IN KAZAKH AND UZBEK LANGUAGES

Summary. The *purpose* of the article is to differentiate the process of describing the difficulties of translation arising as a consequence of the actual linguistic reasons in the source language and target language. The *object* of study is the original Russian text of Aitmatov's novel «When the Mountains Fall (the Eternal Bride)» as well as its translations into Kazakh and Uzbek languages. The *subject* of the research is the features of cross-language translation which have sociolinguistic nature and are associated with the originality of

Aitmatov's individual poetics. Axiological, semantic, comparative analysis, historical and descriptive methods have been used in this research. As a *result* of the study the following *conclusions* are made. In the novel, «When The Mountains Fall (the Eternal Bride)» a cross-cultural artistic thinking of Chingiz Aitmatov received a vivid expression. The determined methods that reflect this property in the poetics of the text, and the analysis of its translation into the Turkic languages provide an opportunity to set up fundamentally new problems that are not formulated in the classical theory of translation. In terms of *practice* of translation, the approach outlined in the article can help in the interpretation of foreign inclusions, elements, usually considered fundamentally not translatable and deprived of more or less «close» equivalents.

Key words: interliterary communication, cross-cultural thinking, types of difficulties of literary translation, autocommentary, Turkic inclusion, Chingiz Aitmatov.

Статтю отримано 28.10.2015 р.

УДК 811.161.1'27'282.2'373.23/.47(477.74)

ШУМАРИНА Татьяна Федоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38 (048) 683539; моб.: +38 067 3779936

ЧУЛОЧНИКОВА Александра Сергеевна,

специалист кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: chulo4nikova@gmail.com; моб.: +38 063 4745649

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Цель данной статьи — выяснить, в какой мере употребление экспрессивной диалектной лексики (в т. ч. эмоционально-экспрессивные номинации лица) определяется социальными параметрами личности (возрастом и полом) и в каких условиях литературный язык оказывается доминирующим при выборе альтернативных вариантов выражения. Объект исследования — экспрессивно-эмоциональная диалектная лексика с семой 'человек'. Предмет изучения — особенности стратификационной вариативности использования эмоционально-экспрессивной диалектной лексики в русском старообрядческом говоре села Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области. Материалом для наблюдений послужили 460 экспрессивных лексем, извлеченных из «Словаря русских говоров Одесщины». В работе использовалось прямое наблюдение и интервьюирование как методы социолингвистического анализа, а также описательный и количественный методы лингвистического исследования. Результатом исследования стало установление возрастных и гендерных индикаторов и маркеров использования экспрессивно-эмоциональной диалектной лексики диалектоносителями. Выводы могут оказаться полезными при подготовке нового издания Словаря русских говоров Одесщины, при составлении иных диалектных словарей, при описании русских говоров отдельных сёл.

Ключевые слова: русские говоры Одесской области, диалектная лексика, эмоционально-экспрессивная лексика, социолингвистический маркер, социолингвистический индикатор.

Село Старая Некрасовка, где проводилось наблюдение и были собраны узуальные данные для исследования, находится в 7 км от Измаила, на левом берегу Дуная. Население — 3700 человек. Основная национальность — русские. Село было основано в 1814 г. потомками донских казаков-некрасовцев, ушедших после разгрома Булавинского восстания в Турцию (1740 г.) и вернувшихся во время одной из русско-турецких кампаний нач. XIX в. в Россию. Жизнь села, её формы, традиции, быт в современных условиях не остаются неизменными. Носителям диалекта — сельским жителям — всё чаще приходится участвовать в общении, где доминирует литературная речь. Литературная речь влияет на говоры через СМИ; в некоторой степени — через Интернет; владение литературной нормой языка необходимо в официальных ситуациях общения и т. д. Постоянное воздействие литературного языка на диалекты отчасти модифицирует традиционный говор. Но пока сохраняется специфика сельской жизни и присущие ей особые коммуникативные условия, сохраняется и коммуникативная значимость диалектов.

Известно, что в целом диалектная речь более экспрессивна и эмоциональна, чем литературная, поскольку она существует только в живой, устной форме. Замечено, что, несмотря на

высокую интенсивность процесса разрушения и вытеснения диалектов, исчезает, главным образом, коннотативно нейтральная лексика. Слова, эмоционально окрашенные, употреблённые с пренебрежительной оценкой, оказываются устойчивее [1, с. 98–99]. К аналогичным выводам приходит Н. А. Лукьянова: «Процесс нивелировки и утраты диалектных лексических различий происходит в номинативном фонде лексики, как в его составе (количественные изменения), так и в его системе (качественные изменения), и не распространяется на экспрессивный лексический фонд» [2, с. 136].

Цель нашего исследования — выяснить, в какой мере употребление экспрессивной диалектной лексики (в т. ч. эмоционально-экспрессивные номинации лица) определяется социальными параметрами личности (возрастом и полом) и в каких условиях литературный язык оказывается доминирующим при выборе альтернативных вариантов выражения. Следовательно, в работе сделана попытка изучить территориальный диалект в аспекте его социолектных особенностей.

Моделирование социолекта может быть осуществимо с помощью статистических методов. При этом предлагается различать частные и сводные модели социолектов. Частными моделями социолектов мы называем вариацию изучаемых лингвистических признаков по одному из исследуемых факторов. Например, могут быть построены частные модели социолектов по гендеру, образованию, возрасту и т. д. Обычно в таких случаях достаточно простейшего анализа частот употребления исследуемых единиц в речи той или иной социальной группы. Полученные результаты частных моделей социолектов могут быть сведены в общую матрицу — таким образом можно получить сводную модель социолекта.

Обратимся к рассмотрению социально обусловленной вариативности диалектной лексики, выдвинув в качестве гипотезы предположение о возрастной и гендерной её каузации. Возраст носителя языка начинает учитываться языковедами при разработке вопросов социального воздействия в начале XX века (А. М. Селищев). Диалектные элементы в речи представителей разных социально-возрастных групп рассматриваются в мировой лингвистике с 1960-х годов. В современной лингвистической науке (психолингвистике, социолингвистике) также предпринимаются попытки исследования языкового сознания с позиции возрастных критериев (И. Р. Крисанова, Н. Б. Мечковская, Т. Н. Плешкова и др.), однако массив эмоционально-экспрессивной диалектной лексики (впрочем, как и иных лексических диалектных групп) незаслуженно игнорируется.

Термин *гендер* (англ. *gender*) пришёл в лингвистику из области социальных наук. На рубеже XX–XXI в.в. в языкознании отмечается бурный рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований (А. А. Гвоздева, С. В. Грибач, Н. В. Стрельцова, О. А. Васькова, А. В. Вандышева, Е. Д. Назарова, Е. С. Ощепкова и др.). Анализ работ, связанных с проблемой гендерных различий, отражающихся в речи носителей языка, показал, что в русской диалектологической литературе гендерный аспект практически не рассматривается, в чём и заключается актуальность данного исследования.

С целью выявления наиболее употребительных экспрессивных диалектных слов был проведён опрос жителей русских сёл Одесщины, в том числе села Старая Некрасовка. На основе собранного материала был проведен эксперимент. Опираясь на предпочтения информантов (жителей Старой Некрасовки) различных возрастных и гендерных групп, ставилась цель: доказать существование корреляционной зависимости выбора литературно-диалектных синонимов от системы социальных признаков: возраста и пола.

Эксперимент имел две стадии. Цель первой стадии — выявить тенденции предпочтения жителями Старой Некрасовки слов литературного языка или диалектных экспрессивов. В качестве материала изучения были избраны частотные лексемы тематической группы «Наименование лица». Участники эксперимента объединялись в группы по признаку «гендер». Возрастная дифференциация информантов осуществлялась по одиннадцати когортам: 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64 и старше 65 лет. В эксперименте принимали участие по 5 человек из каждой возрастной когорты. В первой когорте были учащиеся, в когорте 20–24 лет — люди, получающие профессиональное образование или устраивающиеся на работу, в когортах от 30 до 54 лет — работающее население, 55 лет и старше — пенсионеры. Всего в эксперименте приняли участие 110 человек. Им было предложено семантизировать лексему и указать степень (активная/пассивная) её функционирования в межличностной коммуникации (неофициальной). С целью уточнения данных предлагалось составить устный рассказ на свободную тему, опираясь на любые слова из предлагаемого списка.

Лингвистическая часть анкеты содержала 15 пар литературно-диалектных синонимов. Диалектная составляющая включала экспрессивную лексику со значением лица, а лексика литературного языка — её синонимы. Лексемы литературного языка: *толстяк*, *бездельник*, *сплетница*, *лентяйка*, *шалун*, *хулиган*, *непоседа*, *вор*, *взяточник*, *хвостун*, *чистюля*, *болтун*, *лгун*, *плут*, *пьяница*; их диалектные синонимы: *пузак*, *гулеван*, *кудошка*, *ледащица*, *неслух*, *разбышака*, *дзыга*, *свистун*, *колымщик*, *задай*, *чистяха*, *балабонь*, *брехунья*, *калыган*, *выпиваха*.

Реализуя задачи эксперимента, информант должен был сделать выбор вербальных средств в жёстких условиях преодоления альтернативы, представленной словарным составом лишь

двух — литературной и диалектной — функциональных групп: (условно обозначим их соответственно как группа I и группа II). Предполагалось, что акт предпочтения одного языкового средства выражения другому — это и есть показатель частотности функционирования эмоционально-экспрессивных номинаций лица в разговорной речи жителей села.

Обработка данных проводилась в *три* этапа. На *первом* анализировалась зависимость выбора синонимов от возрастного параметра информантов-мужчин. Результаты анализа свидетельствуют о том, что у мужского населения села предпочтения первого члена синонимической пары более частотны, но они незначительно уменьшаются в течение всего жизненного периода; синонимы из второй группы у этой части информантов не доминируют ни в одной возрастной когорте. На *втором* этапе анализу подлежала зависимость выбора синонимов от возрастного параметра информантов в женской гендерной группе. На *третьем* этапе, аналитическим, было установлено, что молодые женщины, как и мужчины, предпочитают слова литературного языка диалектным. Причём информанты-женщины до 39 лет последовательны в своих предпочтениях: более 70 % составляют слова литературного языка. Диалектный же сектор этого объёма может оказаться, в числе иных составляющих, стратификационным маркером, обусловленным разновозрастной коммуникацией (например, общение с представителями геронтной группы).

В женской когорте 40–44 лет происходит смена предпочтений: отмечается преобладание слов второй группы (диалектных). К тому же, синонимичные предпочтения изменяются резко (литературный вариант: до 34 лет — 70,8 %, а от 40 лет — 44,3 %; соответственно диалектный вариант: до 34 лет — 29,2 %, а от 40 лет — 55,7 %). В старших когортах распределение синонимов по признаку возраста стабилизируется, но при этом постепенно увеличивается процент диалектных лексем, и к 65 годам у женщин отмечается почти полное превосходство диалектных эмоционально-экспрессивных номинаций лица над литературными аналогами (соответственно 92,3 % и 8,7 %).

Сопоставительный анализ возрастных предпочтений информантов обеих гендерных когорт свидетельствует о значительном доминировании у пожилых мужчин слов первой группы (литературная лексема) — 70 %, 68,2 %, 68,1 %, при этом процент употребления слов второй группы составляет лишь 30 %, 31,8 %, 31,9 %. Геронтная группа женщин, напротив, предпочитает диалектные экспрессивы словам литературного языка. Их выбор составил 90–92,3 %. Молодые же люди, информанты обеих гендерных когорт, стабильно предпочитают литературные номинации лица, хотя не отказываются от диалектных экспрессивов. Сравнительно небольшое превалирование диалектных слов в группе 15-летних информантов может свидетельствовать о том, что речь подростков находится ещё на стадии активного формирования под влиянием речи семьи (родителей, бабушек, дедушек).

Таблица 1

Зависимость синонимических предпочтений разных тематических групп от возраста и гендера

Возраст (лет)	Мужской пол		Женский пол	
	I Литер. речь	II Говор	I Литер. речь	II Говор
15	80,0	20,0	75	25
20	80,2	19,8	80	20
25	70,5	29,5	80	20
30	70,9	29,1	70,7	29,3
35	70,9	29,1	70,8	29,2
40	70,8	29,2	44,3	55,7
45	70,6	29,3	30	70
50	70	30	30	70
55	70	30	29,3	70,7
60	68,2	31,8	10,0	90,0
65	68,1	31,9	8,7,0	92,3

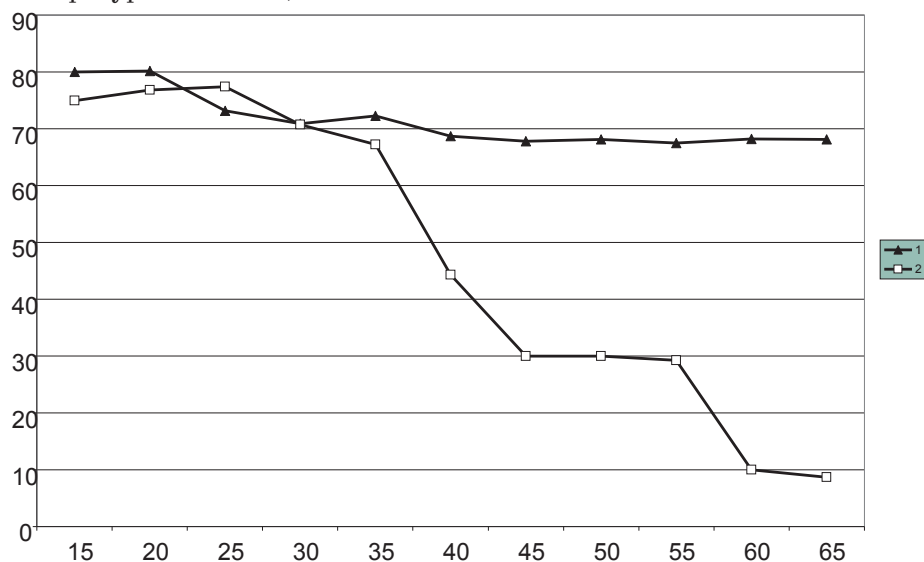
Сводная модель функционирования лексем литературного языка на фоне диалектных аналогов со значением лица может быть проиллюстрирована следующим графиком (рис. 1).

Сводная модель функционирования диалектных лексем на фоне аналоговых единиц литературного языка ТГ «Наименование лица» может быть наглядно представлена следующим образом (рис. 2).

На второй стадии эксперимента с целью выявления *общих* тенденций предпочтения жителями Старой Некрасовки слов литературного языка или диалектных экспрессивов в качестве материала были избраны частотные лексемы из разных тематических групп: диалектизмы *баночка, вуркан, бурмузик, глядуночки, говоруха, гусенятки, дворочек, детинка, дымочка,*

капчики, каракашка, кутенки, лошачок, покопырка, растелена и их синонимы в литературном языке: вечеринка, бандит, стёганка, глаза, болтунья, гусята, дворик, младенец, кружево, тапочки, акация, щенки, жеребёнок, копуша, неряха.

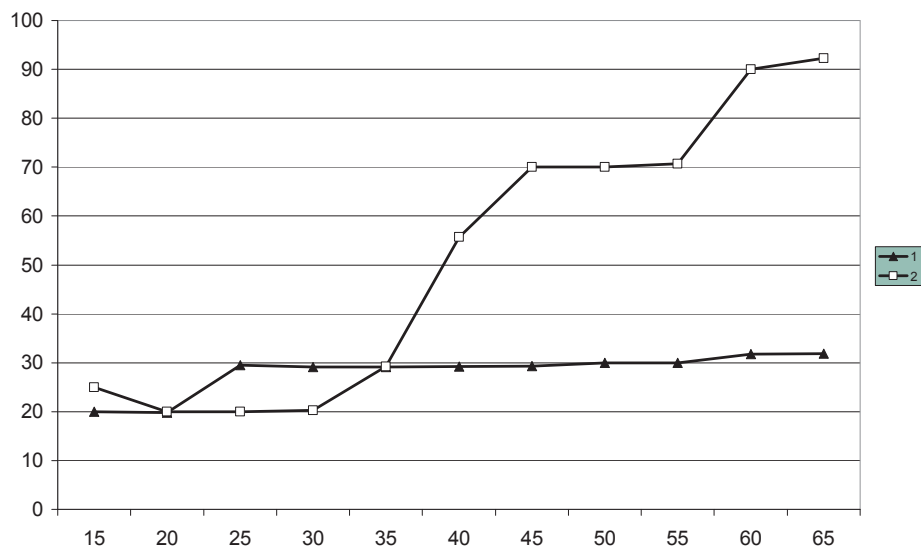
Лексемы литературного языка, %

Возраст, лет

Рис. 1. Зависимость синонимических предпочтений ТГ «Наименование лица» от возраста и гендера (1 — мужчины; 2 — женщины)

Лексемы литературного языка, %

Возраст, лет

Рис. 2. Зависимость диалектной номинации лица от социальных параметров — возраста и гендера (1 — мужчины; 2 — женщины)

Результаты социолингвистических исследований речевого континуума русских сёл Одесской области, в том числе Старой Некрасовки, показывают, что в современном социуме диалектные языковые явления встречаются не только в речи пожилых людей, но и в речи молодёжи, однако процент употребления слов-аналогов литературного языка у них превалирует. По гендерному параметру в употреблении диалектных лексем доминирует женская геронтная когорта.

Зависимость синонимических предпочтений лексем разных тематических групп от возраста и гендера

Возраст (лет)	Мужской пол		Женский пол	
	I Литер. язык	II Говор	I Литер. язык	II Говор
15	85,0	15,0	75	25
20	80,2	19,8	79	21
25	75,5	15,5	80	20
30	70,8	29,2	70,8	20,2
35	70,1	29,9	70,9	20,1
40	70,0	30,0	42,3	57,7
45	70,0	30,0	31,0	69,0
50	70,0	30,0	30,3	69,7
55	69,9	30,1	30,0	70,0
60	68,2	31,8	15,0	85,0
65	68,2	31,8	8,5	91,5

Итак, речь коренных жителей Старой Некрасовки включает определённое количество территориальной диалектной лексики. Однако её употребление дифференцируется в зависимости от социальных характеристик носителей. Подростки находятся ещё на стадии активного формирования речевых предпочтений и испытывают, с одной стороны, влияние речи старших когорт, с другой стороны, — влияние литературного языка через художественную литературу и СМИ. Выбор литературного варианта в речи 20–24-летних диалектоносителей в сравнении с подростковой когортой учащается, а в речи 40-летних мужчин наблюдается ещё чаще; женщины же к 40 годам предпочитают диалектный вариант. Вероятно, это обусловлено более тесным общением женщин с родственниками из геронтной когорты. В речи диалектоносителей старше 60 лет прослеживается тенденция к максимальному предпочтению диалектной лексики, хотя в мужской геронтной когорте показатели ниже, чем в женской. Данные выводы касаются речевых ситуаций внутрисемейного общения. Официальная коммуникация в нашей работе не исследовалась.

Л и т е р а т у р а

1. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л. И. Баранникова // Вопросы языкознания. — М., 1975. — № 2. — С. 22–31.
2. Лукьянова Н. А. О некоторых тенденциях развития лексики современных русских народных говоров в свете проблемы экспрессивности / Н. А. Лукьянова // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1984. — С. 128–145.
3. Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / [ред. : Ю. А. Карпенко]. — Одесса : Астропринт, 2000–2001.

R e f e r e n c e s

1. Barannikova L. I. Govory territorij pozdnego zaselenija i problema ih klassifikacii / L. I. Barannikova // Voprosy jazykoznanija. — M., 1975. — № 2. — S. 22–31.
2. Luk'janova N. A. O nekotoryh tendencijah razvitija leksiki sovremennyh russkih narodnyh govorov v svete problemy ekspressivnosti / N. A. Luk'janova // Metodologicheskie i filosofskie problemy jazykoznanija i literaturovedenija. — Novosibirsk : Nauka, Sib. otd-nie, 1984. — S. 128–145.
3. Slovar' russkih govorov Odesshhiny : v 2 t. / [red. : Ju. A. Karpenko]. — Odessa : Astroprint, 2000–2001.

ШУМАРИНА Тетяна Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38 (0482) 683539; моб.: +38 067 3779936

ЧУЛОЧНИКОВА Олександра Сергіївна,

спеціаліст кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: chulo4nikova@gmail.com; моб.: +38 063 4745649

ЕМОЦІЙНО-ЕКСПРЕСИВНА ЛЕКСИКА АНТРОПОЦЕНТРИЧНОЇ СПРЯМОВАНOSTІ В РОСІЙСЬКИХ ГОВІРКАХ ОДЕЩИНИ: СОЦІОЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. *Мета* цієї статті — з'ясувати, якою мірою вживання експресивної діалектної лексики (в т. ч. емоційно-експресивних номінацій особи) визначається соціальними параметрами особистості (віком і статтю) і в яких умовах літературне мовлення виявляється домінуючим при виборі альтернативних варіантів вираження. *Об'єкт* дослідження — експресивно-емоційна діалектна лексика із семою 'людина'. *Предмет* вивчення — особливості стратифікаційної варіативності використання емоційно-експресивної діалектної лексики в російській старообрядницькій говірці села Стара Некрасівка Ізмайльського району Одеської області. *Матеріалом* для спостережень послужили 460 експресивних лексем, вибраних зі «Словника російських говірок Одещини». У роботі використано пряме спостереження та інтерв'ювання як *методи* соціолінгвістичного аналізу, а також описовий і кількісний методи лінгвістичного дослідження. *Результатом* такого дослідження стало визначення вікових і гендерних індикаторів і маркерів використання експресивно-емоційної діалектної лексики діалектоносіїв. *Висновки* можуть виявитися корисними при підготовці нового видання «Словника російських говірок Одещини», при складанні інших діалектних словників, при описі російських говірок окремих сіл.

Ключові слова: російські говірки Одеської області, діалектна лексика, емоційно-експресивна лексика, соціолінгвістичний маркер, соціолінгвістичний індикатор.

Tatiana F. SHUMARINA,

Candidate in Philology Sciences (PhD), Associate Professor of the Russian Language Department, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: shumarina2010@mail.ru; tel.: +38 (0482) 683539; cell.: +38 067 3779936

Alexandra S. CHULOCHNIKOVA,

Specialist of the Department of the Russian Language, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: chulo4nikova@gmail.com; моб.: +38 063 4745649

EMOTIONAL AND EXPRESSIVE ANTHROPOCENTRIC VOCABULARY OF THE ODESSA REGION DIALECT: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Summary. The *purpose* of this article is to find out how personal social parameters (age and gender) determine the expressive use of dialect vocabulary (including emotional and expressive nominations of person) and to determine the conditions under which literary speech dominates in choosing an alternative expression. The *object* of the study is an expressive and emotional Russian dialect vocabulary with the seme 'individual'. The *subject* of the study is stratification variability peculiarities of the use of emotional and expressive dialect vocabulary in the Russian Old Believer dialect in the village of Staraya Nekrasovka, Izmail district, Odessa region. The *material* for observations counts 460 expressive lexemes selected from the «Dictionary of Russian Dialects of the Odessa Region» (2000–2001). Direct observation and interviews as *methods* of sociolinguistic analysis, and descriptive and quantitative methods of linguistic research have been used in the work. The *result* of this study consists in defining the age and gender indicators and usage markers of the expressive and emotional dialect vocabulary in the Russian dialect of Staraya Nekrasovka. The *findings* can appear useful in the preparation of a new edition of the «Dictionary of Russian dialects of the Odessa region», in the preparation of other dialects dictionaries and in describing Russian dialects of every single village.

Key words: Russian dialects of the Odessa region, dialect vocabulary, emotional and expressive vocabulary, sociolinguistic marker, sociolinguistic indicator.

Статтю отримано 20.08.2015 р.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА МЕТОДИКИ ЇЇ ВИКЛАДАННЯ

УДК 811.161.1'243:371.321.1/5:004

АВДОНИНА Марина Юрьевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета; ул. Остоженка, 38, Москва, 119034, Россия; тел.: +7 495 6375597; e-mail: mavdonina@yandex.ru

ВАЛЕЕВА Наиля Гарифовна,

кандидат педагогических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков экологического факультета Российского университета дружбы народов; ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия; тел.: +7 495 4345300; e-mail: ngvaleeva@yandex.ru

ЖАБО Наталья Ивановна

кандидат филологических наук, старший преподаватель, зав. секции немецкого и французского языков кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов; ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия; тел.: +7 495 4345300; e-mail: lys11@yandex.ru

НИКИТИН Сергей Александрович,

кандидат исторических наук, доцент, приглашенный преподаватель Веронского университета; Виа дель Артильере 8, Верона Венето, 37129, Италия; тел.: +39 045 8425111; e-mail: ser.nikitin@gmail.com

ПРЕИМУЩЕСТВА ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В КУРСЕ РКИ

Аннотация. *Цель* статьи — описать опыт внедрения новых информационных технологий в обучение русскому языку как иностранному (РКИ). *Объект* анализа — публицистический текст экологической тематики. *Предмет* исследования — способы адаптации текста с эксплицитным и имплицитным выражением культурно-исторических знаний о современной России. *Результат* исследования — построение занятия с использованием информационных компьютерных технологий (ИКТ). Обсуждаются темы, значимые для понимания русской культуры нашего времени и предлагаются способы и приёмы выявления культурных пластов в тексте с помощью компьютерных технологий. *Практическое применение* результатов исследования возможно как на практических занятиях по русскому языку, так и на семинарских занятиях по семантике и стилистике для будущих журналистов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, новостной видеосюжет, информационные компьютерные технологии, культурно-историческая тема, социокультурная компетенция.

Введение. Практические занятия по русскому языку в последнее время обогащаются целой палитрой средств, связанных с разнообразными способами представления материала с помощью компьютерных технологий. Аналитическая работа над культурно-ориентированным публицистическим текстом, помимо выполнения собственно дидактических задач, может стать поводом для выработки у иностранных учащихся понимания того, что они могут и должны самостоятельно почерпнуть из текста нечто большее или совсем другое, нежели данные, приводимые автором статьи.

На описываемом далее занятии в ходе развития иноязычной коммуникативной компетенции ставится педагогическая задача привить обучающимся вкус к интерпретации информации, научить способам выявления культурологического и прагматического планов текста в ходе анализа текста.

Материалы. На занятиях учащиеся работают с видеосюжетами портала Евроньюс. Это удобный источник, поскольку к каждому видео прилагается скрипт. Насколько можно понять по результату, журналисты этого портала, излагающие информацию на родном языке, работают независимо друг от друга, получая первичные материалы к готовому видеоряду. Задача

журналиста — адаптировать текст, обращаясь к своей аудитории, обработать материал с использованием национально-культурных фоновых знаний реципиентов. Для примера такой адаптации мы выбрали видеосюжет о яркой инновации, внедрённой в Норвегии: «Giant mirrors shed winter sunlight on Norwegian town of Rjukan» / Un village norvégien retrouve le soleil grâce à des miroirs géants / «Не линяет только солнечный зайчик!» (31.10.2013) [10].

Результаты. Перед преподавателем всегда стоит сложная и интересная задача — найти такие тексты, в которых есть идеи, сравнения, образы, дающие возможность приобщения к культурным ценностям европейского мира и, конкретно, России, и в более частном виде, к реалиям российской действительности последних пятидесяти лет.

Мы выделили такие темы, помогающие формировать социокультурную компетенцию учащихся: Структура России; Режим дня в России (учреждения, магазины); Повседневная жизнь русского города; Парк Горького и современная урбанистика; Русский праздник; Экология России; Чёрные концепты русской жизни; Невский проспект Петербурга и Тверская улица Москвы в культуре России; Люди современного большого города (СМИ, арт, музыка, бизнес...); Субкультуры России; Музыкальный код России: бардовские песни, эстрада, шансон, музыка хипстеров; Кино; Персонажи русских мультфильмов (Чебурашка, Маша). Эту структуру мы первоначально разработали для курса лекций о современной культуре России для студентов Веронского университета.

Этапы проведения занятия

Перед первым просмотром даётся задание обобщить информацию о композиционной структуре фильма. При обсуждении после просмотра создаётся ситуация творческого общения, повышающая способность к пониманию друг друга в процессе общения, к эффективной коммуникации внутри студенческой группы, обычно включающей представителей разных стран и культур. После этого студенты получают скрипт на русском языке.

Первое задание: прочитать название и интерпретировать интенцию русского журналиста. Преподаватель приводит названия других сообщений по экологии из того же раздела портала Евроньюс: «Мясо — «красная» смерть!» (о свойствах мясных продуктов) [4]; «Трёхмерные искусственные кровеносные сосуды — новый «философский камень»» [7]; «Все мы там будем!» (сообщение об экологических городах [2]); «Тайна двух океанов» [6]; «Будущее в новом свете: искусственное Солнце и лазерный сыр» [1]. Учащиеся понимают, что журналист применяет пословицы, крылатые выражения, прецедентные единицы для привлечения широкой аудитории.

В нашем тексте заголовок имеет особую культурологическую и историческую ценность (замечим, что смысл песни не соответствует содержанию текста об установке зеркал для освещения площади норвежского городка). Преподаватель пользуется этой цитатой из песни на слова Новеллы Матвеевой из художественного фильма «Ещё раз про любовь» (1967) как поводом рассказать об обстановке 1960-х годов. Следует сделать отступление и показать фрагмент этого фильма [8]. Рекомендуем рассказать о споре физиков и лириков, привести прецедентный текст поэта Бориса Слуцкого, провозгласившего в 1959 г. в стихотворении «Физики и лирики»: *Что-то физики в почёте, / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчёте, / Дело в мировом законе.*

Возвращаясь к тексту, следует объяснить, что такое название передаёт два важных дополнительных сведения: 1) автор был молод в середине 1960-х годов, а сейчас ему около 70 лет; 2) автор хочет, чтобы информация воспринималась шутливо, настраивает читателей на приятную, весёлую новость.

Приведём первый абзац: *В Норвегии, в городе Рjukan, только что установили три зеркала, общей площадью 51 квадратный метр. Высота конструкции 450 метров. Цель — запускать «солнечных зайчиков», в буквальном смысле слова. В течение полугода в этом городе солнца не бывает. Ультрафиолет помогает вырабатывать необходимый организму витамин D, а также он стимулирует выработку ряда важных гормонов. Их недостаток может привести порой даже к депрессии* [10].

Русский вариант норвежского топонима *Рjukan* даёт возможность дать полистать книгу Д. И. Ермоловича «Имена собственные на стыке языков и культур» [3]. Это занимает не более 5 минут, но производит большое впечатление и вызывает просьбу дать почитать этот справочник. Он высылается в тот же день. Самые заинтересованные начинают пользоваться этим справочником регулярно.

Преподаватель просит студентов перечислить возможные стратегии поиска произношения названия норвежского города. (В Википедии находим запись латинскими буквами *Rjukan*). Попутно вкратце объясняем принципы транскрибирования и транслитерирования. Важное сведение общего характера: в русской традиции принято транскрибирование. Далее напоминаем об одной очень удобной опции приложения Гугл-переводчик: теперь можно прослушать норвежское произношение, вставив норвежскую фразу в левое окно, и самому решить, как звучит слово. Прослушивание не решает проблемы, так как норвежская фонема не близка ни к одной русской гласной.

Следующий шаг: ищем в сети Интернет информацию на русском языке об этом городе и находим не только тексты, но карты онлайн. Везде стоит *Рьюкан*. Официальной записи топонима кириллицей мы не находим (это слишком маленький городок). Вопрос о том, почему автор статьи использовал вариант Рукон, остаётся нерешённым. В педагогическом смысле отсутствие готового ответа чрезвычайно важно: учащиеся начинают понимать, что переводчик — самостоятельный участник межкультурной коммуникации.

Далее предлагаются следующие аналитические задания:

1) создать таблицу вопросов, на которые отвечает автор (например: что это за населённый пункт, какова площадь зеркал и пр.);

2) выделить ключевые позиции текста: с какой целью построен объект; какие виды энергии используются для работы установки; к какому направлению экологии относится сюжет;

3) какие конструкции сопоставимой высоты знают учащиеся.

Используется метод мозгового штурма. После выполнения каждого задания студенты выполняют речевые упражнения. Первые два задания выполняются легко, но ответ на третий вопрос вызывает затруднения. Дело в том, что журналист ошибся, он сложил высоту горы и высоту зеркал. Студенты не привыкли критически относиться к данным, выраженным цифрами. Мы учим видеть физический смысл, реальный объект. Какие известные конструкции имеют такую высоту? И преподаватель даёт студентам данные о высоте парижской Эйфелевой башни (324 м) и московской Останкинской телебашни (540 м). Этими величественными строениями любуется весь мир, а автор русского текста не почувствовал данной величины и не соразмерил её с площадью (51 м²). Но это всего лишь комичная фактическая ошибка.

Основное обсуждение должен вызывать вопрос о цели строительства. Здесь допущена смысловая ошибка: автор не понял, что зеркала создают повод для общения между жителями городка на площади и привлекают туристов. Однако для того, чтобы выявить эту ошибку, требуется расширенный поиск.

Раздаются скрипты того же видеосюжета на английском языке [10]. Заметим, что это нужно сделать, даже если студенты не владеют этим языком. Такое обращение к сети Интернет формирует умение ориентироваться в источниках, оценивать их достоверность, сравнивать тексты на основе опорных моментов: цифр, мер, интернациональной лексики.

Функция улучшения коммуникации в сообществе как основание для принятия решения о создании освещённого эллипса в центре рыночной площади в английском варианте подчёркивается неоднократно: *They say 'hurrah', this is a nice idea. Now we have the sun reflected down to the town square people are coming here, they're taking pictures, they're laughing and having a good time*....*Designers hope the sunshine will revitalise the town during the winter months*. В русском же тексте акцент делается на жалость, на спасение нездоровых несчастных людей: *Так много счастливых лиц, людей, которым хорошо, когда они чувствуют солнечный свет, видят его, у всех сразу же улучшается настроение* (то есть настроение у жителей всё время плохое). В данном случае не будем останавливаться на грамматическом несоответствии одноразового улучшения настроения в ситуации, которая описывается как ежедневная, и на глуповато-детской прямолинейности: пока солнце видно только на склоне горы — настроение унылое, а увидел солнце на асфальте площади — и повеселел. В английском тексте объясняется, что это выражает желание жителей: *People up here want to have the sun*.

Следует обратить внимание на различие в коннотативных значениях фрагментов текста: *идея выглядела совершенно безумной / It's a crazy idea but it's funny*...

От этого замечания легко перейти к следующему заданию: выявить эмоционально-оценочные компоненты текста. Разговорные формы (*в этом городе солнца не бывает, ...может привести порой даже к...*) подкрепляют интенцию вызвать жалость к жителям захудалого городка. Слова руководителя проекта переведены неточно: *«мы хотим исправить существовавшее положение вещей, помочь улучшить качество жизни»*. Здесь стоит обратить внимание на грамматическую ошибку в употреблении вида глагола. Мы делаем это с юмором, говоря, что вид — самая трудная категория славянских языков.

Выделенные компоненты, в целом, напоминают русскому реципиенту об образах романа В. Г. Короленко «Дети подземелья». Возможно, информация об этом романе, показ иллюстраций художника П. В. Калинина будет нелишним. Дело в том, что каждый человек, учившийся в школе в нашей стране, запоминает и может в быту использовать это выражение. Можно предъявить такой пример из интернет-форума: *«живу в большом городе, мегаполисе. И что? ну вот знаю ли я его... улицы, переулки, набережные, мосты... а видим ли мы это? мы, дети подземелья, дети этого города и мачехи метро»* [5]. Уместно показать и картину В. Г. Перова «Тройка»: через школьную субкультуру эти историко-культурные образы закрепились в сознании современного русского человека и применяются довольно часто.

Именно с этими образами литературных персонажей из школьной программы, не видящих солнца, и связана мотивировка строительства объекта в русском варианте видеосюжета: поскольку полгода солнце не освещает городок, то организму человека не хватает витамина D

и гормонов, и это приводит к депрессии. С точки зрения общей культуры, этот тезис, по сути противоречащий подлинной цели проекта, происходит от незнания того, что речь идёт о вполне здоровом населении самой богатой страны Европы.

И ещё одна смысловая ошибка, но несущественная: *идея установить зеркала принадлежит не им, она была впервые высказана почти сто лет назад, и даже была воплощена в жизнь в соседней деревне*. Почему же портал Евроньюс показал фильм не о соседней деревне? Находим в английском тексте название и географическое расположение первой деревушки (*Viganella in northern Italy*). Мы предлагаем и здесь совершить большое и полезное отступление в виде видео комментария, презентации Power Point или раздаточного материала о заброшенной деревушке альпийской части Италии. Такую презентацию может выполнить и кто-то из студентов в качестве самостоятельного задания: место на карте Европы, чертёж установки, фото вида деревни). Раздаётся письменный текст для перевода на русский язык, который выполняется теми, кто владеет английским языком (его можно заранее прикрепить к скрипту): *In November 2006 Viganella set up a giant mirror with adjustable, computer-controlled orientation on the mountainside, consisting of 14 sheets of steel which together are 8 metres wide and 5 metres high. The mirror functions as a heliostat, tracking the sun so that sunlight always reflects onto the town square. The mirror was built at a cost of €100,000, or approximately €540 per resident* [14]. Цифры говорят за себя, и преподаватель даёт задание сообразить, каково население Виганеллы (ответ: 204 жителя). Далее приводится статья Джона Фоллейна из Санди Таймс (12.11.2006) [9]. Тема завершается просмотром и переводом субтитров (или самостоятельным комментированием) итало-канадского фильма 2009 г. *Lo Specchio (The Mirror)* [11]. После этого задаётся контрольный вопрос: какую функцию освещения деревни зеркалом выделяют интервьюируемые в фильме? Ответ: это социализирующая функция. Именно так (*revitalise the town*) считают и авторы проекта в Норвегии.

Экологическая функция установки эксплицитно выражена именно в русском тексте: *установка выполнена с учётом требований экологии, энергию, которая необходима для того, чтобы разворачивать зеркала, получают из возобновляемых источников: солнца и ветра*. Здесь имеется ещё одно смысловое расхождение — в английском варианте энергия ветра в установке не упомянута: *Solar panels will power equipment to automatically wash the mirrors and move them into position*. По запросу «Rjukan mirrors wind energy» получаем результаты, доказывающие правоту русского журналиста: *The mirror is powered by solar and wind energy* [12]. Рекомендуем найти в Интернете подробное описание системы управления (гелиостат) и мойки зеркал.

После этого учащиеся отвечают на русском языке на поставленные в аналитических заданиях вопросы и приходят к выводу, что речь идёт не столько об экологически чистых технологиях, солнечных батареях и пр., но об исследованиях и внедрениях инноваций в области экологии человека.

Занятие можно завершить неожиданным предъявлением фото электростанции башенного типа близ Лас-Вегаса [13] и вопросом: А для чего в этом инновационном проекте, по вашему мнению, служат 300 000 зеркал? Где это? Ответ следует найти по ключевому слову *Ivanpah*. Дома требуется найти научное описание этой электростанции, прочесть о ней и описать гелиостат (либо сделать презентацию в Power Point).

Выводы. 1. В процессе исследования мы выделили темы для формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся в области культуры современной России. Темы экологической тематики как часть современной мировой культуры должны раскрываться на каждом языке с учётом особенностей восприятия представителей данной культуры. Научить этому можно с помощью сопоставления уже готовых текстов портала Евроньюс, журналисты которого имеют специально поставленную задачу найти свойственные родной культуре средства выражения мысли.

2. Учащиеся усваивают идею адаптации текста и, в то же время, осознают, что даже информация о новости из области экологии может создавать определённое настроение и содержать разнообразную имплицитную информацию, ассоциации, представления, коннотации. Занятия по РКИ призваны выявлять этот культурный пласт информации, нередко имплицитный.

3. Важной задачей в плане межкультурной коммуникации является обучение извлекать информацию из текстов на разных языках, не изучаемых систематически, по опорным единицам (интернациональная лексика, цифры, единицы измерения, величины).

4. Учащиеся выполнили на занятии различные виды упражнений: как в области речевых умений (формировались все четыре умения: аудирование, говорение, письмо и чтение), так и в области учебного перевода: перевод с видеоносителя и с бумажного носителя; абзацно-фразовый перевод; перевод субтитров фильма без подготовки; спонтанный перевод с листа.

5. Предложенное занятие имеет и общепедагогическое значение: в будущем, находясь на стажировке, на международной встрече, учащимся придётся находить при обсуждении нового события исходные позиции, общие для носителей различных культур, и при этом думать о том, как подать материал для носителей определённой культуры, чтобы добиться нужного эффекта от сообщения.

Л и т е р а т у р а

1. *Будущее в новом свете : искусственное. Солнце и лазерный сыр* [Электронный ресурс]. — URL : <http://ru.euronews.com/2015/10/26/a-brighter-future-eu-researchers-harness-the-power-of-light/>.
2. «Все мы там будем» [Электронный ресурс]. — URL : <http://ru.euronews.com/2014/03/25/how-to-grow-a-city/>
3. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. — М. : Р. Валент, 2001. — 200 с.
4. Мясо — «красная» смерть! [Электронный ресурс]. — URL : [<http://ru.euronews.com/2015/10/29/red-and-processed-meats-cause-cancer/>]
5. Ответы Mail.Ru [Электронный ресурс]. — URL : <https://otvet.mail.ru/question/4946039>
6. Тайна двух океанов [Электронный ресурс]. — URL : <http://ru.euronews.com/2014/04/08/what-can-you-hear-down-there-the-ocean-s-answer-to-google-earth/>
7. Трёхмерные искусственные кровеносные сосуды — новый «философский камень» [Электронный ресурс]. — URL : <http://ru.euronews.com/2015/11/02/chinese-claim-world-s-first-3d-blood-vessel-bio-printer/>
9. «Я мечтала о морях и кораллах». Дата загрузки : 18.11.2009 г. [Электронный ресурс] — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=gnIbocEmecg>
10. Follain J. Brilliant idea: mirror lights up village // The Sunday Times November 12, 2006. [Электронный ресурс] / J. Follain. — URL : <http://web.archive.org/web/20110622095120/http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/article634117.ece>
11. Giant mirrors shed winter sunlight on Norwegian town of Rjukan [Электронный ресурс]. — URL : <http://ru.euronews.com/2013/10/31/giant-mirrors-shed-sunlight-in-the-winter-months-on-the-norwegian-town-of-rjukan/>
12. Lo Specchio (The Mirror) [Электронный ресурс]. — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=t8qkY12Hb0Y>.
13. The sunmirror in Rjukan [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.visitrjukan.com/de/attractions/the-sunmirror-in-rjukan>
14. The World's Largest Solar Plant Started Creating Electricity [Электронный ресурс]. — URL : www.ivanpahsolar.com
15. Viganella [Электронный ресурс]. — URL : <https://en.wikipedia.org/wiki/Viganella>

R e f e r e n c e s

1. *Budushhee v novom svete : iskusstvennoe. Solnce i lazernyj syr* [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://ru.euronews.com/2015/10/26/a-brighter-future-eu-researchers-harness-the-power-of-light/>.
2. «Vse my tam budem» [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://ru.euronews.com/2014/03/25/how-to-grow-a-city/>
3. *Ermolovich D. I. Imena sobstvennyye na styke jazykov i kul'tur* / D. I. Ermolovich. — M. : R. Valent, 2001. — 200 s.
4. *Miaso — «krasnaja» smert'!* [Elektronnyj resurs]. — URL : [<http://ru.euronews.com/2015/10/29/red-and-processed-meats-cause-cancer/>]
5. *Otvety Mail.Ru* [Elektronnyj resurs]. — URL : <https://otvet.mail.ru/question/4946039>
6. *Tajna dvuh okeanov* [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://ru.euronews.com/2014/04/08/what-can-you-hear-down-there-the-ocean-s-answer-to-google-earth/>
7. *Triohmernye iskusstvennyye krovenosnye sosudy — novyj «filosofskij kamen'»* [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://ru.euronews.com/2015/11/02/chinese-claim-world-s-first-3d-blood-vessel-bio-printer/>
8. «Ja mechtala o moriah i korallah». Data zagruzki: 18.11.2009. [Elektronnyj resurs]. — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=gnIbocEmecg>
9. Follain J. Brilliant idea: mirror lights up village // The Sunday Times November 12, 2006. [Elektronnyj resurs] / J. Follain. — URL : <http://web.archive.org/web/20110622095120/http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/article634117.ece>
10. *Giant mirrors shed winter sunlight on Norwegian town of Rjukan* [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://ru.euronews.com/2013/10/31/giant-mirrors-shed-sunlight-in-the-winter-months-on-the-norwegian-town-of-rjukan/>
11. *Lo Specchio (The Mirror)* [Elektronnyj resurs]. — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=t8qkY12Hb0Y>.
12. *The sunmirror in Rjukan* [Elektronnyj resurs]. — URL : <http://www.visitrjukan.com/de/attractions/the-sunmirror-in-rjukan>
13. *The World's Largest Solar Plant Started Creating Electricity* [Elektronnyj resurs]. — URL : www.ivanpahsolar.com
14. *Viganella* [Elektronnyj resurs]. — URL : <https://en.wikipedia.org/wiki/Viganella>

АВДОНІНА Марина Юріївна,

кандидат психологічних наук, доцент кафедри німецької та французької мов факультету заочного навчання Московського державного лінгвістичного університету; вул. Остоженка, 38, Москва, 119034, Росія; тел.: +7 495 6375597; e-mail: mavdonina@yandex.ru

ВАЛЕЄВА Наїля Гарифівна,

кандидат педагогічних наук, професор, зав. кафедри іноземних мов екологічного факультету Російського університету дружби народів; вул. Міклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Росія; тел.: +7 495 4345300; e-mail: ngvaleeva@yandex.ru

ЖАБО Наталія Іванівна,

кандидат філологічних наук, старший викладач, зав. секції німецької та французької мов кафедри іноземних мов Аграрно-технологічного інституту Російського університету дружби народів; вул. Міклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Росія; тел.: +7 495 4345300; e-mail: lys11@yandex.ru

НИКІТИН Сергій Олександрович,

кандидат історичних наук, доцент, запрошений викладач Веронського університету; Віа дель Артільєре, 8, Верона Венето, 37129, Італія; тел.: +39 045 8425111; e-mail: ser.nikitin@gmail.com

**ПЕРЕВАГИ ІНФОРМАЦІЙНИХ КОМП'ЮТЕРНИХ ТЕХНОЛОГІЙ НА ЗАНЯТТЯХ
З ФОРМУВАННЯ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ В КУРСІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ
ЯК ІНОЗЕМНОЇ**

Анотація. Мета статті — описати досвід впровадження нових інформаційних технологій у навчання російської мови як іноземної. Об'єкт аналізу — публіцистичний текст екологічної тематики. Предмет дослідження — способи адаптації тексту з експліцитним і імпліцитним вираженням культурно-історичних знань про сучасну Росію. Результат дослідження — побудова заняття з використанням інформаційних комп'ютерних технологій (ІКТ). Обговорюються теми, які є значущими для розуміння російської культури нашого часу, пропонуються способи та прийоми виявлення культурних шарів у тексті за допомогою комп'ютерних технологій. Практичне застосування результатів дослідження можливе як на практичних заняттях з російської мови, так і на семінарських заняттях з семантики та стилістики для майбутніх журналістів.

Ключові слова: російська мова як іноземна, новинний відеосюжет, інформаційні комп'ютерні технології (ІКТ), культурно-історична тема, соціокультурна компетенція.

Marina Yu. AVDONINA,

Ph.D., Candidate of Psychology, Associate professor of German and French Languages Department of Distance Learning Faculty of Moscow State Linguistic University; 38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia; tel.: +7 495 6375597; e-mail: mavdonina@yandex.ru

Nailia G. VALEEVA,

Ph.D., Candidate of Pedagogy, Professor, Head of Department of Foreign Languages of Ecology Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maclay Str., Moscow, 117198, Russia; tel.: +7 495 4345300; e-mail: ngvaleeva@yandex.ru

Natalia I. ZHABO,

Ph.D., Candidate of Philology, Senior Lecturer, Head of German and French Section of Foreign Languages Department of Agrarian Technological Institute; the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maclay Str., Moscow, 117198, Russia; tel.: +7 495 4345300; e-mail: lys11@yandex.ru

Sergey A. NIKITIN,

Ph.D., Candidate of History, Associate Professor, Visiting Professor of the University of Verona (Università degli Studi di Verona); Via dell'Artigliere 8, 37129 Verona Veneto, Italy (Italia); phone: +39 045 8425111; e-mail: ser.nikitin@gmail.com

ADVANTAGES OF INFORMATIVE COMPUTER TECHNOLOGIES FOR FORMING SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary. The present paper aims to describe the experience of implementing new information technologies in teaching Russian as a foreign language. A journalistic environmental text has been analyzed in order to reveal ways to make the text adapted for Russian audience. Cultural and historical knowledge about modern Russia introduced in an explicit and implicit manner has been explored. The result of the study is in building exercises using ICT. We discuss topics that are important for the understanding of modern Russian culture, and provide methods and techniques to identify cultural layers in the text with the help of computer technology. The practical application of the research results is possibly seen as a part of practical training in the Russian language, as well as in seminars on semantics and style for future journalists.

Key words: Russian as a foreign language, news video, ICT, cultural and historical themes, socio-cultural competence.

Статтю отримано 27.09.2015 р.

УДК 378.147:811.161.1'243

КОВТУН Татьяна Владимировна,кандидат филологических наук, доцент Киевского национального лингвистического университета;
ул. Большая Васильковская, 73, г. Киев, 03150, Украина; e-mail: tatjana_kovtun@mail.ru;
моб.: +38 063 4863570

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ПАДЕЖНЫЙ КОНЦЕНТР): ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ

Аннотация. Главной и актуальной задачей при изучении русского языка как иностранного является обращение к системе падежей. Цель данной статьи — изучение способов презентации и контроля темы «Предложный падеж» в иностранной аудитории. Представлены и описаны формы текущего и поэтапного контроля по теме. Даны задания для контроля умений и навыков чтения, устной и письменной речи, контрольные лексико-грамматические задания. Все заявленные упражнения направлены на закрепление знаний студентов-иностранцев по теме «Предложный падеж», а также на отработку практических навыков употребления иностранцами форм предложного падежа в устной речи и на письме. Результаты данной научно-методической статьи рекомендуется использовать для самостоятельной работы студентов-иностранцев. Комплекс заданий разработан с целью помощи студентам в систематизации знаний и подготовке к дальнейшему изучению падежной системы русского языка. Преподаватель сможет проконтролировать изучение темы, а также определить уровень усвоения материала в группе.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, когнитивный метод, предложный падеж, речевая деятельность, система падежных окончаний, текущий и поэтапный контроль.

В основу изучения русского языка как иностранного на подготовительном факультете положен сознательно-практический (когнитивный) метод. Этот метод назван сознательным, поскольку в процессе обучения учащиеся осознают необходимые для общения языковые формы, но в то же время метод является практическим, потому что решающим фактором обучения признаётся речевая практика.

Для методики нового времени характерно углублённое изучение речевого общения как формы взаимодействия людей. Именно поэтому преподаватели РКИ обращаются также к коммуникативному методу обучения, целью которого является развитие у студентов-иностранцев умений и навыков решать коммуникативные задачи средствами иностранного языка и свободно общаться с носителями языка в разных речевых ситуациях. Одной из основных целей обучения русскому языку как иностранному является практическое овладение языком в четырёх основных видах речевой деятельности, развитие речевых навыков и умений. Знание системы падежных окончаний существительных и прилагательных в единственном и множественном числе, знание глаголов и правильное употребление видо-временных форм, а также умение правильно излагать свои мысли в устном и письменном виде являются важными составляющими системы текущего, поэтапного и итогового контроля знаний студентов-иностранцев. Именно поэтому изучение предложно-падежной системы было и остаётся актуальным. Достаточно богатая падежная система русского языка, изобилие предлогов и вопросов вызывают трудности при изучении РКИ практически у всех студентов.

Иностранные студенты изучают падежную систему русского языка не так, как носители языка, с учётом частотности употребления падежей (и их вопросов) в речи, а также двигаясь от простого к сложному. Например, изучение предложного падежа (№ 6) начинается с окончания -е, которое характерно для существительных всех родов в единственном числе. Далее разбираются другие правила изменения слов и новые окончания (-и), (-и), (-и). Таким образом, падеж № 6 представляется наиболее простым на начальном этапе. Кроме того, вместе с падежными моделями изучаются и употребляемые в них предлоги русского языка. Такой подход к изучению падежей демонстрируется во многих авторитетных учебниках и пособиях, которыми пользуются преподаватели на занятиях [напр.: 1–4; 6; 8–10].

Данная статья посвящена изучению способов презентации и контроля темы «Предложный падеж» в иностранной аудитории. Цель данной статьи — показать пути отработки правил употребления предложного падежа существительных, прилагательных, местоимений и числительных в письменной и устной речи студентов-иностранцев, способы определения уровня усвоения темы и закрепления практических умений и навыков по данной теме.

Самостоятельная работа студентов является неотъемлемой частью учебного процесса. На неё отводится значительная часть учебного времени, что предусмотрено программой курса «Русский язык» на подготовительном факультете. Количество часов, отведённых программой

курса на внеаудиторную работу, составляет половину времени, запланированного на работу в аудитории. В рамках внеаудиторной самостоятельной работы иностранные студенты выполняют упражнения и задания по учебникам и пособиям [2; 8; 9], читают тексты и диалоги [2; 4; 7; 11], работают с прописями [5], пишут сочинения на темы, предложенные преподавателем, готовят устные пересказы рабочих тестов, проводят словообразовательный анализ слов, составляют диалоги.

Мы предлагаем комплекс заданий по теме «Предложный падеж». В статье приведены конкретные задания для контроля умений и навыков чтения (модельный текст и задания к нему), устной и письменной речи, контрольные лексико-грамматические задания. Рамки статьи не позволяют нам охватить все части речи в единственном и множественном числе. Поэтому в данной работе указанные части речи представлены только в единственном числе. Все заявленные задания направлены на закрепление знаний студентов-иностранцев по теме, а также на отработку практических навыков употребления иностранцами форм предложного падежа в устной речи и на письме. Данные задания помогут студентам систематизировать полученные знания и подготовиться к дальнейшему изучению падежной системы русского языка. Кроме того, выполнение студентами предложенных заданий даст возможность преподавателю проконтролировать изучение темы, а также определить уровень её усвоения.

§ 1. Задания для контроля умений и навыков чтения

Задание 1. Прочитайте текст «Мы живём и учимся в Киеве».

МЫ ЖИВЁМ И УЧИМСЯ В КИЕВЕ

Мы иностранные студенты. Сейчас мы живём и учимся в Украине, в городе Киеве. Киев — это столица Украины. Киев — очень большой и старый город. Ему больше, чем 1500 лет. В Киеве есть университеты, академии, школы, лицеи, заводы. В центре есть хорошие театры, современные кинотеатры, большие и маленькие магазины.

Киев — красивый город. Здесь старые и новые здания, высокие дома, длинные улицы, широкие проспекты, большие площади, старые и новые районы, зелёные парки и сады. Там деревья и цветы. Там зелёная трава. Поэтому Киев называют зелёным городом. Центральная улица в Киеве называется Крещатик. Она красивая, широкая и старая. На Крещатике люди гуляют и отдыхают.

В Киеве есть интересные старые музеи и красивые памятники, а также исторические места. Мы были в Киево-Печерской Лавре. Её основали монахи Антоний и Феодосий в 11 (одиннадцатом) веке. Там есть старые церкви, глубокие пещеры и церковные магазины. Лавра находится на берегу реки Днепр. Около Лавры есть Парк Славы. Мы гуляли в этом парке. Он очень красивый и зелёный. В этом городе есть метро. Оно современное и чистое.

Мы учимся в Киевском национальном лингвистическом университете на подготовительном факультете. Здесь учатся студенты-иностранцы. Сначала иностранные студенты изучают русский язык и фонетику. Потом они изучают предметы: историю, географию, русскую литературу. Мы учимся говорить, читать и писать по-русски, учимся отвечать на вопросы.

Русский язык — красивый, но трудный язык. Говорить и писать правильно по-русски очень трудно. Мы много и внимательно занимаемся, потому что хотим знать русский язык хорошо. В аудитории мы внимательно слушаем преподавателя, изучаем грамматические правила, учим новые слова, повторяем тексты, читаем диалоги, пишем рассказы и диктанты. На уроке мы много говорим по-русски. Иногда на уроке фонетики мы занимаемся в лингафонном кабинете. Мы любим работать там. Дома мы всегда делаем домашнее задание. Наши преподаватели говорят, что мы учимся хорошо.

Задание 2. Самостоятельно пишите 10 вопросов к тексту. Потом пишите ответы.

§ 2. Задания для контроля умений и навыков устной речи и развития письменной речи

Задание 1. Пишите ответы на вопросы о себе. На основе ответов составьте рассказ о себе и запишите его. Расскажите о себе друзьям.

1. Где вы родились? 2. Где (=В каком городе) вы жили раньше? 3. Где (= В каком городе) вы живёте сейчас? 4. Где (= В каком университете) вы учитесь? 5. На каком факультете вы учитесь? 6. На каком этаже находится ваш факультет? 7. В какой аудитории вы занимаетесь? 8. Что вы изучаете? 9. Как вы учитесь? 10. Где вы пишете домашнее задание?

Задание 2. Ответьте устно на вопросы о вашей комнате и о вашей аудитории.

1. В какой комнате вы живёте? 2. На каком этаже находится ваша комната? 3. На каком этаже находится ваша аудитория? 4. Что есть в вашей комнате? 5. Что есть в вашей аудитории? 6. Где висит доска? 7. Где висят картинки и карты? 8. Где стоят столы и стулья? 9. Где висят ваши вещи? 10. Где стоит ваш шкаф? 11. Где вы отдыхаете? 12. Где вы занимаетесь?

Задание 3. Напишите рассказ «Моя комната» или «Наша аудитория» (на выбор). Расскажите о своей комнате/ аудитории друзьям по группе. Объем рассказа — 15–20 фраз.

§ 3. Лексико-грамматические задания

3. 1. Задания для повторения

Задание 1. Повторите глаголы, после которых употребляется Предложный падеж.

Быть, жить, висеть, стоять, лежать, сидеть, работать, отдыхать, гулять, завтракать, обедать, ужинать, заниматься, учиться, родиться, находиться
+ ГДЕ? (в/ во, на)
Думать, мечтать, говорить, рассказывать, писать, читать, знать, спрашивать, петь
+ О КОМ? О ЧЁМ? (о, об/обо)

Пишите спряжения этих глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени.

Задание 2. Составьте 10 фраз с любыми глаголами (на выбор).

Задание 3. Повторите окончания существительных, прилагательных, местоимений и числительных в Предложном падеже единственного числа по таблицам.

Таблица № 1 (существительные).

Падеж № 1 1	Падеж № 6 1	Падеж № 1 2	Падеж № 6 2	Падеж № 1 3	Падеж № 6 3
Он — ∅, - (ь), — (й) Оно — -о, -е Она — -а, -я	} → -е	Он — — (ий) Оно — -(и)е Она — -(и)я	} → (и)и	Запомните! Он — ∅, Она — -(ь)	⇒ -У ⇒ -И

Работайте по таблице. Пишите существительные в Предложном падеже:

Стол, словарь, музей, море, окно, книга, санаторий, планетарий, задание, аудитория, академия, угол, пол, снег, берег, мост, шкаф, тетрадь, площадь, дверь, лошадь, кровать.

Таблица № 2 (прилагательные, местоимения и числительные).

Падеж № 1	Падеж № 6
Он — -ый, -ий, -ой Какой? Оно — -ое, -ее Какое?	} → -ОМ, -ЕМ В, на, о каком?
Она — -ая, -яя Какая?	} → -ОЙ, -ЕЙ В, на, о какой?

Работайте по таблице. Пишите словосочетания в Предложном падеже:

Новый учебник, синий календарь, большой шкаф, длинное пальто, последнее упражнение, младшая сестра, соседняя аудитория, следующая неделя.

3. 2. Контрольные задания

Упражнение 1. Ответьте на вопрос: Где?

1. Где учится Антон? (университет). 2. Где работает ваш отец? (завод). 3. Где находится его квартира? (площадь). 4. Где живёт ваш друг? (Англия). 5. Где студенты пишут фразы? (тетрадь). 6. Где родился Тарас Шевченко? (Украина).

Упражнение 2. Закончите предложения по модели.

Модель: Вот **комната**. Я живу **в комнате**.

1. Это **полка**. Книги стоят ... 2. Это **ваза**. Цветы стоят ... 3. Это **библиотека**. Я занимаюсь ... 4. Это **портфель**. Ручки лежат ... 5. Вот **здание**. Кафе находится ... 6. Вот **аудитория**. Студенты сидят ... 7. Это **задание**. Новые слова ... 8. Вот **берег**. Мой отец отдыхает ... 9. Вот старая **площадь**. Памятник стоит ... 10. Это моя **тетрадь**. Я пишу новые глаголы ...

Упражнение 3. Пишите нужную форму слова.

1. Вот висит большая ... Мой город ... (карта, на карте). 2. Сейчас дети ... Их ... большой и светлый (класс, в классе). 3. Это моя ... Я живу ... (квартира, в квартире). 4. В комнате стоит большой ... Вещи висят ... (шкаф, в шкафу). 5. Вот дом, рядом ... Мы гуляем ... (лес, в лесу). 6. Это наша ... Мы занимаемся ... (аудитория, аудитории).

Упражнение 4. Составьте фразы из предложенных слов.

1. Стол, стоять, угол, комната. 2. Алфавит, висеть, стена. 3. Мои, вещи, лежать, стол, и, стул. 4. Его, пальто, висеть, вешалка, класс. 5. Эта, аудитория, находиться, третий, этаж, университет. 6. Моя, подруга, родиться, Ливия.

Упражнение 5. Напишите ответы на вопросы о своём друге.

1. Где родился ваш друг? 2. Где он жил раньше? 3. Где он живёт сейчас? 4. Где он учится? 5. На каком факультете он учится? 6. Что он изучает? 7. Где ваш друг обычно занимается? 8. Где он обычно отдыхает? 9. Где он хочет работать после университета? 10. О чём мечтает ваш друг?

Упражнение 6. Ответьте на вопрос: О ком? Пишите личные местоимения.

1. Моя сестра живёт в Китае. Я часто думаю ... 2. Наш друг учится в Киеве. Мы говорим ... 3. Завтра у нас будет экзамен. Мы сегодня спрашивали ... 4. Я живу в Украине, а мои родители в Иране. Они часто думают ... 5. Ты не был вчера на уроке. Преподаватель спрашивал ... 6. На фотографии красивое летнее море. Я мечтаю ...

Упражнение 7. Ответьте на вопросы. Пишите прилагательные.

1. В каком доме живет ваша семья? (большой, современный). 2. В какой квартире они живут? (новая, красивая). 3. На каком стадионе друзья играют в футбол? (большой, зелёный). 4. О каком фильме вы говорили на занятии? (интересный, украинский). 5. О каком брате часто рассказывает студентка? (младший, любимый). 6. На каком заводе работает этот рабочий? (старый, химический). 7. В каком магазине студенты покупают книги? (соседний, книжный). 8. В каком кинотеатре вы бываете? (ближайший, красивый). 9. В какой аудитории вы занимаетесь? (маленькая, тёплая). 10. В какой сумке лежат ваши тетради и учебники? (большая, тяжёлая).

Упражнение 8. Закончите фразы. Пишите местоимения, прилагательные и существительные.

1. Мы обедаем (наша студенческая столовая). 2. Он занимается (его большая комната). 3. Мы берём книги (наша университетская библиотека). 4. Виктор учится играть на скрипке (твоя музыкальная школа). 5. Студент пишет слова (свой домашний словарь). 6. Анна пишет домашнее задание (её домашняя тетрадь). 7. Он мечтает (свой новый телефон). 8. Антон спрашивает (моя сестра Мария). 9. Их братья учатся (их старая школа). 10. Преподаватель говорит (его старшая сестра).

Упражнение 9. Ответьте на вопросы. Пишите числительные.

1. На каком этаже находится его аудитория? (пятый). 2. На каком этаже студенческая библиотека? (третий). 3. На каком этаже находится студенческая столовая? (десятый). 4. В каком корпусе лингафонный кабинет? (первый). 5. На какой странице находится домашний текст? (двадцать третья). 6. В каком томе есть интересный рассказ? (второй). 7. В какой аудитории занимается группа № 1? (одиннадцатая). 8. На каком курсе учится ваш друг? (четвёртый). 9. На каком автобусе вы едете домой? (тридцать восьмой). 10. В каком упражнении новые слова? (шестнадцатое).

Упражнение 10. Составьте предложения по модели. Пишите существительные, прилагательные и местоимения в Предложном падеже.

Модель: Это большой город. Здесь живет моя сестра. — Моя сестра живет в большом городе.

1. Это читальный зал. Тут занимаются студенты. 2. Это светлая комната. Здесь живёт моя подруга. 3. Это новое общежитие. Тут живут студенты-иностранцы.

4. Это синяя книга. Моё письмо лежит тут. 5. Это красивый парк. Тут гуляют люди. 6. Это тёплая аудитория. Тут студенты слушают лекции. 7. Это зелёный сад. Тут я люблю работать. 8. Это зимний лес. Тут поют птицы. 9. Это широкий берег. Тут гуляют туристы. 10. Вот длинный мост. Тут стоят люди.

Итак, учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, самостоятельная работа студентов является очень важной составляющей обучения РКИ на подготовительном отделении, а также основанием объективного оценивания знаний и умений иностранных студентов по предмету. Во-вторых, внеаудиторная работа контролируется преподавателями. Для удобства такого контроля в статье был представлен комплекс заданий по теме «Предложный падеж», которую студенты изучают на подготовительном факультете сразу после знакомства с формами Именительного падежа. Идею о контроле знаний, умений и навыков по РКИ (падежный концентр) автор готов воплощать и развивать в будущем. В перспективе возможна подготовка и написание методической разработки по заявленной теме, а также рабочей тетради по РКИ.

Л и т е р а т у р а

1. Беспаленко В. В. Русский язык как иностранный (элементарный курс): учебник / В. В. Беспаленко. — Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2006. — 544 с.
2. Витковская Э. В. Русский язык : учебник для иностранных студентов подготовительных факультетов / Э. В. Витковская и др. — Харьков : Гимназия, 2011. — 320 с.
3. Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях / О. И. Глазунова. — СПб. : Златоуст, 2007. — 417 с.

4. Овсиенко Ю. Г. Русский язык для начинающих / Ю. Г. Овсиенко. — М. : Русский язык. Курсы, 2008. — 472 с.
5. Серeda Я. Н. Русский язык. Рабочая тетрадь для обучения письму иностранных студентов подготовительного факультета : учебное пособие / Я. Н. Серeda. — Харьков : Гимназия, 2013. — 40 с.
6. Старт 1–2. Книга для студента. — М. : Русский язык, 1982. — 487 с.
7. Учебное пособие по чтению и развитию устной речи для студентов-иностранцев подготовительного факультета / Сост. К. В. Ботвинова, Л. А. Гривачевская и др. — Киев : ИЦ КНЛУ, 2007. — 166 с.
8. Хавроhина С. А. Учебное пособие (для говорящих на английском языке) / С. А. Хавроhина, А. И. Широhенская. — М. : Русский язык. Курсы, 2012. — 384 с.
9. Хавроhина С. А. Русский язык в упражнениях : учебное пособие (для говорящих на английском языке) / С. А. Хавроhина, А. И. Широhенская. — М. : Русский язык, 2005. — 284 с.
10. Чернышов С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс / С. И. Чернышов. — СПб. : Златоуст, 2014. — 280 с.
11. Шкатулочка: Пособие по чтению для иностранцев, начинающих изучать русский язык (элементарный уровень) / М. Н. Баринцева, И. И. Жабоклицкая и др. — М. : Русский язык. Курсы, 2012. — 144 с.

References

1. Bespalenko V. V. Russkij jazyk kak inostrannyj (elementarnyj kurs) : uchebnik / V. V. Bespalenko. — Kiev : ІРС «Kievskij universitet», 2006. — 544 s.
2. Vitkovskaja E. V. Russkij jazyk : uchebnik dlja inostrannyh studentov podgotovitel'nyh fakul'tetov / E. V. Vitkovskaja. — Kharkov : Gimnazija, 2011. — 320 s.
3. Glazunova O. I. Grammatika russkogo jazyka v uprazhnenijah i kommentarijah / O. I. Glazunova. — SPb. : Zlatoust, 2007. — 417 s.
4. Ovsienko Ju. G. Russkij jazyk dlja nachinajushhih / Ju. G. Ovsienko. — M. : Russkij jazyk. Kursy, 2008. — 472 s.
5. Sereda Ja. N. Russkij jazyk. Rabochaja tetrad' dlja obuchenija pis'mu inostrannyh studentov podgotovitel'nogo fakul'teta : uchebnoe posobie / Ja. N. Sereda. — Khar'kov : Gimnazija, 2013. — 40 s.
6. Start 1–2. Kniga dlja studenta. — M. : Russkij jazyk, 1982. — 487 s.
7. Uchebnoe posobie po chteniju i razvitiju ustnoj rechi dlja studentov-inostrancev podgotovitel'nogo fakul'teta / Sost. K. V. Botvinova, L. A. Grivachevskaja i dr. — Kiev : IC KNLU, 2007. — 166 s.
8. Khavronina S. A. Uchebnoe posobie (dlja govoriashhih na anglijskom jazyke) / S. A. Khavronina, A. I. Shirochenskaja. — M. : Russkij jazyk, Kursy, 2012. — 384 s.
9. Khavronina S. A., Shirochenskaja A. I. Russkij jazyk v uprazhnenijah : uchebnoe posobie (dlja govoriashhih na anglijskom jazyke) / S. A. Khavronina, A. I. Shirochenskaja. — M. : Russkij jazyk, 2005. — 284 s.
10. Chernyshov S. I. Poehali! Russkij jazyk dlja vzroslyh. Nachal'nyj kurs / S. I. Chernyshov. — SPb. : Zlatoust, 2014. — 280 s.
11. Shkatulochka : Posobie po chteniju dlja inostrancev, nachinajushhih izuchat' russkij jazyk (elementarnyj uroven') / M. N. Barinceva, I. I. Zhaboklickaja i dr. — M. : Russkij jazyk. Kursy, 2012. — 144 s.

КОВТУН Тетяна Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент Київського національного лінгвістичного університету;
вул. Велика Васильківська, 73, м. Київ, 03150, Україна;
e-mail: tatjana_kovtun@mail.ru; моб.: +38 063 4863570

КОНТРОЛЬ ЗНАНЬ, ВМІНЬ І НАВИЧОК З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ (ВІДМІНКОВИЙ КОНЦЕНТР): МІСЦЕВИЙ ВІДМІНОК

Анотація. Головним і актуальним завданням під час вивчення російської мови як іноземної є звернення до відмінкової системи. Метою статті є вивчення способів презентації та контролю теми «Місцевий відмінок» в іноземній аудиторії. Представлено й описано форми поточного та поетапного контролю з теми. Подано завдання для контролю вмінь і навичок читання, усного та писемного мовлення, контрольні лексико-граматичні завдання. Усі заявлені вправи спрямовано на закріплення знань студентів-іноземців з теми «Місцевий відмінок», а також на відпрацювання практичних навичок вживання іноземцями місцевого відмінка в усному мовленні та на письмі. Результати науково-методичної розвідки рекомендуємо використовувати для самостійної роботи студентів-іноземців. Комплекс завдань розроблено для систематизації знань студентів і підготувати їх до подальшого вивчення відмінкової системи російської мови. Викладач зможе проконтролювати вивчення теми, а також визначити рівень засвоєння матеріалу студентами групи.

Ключові слова: методика викладання РМІ, когнітивний метод, відмінок, мовленнєва діяльність, система відмінкових закінчень, поточний і поетапний контроль.

Tatyana V. KOVTUN,

Ph.D. in Philological Sciences, associate professor of Kiev National Linguistic University;
73 Velyka Vasylykivs'ka Str., Kiev, 03150, Ukraine;
e-mail: tatjana_kovtun@mail.ru; mob.: +38 063 4863570

ACADEMIC PERFORMANCE AND SKILLS RATING IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (CASE CONCENTRUM): PREPOSITIONAL CASE

Summary. In teaching Russian as a foreign language the main and topical objective is to study the case system. The article deals with the presentation methods and control of Prepositional case in teaching Russian as a foreign language. This paper focuses on the forms of current and phased academic performance control. It looks at exercises for reading, writing, spoken language and grammatical skills control. The purpose of this paper is to consolidate all students' knowledge on the topic the «Prepositional case». The major task of this study is to perfect the students' usage of the Prepositional case in writing and speech. These exercises are mainly intended for students' self-study. The complex was made up so as to systematize students' knowledge and prepare them for studying all Russian cases. The teacher will be able to control studying the topic and defining the students' comprehension level of the material within the group.

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language, cognitive method, case, speech activity, system of case endings, current and phased control.

Статтю отримано 2.11.2015 р.

УДК [811.581+811.161.1]'243'25'373.421:331.361:06.053.56

МЭН Ся,

кандидат филологических наук, декан факультета русского языка Шэньсийского педагогического университета; проспект Чанъяньнанлу, 199, г. Сиань, 710062, Китай; e-mail: xmeng003@163.com; тел.: +86 13060426063

ФОРМИРОВАНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация. *Цель* статьи — описать результаты исследования обучения перевода с китайского языка на русский. *Объект* анализа — синонимическая компетенция будущих переводчиков как показатель уровня переводческой компетенции. *Предмет* исследования — способы и приёмы формирования синонимической компетенции будущих переводчиков с китайского языка на русский. В работе использован описательный *метод* и метод сопоставительного анализа. В *результате* исследования обнаружено, что синонимическая компетенция играет существенную роль в процессе знаковой трансформации. Выявлена важность обучения синонимической компетенции будущих переводчиков, определены показатели уровней их владения такой компетенцией. Подчеркнуто, что в процессе перевода выбор оптимального решения во многом зависит от способности переводчика быстро и точно подобрать наиболее репрезентативный языковой материал среди промежуточных вариантов перевода. В *выводах* указаны пути решения вопроса о последовательном повышении уровня синонимической компетенции в процессе обучения будущих переводчиков. *Практическое применение* результатов исследования возможно в обучении переводу с родного языка на русский в китайской аудитории.

Ключевые слова: синонимия, синонимическая компетенция, трансформация, общезыковые синонимы, контекстуальные синонимы, язык-источник, язык перевода.

На фоне процессов углубления глобализации актуальность формирования переводческой компетенции постоянно возрастает и, безусловно, вызывает большое внимание у методистов.

В Толковом переводоведческом словаре сказано, что «переводческая компетенция» представляет собой сложную многомерную категорию, включающую следующее: 1) акт межкультурной и межкультурной коммуникации, осуществляемый переводчиком; 2) особое «переводческое» владение двумя языками, при котором языки проецируются друг на друга; 3) способность к «переводческой» интерпретации исходного текста; 4) владение технологией перевода; 5) определённый минимум фоновых знаний, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста [4]. Имеется немало других толкований этого термина [6; 7], но следует признать, что, по мнению большинства специалистов, уровень переводческой компетенции проявляется в двух моментах: скорости перевода и его уместности.

Известно, что суть перевода заключается в трансформации, которая состоит из двух частей: явной и скрытой. Явная часть (материальная) представляет собой оригинал и перевод.

Скрытая часть — это процесс поиска, сравнения и выбора наиболее оптимального варианта в банке ментальных моделей языка-источника и языка, на который осуществляется перевод, на основе понимания оригинала переводчиком. В этой связи каждый язык представляет собой особый интерес, так как имеет собственную систему не только структурных, но и ментальных моделей объектов действительности и возможных операций с ними. Именно посредством ментальной модели описывается действительность. Описывая явления, ситуации, предметы действительности, носитель языка стремится представить их, со своей точки зрения, наиболее полно, используя для этого разные языковые средства, в том числе феномен синонимии. Благодаря синонимии в процессе общения под влиянием ментальной модели человек может выбрать подходящий вариант из числа возможных для выражения своих мыслей и мнений о происходящем, увиденном, мыслимом.

В середине 1960-х годов И. А. Мельчук в своей работе «Язык : от смысла к тексту» отметил, что владение языком проявляется у человека в умении говорить одно и то же по-разному, другими словами, перифразировать свои высказывания [2]. В процессе перевода одно и то же содержание на языке оригинала можно выразить различными способами на языке перевода. Главное, чтобы в переводе были использованы языковые средства, равноценные средствам оригинала [3]. На основе данного положения мы делаем вывод о том, что синонимическая компетенция служит важным показателем языковой компетенции человека и, при необходимости, его переводческой компетенции.

Наши наблюдения над синонимической компетенцией 10 переводчиков свидетельствуют о том, что переводчики обладают разными уровнями такой компетенции. Более высоким уровнем синонимической компетенции в языке перевода обладают переводчики, в процессе подготовки которых большое внимание уделялось выполнению заданий по подбору лексических и грамматических синонимов в родном и изучаемом языках. В процессе перевода выбор оптимального решения во многом зависит от способности переводчика быстро и точно подобрать наиболее репрезентативный языковой материал среди промежуточных вариантов. Исходя из этого, Н. В. Новосельцева вводит понятие синонимической компетенции в комплекс переводческих компетенций [5]. Вслед за автором данной статьи мы тоже считаем, что синонимическая компетенция представляет собой самостоятельную составляющую в структуре профессиональной переводческой компетенции и в содержании профессиональной подготовки переводчиков.

Известно, что синонимическая компетенция играет существенную роль в процессе знаковой трансформации. Например, при переводе с русского языка на китайский часто встречается несколько вариантов перевода одного предложения. Во многом, это результат воздействия синонимии китайского языка на мышление переводчика. Подобно китайскому языку, в русском широко развита система лексической и синтаксической синонимии. Однако в учебниках и учебных пособиях по курсу «Теория и практика перевода», на наш взгляд, имеется крайне мало заданий, направленных на формирование синонимической компетенции переводчика-китайца. Сегодня в китайских пособиях, посвящённых обучению переводу с китайского на русский и с русского на китайский, авторы ориентируются, как правило, на освещение вопросов сравнения языковых систем русского и китайского языков и на поиск эквивалента выражения. При этом тренировочные упражнения, направленные на формирование синонимической компетенции, развитие чувства языка у обучаемых, освоение способов выбора предпочтительного варианта перевода фактически не предусмотрено.

Профессор Ван Цзяфэй, известный китайский русист, писал о том, что синонимия должна быть фокусом во всей языковой практике. На продвинутом этапе обучения русскому языку, несомненно, требуется уделять внимание умению учащихся выбирать оптимальные варианты из синонимов и синонимических конструкций, которые хранятся в их памяти [1, с. 6–8]. В связи с этим в качестве эксперимента в практику обучения будущих переводчиков введён спецкурс «Синонимическая компетенция» с тем, чтобы на теоретическом уровне и на практике системно рассмотреть ряд вопросов, касающихся моментов выбора той или иной языковой единицы из числа синонимов.

Наш анализ осуществлялся и на уровне языка, и на уровне речи. Это позволило сделать некоторые обобщения и выводы.

Первое. Синонимия на языковом уровне охватывает общезыковые синонимы и общезыковые синонимические конструкции. Занятие должно быть построено таким образом, чтобы обучающиеся поняли, прежде всего, что феномен лексической синонимии в системе русского языка сложился в процессе исторического развития, а в синхронии синонимические группы лексики весьма стабильны. Учащиеся на практике должны получить навык искать и находить эквивалентные формы выражения в языке-источнике и языке перевода, обращая внимание на стилистические нюансы синонимов. Например:

早上他急急忙忙去上班。(Zaoshang ta jijimangmang qu shangban).

Утром он *спешит* на работу. ИЛИ Утром он *торопится* на работу.

Здесь слова *спешить* и *торопиться* — языковые синонимы, однако семантическая разница между этими словами, связанная со скоростью, скрыта. В связи с этим, начинающие китайские переводчики в этом случае используют, в первую очередь, слова *поспеть* или *успеть*.

Перед учащимися стоит также задача разобраться в общеязыковых синонимических конструкциях на уровне функционально-синтаксического поля предложений. В основе такой синонимии лежит использование разных грамматических форм слова, разного порядка слов в предложении. Возможные примеры на уровне простого предложения представлены нами ниже.

Синонимические конструкции с разным порядком слов	明天我去彼得堡。(Mingtian wo qu Bidebao.) <i>Я поеду завтра в Петербург.</i> <i>Завтра я поеду в Петербург.</i>
Синонимические конструкции с разными субъектно-предикатными отношениями	伊万把车卖给了彼得。(Yiwan ba che maigeile Bide/) <i>Иван продаёт машину Петру.</i> <i>Машина продаётся Иваном Петру.</i>

Второе. Синонимия на речевом уровне касается контекстуально-речевых слов-синонимов и контекстуально-речевых синонимических конструкций. Сначала следует проанализировать контекстуально-речевые слова-синонимы, которые отличаются от общеязыковых синонимов своими динамическими свойствами. В процессе обучения переводу с китайского языка на русский преподаватель должен научить обучающихся соблюдению таких языковых принципов, как: принцип экономии, принцип вежливости и принцип разнообразия выражения с целью недопустимости излишних повторов одного и того же слова. Заметим, что данные общеязыковые принципы свойственны как для китайского языка, так и для русского. Конкретные различия обусловлены узусом каждого языка и конкретными ситуациями общения. Сравните:

西安《榛苓舍》有个演员叫王秀明，因久练不成被辞退。一日，他遇见孙仁玉先生，述说自己的苦恼，并表达了希望得到先生指教的愿望。孙仁玉将王秀民前后左右认真审视，然后又让他静静说了几句白口，突然说道：「此乃旦角之才，岂能唱生，难怪就练不成！」于是把王秀民收到易俗舍。(Xi'an «Zhenqinshe» youge yanyuan jiao Wang Xiuming, yin jiu lian bu cheng bei ci tui. Yiri, ta yujian Sun Renyu xiansheng, su shuo ziji de tong ku, bing biao da le xi wang de dao xiansheng zhi jiao de yuan wang. Sun Renyu jiang Wang Xiuming qian hou zou you ren zhen shen shi, ranhou you rang ta jing jing shuole ji ju bai kou, tu ran shuo dao: « Ci nai dan jue zhi cai, qi neng chang sheng, nan guai jiu lian bu cheng! » Yushi ba Wang Xiumin shou dao «Yisushe».) — *Один артист, по имени Ван Сюминь, был уволен из театра «Чжэньчиньшэ», находившегося в Сиане по причине того, что из него ничего не может выйти. Однажды Вань Сюминь случайно встретился с господином Сунь Жэньюем и рассказал о своих неудачах, выражая искреннее желание учиться дальше в школе Сунь Жэньюя. Тот слушал и разглядывал Вань Сюминя, а потом он попросил молодого артиста прочитать монолог. После этого Сунь Жэньюй сказал: «Думаю, тебе подойдут большие женские роли «Дань», чем мужские «Шэн», которые ты играл раньше. Вот почему тебя постигла неудача». Так наш герой был принят Сунь Жэньюем в театр «Исусэ».* Здесь слова **Ван Сюминь, он, молодой артист, наш герой** имеют совсем разные лексические значения, но в переводе они употреблены как контекстуально-речевые синонимы, которые называют одно и то же лицо.

Дальше имеет смысл уделить внимание контекстуально-речевым синонимическим конструкциям в широком смысле, т. е. имеющимся в языке речевых вариантов на уровне грамматики. Задача преподавателя заключается в том, чтобы дать учащимся навык на основе правильного понимания китайского текста передать его прагматическое значение разными контекстуально-речевыми синонимическими конструкциями и сделать перевод соответствующим узусу русского языка. Например:

А. 他有一副好嗓子。(Ta you yifu hao sangzi).

Он имеет золотой голос. У него золотой голос. Он обладает золотым голосом.

Б. 伊万给玛莎了一本书。(Yiwan gei Masha le yiben shu).

Иван дал Маше книгу. Маша получила книгу от Ивана. Маша взяла книгу у Ивана.

Сравнительная характеристика таких русских предложений как вариантных форм перевода развивает интерпретационную свободу и реактивность, необходимые переводчику в процессе порождения переводного текста. В этом случае вспомогательной является ментальная модель языка перевода. Выбор, в конечном счёте, должен быть один: тот вариант, который наиболее точно соответствует характеру и условиям общения.

Выбор той или иной вариантной формы определяется также компонентами выражаемого ими категориально-грамматического значения и стилистической окрашенностью форм, связанных с их принадлежностью тому или иному стилю, и правилами употребления.

Практика обучения показывает, что учащиеся даже на продвинутых этапах обучения испытывают затруднения при переводе с китайского языка на русский. Причины этого заключаются в недостаточном представлении о существующих ментальных моделях языка перевода в

пространстве иноязычного мышления и в отсутствии навыка понимания различий в семантике языковых средств и сферах их функционирования. Всё это препятствует скорости принятия решения при выборе переводчиком варианта перевода и вынуждает пользоваться только наиболее ясными, семантически прозрачными языковыми единицами, которые обычно являются прямыми эквивалентами форм китайского языка. В результате в тексте перевода нарушается естественное функционирование тех или иных единиц, а русская речь переводчика из-за интерференции приобретает «иностранный оттенок».

Формирование и развитие синонимической компетенции как одной из основных переводческих компетенций при обучении переводу с китайского языка на русский позволяет преодолеть трудности, возникающие в профессиональной деятельности переводчика, которые связаны с требованиями, предъявляемыми на рынке труда к уровню профессиональных качеств кандидатов на работу. Особенно остро встаёт вопрос об уровне профессиональной состоятельности переводчика в наши дни, когда круг вопросов, знание которых позволяет эффективно выполнять профессиональные обязанности, всецело зависит от его способностей решать переводческие задачи.

Литература

1. Ван Цзяфэй. Исследование синонимий в русском языке и его будущее / Ван Цзяфэй // Исследование иностранных языков. — Пекин, 1998.
2. Мельчук И. А. Язык : от смысла к тексту / И. А. Мельчук. — М. : Языки славянской культуры, 2012. — 176 с.
3. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода / Л. Л. Нелюбин. — М. : Флинта. Наука, 2013. — 212 с.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — М. : Флинта. Наука, 2003. — 320 с.
5. Новосельцева Н. В Развитие синонимической компетенции у будущих переводчиков в процессе профессиональной подготовки (на старшей ступени обучения языкового вуза) : дис. ... канд. филол. н. : 13.00.08 — теория и методика профессионального образования / Н. В. Новосельцева. — Елец, 2004. — 177 с.
6. Rum A. A. Definition of Translational Competence, applied to the Teaching of Translation / A. A. Rum // A Creative Profession : 12th World Congress of FIT. — Belgrade : Mladen Jovanovic Translation, 1999. — P. 541–544.
7. Toury G. In Search of a Theory of Translation / G. Toury. — Tel Aviv : Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv University, 1980. — 159 p.

References

1. Van Jiafey. Issledovanie sinonimij v russkom jazyke i ego budushhee / Van Jiafey // Issledovanie inostrannyh jazykov. — Pekin, 1998.
2. Mel'chuk I. A. Jazyk : ot smysla k tekstu / I. A. Mel'chuk. — M. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 2012. — 176 s.
3. Neljubin L. L. Vvedenie v tehniku perevoda / L. L. Neliubin. — M. : Flinta. Nauka, 2013. — 212 s.
4. Neljubin L. L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' / L. L. Neljubin. — M. : Flinta. Nauka, 2003. — 320 s.
5. Novosel'ceva N. V Razvitie sinonimicheskoi kompetencii u budushhih perevodchikov v processe professional'noj podgotovki (na starshej stupeni obuchenija jazykovogo vuza) : dis. ... kand. filol. n. : 13.00.08 — teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya / N. V. Novosel'ceva. — Elec, 2004. — 177 s.
6. Rum A. A. Definition of Translational Competence, applied to the Teaching of Translation / A. A. Rum // A Creative Profession : 12th World Congress of FIT. — Belgrade : Mladen Jovanovic Translation, 1999. — P. 541–544.
7. Toury G. In Search of a Theory of Translation / G. Toury. — Tel Aviv : Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv University, 1980. — 159 p.

МЕН Ся,

кандидат філологічних наук, декан факультету російської мови Шеньсйського педагогічного університету; просп. Чан'аньнаньлу, 199, м. Сіань, 710062, Китай; e-mail: xmeng003@163.com; тел.: +86 13060426063

ФОРМУВАННЯ СИНОНІМІЧНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ПРИ ПІДГОТОВЦІ ПЕРЕКЛАДАЧІВ З КИТАЙСЬКОЇ МОВИ НА РОСІЙСЬКУ

Анотація. Мета статті — описати результати дослідження навчання перекладу з китайської мови на російську. Об'єкт аналізу — синонімічна компетенція майбутніх перекладачів як показник рівня перекладацької компетенції. Предмет дослідження — способи та прийоми формування синонімічної компетенції майбутніх перекладачів з китайської мови на російську. У роботі використано описовий метод і метод

зіставного аналізу. У результаті дослідження виявлено, що синонімічна компетенція відіграє істотну роль у процесі знакової трансформації. Виявлено важливість навчання синонімічної компетенції майбутніх перекладачів, визначено показники рівнів їх володіння такою компетенцією. Підкреслено, що в процесі перекладу вибір оптимального рішення багато в чому залежить від здатності перекладача швидко й точно підібрати найбільш репрезентативний мовний матеріал серед можливих варіантів перекладу. У висновках вказано шляхи вирішення питання про послідовне підвищення рівня синонімічної компетенції у процесі навчання майбутніх перекладачів. Практичне застосування результатів дослідження можливо в навчанні перекладу з рідної мови на російську в китайській аудиторії.

Ключові слова: синонімія, синонімічна компетенція, трансформація, загальномовні синоніми, контекстуальні синоніми, мова-джерело, мова перекладу.

Xia MENG,

Ph.D. in Philological Sciences, Professor, Head of Department of Russian Language of Shaanxi Normal University; South Chang'an Road, 199, Xi'an, 710062, China; e-mail: xmeng003@163.com; tel.: +86 13060426063

THE FORMATION OF THE SYNONYMIC COMPETENCE IN TRAINING TRANSLATORS FROM CHINESE INTO RUSSIAN

Summary. The *purpose* of the article is to describe the results of the teaching research of translators from Chinese into Russian. The *object* of analysis is the synonymic competence as an indicator of the level of translation competence of the future translators. The *subject* of research is the issues of forming a synonymic competence as an indicator of the level of translation competence, which is performed at the language level as well at the speech level. The descriptive *method* and the method of comparative analysis were used in the article. The *result* of the study has showed that the synonymic competence plays a significant role in the process of sign transformation and stresses the importance of a good command of synonyms which is an indicator of the level of translation competence in the process of future translators training. It is stressed that in the process of translation, the selection of an optimal solution depends largely on the ability of the translator to quickly and accurately select the most representative language material among the interim options. The ways of solving the problem of increasing the synonymic competence are presented in the article. The *practical application* of the results consists in facilitating the training process of translators from their native language into Russian in the Chinese audience.

Key words: synonymy, synonymic competence, transformation, common language synonyms, contextual synonyms, source language, target language.

Статтю отримано 10.10.2015 р.

УДК 811.512.16'04'38'42:347.97(1-924.71)«16+17»

РУСТЕМОВ Олег Дияверович,

кандидат филологических наук, доцент факультета социальных и гуманитарных наук Ардаханского университета; Кампус Енисей, курорт Чамлычатак, г. Ардахан, 75000, Турция [Insani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi, Ardahan Universitesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye]; тел.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА СУДЕБНЫХ КНИГ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XVII–XVIII вв.

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения и перевода памятников крымскотатарской письменности XVII–XVIII вв. — судебных книг Бахчисарая, Карасубазара и ряда других округов Крымского Ханства. Подробным образом представлена история обнаружения и исследования указанных документов, первых попыток прочтения и перевода этих книг. Внимание сосредоточено на не изученных ранее языковых особенностях крымских судебных реестров того времени. Уточняются некоторые аспекты проблем, связанных с рядом неточностей и недоработок, допущенных в предыдущих исследованиях указанных рукописей. Одной из центральных проблем лингвистического изучения сборников крымских судебных решений является проблема идентификации и описания языка древних текстов. В данной статье представлены результаты некоторых наблюдений автора, которые определяют общее направление филологических исследований памятников делового письма Крыма эпохи Ханства, поставлены задачи дальнейшего их изучения.

Ключевые слова: судебные книги XVII–XVIII вв., крымскотатарский язык, перевод, сиджил, официально-деловой стиль, Крымское Ханство, Шариат, кадиаскер.

На фоне общей слабой изученности истории тюркских языков, отсутствия чёткой картины преемственности от древних письменных памятников к тюркским языкам нового и новейшего времени крымскотатарский язык, несмотря на исторически видимый долгий путь своего развития, является наименее исследованным из всех старописьменных тюркских языков. За исключением некоторых обзорных трудов по грамматике крымскотатарского языка (Б. Чобан-заде, Н. А. Гаркавец, Э. В. Севортян, С. И. Изидинова, К. М. Мусаев) и немногочисленных попыток рассмотрения отдельных уровней его системы (А. М. Меметов, Э. Ш. Меметова, О. Д. Рустемов), он до сих пор находится за пределами активного внимания современной тюркологии.

Сегодня нет детального типологического описания языка крымских тюрок, не прослежена история развития письменной художественной и деловой речи, исторической и функциональной стилистики, отсутствует диалектная карта в синхронии отдельных периодов, как и не описаны явления тектонических процессов в языковой среде, связанных со сменами языковых традиций, и повлиявших на языковую ситуацию в соответствующие эпохи. До сих пор недостаточно проанализированы и нечётко описаны субстратные явления при существовавшей оппозиции огузские — кыпчакские языки, не изучена в полной мере природа и источники эклектичности крымского языка, в известной степени отходящего от традиций золотоордынского «Тюркй» и не во всём соответствующего в этом смысле понятию «татарского языка». Здесь необходимо также напомнить о взаимодействии крымскотатарского языка с языками некоторых этнических групп нетюркского происхождения: языками понтийских греков (урумов), аланов, готов, крымских армян, итальянцев (генуэзцев, живших в торговых факториях и городе Кефе / Каффа).

Крымскотатарский язык, в отличие от многих других тюркских языков, не является гомогенным. В его формировании приняли участие древний западно-кыпчакский (кумано-половецкий), старый сельджукский и впоследствии новый османский языки, а также золотоордынский (татарский) язык, опирающийся на старый восточно-кыпчакский язык. Ещё раньше Крым и прилегающие территории входили в зону функционирования древне-печенежского и хазарского, древне-аварского и некоторых других тюркских реликтовых языков. Поэтому, на наш взгляд, изучение диалектного многообразия крымскотатарского языка, истории развития его лексического состава, синтаксических конструкций и стилистики поможет воспроизвести недостающие фрагменты истории и взаимодействия тюркских языков, на что указывал Н. А. Баскаков, установить этапы развития тюркского синтаксиса, проблемы изучения которого были описаны в монографии Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебrenникова «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис».

Недостаточная изученность крымскотатарского языка объясняется двумя причинами: 1) претом со стороны советского правительства на всякое исследование истории, языка, литературы и культуры крымских тюрок, существовавшим долгое время после акта геноцида в отношении крымскотатарского народа, заключавшегося в его насильственной депортации и уничтожении остатков материальной культуры; 2) недостаточной изученностью небольшого количества сохранившегося рукописного наследия на крымскотатарском языке. Следовательно, такие памятники крымскотатарской письменности, как судебные реестры крымских кадылыков («каза» — судебные округа) представляют собой большую ценность с точки зрения истории и языкознания, ибо являются свидетельствами делового письменного языка XVII–XVIII веков. В этих рукописях, в силу особенностей их жанра, имеются также многочисленные образцы разговорной речи указанного периода. Это обуславливает необходимость скорейшего прочтения, транслитерации и перевода этих документов с комментариями и словарём для возможности введения их в научный оборот.

Запись фабулы и регистрация — сиджилъ¹ — решений судов Шариата в особых книгах или сборниках — сакках² — восходит в мусульманской традиции ко временам пророка Мухаммеда (С. А. С.)³. В результате экспансии Ислама на новые сопредельные территории арабская система правосудия вместе с судебным делопроизводством была без изменений внедрена также в тюркских государствах Передней Азии и Анатолии: Сефевиды, Зангиды, Каракоюнлу, Аккоюнлу, Сельджуки и, наконец, Османская Империя и Крымское Ханство.

Согласно турецким источникам, юридическая канцелярия в указанный период велась на арабском языке [30]. Это затрудняло как саму судебную процедуру, так и ведение соответствующей документации, ибо требовало от кадиев, секретарей суда — кятибов — и от самих участников тяжбы либо их представителей — векилей — профессионального владения арабским языком. Однако уже к концу XVI века в Турции сиджили стали вестись на условно тюркском

¹ Сиджилъ (осм. из араб. «sicil» — «لجسد») — досье, регистрационная запись, реестр. Sicil kesmek — вынести приговор.

² Сакк (осм. из араб. «saqq»: «suquq», «siqaq», (мн.) «esqaq») — книга, свод, сборник документов; свидетельство, удостоверение.

³ Саллаллаху алейхи ве селем — «да пребудет над ним мир и прощение».

языке — османском. И хотя османский во многом был арабизированным языком, всё же тюркских слов в нём много.

Что касается крымских сборников, то на сегодняшний день, как и сто пятьдесят лет назад, в момент их обнаружения, мы имеем только записи, датируемые началом XVII века и серединой XVIII. Подобно турецким сиджильям, крымские судейские книги в течение ста лет эволюционировали в области графики, каллиграфии, порядка записи. На более раннем этапе присутствовало смешение различных стилей письма: от *Дивани* до *Рик'а*. Каждый кятиб уль-хуруф (писарь-секретарь) использовал свой стиль, особенность каллиграфии; даже написание ряда тюркских слов арабскими буквами иногда было разным. В более поздний период, к концу XVII в., наблюдается относительная чёткость и однообразие в почерке и грамматике, а из стилей окончательно утвердилась скоропись того времени — *Рик'а*. Кроме того, претерпели изменение терминология, стиль и синтаксис документов, демонстрируя собой развитие письменной официально-деловой речи и уход от разговорного стиля, который присутствовал в записях изначально.

В документах этой эпохи содержатся как судебные решения, так и постановления, ярлыки ханов или бераты османских султанов. Сегодня их принято называть *кадиаскерскими дефтерами* или же просто *кадисаскерскими книгами*. Именно так их называли в конце XIX века первые открыватели и исследователи этих любопытных записей Фёдор Лашков и Мурад Биярсланов.

Мурад Биярсланов стал первым переводчиком этих документов. На протяжении трёх выпусков сборника «Известия Таврической учёной архивной комиссии» (ИТУАК) в 1889–1891 гг. им публиковались отдельные записи (всего 12 записей) в переводе на русский язык [2]. В конце последнего тома, в котором были напечатаны переводы, Биярсланов даёт короткую справку о содержании книг, типах документов и лексике некоторых из них, например, документа, известного как «кысмет-и меварис» — раздел наследства.

Фёдор Лашков, называя памятники, о которых идёт речь, *кадиаскерскими дефтерами*, говорит также о том, что в каждом томе присутствует автограф того кадиаскера, который этот том вёл. Например, в первом томе на странице 12 два текста начинаются такой преамбулой: *верно, что сие в моем присутствии Мехмеда бин Махмуда, ничтожного раба моего Падишаха, было рассмотрено, записано и зарегистрировано во время моей высокой службы кадиаскера и главы всех кадиев* [6, т. 1, с. 91/87, левый разворот, текст 1, 2]. На странице 24 находим два высочайших ярлыка, написанных Селямет Гирей ханом двум сторонам конфликта по поводу налога на овец с повелением кадиаскеру эти ярлыки переписать и зафиксировать в книге [6, т. 1, с. 83/81, правый разворот, текст 1, 2].

Со своей стороны, нам представляется несколько спорным утверждение о том, что памятники, о которых идёт речь, именно кадиаскерские дефтеры, а не просто реестры судейских решений суда Шариата, в которых содержатся в том числе и решения, принятые кадиаскером, или в его присутствии. Тем более, что кадиаскер был в Крымском Ханстве в единственном лице, а материалы, собранные в отдельные книги, относятся не только к бахчисарайскому кадылыку. Там также есть книги и карасубазарского кадылыка, и ряда других [подробнее см.: 28]. В сущности, кадиаскер — чиновник довольно высокого ранга. Эта должность была трансформирована из должности военного судьи. Собственно, *казаскер* (*кадиаскер* / *ركسعیضاق*) — термин арабского происхождения, который буквально переводится «военный судья». Должность была впервые введена Халифом Омаром для разбирательства различных споров в мусульманской армии во время боевых действий в Сирии [26].

Заседания суда Шариата в мирное время с участием кадиаскера происходило в ханском зале собраний (диван), во дворце. Нередко там присутствовал сам хан или принцы, о чём могут свидетельствовать, например, такие записи:

Супруга покойного Хаджи Муселли Аги — Джиханшах бинти Джантемир Ага, представ перед Собранием Суда Шариата, в присутствии Его Величества Справедливого Хана прямо и искренне (заявила): «Открыв без ведома сына денежный сундучок покойного, я нашла там только двадцать восемь флоринов, а кроме этого, ничего более». Эти её слова были записаны и зарегистрированы по требованию сына покойного Омера и его попечителя Реджеб бека. 23-го дня месяца Зильхедже Высокого, года 1018.

[6, т. 1, с. 78/75, левый разворот, текст 4]

(Здесь и далее переводы Олега Рустемова).

В представленном тексте существует прямое указание на присутствие хана в собрании Суда Шариата. Содержание текста определённо подразумевает присутствие на разбирательстве данного дела кадиаскера. Во-первых, потому что заседание также проходит в помещении ханского дивана, а во-вторых, речь в нём идёт об убийстве и возможности последующего решения суда о смертной казни — кысасе. Вполне вероятно, что первоначальное слушание о данном убийстве уже имело место, так как к заседанию было привлечено довольно большое количество участников. Об этом свидетельствует тот факт, что дело завершается выражением воли жителей деревни, из которой родом подозреваемый убийца. Благодаря этому общественному

волеизъявлению, когда единогласно выражают мнение не менее пятидесяти человек одновременно (джеми'ан касаме), подсудимый был оправдан без дальнейшей возможности обжалования со стороны истцов. Согласно Шариату, подобное общественное мнение являлось последним и неопровержимым аргументом, как в смысле оправдания преступника, так и его осуждения. Так как дело уже слушалось, то можно предположить, что первоначальный вердикт был за осуждение обвиняемого, т. е. кысас. В этом случае жители деревни, откуда происходил убийца, должны были выплатить семье убитого определённую пеню — «диет». Само же решение о кысасе утвердить окончательно мог лишь кадиаскер, как, впрочем, и отменить его. В этом случае кадиаскер выполнял функцию кассационного суда в последней инстанции.

На заседании Высочайшего Дивана у порога Счастья Его Величества Хана жители деревни Чёкбийим из числа наследников убиенного Хусейна бин Айяз: его брат, от общих отца и матери происходящий, Джанмолла бин Айяз, а также мать его — Бавбике бинти Эшболду, и жена его — Айше бинти Джулай, призвав к ответу на Высокий Суд Шариата Мевлюда бин Али, сообщили, что этот самый (человек) без причины ударил ножом убиенного Хусейна и убил его. На это у нас имеются свидетели. Пусть он будет опрошен по Шариату. Требуем крови его, и пени за кровь (diyet). Как закончили они, опрошен был непосредственно упомянутый Мевлюд, который отрицал, что это был он. Тогда вышли Ибрахим Суфи ибни Юнус из села Кыпчак и Девлетверди ибни Агамбай из деревни Сюйюнчи, которые в присутствии убийцы — Мевлюда — стали свидетельствовать: «Это он ударил ножом Хусейна». Он говорил и признавался: «Если умрёт, пусть на мне это будет. Тому мы свидетели и свидетельства свои приносим». После слов их некто двое по имени Аллахверди Эфенди ибни Аллахкулы и Абдульгани Эфенди ибни Хаджи Гёзлеви, убедившись в подлинности и правдивости слов упомянутых свидетелей, приняли их свидетельства как верные и вынесли решение о кысасе (кысас — смертная казнь). Однако жители указанной деревни принесли клятву («сепи'ан қасаме») в том, что Мевлюд невиновен. На этом основании был вынесен оправдательный приговор, который избавил Мевлюда от платы за кровь и прочих исков, связанных с этим убийством. Зарегистрировано 17-го дня месяца Шаабана, года 1018-го (1609).

Присутствующие свидетели: Халиль Ага Баби-Саадет (Халиль — старший офицер дворцовой стражи — капы кулу), Казначей, Мехмед Шах Ага, Сейид Ага бин Мюслих Эфенди, Али Гази бек бин Муселли Аталык (наставник), Муртаза Эфенди эль-кятиб (секретарь, писарь), Танмехмед Дивани, Имруллах улан ибни Акчы улан и Мустафа мирза бин Байсав Эльхадж. [6, т. 1, с. 81/79, левый разворот, текст 5]

В следующей регистрационной записи речь идёт о смене собственника на зиамет¹. В Крымском Ханстве системы зиаметов не было. Но зиамет, о котором идёт речь в тексте, находится на территории Османской Империи, в континентальной Греции, недалеко от Салоник. Содержание этого сиджия свидетельствует, помимо всего прочего, о том, что крымские аристократы и вельможи служили непосредственно в османской армии. Дело слушалось также на заседании Дивана, о чём сообщает приписка в начале основного текста. Кроме того, в качестве присутствующих свидетелей этого дела выступают знатные люди, что само по себе подразумевает присутствие кадиаскера.

На заседании Высочайшего Дивана Его Счастья Великого Хана.

Достоправный и вельможный Эш Мехмед Ага бин Каракёз Эльхадж представ пред Собранием Суда Шариата в присутствии Его Чести Могущественного Сефер Гази бека ибни Дервиш бека, давая показания, сообщил: «Вблизи деревни Тумья, что в окрестностях Салоник², был зиамет на двадцать тысяч акче» [имеется в виду земельная собственность и уплачиваемый с неё налог — уиш / 1/10 часть дохода, который был равен 20000 акче]. «Желая увеличить сбор с него, в 1015-ом году был написан новый Высочайший Берат (постановление Султана), о том, что этот зиамет теперь будет (приносить доход) в тридцать пять тысяч акче. Вместе с прежними владельцами упомянутого зиамета отправились мы к Порогу Счастью (к султану), где после изучения (прошения) права на использование упомянутого зиамета прежними владельцами (в тексте: противной стороной) были установлены и утрачены, о чём они получили ясное известие. Мы же, со своей стороны, приняли на себя обязательства заплатить им в качестве компенсации семьсот флоринов. Да будет известно, что после уплаты никто более не может претендовать на право владения упомянутым зиаметом. Имею намерение зарегистрировать это». В ответ присутствующий Сефер Гази бек полностью подтвердил упомянутые показания означенного Эш Мехмеда, что

¹ Зиамет — земельное владение офицера османской регулярной армии, земельный пай, который получал сипах (офицер османской регулярной армии) за службу. Доход с зиамета мог составлять от 20000 до 100000 акче. На каждые 5000 акче дохода сипах должен был по призыву султана снарядить конного воина — джебелю. При этом он сам также должен был выступить в поход.

² Салоники — город в Греции на северном побережье Эгейского моря.

и было немедленно зарегистрировано. Записано 15-дня месяца Шаабана-Муаззана (Шаабана Великого), года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Халиль Ага Баби-Саадет (Старший офицер дворцовой стражи — капы кулу), Деде Челеби Эфенди эль-кятиб (секретарь, писарь), Ахмед Паша бек бин Салыш бек, Мевлюд Ага бин Абдуллах, Азак бек эль-мюэззин, Бей Тимур бек, Имруллах улан ибни Акчы улан, Али Гази бек ибни Ахави Суфи Халифе.

[6, т. 1, с. 81/79, левый разворот, текст 3]

Нижеприведённый сиджилъ также подразумевает присутствие кадиаскера на заседании суда, так как истец, в данном случае управляющий вакфом¹, судится с представителем власти по поводу самого вакфа. В случае, когда у умершего не было наследников, имущество его переходило «для пользы всех мусульман», т. е. государству. Чиновник (как правило, дефтердар) изучал обстоятельства дела и описывал имущество, после чего оно переходило казне. Однако покойница ещё при жизни успела сделать распоряжение о передаче своего сада и дома в вакф для мечети местной общины. Человек, которого она назначила управляющим, судится с государственным чиновником о том, что наследство покойной полностью принадлежит мечети и не может быть отчуждённым казне.

Назначенный управляющим вакуфным имуществом, которое передала в дар скончавшаяся в текущем месяце Зилькааде, хатун (женщина, госпожа) по имени Дукке бинти Абдуллах из джемаата Хаджи Гельды Монла, что вблизи деревни Улуг Кёй, Исмаил Суфи ибни Сати, также житель упомянутого джемаата, в Высоком Собрании (заявил): у упомянутой нами покойной был сад, чьи границы мы сообщим далее. Но по причине того, что у нее не было законных наследников, этот сад решено было изъять в общественное пользование мусульман (то есть он должен перейти к государству. — О. Р.). И вызвав на тяжбу со стороны государства (хакана) ханского казначея (дефтердара) Ильхас Агу ибни Кабназари, в присутствии его дал (он) такие показания: «Сад, о котором идёт речь, находится в устье реки Альма. С юга (кыблы) он выходит к тропе, с востока — к гёзлевской² дороге, а с запада он граничит с садом Монлабая. Этот сад на Альме упоминаемая нами Дукке, будучи при жизни и в здравом рассудке, передала в вакуф во имя Аллаха с таким условием: в упомянутом ранее джемаате Хаджи Гельды выстроена мечеть. И кто бы ни был там имамом, дарение предназначается ему с тем, чтобы он в течение года дважды поминал меня чтением Корана во имя Господа, дабы нисходила благодать (саваб) духу моему. А если у мечети возникнет необходимость, то по желанию своему и строение (дом) вместе со всеми (постройками) я отдаю в законный вакуф и завещаю. И назначив при этом меня мутевелли (управляющим) вакфом, передала мне всё указанное имущество. И теперь всё это является законным вакфом. Пусть он будет опрошен». И когда указанному Ильхас Аге задали вопрос, то он отрицал передачу (имущества) в вакф. Тогда у упомянутого управляющего истребованы были доводы и доказательства в пользу своего иска. На что из числа справедливых вышли Абдулрахман Халифе ибни Мухаммед Хафыз и Мустафа бин Ходжамберды, которые по сути вакфа и условий его, а также касательно пояснений упомянутого Исмаила Суфи и, в целом, относительно всего его иска, принесли свои одобрительные свидетельства согласно Шариату. После удостоверения сих свидетельств были приняты они как верные, и было вынесено решение (хукм) о полностью законном вакфе и условиях его передачи. В соответствии с событием зарегистрировано в сиджилъ. Записано пятнадцатого дня месяца Зилькааде, года 1018 (1610).

Присутствующие свидетели: Сеййид Гази Ага ибни Муселля (совершенный) Аталык (наставник, государственный чиновник) Хазинедар Баши (Заведующий казной), Али Гази бек ибни Муселля Аталык Мир Ахур (распорядитель скотных дворов), Абди Эфенди ибни Мустафа, Токтар Хафыз ибни Шаабан Хафыз, Али Ага ибни Хызыр Ага, Сафиш бин Токтамыш, Шейхи бин Сияхдар би-Хани (ханский оружейник) и другие находящиеся в присутствии. [6, т. 1, с. 79/76, левый разворот, текст 1]

Записей, составленных в присутствии кадиаскера, довольно много. Однако гораздо больше исков более простых, обыденных, фигурантами которых являются обыкновенные люди, а иногда даже и невольники или зимми — христиане или иудеи, живущие в мусульманской стране,

¹ Вакуф — (вакф, араб. وقف, множ. араб. أوقاف, аукаф; тур. vakıf: остановка, приостановление, удержание) в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Вакфом могли стать земля, дом, строение, сад, баня, лавки — дуканы, фон-таны и пр. Все, что могло приносить доход. Доход, как правило, шёл на содержание духовной общины какого-либо монастыря (текки, азиз) или служителей мечети (джами). На управление вакфа назначался специальный управляющий (мутевелли), который также получал свой отдельно оговоренный доход. Следует различать такую разновидность вакфа как вакф-ы эвлядие — «вакф на детей» или наследственный вакф. В этом случае собственность переходила какому-то одному ребёнку или всем детям и не могла более фиксировать в качестве доли наследства между родственниками (О. Р.).

² Гёзлев — город, порт и крепость на западном побережье Крыма. Переименован в Евпаторию.

в данном случае — в Крымском Ханстве. Конечно, можно предположить, что подобные иски рассматривались заместителем кадиаскера — его наибом. Тем не менее, в отношении названия сборника судебных документов — «кадиаскерские тетради» — для нас остаётся нерешённым вопрос о сборниках подобных дел из других кадылыков, помимо бахчисарайского. Впрочем, сам Фёдор Лашков замечает, что только 100 томов из 124-х — из Бахчисарайского кадылыка, остальные же 24 — из Гёзлевского, Карасубазарского и Чонгарского [8, т. 21].

Другой, более очевидной неточностью явилось утверждение Лашкова о том, что эти судебные записи являются поземельными актами. Собственно, они так и названы на обложке первого тома. Так же Фёдор Лашков называл эти сборники в своём труде «Очерки крымскотатарского землевладения», где представил систему землевладения крымских татар в эпоху ханства, во многом черпая материал всё из тех же сиджией [8].

На эту неточность в своё время обратил внимание крымский филолог, профессор Бекир Чобан-заде в заметке 1925 года [23]. Чобан-заде можно назвать следующим после Лашкова и Биярсланова исследователем крымских сиджией, хотя к этому моменту судебные реестры уже были перевезены в Ленинград (Санкт-Петербург), в библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ). Собственно, там профессор их и обнаружил. В своей статье Чобан-заде приводит некоторые примеры сиджией, правда, без перевода, но выступая как копиист, переписывая четыре прочтённых им документа. В своей работе исследователь рассуждает о неоспоримой исторической и филологической ценности этих сборников, в чём с ним мы абсолютно солидарны. Попутно он исправляет ошибку, допущенную первыми читателями и комментаторами крымских сборников, заявлявших, что тексты написаны на арабском языке. Чобан-заде пишет: «Язык памятников не арабский, а скорее османский» [23, с. 15]. Но как нам представляется, язык этих документов даже не столько османский, сколько сельджукский, сопоставимый с южно-азербайджанским языком той эпохи. Подобное заявление мы делаем в результате наблюдений над тюркской лексикой сиджией и изучения их грамматических особенностей. Примером может служить употребление в текстах аффикса моментального действия *-джакъ*, *-джек*, характерного для огузско-тюркского наречия: *итджек*, *олджакъ*, *вирджек* и под., то есть «сразу, как только он сделал», «как только это случилось», «сразу, как только он дал».

После Чобан-заде долгое время никто не обращался к крымским сиджиям и не пытался переводить или исследовать эти памятники. О них совершенно забыли вплоть до девяностых годов XX в. Благодаря случайности были обнаружены фотокопии судебных сборников в симферопольском городском архиве, куда они попали из ялтинского музея в 1944 году, уже после депортации крымских татар и поступления директивы об уничтожении всех следов крымскотатарской культуры [4]. В 1992 г. эти документы были переданы открывшейся тогда библиотеке имени И. Гаспринского. В 1994 г. их исследовал профессор Халиль Инальджик и опубликовал обширную заметку, посвящённую истории открытия крымских сиджией и общему содержанию сборников. Там же автор привёл переписанные с оригинальных текстов копии 19 документов, снабдив некоторые из них описательным переводом и комментариями [4]. Следует отметить, что автор в своей статье называет упоминаемые документы не кадиаскерскими, а кадийскими книгами — *kadi sicilleri*, то есть судебными, что лишний раз подтверждает наше мнение о том, что не все документы составлялись при участии кадиаскера или его наиба. Серию статей посвятил крымским сиджиям турецкий учёный Незихи Туран. Как и предыдущие авторы, он высоко оценивал их содержательную сторону и отмечал разнообразные исторические и юридические нюансы этих документов [29]. В Турции было опубликовано ещё несколько работ, касавшихся тех или иных аспектов крымских судебных документов. Например, Нури Кавак рассматривает в своём труде упоминаемые в крымских актах виды чрезвычайных налогов — «avariz», — собираемых в связи с каким-либо бедствием или войной, и вакуфные пожертвования [27]. Авторы ещё одной, совместно написанной статьи, Фехми Йылмаз и Ахмет Джихан, представляют общий обзор памятников в сравнении с подобными документами, написанными непосредственно на территории Турции [24].

На основе материалов анализируемых памятников в свет вышли две книги турецких авторов, посвящённые социальным аспектам жизни крымских татар в соответствующее дате создания документов время. Первая из этих книг — книга Зейнеп Озьдем (Zeynep Özdem), которая подробно описывает социально-экономическую жизнь Карасубазара (ныне Белогорск). К слову сказать, четыре тома из сохранившихся шестидесяти одного тома копий крымских судебных книг как раз относятся к карасубазарскому кадылыку [28]. Социально-экономической и административной жизни Крымского ханства посвятил свою монографию, написанную на основе анализируемых нами сиджией, Омер Быйык. Правда, география описания у него шире, а представленный исторический материал разнообразней, чем у предыдущего автора. В переводе на русский язык книга называется «Административная и социально-экономическая история Крыма» [22].

Однако ни один из вышеперечисленных авторов не касается и не исследует крымские судебные акты XVII–XVIII веков с филологической точки зрения, несмотря на богатейший и ценнейший материал, представленный в них. Этот пробел постарался восполнить автор настоящий

статьи, опубликовав ряд работ в России и Украине. Сюда относятся вопросы стиля и терминологии, приёмы и способы описания людей или создания словесных портретов, структуры различных документов, таких как «и'лам» или «хукм», раздел наследства — «кысмет-и меварис» и т. п. [13; 14; 15; 16; 17].

В настоящее время нерешённой представляется проблема уточнения и определения диалектной языковой базы крымских судебных реестров. Во-первых, язык памятников неоднороден: на фоне подавляющего большинства огузо-язычных встречаются татарские тексты или вкрапления татарского языка золотоордынской эпохи; во-вторых, в связи с этим возникает необходимость построения более чёткой и уверенной диспозиции языка крымских рукописных памятников по отношению к османскому языку в синхронии эпохи их создания. Довольно поверхностно исследована топонимия крымских юридических текстов, термины, определяющие меры веса и площади, наименования денег, описания пространственного местоположения объектов недвижимости. Отдельного изучения, на наш взгляд, заслуживает номенклатура и терминология должностей чиновников, названия ремёсел, терминов социальной принадлежности, названий различных торговых операций, договоров и всего, что имеет отношение к юридической стороне языка сиджией. Решение этих вопросов поможет полней пролить свет на историю и быт крымских татар, на историю становления официально-делового стиля тюркского языка Крыма.

Л и т е р а т у р а

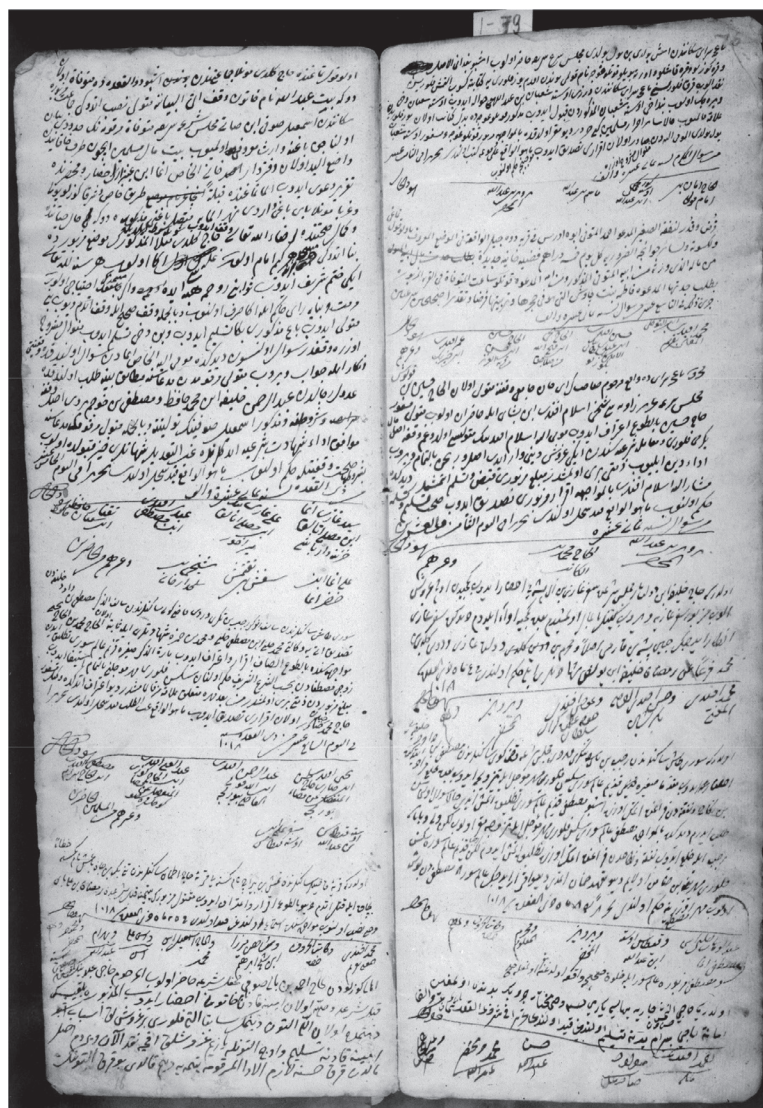
1. Баскаков Н. А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / Николай Баскаков. — Ашхабад : Ылым, 1988. — 138 с.
2. Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского Правления / М. Биярсланов // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь : Типогр. Таврич. губерн. правления, 1889–1891. — № № 8; 9; 10.
3. Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А. Н. Гаркавец. — Киев : Наук. думка, 1988. — 176 с.
4. Інальдджик Г. Знахідка судових книг Кримського Ханату (1618–1750) / Галіль Інальдджик // Марра Мунді : збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. — Львів–Київ–Нью-Йорк : Вид-во М. П. Коць, 1996. — С. 308–330.
5. Изидинова С. И. Крымскотатарский язык / С. И. Изидинова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 246–247.
6. Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке имени Гаспринского в Симферополе. — Архивный фонд : 67 А90.
7. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма. — 2-ое изд. / Ф. Ф. Лашков // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь : Типография Таврического губернского правления, 1887–1889. — № № 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8.
8. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь : Типография Таврического губернского правления, 1894–1897. — № № 21; 22; 23; 24; 25.
9. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка : учеб. пособие / А. М. Меметов. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2000. — 228 с.
10. Меметов А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка / А. М. Меметов. — Ташкент : Фан, 1988. — 110 с.
11. Меметова Э. Ш. Кырымтатар тилининъ услубиети / Э. Ш. Меметова. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2001. — 144 с.
12. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительно-историческом освещении. Западнокыпчакская группа / К. М. Мусаев. — М. : Наука, 1975. — 357 с.
13. Рустемов О. Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджией / О. Д. Рустемов // Сходознавство / НАН України; Ін-т Сходознавства ім. А. Ю. Кримського. — К., 2013. — № 64. — С. 108–116.
14. Рустемов О. Д. Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского Ханства / О. Д. Рустемов // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. — Симферополь, 2013. — Т. 26 (65). — № 2. — С. 232–238.
15. Рустемов О. Д. Крымские сиджили XVII–XVIII в.в. : жанровая структура юридического документа «хукм» / О. Д. Рустемов // Вестник СПбГУ. — Сер. 13 : Востоковедение. Африканистика. — СПб., 2015. — Вып. 1 (март). — С. 55–63.
16. Рустемов О. Д. Словесные портреты и описания людей в крымских судебных книгах XVII–XVIII в.в. / О. Д. Рустемов // Золотоордынское обозрение : научный журнал. — Казань, 2015. — № 2. — С. 37–42.
17. Рустемов О. Д. Языковые параллели русского и крымскотатарского делового письма в юридических документах XVI–XVII в.в. / О. Д. Рустемов // Восток. Oriens / РАН; Ин-т Востоковедения. — СПб., 2015. — № 4. — С. 168–175.
18. Севортян Э. В. Крымско-татарский язык / Э. В. Севортян // Языки народов СССР : в 5 т. — М. : Наука, 1966. — Т. 2. — С. 234–259.
19. Туран А. Н. Судебные реестры Крымского Ханства (после их обнаружения) / Ахмет Незихи Туран // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 2002. — № 30. — С. 90–93.
20. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI в.в. / М. А. Усманов. — Казань : Изд-во КазГУ, 1979. — 317 с.

21. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы : Научная грамматика крымскотатарского языка. Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. / Бекир Чобан-заде. — Симферополь : Доля, 2003. — 240 с.
22. Bıyık Ö. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi / Ömer Bıyık. — İstanbul : Ötüken Neşriyat, 2014. — 300 s.
23. Çobanzade B. Leningratta Qırım hatireleri : Oquv işleri (وقفا یرلشی) / Bekir Çobanzade // İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hünər ve Sanayı Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. — Numara 4–5. — S. 14–19.
24. Cihan A. Kırım Kadı Sicilleri / Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz // İslam Araştırmaları dergisi. — Üsküdar, 2004. — Sayı 11. — S. 131–176.
25. Demir Abdullah. Türk Hukuk Tarihi / Abdullah Demir. — İstanbul : Yitik Hazine Yayınları, 2011. — 256 s.
26. İpsirli M. Kazasker / Mehmet İpsirli // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları (TDVİA). — Ankara, 2002. — Cilt 25. — S. 140–143.
27. Kavak N. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avariz ve Para Vakıfları Üzerine / Nuri Kavak // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — № 10 (1). — S. 273–287.
28. Özdem Z. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. — Ankara, 2010. — 197 s.
29. Turan A. N. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar / Ahmet Nezihi Turan // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi. — İstanbul, 2003. — № 9 (Güz). — S. 1–16.
30. Ügüz M. 'Hüccet' / Mustafa Ügüz, Ahmet Akgündüz // İslâm Ansiklopedisi. — Üsküdar : İSAM. — Cilt 18. — S. 446–450.

References

1. Baskakov N. A. Ocherki istorii funkcional'nogo razvitija tiurkskih jazykov i ih klassifikacija / Nikolaj Baskakov. — Ashhabad : Ylym, 1988. — 138 s.
2. Bijarslanov M. Vypisi iz kadiaskerskogo sakka (knigi) 1017–1022 hidzhry (1608/9–1613 g. hr. let.), hraniashhegosia v arhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravlenija / M. Bijarslanov // Izvestija Tavricheskoy uchionoj arhivnoj komissii (ITUAK). — Simferopol' : Tipogr. Tavrich. gubern. pravlenija, 1889–1891. — № № 8; 9; 10.
3. Garkavec A. N. Tiurkskie jazyki na Ukraine (razvitie struktury) / A. N. Garkavec. — Kiev : Nauk. dumka, 1988. — 176 s.
4. Inal'dzhik G. Znahidka sudovyh knyh Kryms'kogo Khanatu (1618–1750) / Galil' Inal'dzhik // Mappa Mundi : zbirnyk naukovykh prac' na poshanu Jaroslava Dashkevycha z nagody jogo 70-richchia. — L'viv–Kiiv–N'ju-Jork : Vyd-vo M. P. Koc', 1996. — S. 308–330.
5. Izidinova S. I. Krymskotatarskij jazyk / S. I. Izidinova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. — M. : Sov. enciklopedija, 1990. — S. 246–247.
6. Kopii krymskih sudebnyh reestrov, hraniashhihsja v biblioteke imeni Gasprinskogo v Simferopole. — Arhivnyj fond : 67 A90.
7. Lashkov F. F. Kameral'noe opisanie Kryma. — 2-oe izd. / F. F. Lashkov // Izvestija Tavricheskoy uchionoj arhivnoj komissii (ITUAK). — Simferopol' : Tipogr. Tavrich. gubern. pravlenija, 1887–1889. — № № 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8.
8. Lashkov F. F. Istoricheskij ocherk Krymsko-tatarskogo zemlevladienija / F. F. Lashkov // Izvestija Tavricheskoy uchionoj arhivnoj komissii (ITUAK). — Simferopol' : Tipogr. Tavrich. gubern. pravlenija, 1894–1897. — № № 21; 22; 23; 24; 25.
9. Memetov A. M. Leksikologija krymskotatarskogo jazyka : ucheb. posobie / A. M. Memetov. — Simferopol' : Krymchpedgiz, 2000. — 228 s.
10. Memetov A. M. Istochniki formirovaniya leksiki krymskotatarskogo jazyka / A. M. Memetov. — Tashkent : Fan, 1988. — 110 s.
11. Memetova Je. Sh. K'yrymtatar tilinin' uslubieti / Je. Sh. Memetova. — Simferopol' : Krymchpedgiz, 2001. — 144 s.
12. Musaev K. M. Leksika tiurkskih jazykov v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. Zapadnokypchaks-kaja gruppa / K. M. Musaev. — M. : Nauka, 1975. — 357 s.
13. Rustemov O. D. Vnutrenniaja stilistika bahchisarajskih sidzhilej / O. D. Rustemov // Skhodoznastvo / NAN Ukrainy; In-t Skhodoznastva im. A. Ju. Kryms'kogo. — K., 2013. — № 64. — S. 108–116.
14. Rustemov O. D. Istochniki po izucheniju stanovenija oficial'no-delovogo stilija krymskotatarskogo jazyka epokhi Krymskogo Khanstva / O. D. Rustemov // Uchionye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. Ser. Filologija. — Simferopol', 2013. — T. 26 (65). — № 2. — S. 232–238.
15. Rustemov O. D. Krymskie sidzhili XVII–XVIII v.v. : zhanrovaja struktura juridicheskogo dokumenta «hukm» / O. D. Rustemov // Vestnik SPbGU. — Ser. 13 : Vostokovedenie. Afrikanistika. — SPb., 2015. — Vyp. 1 (mart). — S. 55–63.
16. Rustemov O. D. Slovesnye portrety i opisanija liudej v krymskih sudebnyh knigah XVII–XVIII v.v. / O. D. Rustemov // Zolotoordynskoe obozrenie : nauchnyj zhurnal. — Kazan', 2015. — № 2. — S. 37–42.
17. Rustemov O. D. Jazykovye paralleli russkogo i krymskotatarskogo delovogo pis'ma v juridicheskikh dokumentah XVI–XVII v.v. / O. D. Rustemov // Vostok. Oriens / RAN; In-t Vostokovedenija. — SPb., 2015. — № 4. — S. 168–175.
18. Sevortian Je. V. Krymsko-tatarskij jazyk / Je. V. Sevortian // Jazyki narodov SSSR : v 5 t. — M. : Nauka, 1966. — T. 2. — S. 234–259.
19. Turan A. N. Sudebnye reestry Krymskogo Khanstva (posle ih obnaruzhenija) / Ahmet Nezihi Turan // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. — Simferopol', 2002. — № 30. — C. 90–93.

20. *Usmanov M. A.* Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI v.v. / M. A. Usmanov. — Kazan' : Izd-vo KazGU, 1979. — 317 s.
21. *Choban-zade B.* K'yrymtatar il'mij sarfy : Nauchnaja grammatika krymskotatarskogo jazyka. Transliteracija s arabskoj grafiki izdanija 1925 g. / Bekir Choban-zade. — Simferopol' : Dolia, 2003. — 240 s.
22. *Bıyık Ö.* Kırım'ın İdari ve Sosyo-Ekonomik Tarihi / Ömer Bıyık. — İstanbul : Ötüken Neşriyat, 2014. — 300 s.
23. *Çobanzade B.* Leningratta Qırım hatireleri : Oquv işleri (وقوا یرلشیه) / Bekir Çobanzade // İçtimai-siyasiy ve terbiyevi ahyq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayı Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. — Numara 4–5. — S. 14–19.
24. *Cihan A.* Kırım Kadı Sicilleri / Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz // İslam Araştırmaları dergisi. — Üsküdar, 2004. — Sayı 11. — S. 131–176.
25. *Demir A.* Türk Hukuk Tarihi / Abdullah Demir. — İstanbul : Yitik Hazine Yayınları, 2011. — 256 s.
26. *İpsirli M.* Kazaker / Mehmet İpsirli // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları (TDVİA). — Ankara, 2002. — Cilt 25. — S. 140–143.
27. *Kavak N.* Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avariz ve Para Vakıfları Üzerine / Nuri Kavak // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — № 10 (1). — S. 273–287.
28. *Özdem Z.* Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. — Ankara, 2010. — 197 s.
29. *Turan A. N.* Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar / Ahmet Nezih Turan // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi. — İstanbul, 2003. — № 9 (Güz). — S. 1–16.
30. *Ügüz M.* 'Hüccet' / Mustafa Ügüz, Ahmet Akgündüz // İslâm Ansiklopedisi. — Üsküdar : İSAM. — Cilt 18. — S. 446–450.

Лист 79 (вверху справа нумерация — 76) (на самом деле лист 16, если считать за начало обложку тома справа, а не слева) 1-го тома крымских сиджией. В статье представлен перевод текста, расположенного на левом развороте (странице) 1-й сверху

РУСТЕМОВ Олег Діляверович,

кандидат філологічних наук, доцент факультету соціальних і гуманітарних наук Ардаганського університету; Кампус Єнісей, курорт Чамличатак, м. Ардаган, 75000, Туреччина;
тел.: +9 (0553)1821607; e-mail: biblos@ukr.net

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛІЗУ СУДОВИХ КНИГ КРИМСЬКОГО ХАНСТВА XVII–XVIII ст.

Анотація. Статтю присвячено проблемам вивчення та перекладу пам'яток кримськотатарської писемності XVII–XVIII ст.ст. — судових книг Бахчисарая, Карасубазара і ряду інших округів Кримського Ханства. Докладним чином представлено історію виявлення й дослідження зазначених документів, перших спроб прочитання та перекладу цих книг. Увагу зосереджено на не вивчених раніше мовних особливостях кримських судових реєстрів того часу. Уточнюються деякі аспекти проблем, пов'язаних з низкою неточностей і недоробок, допущених у попередніх дослідженнях зазначених рукописів. Однією з центральних проблем лінгвістичного вивчення збірників кримських судових рішень є проблема ідентифікації й опису мови стародавніх текстів. У даній статті представлено результати деяких спостережень автора, які визначають загальний напрямок філологічних досліджень пам'яток ділового письма Криму епохи Ханства, поставлено завдання подальшого їх вивчення.

Ключові слова: судові книги XVII–XVIII століть, кримськотатарська мова, переклад, сиджил, офіційно-діловий стиль, Кримське Ханство, Шаріат, кадіаскер.

Oleg D. RUSTEMOV,

Candidate of Philology (Ph.D), associate professor, Faculty of Humanities and Social Sciences of Ardahan University; Campus Yenisei, Chamlichatak resort city, Ardahan, 75000, Turkey [Ardahan Üniversitesi Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi, Türkiye; e-mail: biblos@ukr.net; phone: +9 (0553) 1821607

CURRENT ISSUES OF LINGUAL AND CULTURAL ANALYSIS OF JUDICIAL CRIMEAN KHANATE BOOKS OF XVII–XVIII c.

Summary. This article is devoted to the problems of research and translation of the Crimean Tatar manuscripts — judicial books of XVII–XVIII c.c. from Bakhchisaray, Karasubazar and some other districts of the Crimean Khanate. The history of detection and studying of these documents, and the first attempts to read and translate these books are presented here in detail. The attention is drawn to yet unstudied lingual and cultural peculiarities of the Crimean judicial registries of XVII–XVIII c.c. The article clarifies some aspects of the problems which were conditioned by a number of inaccuracies and mistakes that were made in previous studies of these manuscripts. One of the central problems of linguistic study of the Crimean medieval judicial texts is the problem of identifying and describing the language of ancient texts. The results of some observations, which determine the general direction of philological investigations of the Crimean Tatar judicial manuscripts of the Khanate era are also presented in this article as well as the tasks for their further studying.

Key words: judicial manuscripts of XVII–XVIII centuries, the Crimean Tatar language, translation, sidzhil, official-business style, the Crimean Khanate, Sharia, kadiasker.

Статтю отримано 7.10.2015 р.

УДК 811.16:35.071:001.6.80—11:331.446(477.74—25) Григорович

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

НАУЧНЫЕ ИДЕИ И ПОДВИЖНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ГРИГОРОВИЧА В РАЗВИТИИ ОДЕССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Цель статьи — осветить некоторые вопросы становления, развития и деятельности научной школы славяноведения в Одесском национальном университете имени И. И. Мечникова, основателем которой в 1860–1870-е годы был авторитетный филолог-славист Виктор Иванович Григорович. Главная научная заслуга Григоровича состоит в сборе и накоплении разнообразного материала для дальнейших гуманитарных исследований. В этом заключается фундаментальный характер его разносторонней деятельности. Собранные им рукописи позволили нескольким поколениям учёных создавать и развивать разные направления исследований в области славистики.

В одесский период своей жизни В. И. Григорович продолжил подвижническую собирательскую деятельность, много внимания уделял организации учебного процесса в университете и училищах болгарских, молдавских, гагаузских сёл Бессарабии, методике изучения славянских древностей, современных славянских языков и их диалектов. Совместно с профессором Ф. К. Бруном он положил начало ономастическим исследованиям в Одессе. В университетских курсах В. И. Григоровича органически переплетаются новейшие научные и педагогические знания. Учёный использует сопоставительную методику. Одним из первых Григорович обратился к проблеме билингвизма в обучении родственным языкам.

Все работы одесского периода жизни Григоровича были изданы под редакцией проф. М. Г. Поппруженко в книге: *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете. — 1916. — Т. 25.* Яркими представителями одесской славистической школы в XIX в. были коллеги и ученики Григоровича акад. П. С. Билярский, проф. Ф. И. Леонтович, проф. Б. В. Богишич, акад. И. В. Ягич, проф. И. С. Некрасов, акад. Ф. И. Успенский, проф. А. А. Кочубинский, акад. Д. Н. Овсянко-Куликовский, проф. А. И. Маркевич. Продолжатели традиций этой школы на рубеже XIX–XX в.в. — академики Б. М. Ляпунов и В. М. Истрин, проф. В. М. Мочульский, проф. М. Г. Поппруженко, проф. С. Г. Вилинский, доц. А. В. Рыстенко, проф. Казанского ун-та Е. Ф. Будде, проф. Харьковского ун-та С. М. Кульбакин. Традиции одесской школы славистики в послевоенный период развивают проф. П. О. Потапов, проф. Н. И. Букатевич, чл.-корр. НАНУ Ю. А. Карпенко, проф. А. К. Смольская, проф. Д. С. Ищенко и другие исследователи.

Ключевые слова: история языкознания, славяноведение, развитие науки, Виктор Иванович Григорович, научная школа, Одесский университет имени И. И. Мечникова.

30 апреля (12 мая) 2015 года исполнилось 200 лет со дня рождения Виктора Ивановича Григоровича, выдающегося учёного, основателя Одесской научной школы палеославистики и палеографии. Место его рождения — г. Балта Одесской области. Был студентом Харьковского и Дерптского (Тартуского) университетов, где специализировался в области древнегреческой и немецкой философии. Однако в 1839 г. переехал в Казань и начал преподавать греческий язык на кафедре истории и литературы славянских наречий. В Казани окончательно сформировались научные интересы В. И. Григоровича как славяноведа, ставшие целью его дальнейшей жизни. Здесь в 1842 г. он защитил диссертацию «Опыт изложения литературы славян в её главнейших эпохах», отсюда отправился в знаменитую трёхлетнюю научную экспедицию, отчёт о которой опубликовал в работе «Очерк учёного путешествия по Европейской Турции» (1848). Здесь были написаны работы «Статьи, касающиеся древнеславянского языка» (1852), «Описание четвероевангелия, писанного глаголицей» (Известия ИАН, 2 отд., 1852), «Послание русского митрополита Иоанна II» (Учёные записки 2 отд. ИАН, 1854), «О Сербии в её отношении к соседним державам в XIV–XV в.» (1859); «Древнеславянский памятник, дополняющий житие св. апостолов Кирилла и Мефодия» (1862), ряд других работ. Проработав 25 лет в Казани, Григорович в 1863 г. вышел в отставку и в 1864 г. переехал в Херсон.

Решение об открытии в Одессе университета в 1865 году круто изменило судьбу учёного и, наверняка, продлило ему жизнь. Григорович становится первым деканом историко-филологического факультета, организатором учебного процесса и научных изысканий. Проработал он в университете 11 лет.

Ещё работая в Казани, В. И. Григорович считал, что в Одессе должен быть создан византиеведческий научный центр, поскольку географически и исторически город находится в удобном для этого месте, а история народов, проживающих в Причерноморье, непосредственно связана с историей Византии. В 1860 году он указывал на это в докладной записке попечителю

Казанского учебного округа. Там же Григорович обосновал возможность создания в Ришельевском лицее кафедры славяноведения. В октябре 1864 г., посетив Ришельевский лицей, на базе которого затем был создан университет, Григорович подарил 650 книг по славяноведению с двумя условиями: во-первых, книги будут храниться в специальном фонде; во-вторых, их жертвователю будет иметь право в дальнейшем пользоваться библиотекой. Книги В. И. Григоровича вошли в первый именной фонд Научной библиотеки университета. Среди переданных книг было 48 словарей, 138 пособий по грамматике, 117 книг исторической проблематики, 70 — литературоведческой, 145 — этнографической, остальные — книги с текстами на славянских языках [25]. Часть книг была приобретена в трёхлетней экспедиции Григоровича. На некоторых имеются автографы видных деятелей славянской культуры: Вука Караджича, Неофита Рильского, Павла Йозефа Шафарика и др. Позже учёный пополнял этот фонд.

Одесский период жизни и деятельности В. И. Григоровича стал значимым не только в связи с появлением новых научных трудов учёного и продолжением его подвижнической деятельности по поиску и собиранию рукописных источников, но также в связи с работой по организации учебно-педагогического процесса в университете и учебных заведениях региона. Авторитет Григоровича, имя которого, как отмечает проф. Е. А. Войцева, стоит в одном ряду с именами Измаила Ивановича Срезневского, Осипа Максимовича Бодянского, Петра Ивановича Прейса как создателей научного славяноведения в России [5], а также основательность университетских подходов к исследованиям привлекали в Одессу серьёзных учёных-славистов.

I. Известный литературовед 2-й пол. XIX в. чл.-корр. ИАН Александр Иванович Кирпичников, работавший в Одесском университете с 1879 по 1898 годы, среди основных трудов одесского периода называет такие работы Григоровича: «Как выражались отношения константинопольской церкви к окрестным северным народам в начале X в.» (1866), «Из летописи науки славянской» (1871), «Я. А. Коменский, славянский педагог-реалист XVIII в.» (1871); «Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус и пр.» (1874), «Об участии сербов в наших общественных отношениях» (1876) [13]. После смерти Григоровича в «Трудах киевского археологического съезда» был напечатан ряд рефератов учёного, а проф. Смирновым в Варшаве и Воронеже были изданы три университетских курса лекций Григоровича [7; 8; 9].

II. В период пребывания В. И. Григоровича в Одессе в его личной коллекции находились спасённые им от уничтожения и забвения жемчужины славянского рукописного наследия: Мариинское евангелие, XI в.; Охридский апостол, XII в.; Слепченский апостол, славянский текст которого написан по смытому греческому скорописному письму X в. (палимпсест); Паремийник Григоровича, XII–XIII в.в.; Ирмологий Григоровича, нач. XIII в., привезённый из Хиландарского монастыря; Отрывок Огласительных поучений Феодора Студита, XIII в.; Четвероевангелие из Хиландарского монастыря XIII–XIV в.в., масса других рукописей. Самые ценные рукописи после смерти учёного были приобретены у родственников Григоровича Румянцевским музеем и хранятся сегодня в Российской государственной библиотеке. Остальные были переданы Научной библиотеке ИНУ, а затем — ОГНБ имени М. Горького (Одесса).

Знакомство с разными вариантами древних текстов, переписанных в разное время разными людьми, а также с древними и новыми переводами более древних текстов привело Григоровича к выводу о необходимости выявления и объяснения описок, ошибок, умышленных вольных трактовок событий, описанных в оригинальном тексте. Он немало размышлял над этим, ощущая необходимость объяснять подобные явления не только затруднениями в понимании и переводе гапаксов, на что указывает Наталья Викторовна Коссек [15, с. 48], но и изменениями картины мира человека под влиянием цивилизационных, социальных, экономических, политических, культурных изменений. Григорович говорил в своих лекциях, что к древним славянским рукописям надо относиться осторожно и внимательно, «потому что в них много забыто и пренебреженно по влиянию византийской цивилизации», а «в переводах замечаем и собственные вставки переводчиков» [8, с. 17]. Сопоставляя разноязычные и разные по времени перевода тексты палеи, он говорил: «Если греческий текст издан неправильно, что же желать от славянского» [8, с. 19]. Известно, что только в конце XX в. некоторые научные фонды стали выделять немалые гранты на восстановление оригинальных текстов Библии и Евангелия, адекватных их переводов на разные языки, на изучение причин разных по хронологии неточностей, ошибок, ложных фактов, внесённых в тексты переписчиками и переводчиками по своему усмотрению либо по чьему-либо заказу.

III. По оценке специалистов в области педагогики, фундаментальными особенностями курсов, которые читал студентам В. И. Григорович, является органическая связь научной и педагогической деятельности, исторических и лингвистических данных, обращение к новым фактам, использование сопоставительной методики, в связи с чем студенты овладевали материалом глубоко и квалифицированно. Кроме того, Григорович отстаивал идеи комплексного подхода к изучению проблем славистики. Это способствовало тому, что данные проблемы приобретали со временем философское звучание. При изучении славянских языков использовались как аудиторные, так и внеаудиторные формы работы. Одним из первых Григорович обратился к проблеме

билингвизма в обучении родственным языкам. Несмотря на синкретизм филологической науки того времени, учёный чётко различал предметы лингвистики и литературоведения, создавал программы учебных курсов, методические рекомендации к ним, составлял хрестоматии для чтения на болгарском и русском языках [27]. Григорович занимался организацией учебного процесса не только в университете, но и в училищах болгарских, молдавских, гагаузских сёл Бессарабии.

IV. В Одесском университете с первых дней его основания родилась авторитетная славяноведческая школа, включавшая филологов, историков, юристов. Вместе с В. И. Григоровичем в университет пришёл Фёдор Иванович Леонтович, специалист в области славянского и русского права. В 1869–1877 г.г. он был ректором университета, заботился о плодотворной работе Общества Кирилла и Мефодия. В 1870 г. Леонтович был избран действительным членом Сербского учёного общества, в 1889 г. стал одним из организаторов Историко-филологического общества при ИНУ [22].

Первым заведующим кафедрой российской словесности стал академик Пётр Спиридонович Билярский, автор двухтомного труда «Судьбы церковнославянского языка» (1847–1848), удостоенного полной Демидовской премии. По мнению В. И. Григоровича, этот труд стал важной вехой в истории болгарской словесности. П. С. Билярский считал, что болгарские книжники в XIV в. ещё владели церковнославянской фонетикой в обычной речи. Орфографические неточности в более ранних болгарских списках незначительны. А в XIV в. ошибки приобрели характер систематических и стали свидетельствовать об особенностях ново-болгарского наречия.

В университете была организована кафедра славянских законодательств, которую с 1869 по 1874 г. возглавлял хорватский юрист-славяновед и этнограф Балтазар Власович Богишич, известный специалист в области обычного права славян, собиратель обычаев и традиций славянских народов. Работая в Одессе, он начал писать свод законов для Черногории. В 1877 г. Богишич вошёл в состав временного правительства Болгарии.

В 1991 г. Наталья Владимировна Артыкуца указывала на то, что В. И. Григорович особое внимание уделял изучению памятников славянского права, в которых видел «много загадочного»: Русской Правды, Псковской судной грамоты, сербских, болгарских, чешских, польских законов, — призывал к изданию правовых документов и их филологических комментариев [2].

В 1871 г. экстраординарным профессором кафедры сравнительного языкознания, по рекомендации И. И. Срезневского, был избран Игнатий Викентьевич (Ватрослав) Ягич. Он издал и прокомментировал некоторые из привезённых В. И. Григоровичем в Россию рукописей (например, Маринское и Зографское евангелия, которые, по воспоминаниям ученика Григоровича, Д. Н. Овсянко-Куликовского, учитель иногда доставал из своего заветного портфеля, чтобы показать студентам. За всё время своей работы в Одессе, Петербурге, Берлине, Вене Ягич опубликовал более 700 работ по славяноведению, был избран академиком ИАН. Исследователи неоднозначно оценивают взаимоотношения, установившиеся между В. И. Григоровичем и И. В. Ягичем, в которых была как эмоциональная, так и рациональная составляющая [1]. Одесский период жизни Ягича и сотрудничество с Григоровичем были для него важны с точки зрения обретения новых знаний в области восточнославянских языков и культур, межъязыковых и межкультурных связей восточных славян [26]. Именно в Одессе, по мнению проф. А. К. Смольской, у Ягича проявился интерес к творчеству А. С. Пушкина [24, с. 198], выразившийся в издании сборника «Пушкин в южнославянских литературах» (1910).

В 1868 г. в ИНУ начал работать ученик Ф. И. Буслаева, чл.-корр. Московского археологического общества литературовед Иван Степанович Некрасов, основным научным объектом исследований которого была древнерусская агиография. Думается, под влиянием создавшейся в ИНУ мощной славяноведческой школы он в 1871 г. написал и опубликовал работу «Пахомий Серб — писатель XV века». С 1874 по 1890 г.г. И. С. Некрасов был деканом историко-филологического факультета, а с 1990 по 1995 — ректором университета. Он всячески способствовал развитию в университете славяноведческих исследований, у истоков которых стоял Григорович.

В 1871 г. на кафедру славянских наречий был принят Александр Александрович Кочубинский, ставший соратником В. И. Григоровича. Он родился в Бессарабии (в Аккермане или Кишинёве), с золотой медалью окончил гимназию при Ришельевском лицее, получил профессиональную подготовку в Московском университете. В своей долгой и плодотворной работе в ИНУ А. А. Кочубинский проявляет себя зрелым учёным, продолжателем традиций одесской школы славистики. Серьёзным компаративным исследованием славянских систем вокализма стала работа Кочубинского «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий. Основная вокализация плавных сочетаний...» (1878). Она стала итогом его двухлетней научной командировки в славянские страны и центры славистики Западной Европы. В работе «Итоги славянской и русской филологии» (1882) учёный анализирует состояние филологических исследований в России, стремясь к объективной оценке заслуг многих отечественных учёных [16]. В 1893 г. увидела свет работа Кочубинского «В. И. Григорович (1815–1876) в истории славяноведения».

Известна также опубликованная речь учёного на похоронах Григоровича. А. А. Кочубинский много внимания уделял изучению русского и украинского языков, других славянских языков и диалектов, библиографическим описаниям научной литературы по славистике. За научные исследования в области славистики и труд педагога он был удостоен Макарьевской и Уваровской премий ИАН, целого ряда наград, утверждён в звании потомственного дворянина [3].

Позже работу по изучению славянских древностей продолжали в Одесском университете будущие академики Борис Михайлович Ляпунов, Василий Михайлович Истрин, своими научными достижениями способствовавшие росту авторитета одесской филологической школы. С 1904 г. В. М. Истрин председательствовал в Историко-филологическом обществе при ИНУ. В Одессе он опубликовал текст и исследование 2 книги «Хроники Иоанна Малалы», изучил греческие списки «Хроники Георгия Амартола», исследовал русский перевод «Хроники Георгия Синкелла», начал работать над исследованием «Толковой Палей». В одесский период были опубликованы многие его исследования: «Апокрифические мучения Никиты» (1898), «Первая книга Хроники Иоанна Малалы» (1897), «Греческие списки завещания Соломона» (1899) и некоторые другие [20]. Тёплые воспоминания о В. И. Григоровиче как учителе, учёном, человеке оставили его коллеги и ученики, среди которых академики Фёдор Иванович Успенский и Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский [23], профессор Алексей Иванович Маркевич [19]. Ф. И. Успенский писал: «Ставя рядом имена Григоровича и Бруна, я нахожусь в большом затруднении, которому из них отдать преимущество в смысле добрых университетских традиций, передающихся из поколения в поколение» [28].

Продолжателями традиций одесской школы славистики стали выпускники ИНУ разных поколений: профессор Василий Михайлович Мочульский, сделавший в 1890 г. описание рукописей, собранных В. И. Григоровичем [21]; профессор Михаил Георгиевич Попруженко, редактор собрания сочинений В. И. Григоровича одесского периода его жизни (Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете. — 1916. — Т. 25) [10]; профессор Казанского университета Евгений Фёдорович Будде, профессор Харьковского университета Степан Михайлович Кульбакин; профессор Одесского университета Сергей Григорьевич Вилинский («Житие св. Василия Нового в русской литературе» (1911–1913)); доцент Александр Васильевич Рыстенко («Парижские списки «Стефанита и Ихнилата» (1901), «Сказание о 12 снах царя Мамера в славяно-русской литературе» (1905)); первый послевоенный декан филологического факультета профессор Пётр Осипович Потапов, защитивший в 1944 г. докторскую диссертацию «Славянский перевод хроники Зонары по спискам Ундольского 1191, Венскому 126, Хиландарскому 332 и др.» [29]; зав. кафедрой русского языка в 1993–2010 г.г. профессор Дмитрий Семёнович Ищенко, защитивший в 1967 г. кандидатскую диссертацию «Древнерусская рукопись XII века «Устав Студийский»» [11]; доцент Н. В. Косек, подготовившая к изданию и издавшая в 1986 г. в Софии «Евангелие Кохно» — рукописное Евангелие XIII века из фонда ОГНБ им. А. М. Горького [14]; доцент Ольга Вадимовна Мальцева, посвятившая своё диссертационное исследование изучению особенностей лексического состава Архангельского евангелия 1092 г. («Отражение развития лексико-грамматической системы древнерусского языка в Архангельском евангелии 1092» (2013) [18]). Авторитетным учебником исторической грамматики русского языка с 1970-х годов в СССР и за рубежом стал учебник, написанный на кафедре русского языка Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова Назарием Ивановичем Букатевицем, Софьей Августиновной Савицкой и Лидией Яковлевной Усачёвой (1974) [4].

Ярким представителем одесской филологической школы была известный учёный, активный популяризатор славянских языков и славистических исследований профессор Аделаида Константиновна Смольская, проработавшая в ОНУ несколько десятилетий. Её научные интересы, в основном, были связаны с сербскохорватистикой. Защита её докторской диссертации «Развитие именного словообразования в сербскохорватском литературном языке (фемининативы)» (1993), многочисленные публикации после защиты, «Славянский сборник», редактором которого была А. К. Смольская до своего ухода (2004), организация ежегодных международных Кирилло-Мефодиевских конференций, которые проводились с 1995 года и возобновили традиции, заложенные созданным в университете при Григоровиче Обществом Кирилла и Мефодия, вселили в коллектив одесских филологов уверенность и оптимизм в непростые для украинской науки 1990-е годы, активизируя славистические и, в целом, филологические исследования в ОНУ. В 1998 г. А. К. Смольская издала монографию «Очерки по славянскому словообразованию и морфологии», в 2001 г. — сборник статей по проблемам славистики «Славянские студии». Ученица А. К. Смольской, Ольга Николаевна Пейчева, защитившая кандидатскую диссертацию «Нестабільні консонанти у південнослов'янських мовах та їх діалектах» (2003), работает так же интересно и результативно, как и её учитель. Несколько раз О. Н. Пейчева стажировалась в научных центрах Сербии. Под её руководством в 2013 году студенты филологического факультета в рамках специализации начали изучать сербскохорватистику на профессиональном уровне.

Интересны и ценны для мировой славистики исследования профессора Николая Ивановича Зубова, современного одесского учёного, который успешно работает над исследованием славянских древностей. Будучи учеником Ю. А. Карпенко, Н. И. Зубов развивает научное направление, которое для В. И. Григоровича было основным. Об этом свидетельствует проблематика исследований Н. И. Зубова. Кандидатская диссертация — «Древнерусская теонимия : проблема собственного и нарицательного» (1982), докторская — «Слов'янські повчання проти язичництва в лінгвотекстологічному висвітленні» (2005). В работах учёного исследуются вопросы исторической лингвотекстологии, этнолингвистики, менталингвистики, ономастики (напр.: «Лексика греческого источника как текстологический индикатор для древнерусских рукописей» (2006), «Одеський список середньовічних рукописних коментарів до Слів Григорія Богослова» (2006); «Давньосемітські міфони́ми *Vaал-Іад* і *Мені-Мануфі*, їх перекладацькі еквіваленти у християнській традиції та давньоруські церковні повчання» (2001), «Давньоруський етнонім *фрязи*: одна богословська конотація» (2002), «Конфесійний контекст народноетимологічного осмислення етноніма *Сарацини*» (2008); «Історична ментальність і лінгвістика (до питання про концепти давньоруського середньовіччя)» (2002); «Женская теонимия в древнерусском толковании XXXIX Слова Григория Назианзина» (2004) и др.).

Чл.-корр. НАНУ Юрий Александрович Карпенко отмечал, что главная научная заслуга В. И. Григоровича состоит в собирательстве и накоплении материалов для дальнейших исследований [12, с. 21]. Однако одним из первых Ю. А. Карпенко обратил внимание на то, что В. И. Григорович и Ф. К. Брун положили начало ономастической науке в Одессе. Стремясь сохранить для истории и лингвистики старые топонимы Причерноморья, Григорович в «Записке о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в Военно-учёном архиве Главного Штаба» описывает серию карт и атласов XVIII в., относящихся к северному Причерноморью, особенно подробно излагая аналитическую часть атласов Очаковской земли 1791 г., составленных де Воланом (с публикацией 1 карты). Здесь же он полностью приводит текст «Ведомости о состоящих в уезде Тираспольском казённых и владельческих дачах» 1795 г. В «Записке антиквара в поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра» (1874) Григорович пишет о том, что при недостатке документальных свидетельств «народные названия» должны изучаться «по изустному преданию на местах», в том числе не только названия населённых мест, но и окружающие селения топонимы [6, с. 48]. Григорович поднимает вопрос о сохранении старых топонимов. Учёный отмечает как негативную тенденцию к замене новыми землевладельцами старых названий. Нынешняя одесская ономастическая школа достойно развивает направление лингвистики, на важность которого указывал В. И. Григорович. Известны диссертационные исследования Галины Юрьевны Касим «Топонимические композиты Северного Причерноморья» (1978), Татьяны Фёдоровны Шумариной «Антропонимическая вариативность в речевой коммуникации» (1985), Ирины Владимировны Мурадян «Антропонимия прозы А. С. Пушкина» (1988), Елены Владимировны Кныш «Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке» (1992), Татьяны Юрьевны Ковалевской «Стилістичний потенціал космічних назв в українській поезії XIX–XX століть» (1994), Елены Юрьевны Карпенко «Когнітивна ономастика як спосіб пізнання власних назв» (2007) и многие другие. Научными бестселлерами являются монография Ю. А. Карпенко «Названия звёздного неба» (1981) и сборник статей Людмилы Фёдоровны Фоминой «...Тайный смысл их царственных имён... : статьи по космонимике» (2015). Авторитетным вкладом в международную Пушкиниану стал словарь Лины Николаевны Гуковой и Л. Ф. Фоминой «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина» (2008).

В ряде работ болгарских лингвистов оценивается значительный вклад Григоровича в болгарскую диалектологию, поскольку он предложил несколько признаков, которые могли бы быть, с его точки зрения, отличительными для восточных и западных болгарских говоров. Григорович преподавал в университете болгарский язык, на занятия он часто приглашал его носителей. Традицию изучения болгарского языка и исследования болгарских диалектов в Одесском национальном университете в полной мере сохраняют и развивают учёные-болгаристы. Вот некоторые из работ, посвящённых этой проблематике: кандидатская диссертация Н. В. Коссек «Предложные словосочетания с глаголами движения в болгарском языке» (1967), кандидатская и докторская диссертации Валентины Александровны Колесник, соответственно, «Болгарская антропонимия юга Украины» (1984) и «Дебалканізація болгарських переселенських говірок в Україні» (2005), кандидатская диссертация Светланы Ивановны Георгиевой «Болгарська переселенська говірка мішаного типу : стан і етапи формування» (2005), монографии Зои Барболовой и В. А. Колесник «Говорът на българите в с. Кирнички, Бесарабия» (1998), З. Барболовой «Особенности на българския говор в с. Червоноармейское (Кубей), Болградски район, Одеска област в Украйна» (1999), В. А. Колесник «Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь» (2001), В. А. Колесник «Говорът на българите в с. Криничне (Чушмелий), Бесарабия. Речник» (2008), Светланы Дмитриевны Топаловой «Говорът на село Калчево Болградско, Бесарабия» (2009), учебник для вузов В. А. Колесник «Български език : Основен курс» (2008), её же

«Посібник з болгарської діалектології» (2013). Издаються научные сборники «Българските говори в Украйна» и «Одеська болгаристика».

Таким образом, изучение разных аспектов славяноведения, одним из создателей которого на заре становления традиций одесской лингвистической школы был В. И. Григорович, позволяет уже на протяжении 150 лет поддерживать и развивать это направление в Одесском университете как в научной, так и в методической работе. Непродолжительная, но выразительная деятельность такой личности, как В. И. Григорович, заложила крепкую основу функционирования и развития славистики в Одессе.

Л и т е р а т у р а

1. Арбузова И. В. В. Ягич в Одессе (В. Ягич и В. И. Григорович) / И. В. Арбузова // Славянская филология: сб. статей. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — С. 52–60.
2. Артыкуца Н. В. Роль В. И. Григоровича в разработке славянской лексикологии и лексикографии / Н. В. Артыкуца // Профессор Виктор Иванович Григорович: тезисы докл. Областных научных чтений, посвящённых 175-летию со дня рождения учёного-слависта. — Одесса: ОГУ им. И. И. Мечникова, 1991. — С. 26–27.
3. Баранник Л. Ф. Олександр Олександрович Кочубинський / Л. Ф. Баранник, Ф. О. Самойлов // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. — 2-ге вид., доп. — Одеса: Астропринт, 2005. — Т. 3. — С. 134–140.
4. Букатевич Н. И. Историческая грамматика русского языка: учебник / Н. И. Букатевич, С. А. Савицкая, Л. Я. Усачёва. — Киев: Вища школа, 1974. — 312 с.
5. Войцева Е. А. Значение научной командировки В. И. Григоровича в славянские земли / Е. А. Войцева // Профессор Виктор Иванович Григорович: тезисы докл. Областных научных чтений ..., 1991. — С. 10–12.
6. Григорович В. И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра / В. И. Григорович. — Одесса: Тип. П. Францова, 1874. — 48, VI с., 1 л. карт.
7. Григорович В. И. Обзор славянских литератур: Лекции В. Ив. Григоровича, чит. им студентам 4 курса Новорос. ун-та в 1868/9 акад. г. / [Записаны слушателем его А. Смирновым] / В. И. Григорович. — Воронеж: Тип. Губ. правл., 1880. — 52 с.
8. Григорович В. И. Славянские древности: Лекции проф. В. И. Григоровича, чит. в Новорос. ун-те / В. И. Григорович. — Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1882. — 76 с.
9. Григорович В. И. Славянские наречия: Лекции проф. В. И. Григоровича, [чит. в Новорос. ун-те] / В. И. Григорович. — Варшава: Тип. М. Земкевича, 1884. — 158, VIII с.
10. Григорович В. И. Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича. (1864–1876) / [ред. М. Г. Попруженко] // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете. — Одесса, 1916. — Т. XXV. — XXXIV, 450 с., 3 л. портр., карт.
11. Ищенко Д. С. Древнерусская рукопись XII века «Устав Студийский»: дис. ... канд. филол. н. / Д. С. Ищенко. — Тирасполь, 1967. — 349 с.
12. Карпенко Ю. А. В. И. Григорович — зачинатель ономастических исследований в Новороссийском университете / Ю. А. Карпенко // Профессор Виктор Иванович Григорович: тезисы докл. Областных научных чтений ..., 1991. — С. 20–23.
13. Кирпичников А. И. В. И. Григорович и его значение в истории русской науки / А. И. Кирпичников. — Одесса: Тип. Шт. Одесск. воен. окр., 1894. — 15 с.
14. Коссек Н. В. Евангелие Кохно: болгарский памятник XIII в. / Н. В. Коссек; [БАН; Ин-т болг. яз.; Науч. б-ка им. А. М. Горького в Одессе. — София: Изд-во Болг. акад. наук, 1986. — 97 с., [120] л.
15. Коссек Н. В. О чём говорят «списки» древних переписчиков славянских рукописей? / Н. В. Коссек // Профессор Виктор Иванович Григорович: тезисы докл. Областных научных чтений ..., 1991. — С. 47–49.
16. Кочубинский А. А. Итоги славянской и русской филологии / А. А. Кочубинский. — Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882. — 240 с.
17. Кочубинский А. А. Памяти товарищей: [Из Унив. летописи]: Две речи доц. по Кафедре славянской словесности А. А. Кочубинского [И. У могилы В. И. Григоровича] / А. А. Кочубинский. — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. — 8 с.
18. Мальцева О. В. Отражение развития лексико-грамматической системы древнерусского языка в Архангельском евангелии 1092: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.02 — русский язык / О. В. Мальцева. — Одесса, 2013. — 204 с.
19. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского Университета / А. И. Маркевич. — Одесса, 1890. — 734 с. с прилож.
20. Мейзерська Т. С. Істрін Василь Михайлович / Т. С. Мейзерська // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. — 2-ге вид., доп. — Одеса: Астропринт, 2005. — Т. 2. — С. 494–496.
21. Мочульский В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича / В. Н. Мочульский. — Одесса: Типо-литогр. Штаба Одесск. воен. окр., 1890. — 81 с.
22. Музичко О. Є. Леонтович Федір Іванович / О. Є. Музичко // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. Т. 1: Ректори. — 2-ге вид., доп. — Одеса: Астропринт, 2005. — С. 15–23.
23. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — Пг., 1923. — 190 с.

24. Смольская А. К. Из истории пушкиноведения : сборник И. В. Ягича «А. С. Пушкин в южнославянских литературах» // А. К. Смольская. Славянские студии : сб. статей. — Одесса : Астропринт, 2001. — С. 197–205.

25. Смольская А. К. Книжный фонд В. И. Григоровича в библиотеке Одесского университета / А. К. Смольская, Т. И. Романова // Профессор Виктор Иванович Григорович : тезисы докл. Областных научных чтений ..., 1991. — С. 40–42.

26. Степанов Ё. М. Наукові ідеї Ватрослава Ягича в розвитку одеської філологічної школи / Ё. М. Степанов // Ватрослав Ягич і проблеми слов'янознавства : зб. наук. праць. — К. : ВД Дм. Бурого, 2015. — С. 258–269.

27. Туркий В. М. В. И. Григорович — один из первых выдающихся преподавателей славяноведения в России / В. М. Туркий // Профессор Виктор Иванович Григорович : тезисы докл. Областных научных чтений ..., 1991. — С. 15–17.

28. Успенский Ф. И. Памятник профессору В. И. Григоровичу на могиле его в Елисаветграде / Ф. И. Успенский. — Одесса : Тип. Шт. Одесск. воен. окр., 1894. — 83 с., 1 л. ил.

29. Шишов В. Ф. Пётр Осипович Потапов (1882–1945) : Методические материалы к спецкурсу «Русисты Одесского университета» / В. Ф. Шишов. — Одесса : ОГУ, 1982. — 20 с.

References

1. Arbuzova I. V. V. Jagich v Odesse (V. Jagich i V. I. Grigorovich) / I. V. Arbuzova // Slavianskaja filologija: sb. statej. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1964. — S. 52–60.

2. Artykuca N. V. Rol' V. I. Grigorovicha v razrabotke slavianskoj leksikologii i leksikografii / N. V. Artykuca // Professor Viktor Ivanovich Grigorovich : tezisj dokl. Oblastnyh nauchnyh chtenij, posv. 175-letiju so dnia rozhd. uchionogo-slavista. — Odessa : OGU im. I. I. Mechnikova, 1991. — S. 26–27.

3. Barannik L. F. Oleksandr Oleksandrovych Kochubyn's'kyj / L. F. Barannik, F. O. Samojlov // Profesory Odes'kogo (Novorosyjs'kogo) universytetu : Biografichnyj slovnyk. — 2-ge vyd., dop. — Odesa : Astroprynt, 2005. — T. 3. — S. 134–140.

4. Bukatevich N. I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka : uchebnik / N. I. Bukatevich, S. A. Savickaja, L. Ja. Usacheva. — Kiev : Vyshcha shkola, 1974. — 312 s.

5. Vojceva E. A. Znachenie nauchnoj komandirovki V. I. Grigorovicha v slavianskie zemli / E. A. Vojceva // Professor Viktor Ivanovich Grigorovich : tezisj dokl. ... 1991. — S. 10–12.

6. Grigorovich V. I. Zapiska antikvara o poezdke ego na Kalku i Kalmius, v Korsunskuju zemlju i na juzhnye poberezh'ja Dnepra i Dnestra / V. I. Grigorovich. — Odessa : Tip. P. Francova, 1874. — 48, VI c., 1 l. kart.

7. Grigorovich V. I. Obzor slavianskih literature : Lekcii V. Iv. Grigorovicha, chit. im studentam 4 kursa Novoros. un-ta v 1868/9 akad. g. / [Zapisany slushatelem ego A. Smirnovym] / V. I. Grigorovich. — Voronezh : Tip. Gub. pravl., 1880. — 52 s.

8. Grigorovich V. I. Slavianskie drevnosti : Lekcii prof. V. I. Grigorovicha, chit. v Novoros. un-te / V. I. Grigorovich. — Varshava : Tip. M. Zemkevicha i V. Noakovskogo, 1882. — 76 s.

9. Grigorovich V. I. Slavianskie narechija : Lekcii prof. V. I. Grigorovicha, [chit. v Novoros. un-te] / V. I. Grigorovich. — Varshava : Tip. M. Zemkevicha, 1884. — 158, VIII s.

10. Grigorovich V. I. Sobranie sochinenij Viktora Ivanovicha Grigorovicha. (1864–1876) / [red. M. G. Popruzenko] // Letopis' Istoriko-filologicheskogo obshhestva pri Imperatorskom Novorossijskom Universitete. — Odessa, 1916. — T. XXV. — XXXIV, 450 c., 3 l. portr., kart.

11. Ishchenko D. S. Drevnerusskaja rukopis' XII veka «Ustav Studijskij» : dis. ... kand. filol. n. / D. S. Ishchenko. — Tiraspol', 1967. — 349 s.

12. Karpenko Ju. A. V. I. Grigorovich — zachinatel' onomasticheskikh issledovanij v Novorossijskom universitete / Ju. A. Karpenko // Professor Viktor Ivanovich Grigorovich : tezisj dokl. ... 1991. — S. 20–23.

13. Kirpichnikov A. I. V. I. Grigorovich i ego znachenie v istorii russkoj nauki / A. I. Kirpichnikov. — Odessa : Tip. Sht. Odessk. voen. okr., 1894. — 15 s.

14. Kossek N. V. Evangelie Kohno : bolgarskij pamiatnik XIII v. / N. V. Kossek ; [BAN; In-t bolg. jaz.; Nauch. b-ka im. A. M. Gor'kogo v Odesse. — Sofija : Izd-vo Bolg. akad. nauk, 1986. — 97 s., [120] l.

15. Kossek N. V. O chiom govoriat «spiski» drevnikh perepischikov slavianskikh rukopisej? / N. V. Kossek // Professor Viktor Ivanovich Grigorovich : tezisj dokl. Oblastnyh nauchnyh chtenij ..., 1991. — S. 47–49.

16. Kochubinskiy A. A. Itogi slavianskoj i russkoj filologii / A. A. Kochubinskij. — Odessa : Tip. P. A. Zelenago, 1882. — 240 s.

17. Kochubinskiy A. A. Pamiati tovarishhej : [Iz Univ. letopisi] : Dve rechi doc. po Kafedre slavianskoj slovesnosti A. A. Kochubinskogo [I. U mogily V. I. Grigorovicha] / A. A. Kochubinskij. — Odessa : Tip. G. Ul'riha, 1878. — 8 s.

18. Mal'ceva O. V. Otrazhenie razvitija leksiko-grammaticeskogo sistema drevnerusskogo jazyka v Arhangel'skom evangeliu 1092 : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.02 — russkij jazyk / O. V. Mal'ceva. — Odessa, 2013. — 204 c.

19. Markevich A. I. Dvadcatipiatiletie Imperatorskogo Novorossijskogo Universiteta / A. I. Markevich. — Odessa, 1890. — 734 s. s prilozh.

20. Mejzers'ka T. S. Istrin Vasil' Mihajlovich / T. S. Mejzers'ka // Profesory Odes'kogo (Novorosyjs'kogo) universytetu : Biografichnyj slovnyk. — 2-ge vyd., dop. — Odesa : Astroprynt, 2005. — T. 2. — S. 494–496.

21. Mochul'skij V. N. Opisanie rukopisej V. I. Grigorovicha / V. N. Mochul'skij. — Odessa : Tipo-litogr. Shtaba Odessk. voen. okr., 1890. — 81 s.

22. Muzychko O. Ye. Leontovych Fedir Ivanovych / O. Ye. Muzychko // Profesory Odes'kogo (Novorosyjs'kogo) universytetu : Biografichnyi slovnyk. — T. 1 : Rektory. — 2-ge vyd., dop. — Odesa : Astroprynt, 2005. — S. 15–23.

23. Ovsianiko-Kulikovskij D. N. Vospominanija / D. N. Ovsianiko-Kulikovskij. — Pg., 1923. — 190 s.

24. *Smol'skaya A. K.* Iz istorii pushkinovedeniya : sbornik I. V. Jagicha «A. S. Pushkin v juzhnoslavianskikh literaturakh» // A. K. Smol'skaya. Slavianskie studii : sb. statey. — Odessa: Astroprint, 2001. — S. 197–205.

25. *Smol'skaja A. K.* Knizhnyj fond V. I. Grigorovicha v biblioteke Odesskogo universiteta / A. K. Smol'skaja, T. I. Romanova // Professor Viktor Ivanovich Grigorovich : tezisy dokl. ... 1991. — S. 40–42.

26. *Stepanov Ye. M.* Naukovi ideї Vatroslava Jagicha v rozvytku odes'koї filologichnoї shkoly / Ye. M. Stepanov // Vatroslav Jagych i problemy slov'janoznavstva : zb. nauk. prac'. — K. : VD Dm. Burago, 2015. — S. 258–269.

27. *Turkij V. M.* V. I. Grigorovich — odin iz pervykh vydajushhihsia prepodavatelej slavianovedeniya v Rossii / V. M. Turkij // Professor Viktor Ivanovich Grigorovich : tezisy dokl. ... 1991. — S. 15–17.

28. *Uspenskij F. I.* Pamiatnik professoru V. I. Grigorovichu na mogile ego v Elisavetgrade / F. I. Uspenskij. — Odessa : Tip. Sht. Odessk. voen. okr., 1894. — 83 s., 1 l. il.

29. *Shishov V. F.* Piotr Osipovich Potapov (1882–1945) : Metodicheskie materialy k speckursu «Rusisty Odesskogo universiteta». — Odessa : OGU, 1982. — 20 s.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, зав. кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 066 1132580

НАУКОВІ ІДЕЇ ТА ПОДВИЖНИЦЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ В. І. ГРИГОРОВИЧА У РОЗВИТКУ ОДЕСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЧНОЇ ШКОЛИ

Анотація. Мета статті — висвітлити деякі питання становлення, розвитку та діяльності наукової школи слов'янознавства в Одеському національному університеті імені І. І. Мечникова, засновником якої в 1860–1870-ті роки був авторитетний філолог-славист Віктор Іванович Григорович. Головна наукова заслуга Григоровича полягає у збиранні та накопиченні різноманітного матеріалу для подальших гуманітарних досліджень. У цьому полягає фундаментальний характер його діяльності. Зібрані ним рукописи дозволили кільком поколінням вчених створювати і розвивати різні напрями досліджень у галузі славистики.

В одеський період свого життя В. І. Григорович продовжив подвижницьку діяльність збирача, багато уваги приділяв організації навчального процесу в університеті й училищах болгарських, молдавських, гагаузьких сіл Бессарабії, методиці вивчення слов'янських старожитностей, сучасних слов'янських мов і їх діалектів. Спільно з професором Ф. К. Бруном він розпочав ономастичні дослідження в Одесі. В університетських курсах В. І. Григоровича органічно переплітаються новітні наукові та педагогічні знання. Вчений використовує порівняльну методику. Одним з перших Григорович звернувся до проблеми білінгвізму в навчанні спорідненим мовам.

Усі праці одеського періоду життя Григоровича були видані під редакцією проф. М. Г. Попруженко у книзі: *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете.* — 1916. — Т. 25. Яскравими представниками одеської славистичної школи в XIX ст. були колеги й учні Григоровича акад. П. С. Білярський, проф. Ф. І. Леонтович, проф. Б. В. Богішич, акад. І. В. Ягич, проф. І. С. Некрасов, акад. Ф. І. Успенський, проф. О. О. Кочубинський, акад. Д. М. Овсянко-Куликовський, проф. О. І. Маркевич. Продовжувачі традицій цієї школи на рубежі XIX–XX ст. — академіки Б. М. Ляпунов і В. М. Істрін, проф. В. М. Мочульський, проф. М. Г. Попруженко, проф. С. Г. Вілінський, доц. О. В. Ристенко, проф. Казанського ун-ту Є. Ф. Будде, проф. Харківського ун-ту С. М. Кульбакін. Традиції одеської школи славистики в післявоєнний період розвивають проф. П. Й. Потапов, проф. Н. І. Букатевич, чл.-кор. НАНУ Ю. О. Карпенко, проф. А. К. Смольська, проф. Д. С. Іщенко та інші дослідники.

Ключові слова: історія мовознавства, слов'янознавство, розвиток науки, Віктор Іванович Григорович, наукова школа, Одеський університет імені І. І. Мечникова.

Ievgenii N. STEPANOV,

Grand PhD in Philological Sciences, Head of the Russian Language Departement of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskiy blvd., Odessa, 65058, Ukraine;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; tel.: +38 (048) 7762277; mob.: +38 096 4966406.

VIKTOR GRIGOROVICH: SCHOLARLY IDEAS AND SELFLESS INPUT INTO THE DEVELOPMENT OF ODESSA PHILOLOGICAL SCHOOL

Summary. The objective of the article is to highlight a number of issues concerning the formation, development and activities of the Slavonic Studies School at Odessa University founded in the 1860s — 1870s by a respected scholar in the field of Slavic Studies Viktor Grigorovich. The main academic input of Grigorovich here consists in collecting and accumulating a wide variety of ancient manuscripts for their further research, which proves the fundamental character of his diverse activities. Different linguistic trends of Slavic Studies sprang out and saw their development in the works of several generations of scholars due to this collection of manuscripts.

Viktor Grigorovich continued his selfless activities as a collector whilst living in Odessa where he paid much attention to the educational process at the university and in training schools in Bulgarian, Moldavian, and Gagauz villages of Bessarabia, as well as to the methods of studying Slavic antiquities, modern Slavic

languages and their dialects. Together with Professor F. Brun, V. Grigorovich initiated onomastic research in Odessa. New scholarly and pedagogical knowledge becomes an organic blend in his university courses. The scholar uses comparative methods in his linguistic investigations and is one of the first to focus on the problem of bilingualism in teaching related languages.

Grigorovich's works of the Odessa period were all edited and published by prof. Mikhail Popruzhenko in the book *Letopis' Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Novorossiyskom Universitete. — 1916. — Tom 25*. Grigorovich's colleagues and students became outstanding representatives of the Odessa Slavonic Studies School in the XIX c. Here belong acad. P. Biliarskiy, prof. F. Leontovich, prof. B. Bogishich, acad. I. Jagich, prof. I. Nekrasov, acad. F. Uspensky, prof. A. Kochubinsky, acad. D. Ovsyaniko-Kulikovskiy, and prof. A. Markevich. The traditions of this school were carried on into the XIX-XX c. by academicians B. Liapunov and V. Istrin, prof. V. Mochulsky, prof. M. Popruzhenko, prof. S. Vilinsky, assoc. prof. A. Rystenko, prof. of Kazan University E. Budde, and prof. of Kharkov University S. Kulbakin. In the postwar period they were developed by prof. P. Potapov, prof. N. Bukatevich, corr. of NAS Yuri Karpenko, prof. A. Smolskaya, prof. D. Ishchenko, and other researchers.

Key words: history of linguistics, Slavic studies, development of science, Viktor Grigorovich, school of thought, Odessa Mechnikov University.

Статтю отримано 17.10.2015 р.

УДК [811.161.1+811.581]’243’366.587’37:[378+37.012.5](510)

Цзя Юннин,

старший преподаватель факультета русского языка Сианьского университета нефтяной промышленности; пр. Дяньцзылу, 18, г. Сиань, 710065, Китай; тел.: +86 13891860588; e-mail: jiayn1@sohu.com

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. *Цель* статьи — выявить наиболее частые ошибки, которые возникают у китайских учащихся при изучении русских глаголов движения, установить их причины и определить оптимальные методические решения по устранению этих ошибок. *Объект* исследования — процесс изучения и усвоения китайскими студентами русских глаголов движения без приставок и с приставками. *Предмет* исследования — механизмы порождения и устранения ошибок в использовании русских глаголов движения китайскими учащимися. В работе использованы описательный и сопоставительный *методы* лингвистического исследования. В *результате* исследования обнаружено, что интерференции родного языка и появлению ошибок в употреблении русских глаголов движения способствуют стереотипные различия в восприятии глаголов движения китайцами и русскими. В китайской языковой картине мира доминирует направленность движения на субъективный ориентир и само действие, событие, а в русской — на объективный пространственно-временной ориентир. **Выводы:** основные пути устранения ошибок в употреблении китайцами русских бесприставочных глаголов однонаправленного и неоднаправленного движения, а также видовых пар и приставок в приставочных глаголах движения связаны с использованием тренировочных упражнений по преодолению семантической интерференции родного языка. **Практическое применение** результатов исследования возможно в обучении русским глаголам движения китайских учащихся.

Ключевые слова: глаголы движения, однонаправленное и неоднаправленное движение, глаголы с приставками, вид глагола, русский и китайский языки.

Среди многих трудностей, с которыми сталкиваются китайские учащиеся в ходе изучения русской грамматики, особые проблемы возникают при изучении глаголов движения (ГД). Причины возникновения этой проблемы связаны, с одной стороны, с самой сложностью употребления ГД в русском языке, а с другой стороны, со спецификой русского и китайского языков. Так, китайский глагол не имеет категорий вида, спряжения, переходности, некоторых других, свойственных русскому глаголу. В данной статье на основе сопоставительного анализа двух языков рассматриваются проблемы, связанные с изучением глаголов движения с приставками в китайской аудитории.

1. Проблемы в изучении и употреблении однонаправленных и неоднаправленных бесприставочных глаголов движения.

Прежде чем рассматривать трудности китайских студентов в употреблении русских глаголов движения с приставками разберёмся в проблемах, возникающих при употреблении однонаправленных и неоднаправленных ГД. Основная трудность связана с интерференцией родного языка — отсутствием разделения каких бы то ни было китайских глаголов перемещения на однонаправленные и разнонаправленные.

В русском языке глаголы движения являются устойчивой структурносемантической группой глаголов несовершенного вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разно-корневых в паре *идти* — *ходить*). Эти слова противопоставлены одно другому по значению однонаправленности / неоднаправленности движения, а также по некратности / кратности. Соотносительные пары беспредложных глаголов движения, изучаемые с китайскими студентами на занятиях по русскому языку, соответствуют списку, представленному в «Русской грамматике» (1980): *бежать* — *бегать*, *брести* — *бродить*, *везти* — *возить*, *вести* — *водить*, *гнать* — *гонять*, *гнаться* — *гоняться*, *ехать* — *ездить*, *идти* — *ходить*, *катить* — *катать*, *катиться* — *кататься*, *лезть* — *лазить*, *лететь* — *летать*, *нести* — *носить*, *нести* — *носиться*, *плыть* — *плавать*, *ползти* — *ползать*, *тащить* — *таскать*, *тащиться* — *таскаться* [4, т. 1, с. 593]. В русском языке глаголы однонаправленного движения обозначают движение в одну сторону, от одного объекта к другому. Глаголы неоднаправленного движения обозначают движение «туда и обратно», движение в разные стороны или потенциальную способность к движению. Для китайских студентов легче воспринимать значение «движение в одну сторону» глаголов однонаправленного движения и «движение в разные стороны» — глаголов неоднаправленного движения: по прямому смыслу понятий.

Приведём следующие примеры:

(1) Мы идём в аудиторию. *wo men qu jiao shi.*

(2) Дети бегают во дворе. *hai zi men zai yuan zi li pao lai pao qu.*

(3) Отец ходит по комнате. *Fu qin zai fang jian li duo lai duo qu.*

В китайском языке глагол однонаправленного движения *идти* переводится словом *qu*, а глагол неоднаправленного движения *бегать* (*pao*) и *ходить* (*duo*) переводится на китайский язык путём редупликации *duo* в сочетании со словами *lai* и *qu*, обозначающими «туда», «сюда» и «езде».

Несмотря на отсутствие в китайском языке дифференциации ГД по признаку однонаправленности и неоднаправленности, значение «движение в разные стороны», как и объяснение прямого значения неоднаправленного движения, даётся китайским студентам легко. Гораздо труднее усваивается значение «движение туда и обратно», передающееся глаголами неоднаправленного движения. Ведь в этом случае имеется в виду движение в противоположных, но конкретных направлениях. Китайским студентам трудно понять, почему значение обычного, повторяющегося действия выражается формами настоящего и прошедшего времени глаголов неоднаправленного движения. Так, обычными ошибками для китайских студентов являются следующие:

(4) Каждый день я *иду* (вместо *хожу*) в библиотеку.

Wo mei tian qu tu shu guan.

(5) Я часто *еду* (вместо *езжу*) в город Сиань.

Wo jing chang zuo che qu xi an shi.

В вышеприведённых предложениях не различаются глаголы однонаправленного и неоднаправленного движения, так как в китайском языке при передаче обычного и повторяющегося действий обязательно используются слова со значением времени, являющиеся показателями кратности. В указанных примерах это *mei tian* (каждый день) и *jing chang* (часто).

Ошибки встречаются и в употреблении прошедшего времени русских ГД:

(6) В воскресенье мы *ехали* (вместо *ездили*) за город.

Xing qi tian wo men qu jiao wai le.

(7) — Где ты был?

— *ni qu na er le?*

— *шёл* (вместо *ходил*) к врачу.

— *wo qu yi sheng na er le.*

На китайский язык словоформы *ездили* и *ходил*, обозначающие движение «туда и обратно» переводятся словом *qu* с добавлением служебного слова *le*, которое является маркёром прошедшего времени. Налицо интерференция, связанная с влиянием родного китайского языка.

Ошибки наблюдаются и тогда, когда повторяющееся действие выражают глаголы однонаправленного движения, указывая на то, что за действием, которое они выражают, следует другое действие. Например:

(8) Каждый день я *езжу* (вместо *еду*) на работу и принимаю посетителей до двух часов дня.

(9) Обычно с утра я *хожу* (вместо *иду*) в магазин, покупаю продукты, затем пью кофе в кафе недалеко от дома.

Заметим также, что при переводе с китайского на русский язык студенты часто смешивают словоформы глаголов *идти* / *ходить* и *ехать* / *ездить*. Причина такой ошибки заключается в том, что в китайском языке, как и во многих индоевропейских языках, в том числе английском, нет различия в способах передвижения, передаваемых в русском языке глаголами *идти* / *ходить* и *ехать* / *ездить*. Все эти глаголы на китайский язык можно перевести одним и тем же глаголом *qu*.

Таким образом, основной задачей при изучении китайскими студентами русских глаголов движения является преодоление интерференции родного языка. Только в этом случае запоминание правил употребления русских глаголов однонаправленного и неоднаправленного движения и следование этим правилам на практике будет эффективным.

2. Проблемы в изучении и употреблении вида глаголов движения с приставками.

В методике преподавания РКИ учащимся рекомендуют следовать такому положению: «При присоединении приставок глаголы однонаправленного движения приобретают значение совершенного вида, а глаголы разнонаправленного движения остаются глаголами несовершенного вида» [2, с. 325]. Китайские учащиеся усваивают это правило, однако у них остаются некоторые трудности в использовании приставочных ГД. Основные сложности возникают при употреблении формы прошедшего времени ГД с приставками пространственного значения, когда глаголы совершенного вида, образованные от бесприставочных глаголов однонаправленного движения, обозначают «движение в одну сторону», а глаголы несовершенного вида — «движение туда и обратно». Примеры наиболее частых ошибок китайских студентов:

(10) *Он вчера зашёл* (вместо *заходил*) к Олегу, приносил ему записку от Саши.

(11) *Сегодня утром его не было дома, он ушёл* (вместо *уходил*) на занятия.

(12) — *Где вы были в прошлом месяце?*

— *Я уехала* (вместо *уезжала*) в Пекин в командировку.

Китайских студентов следует приучать к тому, что совершенный вид русских глаголов движения с приставками в прошедшем времени обозначает однонаправленное действие, результат которого к моменту речи сохраняется, а несовершенный вид — движение «туда и обратно», результат которого к моменту речи аннулирован [3, с. 220].

3. Проблемы в изучении значений приставок глаголов движения.

Кроме ошибок, связанных с употреблением вида приставочных глаголов движения, у китайских студентов часто возникают проблемы с подбором нужной приставки. В. В. Виноградов писал о том, что приставка в русском языке рассматривается как часть глагола, являющаяся важным смыслообразующим компонентом. Ёмкость и гибкость семантической структуры глагола в большой степени обусловлены разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их со значениями слов. Именно поэтому, — по мнению учёного, — в глаголе префиксы играют большую роль, чем суффиксы [1, с. 339–340]. Приставочные глаголы движения в русском языке ориентируются только на пространственные координаты: 1) на исходный пункт — глаголы с приставками *с-*, *от-*, *у-*; с особо выделенной приставкой *вы-*, которая фиксирует как исходный пункт, так и конечный; 2) на конечный пункт — глаголы с приставками *в-*, *под-*, *при-*, *за-*; с особо выделенной приставкой *до-*, для которой конечный пункт воспринимается как «докуда»; 3) на путь, маршрут движения — глаголы с приставками *о-*, *пере-*, *про-*.

Сопоставление с родным языком учащихся показывает, что в китайском языке, в зависимости от ориентира, глаголы направленного движения могут объединяться в группы с указанием: 1) на субъективный ориентир: простые глаголы движения [*lai*] — «прийти» (к говорящему), [*qu*] — «уйти» (от говорящего); 2) на пространственный ориентир: простые глаголы движения, кроме [*lai*] — «прийти» и [*qu*] — «уйти»; 3) одновременно на субъективный и пространственный ориентиры: сложные глаголы движения» [5].

Учитывая влияние родного языка на русский, типичные ошибки китайских студентов в выборе приставки основываются прежде всего на различии указания направления движения, главным образом, на пространственный ориентир в русском языке и на субъективный ориентир в китайском, что акцентируется при использовании русского глагола *прийти* (кит. «*lai*»). Распространённой ошибкой китайских студентов стало употребление глагола *прийти* как полного эквивалента китайского «*lai*» и его доминирование в случае необходимости использования любого приставочного глагола движения. Приведём примеры наиболее частых ошибок, связанных с этими особенностями русского и китайского языков, у китайских учащихся:

(13) *Он пришёл* (вместо *пошёл*) к незнакомой женщине и спросил её, как пройти на площадь Тяньаньмэнь.

(14) *Раздался звонок, преподаватель пришёл* (вместо *вошёл*) в аудиторию и спросил: «Кто отсутствует на занятии?».

Научить пользоваться разными русскими приставочными ГД — одна из обязательных задач преподавателя, работающего с китайскими студентами. При этом следует чётко формулировать основные значения глаголов движения с каждой из приставок и указывать на формы падежного или предложно-падежного управления этих глаголов зависимыми словами. Так, ГД с приставкой *под-* (*подо-*, *подъ-*) обычно употребляются в сочетании с предлогом *к* и обозначают движение с целью приблизиться или приблизить кого-либо или что-либо к предмету: *Я подошёл к брату. Девочка подбежала к бабушке. Машина подъехала к дому*. Приставка *в-* (*во-*, *въ-*) употребляется с глаголами движения при обозначении движения внутрь пространства или на более высокое место: *Он вошёл в комнату и сел на диван. Этот шкаф нужно внести*

на второй этаж. Приставка *при-* указывает на конец движения: *Отец вовремя прилетит на конгресс.*

Ошибки китайских учащихся могут быть вызваны тем, что на китайский язык многие русские приставочные глаголы движения переводятся по-разному: одним словом или словосочетанием. Например, действия, передающиеся глаголами с приставками *в-*, *под-*, могут передаваться глаголом *lái*, указывающим на субъективный ориентир, а также сочетаниями с глаголом *zou* — «идти» — с некоторыми словами: *zou jìn* — «войти», *zou dao gen qian* — «подойти». В обучении китайцев необходимо учитывать специфику их менталитета, ориентирующегося в данном случае на субъективный, а не пространственный ориентир. Устранить подобные ошибки нам обычно помогает сознательное выучивание отрывков из текста, при котором преподаватель акцентирует внимание на ситуации, в которой используется тот или иной приставочный глагол движения.

Приставка *про-* употребляется в значении «миновать что-то», а также при обозначении движения, которое происходит от одного объекта к другому. Глаголы движения с приставкой *про-* обычно употребляются в сочетании с предлогами *мимо*, *вдоль*, *через*, *по*. Глаголы движения с приставкой *пере-* чаще всего употребляются с предлогом *через*, *на*, *в* или с сочетанием *на другую сторону чего-то*. Русские ГД с приставками *про-* и *пере-* переводятся на китайский язык словом *chuan guo*. Например:

(15) Он **прошёл** улицу. *Ta chuan guo jie dao.*

(16) Он **перешёл** улицу. *Ta chuan guo ta lu.*

(17) Машина **переехала** *через* (вместо **проехала** *через*) лес и **выехала** на шоссе.

Китайские эквиваленты различаются только переводом субстантивной словоформы *улицу*. В (15) *улицу* переводится как *jie dao*, а в (16) — *ta lu*. *Guo ta lu* стало устойчивым словосочетанием со значением «перейти на другую сторону улицы». Таким образом, в китайском языке функцию русских приставок *про-* и *пере-* выполняют не глаголы, а формы имён существительных. Из-за того, что глаголы движения с приставками *про-* и *пере-* переводятся одинаково *chuan guo*, китайские студенты, не усвоившие русскую пространственную специфику направления действия *мимо чего-то (про-)* и *на другую сторону чего-то (пере-)*, часто путают глаголы с приставками *про-* и *пере-*.

Таким образом, в данной статье мы попытались установить основные ошибки китайских учащихся при изучении глаголов движения и определить причины этих ошибок. Путанице в употреблении русских ГД китайцами способствует имеющийся стереотип восприятия глаголов движения в родном языке, который свидетельствует о доминировании их направленности на субъективный ориентир и само действие, событие, а не на объективное движение в пространстве и времени. Основные пути устранения ошибок находят выражение в использовании тренировочных заданий по преодолению семантической интерференции родного языка и выработке навыка использования русских глаголов движения в тех или иных группах ситуаций.

Л и т е р а т у р а

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М. : Высш. шк., 1986. — 639 с.
2. Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. — 2 изд., испр. / О. И. Глазунова. — СПб. : Златоуст, 2003. — 424 с.
3. Грамматика русского языка в иллюстрациях. — 5-е изд., испр. и доп. / К. И. Пехливанова, М. Н. Лебедева. — М.: Русский язык, 1990. — 352 с.
4. Русская грамматика : в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
5. Гуан Лили. Глаголы движения в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Гуан Лили. — Бишкек, 2012. — 20 с.

References

1. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / V. V. Vinogradov. — M. : Vyssh. shk., 1986. — 639 s.
2. Glazunova O. I. Grammatika russkogo jazyka v uprazhnenijah i kommentarijah. Morfologija. — 2 izd., ispr. — SPb. : Zlatoust, 2003. — 424 s.
3. Grammatika russkogo jazyka v illyustracijah. — 5-e izd., ispr. i dop. / K. I. Pehlivanova, M. N. Lebedeva. — M. : Russkij jazyk, 1990. — 352 s.
4. Russkaja grammatika : v 2 t. / red. N. Ju. Shvedova. — M. : Nauka, 1980. — T. 1. — 783 s.
5. Guan Lili. Glagoly dvizhenija v russkom i kitajskom jazykah : avtoref. dis. ... kand. filol. n. : 10.02.20 — sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe jazykoznanie / Guan Lili. — Bishkek, 2012. — 20 s.

Цзя Юннін,

старший викладач факультету російської мови Сіаньського університету нафтової промисловості;
просп. Дяньцзіелу, 18, м. Сіань, 710065, Китай; тел.: +86 13891860588; e-mail: jiayn1@sohu.com

ОСНОВНІ ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ РОСІЙСЬКИХ ДІЄСЛІВ РУХУ В КИТАЙСЬКІЙ АУДИТОРІЇ

Анотація. Мета статті — виявити найчастіші помилки, що виникають у китайських учнів при вивченні російських дієслів руху, встановити їх причини та визначити оптимальні методичні рішення щодо усунення цих помилок. Об'єкт дослідження — процес вивчення і засвоєння китайськими студентами російських дієслів руху без префіксів і з префіксами. Предмет дослідження — механізми породження й усунення помилок у використанні російських дієслів руху китайськими учнями. У роботі використано описовий і порівняльний методи лінгвістичного дослідження. У результаті дослідження виявлено, що інтерференції рідної мови та виникненню помилок у вживанні російських дієслів руху сприяють стереотипні відмінності сприйняття дієслів руху китайцями і росіянами. У китайській мовній картині світу домінує спрямованість руху на суб'єктивний орієнтир і саму подію, а в російській — на об'єктивний просторово-часовий орієнтир. Висновки: основні шляхи усунення помилок у вживанні китайцями російських безпрефіксних дієслів односпрямованого і не-односпрямованого руху, а також видових пар і префіксів префіксальних дієслів руху пов'язано з використанням тренувальних вправ, спрямованих на подолання семантичної інтерференції рідної мови. Практичне застосування результатів дослідження можливо у навчанні російським дієсловам руху китайських учнів.

Ключові слова: дієслова руху, односпрямований і неодноспрямований рух, дієслова з префіксами, вид дієслова, російська та китайська мови.

Yong ning JIA,

Lector of Russian Language Department of Shaanxi oil University; 18 Dianzi second Road, Xi'an, 710065, China; tel.: +86 13891860588; e-mail: jiayn1@sohu.com

THE MAIN PROBLEMS OF STUDYING RUSSIAN VERBS OF MOTION IN A CHINESE AUDIENCE

Summary. The *purpose* of the article is to identify the most common mistakes that are made by Chinese students whilst studying Russian verbs of motion, establish their causes and determine the optimal methodological solutions to eliminate these mistakes. The *object* of analysis is the process of studying and understanding Russian verbs of motion with and without prefixes by Chinese students. The *subject* of research is the mechanisms of procreation and elimination of mistakes in the use of Russian verbs of motion by Chinese students. We used a descriptive and comparative methods of linguistic research. The study proved that stereotypical differences in the perception of verbs of motion by the Chinese and Russians cause an interference of the mother tongue and mistakes in the use of Russian verbs of motion. The direction of motion to the subjective landmark and to the event is dominant in the Chinese language picture of the world, but the direction of movement to an objective spatio-temporal landmark dominates in the Russian language picture of the world. **Conclusions:** The main ways of eliminating mistakes in the use of Russian verbs of unidirectional and non-unidirectional movement without prefixes by Chinese students, as well as the aspect pairs and verbs of motion with prefixes are training exercises which help overcome the semantic interference of their mother tongue. The practical application of the research results is possible in teaching Chinese students Russian verbs of motion.

Key words: verbs of motion, unidirectional and non-unidirectional movement, non-prefixed and prefixed verbs, verbal aspects, the Russian and Chinese languages.

Статтю отримано 20.09.2015 р.

Українською, російською, англійською, болгарською, польською та чеською мовами

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Журнал «Мова» постановою президії ВАК України № 1-05/6 від 12 червня 2002 р. включено до переліку № 10 наукових фахових видань України. Перереєстровано Постановою президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.2010 р.

У 2015 р. журнал «Мова» включено до міжнародної наукометричної системи Index Copernicus. ICV 2014 : 67.85, Standard Value : 6.75. Журнал «Мова» входить також до української бібліометричної бази «Україніка наукова», зміст статей журналу відображено у випусках українського реферативного журналу «Джерело».

Рекомендовано до друку вченою радою Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (Протокол № 3 від 24.11.2015 р.)

Тираж 100 прим. Зам. № 59 (175).

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113, Одеса, Україна 65058
Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77; Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
E-mail: jurnal.mova@rambler.ru; stepanov.odessa@gmail.com

Видавництво і друкарня «Астропринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua; astro_print@ukr.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

ISSN 2307—4558. Мова. 2015. № 24. 1—160.

